

ЛЮСЬЕН ПОЛАСТРОН
КНИГИ
В ОГНЕ

ИСТОРИЯ
БЕСКОНЕЧНОГО
УНИЧТОЖЕНИЯ
БИБЛИОТЕК

LUCIEN X. POLASTRON

LIVRES EN FEU

Histoire
de la destruction sans fin
des bibliothèques

DENOËL

ЛЮСЬЕН ПОЛАСТРОН
КНИГИ В ОГНЕ

История
бесконечного уничтожения
библиотек

*Перевод с французского
Н. Васильковой,
Е. Клоковой,
Е. Мурашкинцевой,
А. Пазельской*

УДК 02(091)

ББК 78.33

П49

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»*

*Издательство благодарит за поддержку
Министерство культуры Франции —
Национальный центр книги*

*Ouvrage publié avec le concours
du Ministère français chargé de la culture —
Centre national du livre*

ISBN 978-5-7516-0653-1

© 2004, by Éditions Denoël

© «Текст», издание на русском языке, 2007

Мишелю Годару

Я хотел бы поблагодарить здесь всех тех, кто своей эрудицией, своим терпением, своими указаниями или поощрениями способствовали продвижению этой работы, в особенности Алена Арро, Ибргима Ашрафа, Хосе Луиса де Балле, Пьера Барру, Марию-Хесус Бекерриль и Гонзалес-Мата, Джереми Блэка, Доротею Боурс, Марка Буле, Александра Букианти, Михелу Буссотти, Джулию Каприччио, Жерара Катали-Прету, Маргарет Конноли, Жерара Конта, Фабриса Коста, Роже Дарробе, Жан-Марка Дрейфюса, Надью Элисса-Мондегер, Маргарет ван Эсс, Мари Гуастала, Хай Чженя, Жана-Франсуа Фуко, Марка Галише, Валери Хокинс, Ханса ван дер Хёвена, Гиссу Жахангири, Маргарету Хорпес-Фриман, Жана Пьера Лафосса, Изабель Ландри-Дерон, Агнес Маккин, Анни и Пьера Мансиа, Феликса де Мареса Ойенса, Мадиха Массуда, Мацубара Хидеичи, Жака Мава, Изи Моргенштерн, Карен Мюллер, Созана Новейра, Магду эль Новиэми, Даниэля и Мэй Ортиз, Уяна Чжяочжиа, Поля Очаковского-Лорана, Изабель Плескофф, Патрика Рамбо, Жан-Ноэля Робера, Люсьена Скотти, Раймонда Джошуэ Шекеля, Вальтера Зоммерфельда, Талько, Алена Терсёра, Ван Ренфана, Ханса Ведлера, Аннет Вивёрка, Ву Чжянмина, Шарлотту Ю Дансин, Чжена Буйюна. Тем не менее автор единолично выполнил эту работу и берет на себя ответственность за ошибки, могущие скрываться в этом тексте, который, забираясь в самые дальние уголки чердака истории, рискует сам оказаться под прищипывающей лупой специалистов. И с еще большим удовольствием, чем их снисходительность, будут приняты их возможные поправки.

1. ПРЕДИСЛОВИЕ

Первая палка имела только один
конец.

Пьер Бриссе

Пополнять свою библиотеку — вот мания, которой подвластны сильные мира сего и те, кто пытаются проникнуть в тайны мироздания. Во всех случаях эта мания заставляет хранить и накапливать книги, всё больше и больше, и так до бесконечности, составлять «параллельно», как сказал поэт, квинтэссенцию или полное собрание всего, что было произнесено, изучено и рассказано. Хотя бы и только для того, чтобы увидеть, сколько всего получилось.

Объем, однако, не имеет большого значения: в одних сообществах библиотека из нескольких сотен манускриптов уже будет большой, в то время как запасы других библиотек исчисляются миллионами наименований. Так, монахи Патмоса в XIII в. так же гордились своими тремястами тридцатью томами, как Библиотека Конгресса своим собранием в конце второго тысячелетия, когда оно перевалило за отметку в сто тысяч наименований. Неоднократно возникали даже всеобъемлющие библиотеки из одной книги, которые, как мы увидим, было труднее всего уничтожить.

Государства, словно толпа дилетантов, ни слова не говоря против, с помпой возвели в традицию сооружение библиотек — это непереносимое занятие могущественных, хотя порой и недалеких, людей. Представьте себе Прометея, играющего гаммы под аккомпанемент мучений Сизифа: оказывается, что подобные подвиги заключают в себе и навлекают на себя свою собственную кару: на это могут уйти целые поколения и целые состояния, по-

сколько по мере того, как дело продвигается, возрастает и трудность классификации и хранения — а также и чтения, так как книга спрятана в библиотеке столь же надежно, как дерево в лесу; возрастает также риск увидеть свое собрание погибшим от воды, огня, червей, войн и землетрясений. И особенно — причем гораздо чаще, чем мы можем себе представить, — от неприкрытого намерения сделать так, как будто этих книжных собраний никогда не было.

Почему? Потому что, как считали древние китайцы и чехословацкие нацисты, образованным народом нельзя управлять; потому что завоеванная страна должна изменить свою историю или свою веру, как это произошло с ацтеками; потому что, как проповедают милленаристы всех эпох, только неграмотные могут спасти мир; потому что сама природа подобных собраний ставит под угрозу новую власть — вспомним отношение к даосизму монголов, или шиизм, или Реформацию. Ко всем этим обстоятельствам иногда добавлялось саморазрушение с целью уберечься от неприятностей: это часто случалось в Китае при императорах и в эпоху «культурной революции». Но под этими причинами всегда скрывается еще одна, более потаенная: книга — слепок человека, и сжечь ее — все равно что совершить убийство. И подчас одно не бывает без другого. Помимо француза Жерара Хаддада, исследовавшего еврейские книги, единственным, кто заинтересовался этим явлением уподобления книги человеку и их общей печальной судьбой, был социолог из университета Беркли Лео Лёвенталь. В эссе «Calibans Erbe» («Наследие Калибана») Лёвенталь перечисляет несколько известных на 1983 г. библиотечных катастроф и очерчивает психоаналитический портрет человечества, срочная необходимость создания которого, по его мнению, определяется повторением этих катастроф — а «календарь содержит много дат». В противном случае «дальнейшее следование тем же путем вернет нас в Ничто». Но он не продолжил начатого дела, и эта работа нам еще предстоит.

Не все из тысяч больших и малых книжных собраний, упоминаемых и обзореваемых в данном исследовании,

были сожжены, загажены или утоплены в воде. Они также могли быть захвачены или рассеяны, целиком или том за томом, — в силу глупости, алчности или нужды, что означало конец эфемерного бытия и оставляло после себя целый народ сирот-книжников, семью интеллигентов со «стертыми границами», как сказал другой поэт. Причем в данном случае даже без оваянного славой апофеоза жестокости, который открывает дорогу в вечность.

Напротив, чем крупнее организация, тем более вероятно, что она скрывает в себе ненасытного вампира или скупщика краденого, разжиревшего на быстро забытых грабежах. «Богатая библиотека» означает «мертвая библиотека», ее часто стоило бы переименовать в музей колониальных трофеев и гнусных завоеваний. Вот наудачу выбранный пример: французское государство разжилось легендарными и дармовыми книгами в Хюэ, Дуньхуане и Лёвене, в Египте, в Испании и Италии при Наполеоне, в Северной Африке, даже в Париже в 1940 г. Не будем больше об этом, в последнее время оно несколько успокоилось. Но однажды придется возвращать взятое.

Везде, где развалилось ученое сообщество, на его существование указывают фрагментарные свидетельства: например, эта надпись на истертом камне в Тимгаде, четыре неполных рукописи — все, что уцелело из мудрости народа майя, два обрывка фраз из Карфагена, — если только это не скептическая строчка человека почти неизвестного или, напротив, не изобилие патетических и подчас неоднозначных комментариев, которые в конце концов затемняют то, что в действительности произошло.

Концепция полного собрания идей — основополагающий миф, вполне способный занять место того или иного бога. Так, Талмуд сообщает, что до сотворения мира существовала огромная библиотека. Коран также подтверждает ее существование и то, что она пребудет вечно.

Более того: она существовала до того, как Создатель создал самого себя, если верить Ведам.

Библиотека присутствует в образах еще докнижной эпохи. Библиотека Брахмы и библиотека Одина описываются как ряд чаш с молоком, вливаемых с целью сделать из абсолютно нормального доселе человека «поэта и ученого». Вавилоняне утверждали, что можно читать небо: зодиак выстраивается в книги откровения, а неподвижные звезды представляют собой комментарии на их полях, если только все не обстоит с точностью до наоборот. А Берос, жрец и прорицатель, изобретший солнечные часы, в своей истории цивилизации «согласно древним источникам», которую он писал при Александре Македонском, свидетельствует, что до потопа столица мира называлась не иначе как Всекнижие.

Кстати, в те несколько недель, которые предшествовали этому роковому событию, Ной закопал все принадлежавшие ему письменные произведения, «древнейшие, древние и недавние», поскольку думал, что их вес потопит ковчег. Не легли ли они потом в основу вавилонских библиотек? Об этом нашептывала молва, но египетские священники, напротив, утверждали, что наводнение растворило их навсегда, поскольку они были сделаны из необожженной глины. Так оказались преданы забвению книги, написанные Адамом после грехопадения: «De nominibus animatum» («О наименовании животных»), опись всего, что двигалось в райском саду, а также восхитительная поэма о сотворении Евы и многие другие чудесные произведения, которые века пламенного воображения приписывают этому многообещающему автору. Так были утрачены важнейшие тексты Каина, Сифа, Еноха, Мафусаила... Известно, что после этой катастрофы потомки Ноя возвели осадную башню, дабы штурмовать небо и восстановить это самое первое великое собрание, которое его хозяин, должно быть, лучше смог устроить в их хранилище, чем известное количество турых животных.

Каково создание, таково и сожжение. В основополагающем мифе всемирной библиотеки, который приравни-

вает человека к небесам, трагедия ее разрушения запечатлевается в памяти сильнее, чем достигнутые масштабы и долгие перипетии ее обогащения.

Мы проследим, век за веком, изменчивое лицо варварства, проходящее, не минуя самых низких гнусностей, все стадии от чистой злобы до расчетливого легкомыслия. И к концу рискуем обнаружить, что лицо это достаточно близко напоминает наше собственное. Слишком близко. Слишком похоже.

2. У КОЛЫБЕЛИ БИБЛИОТЕК

Было время северной зари, невидимой в залах ожидания словарей.

Бенжамен Пере

КОГДА ГЛИНА МОГЛА ГОВОРИТЬ

Большая библиотека, которая считается самой древней в мире, склонна сопротивляться времени лучше, чем ее младшие сестры: ее и сегодня можно увидеть, ощутить ее вес, прочесть значительное количество из ее книг — и все это благодаря прочности ее текстов, доверенных непосредственно строительному материалу: самые первые письменные документы, еще до того как в 2500-х гг. до н. э. возникло желание их сохранить, спас каменщик из Урука, стремясь побыстрее возвести свои стены.

В местах добычи глины между Тигром и Евфратом на ней выдавливали знаки шумеро-аккадского языка, вульгарно обозначаемого как «клинопись», которые служили письменностью для доброй дюжины разнообразных языков. Табличка высушивалась на солнце, что делало ее хрупкой, или в печи, после того как в них начали делать достаточно искусные дымоходы, чтобы таблички не трескались. Табличка становилась долговечной, если только кто-нибудь в ожесточении не разбивал ее на мелкие осколки, что, конечно же, случалось. Но бывало и так, что целые стеллажи с книгами обрушивались друг на друга с течением времени и что их прогнившее дерево оставляло после себя только письменные документы, которые эти стеллажи содержали, предлагая таким образом какому-нибудь удачливому археологу от начала и до конца восстановить их первоначальное расположение. Что же до пожаров, ответственных за исчезновение большинства библиотек в истории, то здесь они могли

лишь превратить ту или иную страницу в стекло, сохранив ее навечно.

Уже шумеры рассортировывали свои тексты и архивы по ивовым корзинам, кожаным мешкам и деревянным ящикам, снабженным этикеткой, естественно, тоже из обожженной глины. В музее штата Филадельфия хранится табличка со списком из шестидесяти двух наименований литературных произведений, датируемая 2000 г. до н.э. Позже в Вавилоне династия Хаммурапи оказалась падка на тексты, написанные в других городах-государствах. Это было, если можно так выразиться, предначертано: первая крупная государственная энциклопедическая библиотека могла появиться только в Месопотамии. И именно так и случилось, но это стало известно не так давно.

В 1850 г. молодой и энергичный Генри Остин Лейярд практически случайно наткнулся на место, где когда-то была Ниневия, — курган Куюнджик, «овечка», перед Моссулом. Французский консул Поль-Эмиль Ботта обломал себе на ее поисках все зубы, если только не все ногти; Лейярд же насмехается в своих «Мемуарах» над ним и над его слишком осторожной манерой вести поиски. Искатель приключений, спонсируемый Британским музеем, без церемоний вскрывает половину из семидесяти одного зала дворца Сеннахерима, «дворца, равных которому нет», присваивает тысячами бронзовые статуэтки, вазы, оружие и изделия из слоновой кости, но особенно — гигантские рельефные стенные плитки и человекоголовых быков. Попутно он видит, по его рассказам, что «на полах комнат лежат маленькие прямоугольные таблички из сырой глины темного цвета»; в некоторых местах его ботинки даже погружаются на тридцать—пятьдесят сантиметров в то, что он принимает за осколки сосудов. Даже специалисты по Ассирии на тот момент были убеждены, что эти дыры в глине «сделаны исключительно для того, чтобы, по капризу художников, служить своеобразным украшением стен дворца». Три года спустя к юго-западу от телля отряды археологов являют свету «комнату львиной охоты», ук-

рашенную известнейшими ныне барельефами, ценность которых в глазах британцев гораздо выше, чем ценность груд хаотично разбросанной гончарной глины, которые они вновь топчут с лихорадочным треском. На этот раз ею заполнены два зала: мы находимся во дворце внука Сеннахерима, по имени Ашшурбанипал. Он тогда был совершенно неизвестен: его имя не упоминалось в античности. Теперь он стал знаменитым благодаря своей *гиргинакку*, библиотеке на шумерском языке.

Ашшурбанипал, царствовавший начиная с декабря 669 г. до н.э., приказал собрать в Ниневии наиболее значительную из когда-либо учреждавшихся библиотек, разослав переписчиков во все уголки империи: в Ашшур, Ниппур, Аккад, Вавилон, — а также отыскать все древние тексты, которые еще существовали, так что они были собраны, пересмотрены и скопированы заново — часто его собственной рукой, — а затем размещены в его дворце, благодаря чему он мог наконец сказать: «Я, Ашшурбанипал, стяжал мудрость Набу, овладел искусством письма на табличках... Я разрешил древнюю тайну деления и умножения, которая не была ясна... Прочел изысканные тексты шумеров и туманные слова аккадцев, расшифровал надписи на камне, сделанные до Потопа». О клинописной палеографии он очень мило сообщает, что слова ее «невнятны, трудноразличимы и запутанны».

Отдельные пластинки, относящиеся к тысяче двумстам различным текстам, показывают, что представляла собой царская библиотека двадцать пять веков назад: с нашей точки зрения, в ней было больше неотесанной поэзии, чем законов. Мольбы, записи обрядов, описания гаданий, словари шумерского языка, эпические повествования, среди которых «Сказание о Гильгамеше», рассказ о сотворении мира, миф о первом человеке Адапе (который, возможно, иначе остался бы нам неизвестен), руководства и научные трактаты, народные сказки, такие, как «Бедняк из Ниппура», — предшественники «Тысяча и одной ночи». Вследствие исчезновения Ашшурбанипала и полей его интеллектуального наследия, источники начиная с 631 г. до н.э. умалчивают о судьбе этого первого страстного книголюба, его смерти и разрушении его

владений. Известно только, что Ниневия была стерта с лица земли союзными силами вавилонян, скифов и мидян в 612 г. до н.э., то есть всего через сорок лет после его смерти, и считается, что найденные таблички упали с верхнего этажа вместе с полками во время пожара во дворце. Эти богатства также приводят к убеждению, что речь идет о малой толике царской библиотеки, собрания которой были размещены по залам, посвященным каждый своей теме. Но у «овечки» дело идет быстрее: 30 000 табличек, изъятых между 1849 и 1854 г., сгребли лопатой, и все вместе составило 100 кубометров, что эквивалентно 500 нашим книгам по 500 страниц ин-кварто; их бросают вперемешку на дно ящиков и корзин, чтобы доставить в Басру, а затем в Лондон, где некий Генри Ролинсон должен сложить кусочки мозаики; то, что он там находит, заставляет неожиданно назначить его ответственным за исследование Ниневии. Раздосадованный Лейярд бросает археологию; тогда государство, признательное за золотое дно, которым ему обязаны музеи, делает его министром, послом и дворянином*.

Асархаддон, отец Ашшурбанипала, писал в июле 672 г. до н.э.: «Этот дворец состарится и превратится в руины; воссоздайте эти руины, и подобно тому, как я поместил свое имя рядом с именем моего отца, породившего меня, сделай так же ты, тот, который будет править после меня, сохрани известность моего имени, возроди мои надписи, воссоздай жертвенники, поставь мое имя рядом со своим». Цитировавший его Иоахим Менан в 1880 г. добавлял по поводу этих фантастических открытий: «Невозможно предвидеть, что нам в этом отношении готовит будущее». Это, однако, было несложно: еще больше грабежей, бомбежек и нелепых разрушений, как мы вскоре увидим.

* Утверждается, что отдельные черты этой интересной, хотя и не безупречного достоинства, личности послужили источником вдохновения для кинообраза Индианы Джонса. (*Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примеч. автора.*)

Гиргинакку «царя всего, царя Ассирии» могла включать, как считают некоторые исследователи, полмиллиона табличек и около пяти тысяч наименований. Предполагается, что, ввиду прочности, свойственной книгам этого типа, большая часть их до сих пор захоронена в холмах Куюнджика, подвергаясь опасности прямых и косвенных повреждений, наносимых периодическими войнами в Персидском заливе. Западных хранителей музеев это приводит в отчаяние: им теперь официально запрещено приобретать похищенные древности. А что такое ассиро-вавилонская табличка в отрыве от своего контекста, от, возможно, других частей той же книги, лишенная исторической и научной информации, которая могла бы сопровождать ее обнаружение археологом, если не кучка пыли в витрине тexasского или еще какого-нибудь коллекционера?

На расстоянии тысячи километров и три века спустя обычай использования глины для письма уже вышел из употребления. Душа другой библиотеки, на этот раз действительно превратившейся в дым, иногда вечерами витает над террасами дворцов Дария I и Ксеркса в Персеполесе. Один из их темных залов носил имя «оплота текстов»; говорят, что там хранились выгравированные на свинце и олове архивы ахеменидских царей. Кроме того, в зале № 33 здания, которое, по преданию, занимало казначейство, под метровым слоем осколков и обломков кедрового каркаса обгоревшей кровли археологи обнаружили слой толщиной от 45 до 75 сантиметров, состоящий из грубо сделанных круглых бляшек с печатями и изображениями лиц: это были ярлыки. При их изготовлении горсть сырой глины обжимали ладонью на шнурке, обвязанном вокруг ценного предмета. После этого на глине ставили печатью клеймо царя-владельца. От жестокого пожара, опустошившего эти места, это все запеклось, и предметы, помеченные этими ярлыками — согласно Джорджу Кэмерону, это были свитки с текстами, — исчезли. А предполагается, что там должны были находиться единственные две уникальные рукописи жреца Зороастра, «книга книг Персии». Легенда — не-

сколько преувеличивая — утверждает, что в этом экземпляре содержалось двадцать раз по сто тысяч строк, написанных золотыми буквами на пяти тысячах двухстах коровьих кожах, и добавляет, что он избежал пожара, чтобы быть сожженным в Александрии почти три века спустя. Но такая отсрочка гибели должна была оставить следы. Как и в беотийских Фивах и в Тире, это плачевное бедствие было организовано по приказу Александра Македонского в 330 г. до н.э. Но там это был несчастный случай, нашептывает его призрак, тогда как все авторы начиная с Ариана единодушно обвиняют его без возможности обжалования. Решение разрушить дворец в Персеполисе вместе со всем его содержимым так плохо согласуется с образом легендарного завоевателя, что это оставляет место для сомнений, прежде всего среди льстецов.

Заклинания, мечты, расчеты и легенды человечества неотделимы от материала, на котором они написаны. А этот материал с течением времени, без предвидения последствий, меняется в сторону все большей тонкости и легкости. И с каждым изменением он становится более уязвимым.

3. ЭРА ПАПИРУСА

Если бы Гомера спросили, на какое небо попала душа Сарпедона, где находится душа Геркулеса, Гомер был бы в большом замешательстве, он ответил бы гармоничными стихами.

Вольтер

ЕГИПЕТ

Служащий времен Нефериркара (2462—2426 до н. э.) приказал выгравировать в своей гробнице, что он был «переписчиком в книжном собрании». Если бы не эта надпись, можно было бы усомниться в самом существовании древних библиотек у фараонов. Греческие философы, которые посещали Египет гораздо позже, начиная с VI в. до н.э., не говорят о них ни слова, хотя они многому там учились — как Пифагор, так и Платон. Родился даже недобрый слух, будто один безымянный грек нашел там в совершенно готовом виде то, что впоследствии было названо «Илиадой» и «Одиссеей».

Хотя в Дендере, в Эснехе, в храме Исиды в Филах и находили нечто, что могло быть остатками библиотек, иногда с выгравированным на стене каталогом, но это были жреческие книжные собрания с ограниченной научной значимостью. «Пусть Твое величество войдет в библиотеки и пусть Твое величество сможет увидеть все священные слова», — предписывает стела Неферхотепу. И если в храме Гора в Идфу есть «книжный зал», то он был реконструирован лишь при представителе династии Птолемеев, иными словами, недавно. Что же до «хранилища документов фараона» в Амарне, то в нем содержатся только черепки обожженной глины — носители коротких текстов, таких, как переписка, в данном случае дипломатическая. Тексты ученых Египта не доверяли глине.

Одно из скоплений развалин представляется более многообещающим, чем другие, даже несмотря на то, что оно

сообщает о себе еще меньше. Это «священная библиотека», о которой упоминает в I в. Диодор и которая, предположительно, размещалась в Рамессеуме в Фивах. На входе было обозначено предупреждение и девиз: «Дом забот о душе». В этом мавзолее Рамзеса II (1279—1213 до н. э.) все было организовано в соответствии с изначальным претенциозным планом, предписанным фараоном: собрание определенного количества основополагающих книг (в 325 г. Ямблик Сирийский писал о двадцати тысячах свитков), распределенных в пространстве, отведенном им среди плотно насыщенной символами архитектуры, где фигурируют ибисоголовый Тот, изобретатель букв, а также Саф, «мать письменности» и «председательница книжного зала». На сегодняшний день нет никаких сведений о работе и судьбе этого архива, который, скорее всего, был разрушен во время персидского завоевания, но для Шампольона в Египте не было ничего «более благородного и более чистого», чем это здание; он исследовал его вестибюли и обнаружил точное место, где, по его мнению, находились книги — поскольку он тоже упрямо их искал, — но отметил, что все «стерто с лица земли». Разумеется, в этих грудах камней не могло даже сохраниться ни малейшего кусочка папируса, но тем не менее никто не упускал возможности упомянуть значительное количество крайне ценных документов, выкопанных в других местах в Фивах. И таким образом утраченная библиотека Рамессеума, с ее фронтоном с многообещающей надписью, могла тревожить воображение писателей на протяжении тридцати трех веков. Промежуток времени, равный одному мгновению для этого места, которое фараон называл своим «дворцом тысячелетий».

Папирус — дар Нила, практически так выразился Геродот. Самому древнему его куску пятьдесят веков, и он до сих пор чист. А первый фрагмент папируса с иероглифами датируется 2400 г. до н.э. Благодаря этому материалу административные документы, декреты, переписка и прочие соглашения разрабатывались с настоящей одержимостью мельчайшими деталями. Умножались религиозные тексты и похоронные справочники, равно как и на-

учные и медицинские трактаты. «Максимы Птахотепа», изложенные на папирусе Приссом, говорят об особенном уважении к книге и чтению: «Умным еще никто не рождался... Письменный документ полезнее, чем каменный дом...» Еще в период Древнего царства, и особенно начиная со времен Среднего царства, расцветала и подвергалась тщательной документации популярная и художественная литература. Ценимыми жанрами были сказка и роман: естественно, «Синуэ», но также и «Потерпевший кораблекрушение», «Два брата», «Велеречивый крестьянин» и выбивающийся из общего ряда «Рассказ о Неферкаре», в котором описывается, как детектив-любитель выслеживает фараона, лезущего ночью по шаткой лестнице в комнату своего военачальника. Тексты, вероятно, хранились в «книжной школе», расположенной в храме; или же библиотекой мог служить «дом жизни»: там молодое поколение обучали общественным искусствам (живописи, скульптуре), и там же совершались богослужения, имеющие своей целью защитить существование суверена. Как бы то ни было, не стоит представлять себе высокие стеллажи с полками: свитки размещались в узких стенных нишах или же в деревянных коробах с четырьмя ножками и выпуклой крышкой спереди, представленных на фресках Нового царства.

Известны тридцать текстов на демотическом языке, найденные в двух глиняных кувшинах под развалинами дома в Фивах, и два десятка ритуальных и магических книг в украшенном изображением шакала коробе, датированные XIII династией и найденные в могиле под Рамессеумом. Но сколько сотен тысяч книг было предано гибели по чистой небрежности! Вот, например, собрание древних литературных произведений, составленное современником Рамзеса II, которое прошло через руки пяти аккуратных наследников, пока последний, плотник, не стал вырывать листы — особенно из ценной «Книги снов», — чтобы использовать обратную сторону под свою деловую переписку. Или еще очаровательный случай, произошедший в 1778 г. с сорока или пятьюдесятью греческими книгами и документами, случайно выкопанными в Эль-Гизе феллахами, которые их сожгли, дабы

насладиться их опьяняющим ароматом. Последний из этих свитков у них изъяли в обмен на вряд ли больше, чем кусочек ладана, и отправили его в Рим кардиналу Борджиа. Этот свиток долго ошибочно считали единственным эллинским папирусом из Египта, он содержит список портовых рабочих 192—193 гг. до н.э.

Если никакая из библиотек фараонов не сохранилась лучше, то это потому, что их существование потеряло смысл, после того как их славные заказчики канули в небытие вместе со своими лодками. Кроме того, они могли при нескольких сменах власти подвергаться ритуальному уничтожению, предписанному для всех произведений, находившихся в собственности жрецов Амона, приказом Аменхотепа IV, когда тот стал Эхнатоном и поселился в Амарне. Известно, что жрецы Фив оплатили ему тем же после его смерти и что все свитки, хранившиеся в его храмах и дворцах, были в одночасье уничтожены, возможно, вслед за его собственным телом. Поскольку в те дни уже было верно, что книги моего врага — мои враги.

И хотя внутренние войны и щадили древнеегипетские собрания книг, их в одночасье стерло с лица земли персидское завоевание под предводительством царя Камбиса в 525 г. до н.э., когда его действительно никто не ждал: неожиданно, как пишет Геродот, «оказалось совершенно очевидно, что Камбис стал жертвой жестокого безумства». Завоеватели бичевали жрецов, разбивали статуи, сносили храмы и сжигали любые следы культуры в этих местах, не сохраняя при себе ничего, кроме золота, которое совершенно не тревожит память.

Книжная долина, которую представлял собой мифический Египет, была свидетельницей рождения элитарных и анонимных библиотек, а также искусства их истребления, как через разрушение, которому подвержены все предметы, так и путем величественного сокрытия. Этот акт погребения своих сокровищ вместе со своим трупом, с отнятием таким образом этих сокровищ у сообщества читателей, будет одним из самых частых в истории, а наиболее известен случай китайского императора Тайцзона,

который в VII в. заставил мудрейшего из своих министров хитростью собрать самые прекрасные из существовавших письменных произведений, среди которых было «Предисловие к павильону орхидей» великолепного каллиграфа Ван Сижи, чтобы забрать их с собой в могилу. Многие будут поступать так же. Так, первый историк монголов Рашид Аль-дин, до того как его казнили в Тебризе в 1318 г., сотнями собирал редкие манускрипты и надлежащим образом располагал их в своей гробнице: там насчитывается более тысячи произведений лучших авторов, среди которых Якут аль-Мустахими и даже Ибн-Мукла, основоположники арабской каллиграфии.

Постольку поскольку эти шедевры время от времени извлекаются и прочитываются, в этих эгоистичных действиях, стирающих их с лица земли, можно, конечно, усмотреть и достаточно удовлетворительный способ консервации.

ПОСТРОЙКИ АЛЕКСАНДРИИ

В Александрию стоит заехать. Обязательно осмотрите маяк, могилу Александра, занимающие добрую четверть города царские постройки (посещений не предусмотрено), храм Сераписа, Мусей с его знаменитой библиотекой. Примерно так было бы написано в современном путеводителе, перенесенном на двадцать два века назад. К несчастью, от маяка ничего не осталось: пятидесяти- и семидесятитонные блоки 120 метров высотой затоплены водой, а некоторые и вовсе растворились в стенах чистенького мамелюкского фортика, занявшего место маяка. От дворцов Птолемеев, и тем самым от апартаментов Клеопатры, сохранилось еще меньше следов, чем от храма, посвященного Серапису, который, как говорили, был столь прекрасен. А Сома, где в прозрачном гробу покоятся безносые останки Александра? Это, наверное, здесь или вон там, под этой незначительной мечетью, из-за которой вам наверняка запретят вести раскопки до кончины исламского мира. А библиотека — ах да, библиотека...

Никогда больше, ни из-за какого другого сооружения, ни расположение, ни вид которого не известны, не покрывалось учеными записями столько бумаги и не предавались фантазиям серьезные люди. Вот один из сотни примеров неспециалистов. Шатобриан в «Мучениках», книга XI, делает более изысканным эпиграф из Рамессеума, чтобы после переделки по своему вкусу вставить его в соответствующее место книги: «Однажды вечером, я остался практически один в этом хранилище лекарств и ядов для души. С высоты мраморной галереи я смотрел на Александрию, освещенную последними лучами дня...» И наш несравненный виконт прибавляет в конце тома откровенное примечание на тот случай, если читатель это прозевал: «Не правда ли, для нас это более справедливо с добавленным мной словом?»

Однако в менее романтичные эпохи люди задавались даже вопросом, существовала ли, собственно, Великая Александрийская библиотека. Имеется в виду, как здание.

Непобедимый Александр Македонский основал первую и самую долгоживущую из своих Александрий в 331 г. до н.э., после чего отправился умирать вдали от нее. Сын его бывшего телохранителя унаследовал правление Египтом. Он не без основания похитил спорные останки и спрятал их в центре нового города, словно священное семя. Сразу же стал осуществляться миф. Узаконив таким образом свои права, он провозгласил себя царем, этот первый из Птолемеев, приказавший возвести то, что позже было названо седьмым чудом света — маяк, а также рай учености, Мусей, или храм муз, в котором находилась Библиотека*.

* «Библиотека» (ящик, а впоследствии хранилище с книгами) происходит от греческого *biblion*, свиток папируса, который представлял собой наиболее распространенную форму книги в эпоху, в которую появились значительные количества письменных текстов; слово *biblion* само происходит от *būblos*, сердцевина стебля папируса — продукта истинно египетского. Тем самым, как бы то ни было, истоки и наименование библиотеки указывают на Александрию.

Величайшие умы познанного мира были приглашены к участию в деле Птолемеем II Филадельфом, сыном первого Птолемея, завершившим строительные работы. Им предоставлялись пропитание, жилье, стирка одежды, хорошая плата и освобождение от налогов. Членами этого кружка были Евклид и врач Герофил; здесь Эратосфен вычислил окружность Земли, Зенодот подготовил критическое издание Гомера, здесь изобрели писчее перо и пунктуацию, а Архимед присылал сюда теоремы для доказательства. Успех и слава были необыкновенны. Настолько необыкновенны, что появлялись завистники. «Многолюдный Египет кормит марателей папируса, которые бесконечно дерутся в вольере муз», — не упустил случая написать Тимон из Флиунта, который, как кажется, много дал бы за то, чтобы оказаться одним из них.

Но более страшным завистником, чем этот забытый скептик, станет Рим. Александрия, город ренессанса Афин, улицы которой по ночам освещались, а днем дочиста омывались благодаря пятистам водоемам, Александрия, сияющая колоссальнейшим величием и вызывающая восхищение всего мира, со своей величайшей своеобразнейшей драгоценностью — библиотекой. Могло ли это продлиться долго?

«Все здания сообщаются друг с другом, с портом и с тем, что за ним. Мусей также принадлежит к дворцовому комплексу. Там есть перипатус (галерея для гуляния), экседра (апсида со скамейками) и большое здание, в котором находится зал, где любители слова из Мусея совместно обедают. У них общая казна; во главе их поставлен священник, который отвечает за организацию. Раньше его назначал царь, теперь — кесарь». Речь шла тогда об Августе.

О географии все уже сказано, и мы не узнаем ничего нового. В этой скудной сводке местности, данной географом Страбоном в 24 г. до н.э. (или в 26, или в 27 г. до н.э., как считают разные исследователи), ни слова не говорится ни о книгах, ни об их расположении, ни, напротив, об их уничтожении Цезарем за несколько лет до этого. Поскольку другие современники хранили молча-

ние и подлинность единственного точного документа, относящегося к следующему после учреждения библиотеки веку, «Послания к Аристею», оспаривается, остается широкое поле для догадок и пророчеств. А тем самым и для споров.

Мусей (Мусейон, как тогда говорили) представлял собой, как о том говорит его название, святилище муз, которые, заботясь об этом религиозном учреждении, по идее обеспечивали ему литературный, философский и даже научный дух. Это университет без студентов, исследовательский центр, организованный Деметрием Фалерским, свергнутым греческим тираном, бывшим при этом признанным философом и снобом, к которому благоволил новый царь. Роскошное учреждение, скопированное с афинских школ, и особенно с Ликея, с залами собраний и прогулочной галереей для обмена мнениями на манер перипатетиков, с садами, монастырями, столовой и, возможно, жилыми помещениями. Что касается книг, документов и архивов, предоставленных в распоряжение обитателей, то ничто не указывает на то, что для них было выделено особое здание, из чего можно заключить, что библиотека была «повсюду выставлена на обозрение».

Во всем этом есть что-то от хвастовства выскочки; царь также был равнодушен к баснословно дорогим экзотическим животным. Но никогда более в истории столь масштабные финансовые ресурсы не оказывались в распоряжении людей столь глубоких знаний. Для пополнения фондов были хороши все средства: наложение принудительной дани на послов, официальный запрос от суверена к суверену о присылке книг «всех сортов» (Птолемей общался, например, с великим индийским правителем Ашокой), но также и закупки по баснословным ценам. И коварные интриги: таможня должна была обыскивать все прибывающие в порт суда в поисках малейшей рукописи, которую изымали, изучали, а обратно возвращали копию. Со дна трюмов пришел «корабельный фонд», как помечены эти свитки в каталоге. Или еще, как сообщает хроника, Птолемей

взял займы у афинского государства за немалый залог оригинальные рукописи трудов Софокла, Эсхила и Еврипида, а затем вернул копии со словами: «Спасибо, можете оставить себе деньги». Научный комментарий Галена: «Даже если бы он не отослал копии, афинцы не могли бы ничего сделать, поскольку они приняли деньги на том условии, что оставят их себе, если он не вернет книги». Декларируемой целью было воссоздание всей греческой науки и литературы и увенчание всего этого существенным фрагментом библиотеки Аристотеля. Современная достаточно остроумная гипотеза состоит в том, что Птолемей Филадельф действительно мог купить «книги Аристотеля», но не обязательно те, которые написал философ. К этим приобретениям добавлялось то, что изымалось в Египте, там, где оставалось что изымать, — скорее всего, в Фивах и в Мемфисе, и, наконец, то, что ученые Мусея принудительно привозили в своем иммигрантском багаже и чем также не стоит пренебрегать.

Но это еще ничто по сравнению с огромной работой по переводу, критической редакции и копированию, которая велась в этих местах. «Закладывая, если можно так сказать, семя бесконечного множества книг», как сказал Витрувий, Великая Александрийская библиотека была также самым крупным издательством Античности, и огромное количество рукописей проходило через порт и в другие земли, поскольку Александрия была Гонконгом той эпохи, всемирным эмпорием. Александрийские филологи «перерабатывали в книги античную литературу, которая при своем рождении не предназначалась для такой фиксации». На приличествующих им стеллажах появились также буддистские тексты, два миллиона строк о зороастризме, написанная халдейским священником история Вавилона и перевод Библии, известный как Септуагинта, — выполненный семьдесятю двумя «элленизантами» (в исконном смысле этого слова — знающими греческий евреями), по легенде заточенными на острове с маяком в отдельных камерах на семьдесят два дня, пока они не перевели Пятикнижие. Логичным образом, поскольку библиотека впоследствии стorerела, несчетное ко-

личество оригинальных рукописей в одночасье исчезло, в частности, это были все версии текстов Гомера, выделенные Зенодотом, собрание сочинений Гиппократов, исследованное и удостоверенное Галеном, великие афинские трагедии, привезенный из Иерусалима оригинал Торы и т.д.

Птолемей спрашивал: «Сколько там в точности тысяч книг?» Деметрий с готовностью отвечал: «Их у нас около двадцати тысяч, о царь, но я сейчас же займусь тем, что осталось сделать, чтобы достичь пятисот тысяч». Обратите внимание на значение слов: свиток, или волюмен, представляет собой одну «книгу», то есть главу сочинения. Для Гомера было нужно сорок восемь свитков, для Полибия — сорок, и десяток на всю «Республику» Платона. Если предположить, что на каждое произведение нужно в среднем двадцать четыре свитка папируса, как для «Одиссеи», можно вывести, что 500 000 томов представляли собой ни много ни мало 20 000 сегодняшних книг.

Когда эта цифра была достигнута, произведения проинвентаризировал и затем расклассифицировал по десятку жанров и в алфавитном порядке по именам авторов внутри каждого жанра молодой преподаватель из предместий, что потребовало немало сил и стало его большой заслугой. Этот Каллимах, который был также великим поэтом, стал, таким образом, первым из величайших библиографов, а то и хранителей. Он отвечал за точность производимых текстов и вздыхал: «Mega biblion, mega kakon», что значило «большая книга — большое зло». Его каталог, озаглавленный «Таблицы (pinakes) авторов, проявивших себя во всех формах знания и в произведениях, написанных ими», сам занимал 120 томов, дополняющих имевшиеся в библиотеке 90 000 свитков, содержащих отдельные произведения, и 410 000 свитков со «смешанными трудами». Поскольку места вдруг перестало хватать, в храме Сераписа был устроен филиал, и эта «дочерняя» библиотека со своего рождения насчитывала 42 800 свитков.

Так почему же Страбон не повествует в подробностях о столь значительной библиотеке?

Итальянский университетский преподаватель Лучиано Канфора в своей восхитительно туманной книге, которая не может не напомнить о приключениях Блейка и Мортимера, дерзко становится в оппозицию ко всем академикам и описывает книги, расставленные вдоль стен, и особенно вдоль стен перипатуса, а не собранные в отдельном здании. В доказательство он говорит, что в храме Гора в Идфу, относящемся, согласно реконструкции, к тому же периоду, имеются две аналогичным образом сделанные ниши, и рядом с ними на стене действительно написан список тридцати семи заглавий книг. Великую библиотеку, по его словам, нужно представлять себе рассредоточенной по всей длине перипатуса, «большой закрытой прогулочной галереи. В каждой нише, вероятно, хранились произведения авторов определенного рода». Гипотеза более чем смелая: город, зажатый между морем и озером Марьют, чрезвычайно влажен и на открытом воздухе свитки не просуществовали бы и двух лет. Кроме того, археологические данные, по всей видимости, показывают, что с присоединением храма Сераписа стены комнат с книгами сделали двойными, как и в Пергаме и Эфесе, с очагами, которые выбрасывали горячий воздух в каналы из обожженной глины, чтобы уравновесить влажность. С другой стороны, достаточно посчитать: свиток папируса в среднем имеет в диаметре 6,35 см, полмиллиона книг означает 32 километра полок в длину или, в случае, если книги, возможно, располагались в нишах на ромбовидных решетчатых стеллажах, из расчета 500 книг на двухметровую нишу, получаем невообразимую галерею в два километра. Это скорее побуждает принять гипотезу о нескольких сообщающихся между собой залах со стенами, по которым были плотно размещены папирусы, — возможно, по одному залу на жанр, то есть всего десяток, по числу разделов, которое соблюдал в своей классификации Каллимах. Когда несколько столетий спустя в Пергаме основывали конкурирующую с Александрийской библиотеку, в ней, по всей логике, должна была быть скопирована и архитектура Александрийской библиотеки. А план этой постройки мы сейчас

знаем: это анфилада залов, выходящих на светлую колоннаду, служившую галереей для чтения.

Такое расположение помещений дает большой приток воздуха, благоприятный для насекомых, которым предстояло эти помещения опустошить.

РАЗРУШЕНИЯ АЛЕКСАНДРИИ

Напрасно Клеопатра при полном параде регулярно и с великим удовольствием посещала Александрию, славные дни Мусейона были уже далеко. Может, и основная библиотека тоже уменьшилась или даже исчезла? Возвращение из ссылки около 127 г. до н.э. восьмого Птолемея (Эвергета II по прозвищу Фискон, или Большое Брюхо), наряду с другими превратностями, оставило Александрию без греков, и в особенности без стипендиатов Мусея. Таким образом, Египтом конца века завладел римский мир, решив исход гражданской войны царицы против ее младшего брата, тринадцатого Птолемея. Цезарь, как известно, поддержал сестру, но, оказавшись заблокированным вдалеке от Рима с легкими войсками, решил уничтожить увиденный им в порту значительный вражеский флот, усиленный пятьюдесятью пришедшими на помощь кораблями. Пожар, как сообщает Лукиан, «распространился на другие части города [...] Прилегающие к морю здания вспыхнули, ветер увеличивал мощь бедствия, пламя [...] носилось над крышами со скоростью метеора» и т.д. Так в 48 г. до н.э. была уничтожена Великая Александрийская библиотека.

Тем не менее сам Цезарь, рассказывая о битве, снимает с себя ответственность за это, описывая свое критическое положение, чтобы доказать необходимость пожара. Необычайно оправдательный тон этого текста дает возможность увидеть в нем невольное признание им своей вины. Эта гипотеза позволяет предположить, что Страбон старательно избегает упоминаний об исчезнувшей библиотеке просто из самоцензуры, — действительно, менее чем через двадцать лет после катастрофы эта

тема остается больной: Цезарь умер, Цезарь жив вечно. Сенека, Плутарх, Аулу-Гелле и другие, напротив, хором обвинили любовника Клеопатры в этом бедствии и расхотились только в количестве уничтоженных книг: 40 000, 500 000 или 700 000, если не миллион.

Наиболее близкие к этим событиям источники, однако, говорят только о книжных складах, располагавшихся рядом с набережными, а не о зданиях Мусея. Действительно, книги, привозимые в Александрию, будь то захваченные на кораблях произведения или кипы ввезенных по заказу царя свитков, сначала, согласно Галену, задерживались в «неких зданиях», аптеках, где их некоторое время держали и, возможно, маркировали, сортировали и распределяли между главной и дочерней библиотеками. И многочисленные копии, которые заказывались в этом центре воспроизведения книг, которым была Александрия, также могли находиться там, готовясь к вывозу. Было ли в этой складской зоне четыре десятка тысяч книг?

Необходимо изложить три версии. Сторонники первой напоминают, что диктатор Цезарь ясно выражал желание основать большую публичную библиотеку в Риме. Насильственная смерть помешала ему увидеть реализацию этого проекта, но римская библиотека была открыта всего через девять лет после битвы в Александрии. Не начало ли уже перевозиться туда содержимое Мусейона, с согласия Клеопатры, единственной целью которой всегда было править по обоим берегам Средиземного моря? Не эта ли часть книг, готовая к погрузке на корабли, превратилась в пепел при пожаре в порту? Это объяснило бы покаянную сдержанность отчета о битве. Другая гипотеза состоит в том, что, напротив, в сражении в Александрии практически все книги выжили, чтобы потом оказаться уничтоженными в результате цепи различных отличавшихся жестокостью последующих событий. Третья возможность такова, что все написанное о библиотеке подпитывалось фантазиями и дифирамбами и все авторы могли переоценить богатство на тот момент уже

устаревающего собрания, как это многократно происходило впоследствии. Когда Афтоний описывает визит Царицы царей в костюме Изида в библиотеку, речь идет о храме Сераписа. Снизилось ли к 48 г. до н.э. число томов в Александрии до сорока тысяч свитков, количества, которое признавал Сенека? Такая цифра вернула бы большинство гипотез в пределы разумного. И столько книг гораздо проще уничтожить.

А также, как мы увидим, и восстановить.

«Изучать сегодня Александрию значит самому сделаться александрийцем», — сказал Кристиан Жакоб. Действительно, достаточно перегнуться через перила балкона в квартале Азурита, чтобы почувствовать тесноту порта перед дворцом и неожиданно ясно представить себе там, справа, занимающий весь рейд египетский флот в огне, в то время как горстка римских галер укрылась в отдалении возле маяка, и увидеть эту наступающую волну пламени, пожирающую судостроительные верфи, царские склады и то, что «совсем рядом».

Истина, пока талантливые доказательства сталкиваются друг с другом по поводу мельчайших деталей, в конце концов воцаряется во всей очевидности. Колода карт античной истории может сколько угодно перетасовываться и раздаваться заново, особенно когда она, как в нашем случае, набита джокерами, которые можно трактовать по желанию, такими, например, как таинственное молчание Цицерона или утрата СХII книги Тита Ливия, повествующей как раз о пребывании Цезаря в Египте. И ко всему этому рассказ Страбона, который видел все точно как есть. И не сказал ничего.

Но вот Антоний захватывает библиотеку Пергама и складывает к ногам Клеопатры двести тысяч томов. Они сделаны из пергамента. В этом малоазиатском городе была основана эфемерная династия Атталидов, которые компенсировали свое скромное происхождение подчеркнутым пристрастием к искусствам и учености. Евмен II

(197—160 до н. э.) за небольшое время создал легендарную библиотеку и занимался ею с таким рвением, что люди прятали книги, которыми они дорожили. Говорят, что Птолемей V завидовал ему и наложил эмбарго на вывоз папируса, чтобы затормозить развитие этой библиотеки, и что это вызвало появление пергамента, называемого тогда «*pergamene charta*», пергамская грамота. Это описывает Варрон, заверяя в столь же наивных выражениях, будто папирус был изобретен в Александрии, что заставляет несколько усомниться во всем.

Книги из Пергама, по всей вероятности, должны были присоединиться к десяткам тысяч свитков из малой библиотеки при храме Сераписа, которые до тех пор, согласно всем версиям, оставались нетронутыми. Исследовательская деятельность, пусть в ограниченном объеме и руководимая теперь менее именитыми учеными, не прерывалась. Напротив, Александрии с ее известностью в качестве эллинистического города удалось еще раз вывести из себя Рим. Решительный конец добрым отношениям положил Октавиан.

Судороги агонизирующей Римской империи жестоко сотрясали в то время ее египетскую колонию. В 213 г. Каракалла велел перерезать горло молодым горожанам, которые его высмеяли, и разорить Мусей, у которого он отнял все доходы и распустил всех иностранных исследователей. Шестьдесят лет спустя Аурелиан напал на город, осажденный Зиновием, царем Пальмиры. В дворцовом поясе укреплений свирепствовали бои, и Мусею были нанесены существенные повреждения (комментаторы, желающие оправдать Цезаря, относят к этому моменту разрушение Великой библиотеки; они также обвиняют влажностные или арабов, если сами являются христианами). Разрушения возобновляются при Диоклетиане: в 296 г. город огнем и мечом был превращен в руины после восьмимесячной осады, а основная часть жителей истреблена; год или два спустя произошло новое кровопролитие под предлогом репрессий против ученых мужей, сочинивших алхимические трактаты, каковые книги,

предназначавшиеся для изготовления золота, были сожжены, «из опасения, как нас уверяют, как бы богатство египтян [которое проистекло бы из них] не внушило им дерзости восстать против империи», — писал Иоанн из Антиохии, которого цитирует Эдвард Гиббон, добавляя с присущим ему юмором: «Гораздо более вероятно, что сему рассудительному владыке была известна нелепость этих выпренных притязаний и что он хотел охранить рассудок и состояние своих подданных от этого пагубного занятия».

Однако эти потрясения, за которыми последовали гонения на христиан, когда Галерий приказал, чтобы все писания пророков были прилюдно брошены в огонь, не уничтожили окончательно старинное учреждение. Там пребывали и оттуда происходили многочисленные христианские мыслители. Так, Климент в самой Александрии, Ориген и Памфил в Кесарии, еще один Александр в Иерусалиме впоследствии основали или расширили большие библиотеки; все четыре сформировались в тени Мусея при храме Сераписа. В 315 г. сирийский ритор Афтоний написал, что «публичная библиотека Александрии располагалась в Акрополе, рядом с бывшими опочивальнями богов. Были также ученые мужи, которые ее посещали; она была еще весьма полезна». Он сообщал, что в ней были кабинеты, «служащие для того, чтобы запереть книги, но открытые для тех, кто любит работать, чтобы овладеть философией, и предоставляющие всему городу простую возможность стяжать мудрость», что решительно было преувеличением. Но малая библиотека производила достаточно сильное впечатление: «Ее портики были чрезвычайно богаты. Ее потолок был позолочен, а капители колонн из золоченой бронзы». А Аммиан Марцеллин в конце IV в. свидетельствует так: «Даже сейчас в этом городе можно обнаружить различные виды учености, поскольку мастера искусств еще живы...»

Дальше — больше: христианство стало обязательным и наступил черед язычества быть преследуемым. По приказу Феодосия были разрушены все языческие памятники,

а его ревнитель епископ Александрийский Феофил, у которого «руки запачканы кровью настолько же, насколько и золотом», атаковал храм Сераписа во главе толпы фанатиков. Интеллектуальная активность в стенах «александрийского акрополя» казалась наиболее недоверчивым беспорядками: «Много всего нашло сейчас себе прибежище в этом древнем птолемическом святилище — философия, магия, ученость, распутство». Банда не оставила ни камня на камне, ни нетронутой статуи. От библиотеки же осталось еще меньше. И Павел Орозий, испанский священник и автор «Историй против язычников», которые сослужат такую хорошую службу в Средние века, посетив Александрию двадцать лет спустя, свидетельствовал: «В наши дни есть храмы, которые мы видели, книжные полки которых опустошены нашими современниками». Историки, цитирующие эти слова, неизменно добавляют «с горечью» или «с негодованием», но стоит задуматься, не было бы более уместным «с удовлетворением». Поскольку в этом самом году (415) чернь, подстрекаемая тогдашним патриархом Кириллом, племянником Феофила, и его «parabolani», или гвардейцами, направляла свой необузданный пыл против кого ей заблагорассудится, и в особенности против евреев, которые, однако, были тогда полноправными александрийцами на протяжении уже семи веков. По повелению этого Кирилла также забросали камнями философа и алгебраиста Гипатию, единственную женщину в истории греческой математики, в тот день, когда она приехала прочесть лекцию в Мусее. Она, как говорят, при своей мудрости обладала также ослепительной красотой, была необыкновенно популярна и не принадлежала к христианам. Вследствие этого толпа сорвала с нее одежду и притащила в церковь к Петру Чтецу; потом ее живьем разрезали раковинами устриц и бросили в огонь вместе со всеми ее сочинениями. Гипатия была дочерью Феона, погибшего в 380 г. математика и философа, который был последним из ученых мужей — членов Мусейона. А Кирилла канонизировали.

Однако, подобно фениксу, интеллектуальное превосходство Александрии, судя по всему, в V в. восстановилось,

и евангелист Марк основал там университет. А в 640 г. Египет перешел под власть мусульманского мира, то есть стал частью халифата Омара, и был завоеван прославленным генералом Амр-ибн-аль-Аси. Сподвижник Пророка, член рода корейхов, он основал Фустат и вернулся управлять Египтом при Омейядах, там же и умер в 663 г. Он часто бывал у одного старого мудреца по имени Иоанн Грамматик. Однажды тот ему сказал: «Ты приложил свою печать ко всему, что есть в этом городе ценного. Я не требую ничего из того, что полезно вам, но то, что вам без надобности, нам могло бы еще послужить...

— О чем ты? — спросил Амр.

— Об ученых книгах, — ответил Иоанн, — которые находятся в царских сокровищницах».

Амр выслушал долгую историю Великой библиотеки и, потрясенный, ответил: «Я не могу распоряжаться этими книгами без разрешения халифа. Я напишу ему письмо и расскажу ему все то, что ты только что рассказал мне». Итак, доклад был написан, и в течение пяти или шести недель ожидания ответа арабский генерал и старый александриец могли вволю обсуждать тонкие теологические вопросы. Но Омар наконец ответил: «По поводу книг, о которых ты нам рассказал. Если в них написано то же, что в Книге Пророка, — Книга Пророка позволит нам без них обойтись; если в них что-то, что ей противоречит, — они вредны. Так что приступай к их уничтожению». Скрепя сердце Амр-ибн-аль-Аси приказал распределить книги по хаммам, которых было около четырех тысяч, в качестве топлива для обогрева. Чтобы их прикончить, понадобилось шесть месяцев. «Слушайте об этом приключении и восхищайтесь», — заключил около 1227 г. Ибн-аль-Кифти в своей «Истории мудрецов». Во времена, более приближенные к нашим, нашлись очень серьезные люди, которые подсчитали, что из расчета двадцать свитков на одну баню в день на все понадобилось бы 14 миллионов свитков. Вовсе нет, возразил им один коллега, в отдельных хаммамах поддерживается температура 60° С, а для этого нужно сто книг в день, то есть 72 млн. экземпляров в месяц.

Это беззастенчивое и запоздалое присвоение александрийского мифа воображаемым арабом могло бы стать несколько извилистой притчей, призванной оправдать Саладина, который, как мы увидим, продал легендарную фатимидскую каирскую библиотеку, чтобы заплатить своим солдатам. Но оно, возможно, не лишено оснований: Омар, второй халиф и первый, кто назвал себя «amir al-mu'minin», повелитель верующих, был также — мы к этому еще вернемся — первым мусульманским вандалом.

Таким образом, если Великая Александрийская библиотека, бесспорно, является символом всех других библиотек — um al-maktabat, матерью всех библиотек, как сказали бы по-арабски, — то это, во-первых, потому, что никакая физическая реальность не опровергает и не подтверждает вызываемой ею будоражащей восторженности, и, во-вторых, потому, что она воплощает в себе интеллектуальное промежуточное звено между легендарной Античностью и нашим мрачным миром. С Клеопатрой или без нее, эти труды открыли бы головокружительную возможность греческого, а не римского будущего. Сохранившись, эти тексты могли бы послужить философской плотинной на пути шквала монотеизма и, по мнению некоторых, позволили бы прямо перескочить в расцвет Средневековья: «Если бы эта библиотека выжила, эпоха тьмы, несмотря на преобладание христианства, была бы значительно более светлой».

Ну как при окончательном оформлении мечты, ставшей столь важным основополагающим мифом, могло обойтись без доброй полудюжины пожаров, реальных или вымышленных?

АФИНЫ

По утверждению Страбона, Аристотель был величайшим собирателем книг на все времена и «научил египетских царей, как организовать библиотеку». Мы видим, что он это сделал очень опосредованно, поскольку

первую Александрина организовал ученик его последователя Феофраста, неизбежным образом по образцу греческого Ликея.

Аристотель (384—322 до н.э.), сын богатой землевладелицы и врача, был униженным перстнями щеголем и первый понял силу книги; его учитель Платон с презрением прозвал его «чтец» — настолько странным казалось тогда собирание текстов. Он не догадывался, что этот ученик станет его соперником, пойдя гораздо дальше одного только чтения: число сочинений Аристотеля перевалит за 170 наименований, или многие сотни свитков папируса. Из них сохранится 30 произведений, покрывающих 2000 современных бумажных страниц. До нас они дошли запутанным путем: библиотека Аристотеля, завещанная Феофрасту, досталась скептику Нелею; согласно подсчетам, только труды обоих философов вместе составляли 676 078 строк. Необразованные потомки Нелея, желая скрыть эти книги от алчности библиотеки Пергама, запрятали их в погребе или в колодце, в общем в «какой-то канаве», как сообщает Страбон, «полной клещей». Потом они продали подлинные книги Аристотеля, ускользнувшие от Птолемея, Апелликону из Фиоса (по сведениям одних — филологу, по сведениям других — перекупщику); этот Апелликон вновь привез их в Афины, где в 86 г. до н.э. их захватил Силла. Они окажутся в Риме сначала у Тираниона Грамматика, а затем, переходя из рук в руки и не всегда получая самый тщательный уход, — у Андроника Родосского, который попытается выпустить первое издание сочинений прославленного мыслителя, основываясь, однако, на копиях копий, в которых дыры, проделанные крысами, клещами и червями (по мнению разных исследователей, а не одновременно всеми), писцы заполняли как Бог на душу положит. Но это не помеха: сейчас считается, что единственные дошедшие тексты не были такими уж точными и что они были искажены учениками, которым Аристотель поручал записывать свои рассуждения. Об этом говорил, среди прочих, Иоанн Филопон в VI в.: «Из сорока книг его

«Аналитики», хранившихся в старых библиотеках, только четыре считались написанными им, без всяких сомнений на этот счет». Уже Страбон выражал недоверие: «Некоторые библиотеки нанимают плохих переписчиков, которые не сличают рукописи, именно это происходит, когда книги копируют на продажу, здесь и в Александрии. Но довольно уже!»* В этот момент уже можно задаться вопросом, действительно ли мы знаем истинную логическую последовательность хотя бы работ Аристотеля, если не его мысли. В любом случае то, что относится к науке и сильно устарело уже в его время, впоследствии было сведено до смешного исследователями. Поскольку он учил, в числе прочего, что женщина есть несовершенный мужчина, его философию, в ущерб многим другим системам, широко приняли христианская церковь и мусульмане, вследствие чего половина мира погрузилась в принудительный аристотелизм по меньшей мере до появления неоплатонизма во Флоренции в XV в.

Легенды говорят, что до библиотеки Ликея в Греции имел место любопытный случай тирана Писистрата, который велел собрать произведения гомеровской эпохи (и не без причины: в них упоминались его предки), создать первую письменную версию «Илиады», без которой, возможно, до нас дошли бы только отголоски этого произведения, и поместить это все в месте, которое стало, таким образом, первой публичной библиотекой в мире. 21 сентября 480 г. до н.э. эту библиотеку, как говорят, разрушил Ксеркс, человек, приказывавший хлестать бичами море, когда оно ему перечило, и он вывез книги в свой дворец в Персеполисе, где в конце концов впоследствии ими завладел вместе с остатками империи Ахеменидов

* «География», XIII, приводится Дроссаартом Люлофсом, который ни на секунду не верит в эти странствия двойной библиотеки, но не предлагает ничего взамен. Заметьте, кстати, что в этом отрывке содержится своего рода невольное признание Страбона: в то время в Александрии продолжали издавать книги.

Селевк-Победитель, с намерением, как представляется, восстановить библиотеку в Афинах. Но на самом деле ее потеряли из виду.

Из всех мифов самый прекрасный — миф о разграблении Афин готами в 260 г.: библиотеки были опустошены и все книги собрали в одну гигантскую кучу. Когда ее уже собирались поджечь, вмешался один из военачальников: «Поскольку греки — рабы чтения, они окажутся непригодными к военной службе». Практически тысячелетняя история афинской учености на самом деле была разрушена в 529 г., без каких-либо церемонящихся в этот день варваров, болгарским крестьянином, ставшим византийским императором под именем Юстиниан. Он заставил замолчать все афинские школы, дабы разом покончить с «философскими изысканиями, столь мало приличествующими доктрине или, по крайней мере, характеру смиренного верующего», — пишет Гиббон. Нужно было торопиться искоренять опасность: последний и блестящий директор Академии Платона, Прокл, умерший в 485 г., выдвинул восемнадцать аргументов, делавших неприемлемой христианскую версию сотворения мира.

Классическая Греция насчитывает добрую тысячу сочинителей, от которых, как считается, нам известна едва десятая часть произведений, настолько папирус подвержен гниению, — наверное, это одна из основных причин ранней утраты античной литературы, как нигде существенная во влажной Александрии. В сухом песке, напротив, древние труды выживают, как, например, выжили сотни фрагментов свитков и кодексов на папирусе и пергаменте, частные и деловые письма, выдержки из Нового Завета и из античных поэтов — Сафо, Софокла — вместе с отрывком неизвестной пьесы, найденные в Оксиринкесе, в двух часах езды к югу от Каира. Был ли этот набор документов благоговейно собран в архиве греко-римской колонии? Вовсе нет: кто-то (но кто?) избавился от них, как от балласта.

Когда Эмилий Павел в 168 г. до н.э. разгромил Персея, солдаты наложили лапу на все, что могло иметь какую-то ценность в царском дворце в Македонии, соблюдая — без большого, впрочем, труда — распоряжение военачальника не трогать книг: он оставил их за собой, имея в виду своих сыновей, которым, как он говорил с обычной спесью, они принесут больше пользы, чем золото. Первые римские библиотеки строились на костях разграбленных врагов и на обломках более древних культур. Так было с Силлой, равно как и с Лукуллом, который ограбил понтийского царя Митридата и в то время прославился не столько своим радушным хлебосольством, сколько широким кругом чтения и гостеприимным книжным собранием. Так, Плутарх говорил, что «его портики, галереи и кабинеты были открыты всем посетителям» и что греческие гении на отдыхе находили удовольствие в посещении этого отрядного уголка, дабы вести рассуждения, в которых хозяин дома любил иногда принимать участие.

Сципион Эмилий Карфагенский показал себя более неотесанным: поскольку книги в библиотеках были только на иностранных языках, а он признавал только греческий, он позволил уничтожить их, за исключением одного трактата Магона, о котором ему сказали, что он касается сельского хозяйства, и на основании которого впоследствии были написаны все латинские руководства в этой области. Ирония судьбы в том, что отцом этого Сципиона был не кто иной, как Эмилий Павел.

Однако, «по словам ученых мужей, в книгах пунийцев было много хорошего». А Плиний даже утверждал, что их не сжигали: «Когда Карфаген был завоеван, Сенат раздал библиотеки африканским царькам». Но более вероятно обратное: от Карфагена не должно было сохраниться ничего и особенно не должно было сохраниться «libri punici», книг пунийцев (к которым, возможно, относятся найденные, например, в Персеполисе этикетки в форме глиняных кружочков с печатью, обожженные пожаром).

Саллюстий, быть может, позволил бы разрешить это противоречие, но «о Карфагене я предпочитаю ничего не говорить, чем говорить слишком мало». Как и в случае с написанным Страбоном об Александрии, бесчисленные исследователи вздевали в этом месте руки к небу.

Варрон, умерший за двадцать семь лет до начала новой эры в чрезвычайно преклонном возрасте, был автором семидесяти четырех трудов, представлявших собой более шестисот томов, на самые разные темы, среди которых были грамматика, сельское хозяйство и археология. То была эпоха ограниченных тиражей, если не вовсе единственных экземпляров; из-за Марка Антония, который велел их сжечь по до сих пор неясной причине, от этих сочинений остались лишь обрывки, и, в частности, не сохранилось ничего от его трактата «*De bibliothecis*», «О библиотеках», что является двойной потерей: именно знакомство с этим произведением позволило Плинию, Светонию и Аулу-Гелле со знанием дела рассуждать об огромных исчезнувших книжных собраниях, в особенности греческих, и разжигать наше любопытство. Благодаря своим знаниям в этой области он удостоился от Юлия Цезаря уникальной миссии создать вскорости публичную библиотеку в Риме; он начал разрабатывать ее план, объединяя греческие и, что было в новинку, латинские сочинения. Этот первоначальный фонд позволил несколько лет спустя посмертно реализовать желание Цезаря, в Атриум Либертарис, напротив Сената. Среди бюстов известных авторов, украшавших помещение, согласно незадолго до этого введенному обычаю, единственным ныне живущим из представленных был он сам, Варрон. Трофей кровавой победы над иллирийцами позволил консулу Асинию Поллио, который сам в свое время был писателем, субсидировать заведение и выставить знаменитый фонд на обозрение своих современников. Плиний сказал о нем: «*Ingenia hominum rem publicam fecit*», «Человеческий гений он претворил в общественное благо».

Это высказывание в меньшей степени приложимо к Августу. «Став великим понтификом, — рассказывает

Страбон, — он собрал все своды греческих и латинских предсказаний, которые без разрешения или без достаточного разрешения ходили по империи, что составило более двух тысяч сочинений, и велел их сжечь, оставив только книги сивилл, предварительно также произведя среди них отбор, после чего запер их в двух позолоченных ящиках под статуей Аполлона на Палатинском холме». Согласно легенде, эти книги предложила царю Тарквинию Гордому сивилла из города Кумы, по цене триста золотых монет за девять томов; царь рассмеялся, тогда сивилла сожгла три книги и запросила ту же сумму за оставшиеся шесть. «Эта старуха безумна», — сказал царь. Но, увидев, что она уничтожила еще три, он побледнел и заплатил триста золотых монет за оставшиеся три пророческих книги, чему в Риме все же обрадовались.

Тогда в обычае уже была цензура, о чем свидетельствует случай с фальшивой библиотекой Нумы, наследника Ромула, обнаруженной в 181 г. до н.э. в зарытом в землю сундуке. Четырнадцать греческих сочинений отражали философию Пифагора (родившегося примерно два века спустя после Нумы), и Сенат приказал претору их уничтожить. Клэрэнс Форбс писал: «Эти книги были подделкой, но тем не менее кто-то их действительно написал, и их действительно сожгли; таким образом, первая попытка познакомить Рим с греческой философией, пусть и хитростью, провалилась». А Август, по сообщению Светония, приказал среди прочего убрать с полок все книги о юности Юлия Цезаря, противоречившие, как он утверждал, официальному представлению, которое тот о себе создавал. Не ослабляя жесткого контроля, он основал две библиотеки, Палатинскую и Октавианскую. В этом ему подражали многочисленные последователи, такие, как Тиберий, Калигула, Веспасиан и Траян, каждый из которых создал по крайней мере одну библиотеку.

Часто комплекс библиотеки состоял из двух зданий, одно для греческих, другое для латинских текстов. Так стояли друг напротив друга две части роскошной библио-

теки Ульпии императора Траяна (его имя было Ульпий), прямая колонна которой до сих пор возвышается над окружением, подобно коромыслу весов или указующему персту.

Библиотеки, приближенные к богам, — библиотеки, приближенные к людям. Императоры начиная с Нерона предоставляли жителям Рима все более и более прекрасные общественные бани, бывшие также местом общения и центрами культуры, как физической, так и духовной: там можно было для развлечения или самообразования взять и почитать классику того времени, а то и новинки. Если верить свидетельству 350 г., в городе насчитывалось до двадцати девяти общественных библиотек. Они распространялись по Италии и даже по провинциям: они были не только в Комо и Тибуре, но и в Дертоне, Вользинии, Тимгаде и Лионе и являлись частью мира римлян.

Библиотеки были причудой императоров или страстью знаменитостей (у Цицерона на каждой из его вилл было по библиотеке с целой армией заботившихся о ней хранителей), и неужели римский снобизм, родившийся вместе с I в. н.э., мог бы обойтись без подражания им? Витрувий, современник Поллиона, так обозначал особенности архитектуры и отделки виллы уважающего себя богача: «Спальни и библиотеки должны быть обращены к восходящему солнцу, поскольку их назначение предполагает утренний свет. К тому же книги портятся только в тех библиотеках, которые выходят на юг или на запад и подвержены червям и влажности, ибо та же влажность ветра, от которой рождаются и которой питаются черви, покрывает плесенью книги». Наряду с банями и термами, библиотека была частью убранства дома, и ее стеллажи «из туи и слоновой кости» украшали и облагораживали его столовые. У парвеню их было три: одна греческая, одна латинская, а третья — никогда не известно какая. Но Сенека и Лукиан порицали это непоследовательное рвение. Для чего так много книг, из которых будут прочтены только первые строки, служившие

тогда заглавием?! Для чего, можно добавить, так много текстов и так мало философии, когда рок под разными масками подступает со всех сторон?

У Рима был особый дар к пожарам. Пламя, смятение, запах дыма пронизывали повседневную жизнь и довольно скоро бывали в той или иной степени обузданы. Но достаточно часто пожар обрушивался настоящим апокалипсисом.

Список крупных пожаров, с завидным упорством уничтожавших весь город или его часть, точен: от Ромула и до заката Рима как политической столицы их было не меньше восьмидесяти восьми. Средний римлянин, который в них выживал, имел шанс за свою жизнь увидеть их добрых полдюжины. Причины несчастий, как благовидные, так и нет, были многочисленны и часто повторялись: молния, восстание рабов, гражданская война и, каждую ночь на каждой улице, безымянные факелы, перемещающиеся сами по себе, не считая огня, который должны были всегда поддерживать весталки. Осмотрительный Цицерон напоминает, что кремационный костер не должен располагаться ближе чем за шестьдесят шагов от частной постройки, если на то нет согласия ее хозяина. Очаги возгорания практически всегда одни и те же: Форум, Палатинский холм, Капитолий. И всякий раз на краю самых часто посещаемых огнем мест оказывалась большая библиотека. Например, в 80 г. загорелись Марсово поле, а также Капитолий. В поражающем воображение списке потерь, составленном Дионом Кассием, фигурирует среди прочего портик Октавии и его библиотека. Домиций тогда отправил послов порыться в собраниях Александрии, дабы «с помощью денег» компенсировать утрату свитков, не преминув мимоходом поправить тексты. В 188 г. молния ударила в капитолийский храм Юпитера и разрушила, как писал «катастрофический мистик» Орозий, «*bibliothecam illam, maiorum cura studioque compositam*», его библиотеку, составленную с величайшей заботой и величайшим усердием. Тремя годами позже пожар вспыхнул на складах восточных торговцев, и ночь осветилась пламенем огня, сжигавшего храм Мира,

Форум и Палатинский холм. Говорят, что этого пожара хотел император Коммод. Он действительно призывал его, но он ли его устроил? Как бы то ни было, огромного количества библиотек больше не существовало, какой-то факт впоследствии будут оплакивать Дион Кассий, Эродиан и Гален.

Когда не наносит удар рок, его заменяет человек. Так, инициатором пожара 6 июля 83 г. до н.э. стал Силла. Тогда были уничтожены обошедшие столь дорого книги сивилл, и пришлось рассылать гонцов во все провинции вокруг Средиземного моря в надежде восстановить необходимые пророчества*. Немного времени спустя, по сообщению Цицерона, подручный Цезаря Клодий «поджег храм нимф, дабы уничтожить [...] государственные таблички», которые он счел компрометирующими. История повторяется: некий К. Сосий некоторое время спустя поджег Табуларий, строение, в котором хранились архивы, переписка и законы и где оказались расплавленными три тысячи табличек, даром что они были из бронзы. Устойчивость памяти была новым явлением, и у власть предержащих гордыня порой уступала место опасениям. В случае необходимости дело исполняли несколько рабов-поджигателей.

Роман «*Quo vadis*» прославил пожар, разразившийся 19 июля 64 г. рядом с Палатинским холмом, в квартале лачуг и наемных домов — зданий, поделенных на квартиры.

Огонь, разжигаемый сирокко, распространялся веерообразно в течение шести дней и семи ночей, пока не пожрал город и не стих у подножия холма Эсквилин, где на него с одного из ярусов сада Месен взирал Нерон, декламируя стихи. На следующий день пожар разразился с новой силой, и на девятый день, когда он наконец потух, из четырнадцати «областей» города осталось только четыре. Нерон говорил, что его «неприятно поразили гру-

* За их окончательное уничтожение в 408 г., по-видимому, ответственен генерал Флавий Стилихон, покровительствовавший христианству.

бость древних построек, узость и извилистость улиц», а во время этих ужасных ночей люди видели, или хотели видеть, как некоторые его рабы разносили факелы, помогая огню распространяться. Императору, испытывавшему искреннее сострадание, но окруженному недобрыми слухами, оставалось только свалить вину на другого: «...самым изощренным пыткам были подвергнуты люди, презираемые за свои низости, которых толпа называла христианами» (Тацит), в то время как таинственными виновниками были, как представляется, участники заговора Пизона. Факт, что за эту неделю погибли редчайшие рукописи в очень важной библиотеке Аполлона Палатинского, которая насчитывала тридцать тысяч томов, а также во всех других библиотеках, располагавшихся на пути огня, — например, в библиотеке дворца Тиберия, где хранились сто пятьдесят речей Катона, от которых дошли только несколько отрывков.

Вследствие этих периодических пожаров, как желанных, так и нет, было констатировано, что окончательно и бесповоротно оказались утрачены самые разные сочинения: 109 произведений Плавта, 24 Энния, 40 Акция; философский трактат Цицерона «Гортензий», а также вся его поэзия, за исключением нескольких стихов; практически весь Варрон, равно как и все эпопеи, написанные во времена Вергилия; бóльшая, хотя и неизвестного размера, часть «Сатирикона» и 107 из 142 книг Тита Ливия о римской истории (среди которых и содержащая ключ к тайне Александрии), необъятное количество произведений Тацита и Плиния Старшего: до нас дошли только 37 книг его «Естественной истории» из более чем 500 томов, посвященных им грамматике, военному искусству и другим предметам. И нам никогда не удастся воспользоваться «Книжной наукой» Телефа Пергамского, «О выборе и приобретении книг» Эренния Филона или «Библиофилией» Дамофила Бифинского.

Лукреций объяснял извержения вулканов вовсе не грохотом кузниц и наковален циклопов, а существованием вулканических ветров, когда они перегреваются и разь-

яряются. Успел ли Плиний проклясть подземное брожение газов, когда океан пылающего газа набросился на него и задушил его в 79 г. в Стабии под Везувием? По совету своих домочадцев, он привязал подушку на голову, поскольку раскаленные камни начинали падать частым дождем.

С 24 августа в течение четырех дней гора изрыгала пепел и застывшие брызги лавы — лапилли, изливала свое раскаленное до 300° С дыхание, а потом и рвотные массы, на землю, на напрасно суетившихся людей и на дома. На дома бедняков и на дома помпейских торговцев, равно как и на очень утонченные летние резиденции римских аристократов в Геркулануме, и даже на самую выдающуюся из всех — виллу Пизонов. Тесть Цезаря некогда основал там небольшой дворец учености и культуры: анфилады внутренних двориков, колоннад и бассейнов, тщательно отобранные по сродству с философией этих мест статуи, длинная прогулочная галерея, ведущая в возвышающийся над морем бельведер, где небольшая группа добрых друзей обменивается мыслями, подкрепляясь сардинами и луковицами, — богатый эпикуреец претендовал на умеренность. Ментор хозяина дома, греческий философ Филодем, разместил на вилле свою библиотеку и все собственные сочинения в нескольких экземплярах. К моменту трагедии этих изысканных действующих лиц уже больше века не было в живых, но роскошное жилище еще являлось прибежищем чтения: книги оставались в архиве, под колоннадой в капсе*, как будто их пытались унести с собой при бегстве, и особенно в маленькой комнате, специально оборудованной для их хранения, с пронумерованными нишами и изящными стеллажами. Что интересно, некоторым сочинениям на момент катастрофы

* Эти приспособления для переноски документов в форме шляпной коробки часто высекали в камне, пристегнутыми к икре правой ноги великих ораторов, что делало статуи более устойчивыми.

насчитывалось от одного до трех веков, но среди них не было ни одного ей современного.

И вот неожиданно обнаруживается библиотека, погребенная под двадцатью метрами магмы и забвения, прочных, как бетон. В 1752 г. отряд каторжников под командованием офицера бурил туннели по всему Геркулануму, и эти беспорядочные ходы упрочили интерес к находке. Но обгорелые палочки, которые там находили, сначала выбрасывали в мусор. Когда же стало понятно, что это не скатанные рыболовные сети, а обуглившиеся книги, их осталось 1806. Как тогда было их расшифровать? Ученые очищали свитки, словно сердцевину пальмового дерева, чтобы добраться до более разборчивой, а то и вовсе читаемой части, говорили о «корке» и «ядре», в общем, сделали из них конфетти. Отец Антонио Пьяджи даже разработал машину для разворачивания затвердевших папирусов, обладавшую аккуратностью и неторопливой равномерностью, которой лишены человеческие руки. Результат всего этого был скромным: за три года четыре развернутых свитка и несколько прочитанных и расположенных в случайном порядке фрагментов.

А потом Геркуланум посетила научная фантастика. «Мультиспектральное отображение», разработанное лабораторией НАСА для выяснения того, какие драгоценные минералы таятся под поверхностью далеких планет, позволяет также читать черный текст на темном фоне, чернила на антраците, дифференцируя компоненты по их сравнительной отражающей способности. Проанализированные документы, переводимые в настоящий момент в английских и американских университетах, показывают, что большая часть этой восстановленной из мрака библиотеки была посвящена философии, в особенности стоической и эпикурейской. Найдены сочинения самого Филодема, ученика Эпикура, который остался бы гораздо менее заметным, не будь извержения вулкана, произведения Энния и в особенности полный экземпляр незаконченного, правда, «*De rerum natura*», «О делах естественных», Лукреция, включающего в себя как раз его анализ извержений вулканов, в основном в

песни VI. Все эти сокровища еще не прочитаны и даже не идентифицированы. Сотни свитков упрямо остаются черными, немymi и плотно сжатыми, некоторым из них по двадцать три века. Тем не менее есть надежда, что на этой «вилле папируса» погребены и другие свитки. По этой причине наследник крупного ИТ-состояния пожертвовал 100 миллионов долларов на десять лет на восстановление этого места и особенно на поиск других закопанных книг.

У каждой эпохи своя культура: неаполитанский король в XVIII в. спал и видел, как бы завладеть рукописями Аристотеля, а американские газеты, равно как и Си-эн-эн, поспешно обещают своим читателям Горация и Вергилия. Можно ли сегодня с достаточными основаниями мечтать найти свиток Плиния или совершенно незнакомого поэта? Или узнать из них больше о владельце этих мест в I в., к моменту его смерти? Надеяться, конечно, можно на что угодно, а между тем сон Везувия, похоже, входит в новую беспокойную фазу...

Здесь практически кончается костюмный исторический фильм и начинается фильм ужасов настоящего книгоуничтожения: с первых веков эры, называемой нашей, прирожденная и несколько рискованная склонность античной власти к нанесению вреда постепенно уступает место организованному абсолютизму, стремящемуся придушить в зародыше любые интеллектуальные блуждания. Ранние христиане (или евреи), как впоследствии и мусульмане, были людьми одной книги, а это убеждение часто влекло за собой презрение ко всем другим и даже их уничтожение.

В Библии есть все. «Если ты хочешь почитать про историю, есть Книга Царств. Философия? Книга пророков. А если тебе нужно стихов, читай псалмы Давида» — так вкратце говорит инструкция проповедникам первой половины III в. Именно так было с Павлом, личность которого тем не менее сложилась под влиянием чтения язычников, по примеру его учителя еврея Гамалиеля, который уже обладал оригинальным складом ума: большинство раввинов тогда считали, что изучение Торы не

оставляет времени на греческих философов. В Эфесе Павел добился того, чтобы многие из обращенных им «принесли книги, чтобы собрать их вместе и сжечь на виду у всех; они посчитали их стоимость и получили пятьдесят тысяч динариев серебром»*. Комментаторы гораздо позже будут говорить, что это были книги оккультистов. Но мы последовательно увидим, что словом «магия» настолько удобно все оправдывать, что, если бы этого занятия не существовало, его следовало бы выдумать: Диоклетиан в Александрии ссылался на нее, выступая против христиан, в то время как Ювиан в 363 г. в Антиохии применит ее как обвинение против язычников, когда «вместе со своими смеющимися любовницами» (Сюид) он велит разрушить библиотеку, созданную Юлианом в храме, построенном Адрианом в честь своего отца Траяна.

Указ от 23 февраля 303 г., которым Диоклетиан взял реванш за три века терпимости, был более откровенным и предписывал: сокрушите их храмы и сожгите их книги. Августин назвал это «*persecutio codicum tradendorum*», перекладывание вины на переданные нам книги. Отмечается, что этот императорский указ никоим образом не исполнялся ни в Александрии, ни в Иерусалиме или Кесарии, что, видимо, указывает на угасание могущества Рима. Напротив, в Сирте (ныне Константина, в Алжире) фламин Феликс приказал епископу отдать ему все рукописи. Тот протянул ему очень большой кодекс.

«— Где остальное? — прорычал представитель государства.

— Они хранятся у чтецов, но мы не предатели, прикажи лучше нас убить».

Всего было найдено и уничтожено только тридцать семь книг. Христиане сопротивлялись, используя всевозможные уловки: солдатам пришлось довольствоваться

* В XII в. Ле Сюер напишет выдающуюся своим идиотизмом картину на этот сюжет: у ног роскошно одетой толпы чернокожий четвероногий раб дует на непослушное пламя, которое лижет кучку печатных книг (Лувр).

только архивами, или же им отдавали книги по медицине, поскольку военные не умели читать. Историки вскоре признали, что Диоклетиан много сделал для распространения христианства.

Аммиан Марцеллин около 378 г. с горечью констатировал, что некоторые римляне «ненавидят ученость, как яд [...] библиотеки закрыты навсегда, словно могилы». На античные столицы в то время нахлынули орды северных варваров, и их душа улетучилась навсегда. Один за другим сдавались города, и одно за другим книжные собрания превращались в дым. Лишь совершенно забытый император Майориан, оригинал, пытавшийся бороться с несправедливостями, обрушивавшимися на его подданных, выступал против немилости по отношению к памятникам, которыми некогда гордились: он знал, что людям нужна и мечта, а останки некогда великой империи служат лишь каменоломнями для каменщиков. «В храмах, спасшихся от рвения христиан, не жили уже ни боги, ни люди, и жалкие остатки римского народа терялись на обширных пространствах бань и портиков. Огромные библиотеки и залы судебных заседаний стали бесполезны безразличному поколению, которое редко нарушало свой покой учеными занятиями или делами». Этот первый хранитель погибающих шедевров был убит через четыре года после коронавания, в 461 г.

А впоследствии в 546 г. царь остготов Тотила сровнял Рим с землей: считается, что с Палатинским и Ульпийским холмами, или тем, что от них оставалось, тогда было покончено, как, по-видимому, и с собранием Агапета I, год бывшего папой. В его доме до сих пор можно увидеть стены библиотеки высотой почти 6 метров, с фризами и портретами, нависавшими над исчезнувшими армиями, и слова, высеченные на мраморном перекрытии: BIBLIOTHECA AGAPETI I A DXXXV DXXXVI. Так погибли все «библиотеки Рима», сообщает Кассиодор, который решил основать монастырь и большую библиотеку в Калабрии, спокойной местности, большей частью которой он владел. Он сделал очень мудрый вы-

бор: этот знаменитый Виварий, названный так потому, что там взращивали не только дух, но и рыб, в котором он основал новую Александрию, чтобы к девяноста пяти годам спокойно составить систематическое описание всех наук, не пережил его надолго: нагрянули лангобарды, разрушили его и сожгли. Папская резиденция в Латране имела счастье унаследовать часть сочинений Кассиодора; только часть, поскольку в Виварии христианские книги соседствовали с самыми разными латинскими и греческими классиками. Радикализм победил: Григорий I, префект Рима и папа с 590 г., будущий святой, приказал сжечь оставшиеся сочинения Цицерона, Тита Ливия и многих других авторов великой эпохи, потому только, что люди нового века решительно предпочитали эти произведения Новому Завету. Начиная с этого понтифика, кстати, одной только близости языческой книги стало достаточно, чтобы навлечь опасность на благочестивую душу. Этот человек заставлял называть себя «посланником Бога» и не скрывал своего презрения к книгам и культуре в целом. Исаак Дизраэли уверяет, что, заставив сжечь римскую библиотеку, он также избавил Блаженного Августина от греха плагиата, поскольку трактат «О граде Божиим» всем обязан Варрону, поздние книги которого сгинули в то время.

По правде говоря, первые христианские издательства, как кажется, старались скорее сделать свою продукцию незаметной. Так, Иероним в 403 г. пишет юной и привлекательной Лаэте: «Пусть твоими сокровищами будут не драгоценности и шелковые ткани, а рукописи Священного Писания. Но и с ними думай меньше о позолоте, пергаменте из Вавилона и арабесках, но о соответствии текста и точности пунктуации... Что до тех, у кого есть старинные книги с золотыми и серебряными буквами и, вульгарно выражаясь, с буквицами, которые скорее груз для страницы, чем надпись, — пусть они у них будут, если им так хочется, а мне и моим близким пусть оставят наши скромные страницы и копии, которые не так заметны своей красотой, как своей точностью». Стиль книг, против которого направлено это письмо, —

это то, что мы называем унциалом; суровый Иероним видел в нем хороший способ замедлить передачу текстов будущим поколениям, поскольку действительно именно физическая форма книги также определяет то, как ее будут хранить, заботиться о ней и передавать потомкам. Например, в приорате Юра около 1500 г. красивую рукопись святого Иеронима как раз с этими буквицами алчно сожрал медведь, которого привлек запах абсолютно свежего качественного пергамента. Что и требовалось доказать.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ

В Византии императорскую библиотеку основал Константин Великий в первые дни существования этого нового Рима, в 330 г. Ей не было равных по богатству, равно как и по злосчастью. В дворцовом портике расположилось семь тысяч произведений, и не только христианских. Одни только «каллиграфы высокого мастерства, антиквары и признанные писатели работали там». Сто лет спустя каталог достиг ста двадцати тысяч томов, и это количество, по-видимому, было непревзойденным в мире в 475 г. Но тут на несколько беспокойных месяцев трон узурпировал невежественный Базилиск, и за этот период возникло непосредственное политическое движение, а к его концу огромный пожар превратил книжное собрание в кучку пепла, не пощадив, как говорят, и Гомера, написанного золотыми буквами на змеиной коже двенадцатифутовой длины.

Полное ничтожество по имени Тарасикодисса стало императором, известным как Зинон. Его изгоняли, затем он вернулся и восстановил библиотеку, и она вновь заработала. Но потом ей причинил беду неграмотный владыка Леон Изаурийский. Именно в его правление начало развиваться иконоборчество, и действительно на родине икон и мозаик с 727 по 841 г. живописное изображение было запрещено. Иконоборцы ненавидели все иллюстрации и боролись с приверженцами рисунков, которые, в свою очередь, их защищали. Академия была

закрыта. Ее библиотека, созданная в 425 г., также исчезла, как и теологическая библиотека, основанная между 610 и 638 г. под эгидой патриарха и пострадавшая от огня в 726 г., а также как и публичная библиотека. Два или три раза императоры приказывали искать в своих дворцах сочинения, которые могли бы подкрепить их мнение в споре об изображениях, но найти их оказалось невозможно. Поговаривают, что Леон Изаурийский был тайным поклонником ислама и что он сложил огромный костер из тридцати пяти тысяч книг академии с двенадцатью ее преподавателями в середине, но Византия — это еще и родина сплетен. Благодаря, в числе прочих, императрице Феодоре, бывшей «куртизанке из тех, которых древние называли пехотными», иконоборчество вышло из моды. Византийский университет вновь возродился в своем неизмеримом великолепии при Василии I, который был императором с 867 по 886 г.

Бывший посол, а впоследствии воспитатель детей Василия I, патриарх Фотий (820—891), придумал «дайджест»: позже, в XVI в., это назовут «Bibliotheca». Фотий около 843 г. начал выпускать нечто сначала именовавшееся «перечисление и опись книг, которые мы прочитали и общий разбор которых запросил наш горячо любимый брат Тарасий». В двухстах семидесяти девяти главах (и стольких же кодексах) он изложил вкратце триста восемьдесят шесть основных сочинений со времен Геродота, включая редкости, иногда приходившие издалека, и назвал этот обширный труд «Myriobiblon», десять тысяч книг. Речь идет не только о христианских и еврейских произведениях, но и о языческих и светских, которые к тому же, как представляется, особенно его интересуют. Каждая заметка начинается со слова «Прочитано...», сопровождаемого заглавием и комментарием. Ходили завистливые слухи, что Фотий продал свою христианскую душу еврейскому колдуну в обмен на успех, богатство и знания: верно, что еще за неделю до того, как стать патриархом, он не был священником. Попав в немилость и оказавшись под стражей, Фотий жаловался Василию, что у него конфисковали его мешки с рукописями. Сетовал он зря: восьмой церковный

собор на восьмом заседании принял решение и отдал распоряжение, чтобы библиотека была немедленно сожжена. Потому существенная часть произведений, собранных и отрецензированных Фотием, нам незнакома: из двухсот одиннадцати утрачена описанная полная версия, сто десять потеряны совсем. Но это начинание по популяризации книг, первоначально нацеленное на одного-единственного читателя, внесло свой вклад в развитие знания по всей империи и позволило если не поставить под сомнение одностороннее мышление, то хотя бы обеспечить передачу античной литературы. Или того, что та эпоха захотела из нее отобрать.

Сколько тысяч книг было собрано в Византии, когда нагрянули крестоносцы? Эти посланцы Господа объявляли всякий город, который не сдавался «на милость», военным трофеем, тем более охотно, что его разграбление было источником единственной награды, обещанной солдатам, так что даже христианский летописец часто сравнивает воинов-пилигримов с «тучей саранчи». Оказывается, что в 1204 г. Константинополь «во всем превосходит меру». Вот и разрушения получились на том же уровне, то есть чрезмерными. «Франков», которые признавались в своем презрении к этому народу «писцов и ученых мужей», можно было увидеть выступающими в ряд по улицам, выставляя напоказ на концах своих копий в качестве трофеев не банальные окровавленные головы, но чернильницы, писчие перья и листы бумаги. Греческий сенатор и историк Никет задавался вопросом, можно ли ожидать чего-то другого от «людей невежественных и столь откровенно непросвещенных и варварских». Представитель другого лагеря Виллеарден признавал: «Великолепные дворцы, полные древних произведений искусства и рукописей классиков, уничтожались». От огня расплавилась гигантская статуя сидящего Геркулеса, изваянная в бронзе Лисиппом и так искусно сбалансированная на своей оси, что один человек мог поворачивать ее одной рукой, вспоминает александрийский библиофил Георгиад и добавляет: теперь вы можете представить себе рукописи... Это ошеломило даже современников,

поскольку Саладин в Иерусалиме семнадцатью годами раньше повел себя лучше. «Во дворце, задымленном и замаранном, повсюду были следы грубой неумеренности франков; огонь пожирал целые улицы [...] и, как будто латиняне предвидели момент их изгнания, они ограничили свои действия грабежами и разрушениями [...] Греческая литература практически вся была сконцентрирована в столице, и, не зная всего масштаба наших потерь, мы должны глубоко сожалеть о сожженных богатых библиотеках».

Но об этом не стоит говорить: в 1261 г. живучее императорское собрание было восстановлено в одном из крыльев дворца Блахерна Михаилом VIII Палеологом, как только он отбил Константинополь. Полки снова наполнялись, с энтузиазмом хотя и меньшим, но достаточным, чтобы привлечь испанского путешественника Педро Тафура, которому вообще-то не понравился этот город с грязными улицами, порочным и плохо одетым населением и содержащимся в плохом состоянии дворцом — кроме той ничтожной части, на которой теснился император со своей семьей. Зато он увидел «мраморную галерею, выходящую на аркады, каменные скамейки, выложенные плитками вокруг таких же столов, составленных краями и покоящихся на низких опорах; там много книг, античных сочинений и историй». Это последнее описание того, что спустя каких-нибудь пятнадцать лет исчезло в процессе поглощения древнего мира при завоевании Константинополя турками 29 мая 1453 г. Город сопротивлялся восемь недель, резня продолжалась три дня и три ночи. Потрясало количество мертвых — трупы плыли вдоль Босфора, «словно дыни по каналу», как заметил один венецианец, — и, что еще важнее, количество людей, проданных солдатами в рабство. Вместе с Эдвардом Гиббоном мы «сильнее пожалеем об утрате византийских библиотек, которые были уничтожены или рассеяны посреди всеобщего смятения. Говорят, что сто двадцать тысяч рукописей было утрачено тогда». Но не для всего мира, поскольку турки — это не крестоносцы: несколько итальянских книж-

ных лавок получили неплохой доход от спасенных книг. «Все багажные повозки перевозили их тысячами через Европу и Азию. За византий давали десять свитков Аристотеля или Платона, или теологии, или любой другой науки. От отделанных с невероятной роскошью молитвенников отрывали покрывавшие их драгоценные металлы, потом их либо продавали в таком изуродованном виде, либо выбрасывали. Они швыряли в пламя все миниатюры и поддерживали ими огонь в своих кухнях». В эти дни было уничтожено полное издание «Всемирной истории» Диодора Сицилийского. Рядом с местом разграбления видели, как победитель Мехмеда II аль-Фатиха, который тогда приобрел прозвище «Завоеватель» и утратил репутацию поэта, лениво пытается собрать заново несколько греческих и латинских рукописей, не тронутых трагедией, которой он, по его собственным словам, так хотел бы избежать. По крайней мере, так утверждает Критобул, его официальный хроникер.

4. У ИСТОКОВ ИСЛАМА

О небеса! Какое скопление! Здесь
гибнут целые столетия,
И один яркий язык пламени превра-
щает мудреца в дуновение ветра.

Александр Поуп

Человека, который создал ислам, звали Омар, или же ‘Умар, с легким сужением гортани, если мы хотим быть ближе к его языку.

Если бы не его политический гений, у мусульманской религии были бы только локальные последователи и войны между арабскими племенами задушили бы в зародыше одну из самых могущественных цивилизаций. Успех обозначился благодаря одному блестящему и неотразимому постулату: все мусульмане объединяются в «дар аль-ислам», или дом мира, а все, что его окружает, составляет «дар аль-харб», или территорию войны. Как можно не принести этой территории мир ислама, пусть даже при необходимости применяя силу?

Омар Ибн аль-Хаттаб родился около 586 г. (по утверждениям некоторых, 591 г.) в Мекке, в семье представителей городской элиты. Он не обладал большим состоянием, но через свою мать был связан с влиятельным кланом и сначала резко воспротивился амбициям Мухаммеда, а потом превратился в самого пламенного его защитника и в 622 г. последовал за ним в хиджру — бегство из Мекки в Медину; впоследствии он стал его военным советником, а в 625 г. даже тестем. После смерти Пророка он заставил жителей Медины принять в качестве первого халифа Абу Бекра (также выходца из Мекки), а в 634 г. унаследовал его трон и начал крупные завоевания, которые вел вплоть до своей смерти 3 ноября 644 г. от руки персидского раба. Он был одинаково способен организовать первые правительственные диваны и отпра-

вить войска, доселе умевшие только грабить караваны, основывать империю в Сирии, Месопотамии, Хорасане, в Иране, Египте и Ливии. Хвалебное жизнеописание представляет его суровым, расчетливым и неумолимым — время изворотливости еще не пришло. А что арабы в 641 г.? «Большая часть их была не более развита, чем покойный аятолла Хомейни», — писал в свое время выдающийся эллинист Хью Ллойд-Джонс, и это еще была литота, принятая в Оксфорде.

Так что библиотеки завоеванных стран они не щадили.

Действительно, это воле Омара, или же превратному толкованию его приказов, мы обязаны уничтожением в 637 г. Тайсафуна, или Ктесифона. Эта древняя столица Сасанидов до сих пор знаменита гигантским сводом Так-Кисры, дворца, в котором с 531 по 579 г. правил могущественный и просвещенный Хосров. Город, где по завету предков почитались зороастрийские каноны, согласно которым каждый текст имеет ценность, ибо знание священо, с распростертыми объятиями принимал изгнанников из Византии. Греческим философам, только что распущенным Академией, сирийским христианам и прочим несторианцам было поручено переводить книги и пополнять царское собрание, усиленное, кроме того, индийскими научными документами и китайскими религиозными и медицинскими трактатами. Город Гондешапур (Шахабад на современных картах), основанный тем же сувереном и разрушенный в 638 г. тем же Омаром, также, как считается, в 555 г. был важным научным и культурным центром: здесь была кодифицирована Авеста и родившаяся в Индии игра в шахматы и здесь читали «Хватай-намак», или «Книгу царей», вдохновившую Фирдоуси. Библиотека, богатая трудами по медицине, философии и астрономии и, таким образом, всеобъемлющая, два века спустя послужит образцом библиотеки Мамуна под тем же именем — «дом мудрости». Великолепие совершенно блестящей и совершенно забытой эпохи Сасанидов оказало влияние на багдадских Аббасидов, пытавшихся ее превзойти.

В 1375 г. Ибн Халдун оплакивал эти опустошительные годы зарождения ислама: «Что стало с науками персов, трак-

таты которых были уничтожены Омаром в эпоху завоеваний? Где науки халдеев, ассирийцев, жителей Вавилона?»

А христиане? Словно считая их неспособными к наукам, великий тунисский историк не говорит о них ни слова, однако он не мог не знать о трагической истории Кайсарии, или Кесарии.

Кесария Палестинская, которую еврейский историк Иосиф Флавий описывал как «расположенную между Яффой и Дорой», недалеко от Иерусалима, который, должно быть, был ее единственным интеллектуальным соперником. Ее порт был первым в мире портом на глубокой воде, легкодоступной и необходимой промежуточной остановкой на морском пути в Египет. Этот населенный пункт стал важным городом при Ироде, затем резиденцией епископа при Оригене, основавшем там школу теологии в 231 г., одновременно с тем, как раввин Ошайя открыл там же школу иудаизма (где, возможно, был написан палестинский Талмуд). Оба учреждения этого совершенно космополитичного города абсолютно корректно сотрудничали.

Ориген был странным человеком: он не подчинялся никаким авторитетам и в юности сам себя оскотил, дабы буквально следовать Иисусу, сказавшему: «Есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит» (Мф. 19:12). Даже в те дни никто не хотел, чтобы он стал над ними священником.

В Александрии, откуда он был родом, Ориген добился от одного мецената, чтобы на него работали семь стенографов, столько же переписчиков и несколько каллиграфов, которые день и ночь, сменяясь, готовили его книги: по оценкам, было выпущено шесть тысяч томов. Изгнанный из Египта за незаконное рукоположение иерусалимскими и кесарийскими священниками, он поселился в Кесарии начиная с 230 г. и до своей смерти в 254 г. Он вновь собирает трактаты по всей Палестине и пишет новые; один его ученик говорил: «Запрещенных тем не было, [...] нам было позволено обращаться к любой греческой и восточной доктрине, как духовной, так и светской».

В академии Оригена учили всем существующим наукам, и она положила начало быстро ставшей знаменитой библиотеке. Здесь, на красивом взморье, при Константине началось великое предприятие по сохранению на пергаменте античных произведений. Богатый сириец Памфил сменил Оригена и довел библиотеку до тридцати тысяч томов. Он составил их список, который утрачен; этот предусмотрительный человек также приказал подготовить запас из множества экземпляров Библии, чтобы иметь их под рукой, на тот случай если кто-то их запросит. Затем собрание поддерживал Евсевий (примерно 263—339), который воспользовался его ресурсами для составления своих «Церковной истории» и «Ономастикона», первых исторических и географических трудов на Святой земле. В 332 г. он руководил группой каллиграфов, которые должны были изготовить заказанные императором пятьдесят экземпляров Библии; одним из этих пятидесяти был знаменитый Синайский кодекс. Когда Рим в феврале 303 г. в последний раз попытался ограничить распространение христианства, уничтожив часть его храмов и его книг, книги из Кесарии избежали этой участи. Так что впоследствии Иероним также смог свободно пользоваться этим ресурсом при написании своей Вульгаты, перевода Библии на латынь. Он упоминает, что у него перед глазами были уже очень древние рукописи — например, оригинал Евангелия от Матфея или «Гексаплы» Оригена, на страницах которых этот одержимый выровнял параллельно в шесть колонок шесть разных версий Ветхого Завета, и сообщает, что перенесение поврежденных папирусов на пергамент продвигается быстро. И завоевание Палестины персами в 614 г., повлекшее за собой уничтожение иерусалимской библиотеки, по всей видимости, не коснулось библиотеки Кесарии, поскольку пятнадцать лет спустя Исидор Севильский еще превозносил ее богатства. Этот расположенный в центре мира очень разнородный город, со своими двумя символами — большим портом, открытым морю, и библиотекой, в которой хранили, переиздавали и способствовали написанию новых книг, был маленькой непризнанной Александрией на службе исключительно у христианского мира.

И только воины Омара в октябре 640 г. получили привилегию уничтожить ее тридцать тысяч рукописей и практически столько же человеческих жизней, после осады города, продолжавшейся семь месяцев. Арабы еще не привыкли к тому, что им сопротивляются, и Кесария пала последней в этой первой волне завоеваний: надо было угодить Омару. Что же удивительного, что вековая молва впоследствии взвалила на второго халифа также ответственность за выдуманную трагикомичную историю с александрийскими хаммамами?

«Аль-ислам яхдиму ма каблаху» — ислам разрушает то, что встает у него на пути. Мы не знаем происхождения этого сомнительного хадиса, который наверняка служил религиозным лозунгом в наивном начале, во времена хиджры, но от огня и крови быстро и навсегда приобрел зловещую окраску. Особенно стремительно изменились к худшему действия отдельных военачальников I в., таких, как, например, Кутайба ибн Муслим, завоевавший Хорезм в 712 г.: всех жителей, после того как от них отреклись, убивали, если те умели писать на хорезмском, и рассеивали по всему свету, если они умели на нем читать, поэтому мы сегодня не знаем их наук и традиций, как говорил перс Пур Давуд (век спустя именно выходец из Хорезма прославился изобретением алгебры в байт аль-хикма, «доме мудрости», Багдада при Мамуне). Абу Райам добавляет еще более ужасающие подробности: «Кутайба убил их писцов и их «хирбад» (священников), уничтожил все написанное ими и все их книги, чтобы сделать их неграмотным народом. Они были вынуждены рассчитывать на свою память, чтобы сохранить нужные им знания. Со временем они забыли все частности, отличавшие их друг от друга, и сохранили в памяти только общие представления, по поводу которых они могли прийти к согласию»*.

* Эти цитаты взяты из текста убитого в 1979 г. аятоллы Мутahari Муртады, переведенного на английский одной иранской пропагандистской организацией. Все без исключения последующие династии на самом деле внесли свой вклад в искоренение культуры Хорезмии.

Но сначала были времена, когда мусульмане сжигали экземпляры Корана.

При третьем халифе Османе (упрощенное от Усман ибн Аффан), который жил в Медине, арабские завоеватели присвоили себе также много других территорий, например Армению и существенные части Персии, Магриба и Нубии. Вместо арабизации халиф тогда довольствовался тем, что оставлял там члена своей семьи, чтобы тот следил за отчислением определенной доли местных денежных средств, что не могло не вызвать зависти между бывшими боевыми соратниками. Централизованная власть была хрупкой, а регион — все еще нестабильным: Мухаммед умер всего лет двенадцать назад. Одновременно существовало несколько версий Корана, поскольку слово Пророка распространялось из уст в уста. Тогда халиф, чтобы ограничить растущее в отдаленных владениях влияние проповедников-курра, которые зарабатывали себе на жизнь и подрывали силу местных властей, становясь хранителями и чтецами священной книги, объявил, что существует только один разрешенный ее вариант, кодекс, принадлежавший Хафсе, дочери Омара и четвертой супруге Мухаммеда. Пропаганда говорила, что она получила свой экземпляр через отца от самого Абу Бекра, который также был тестем Пророка и первым халифом. А чтобы пресечь придирки и клевету, Осман поручил личному секретарю Магомета тщательно проследить за изготовлением копий и копий с копий, которые в обязательном порядке будут переданы во все мусульманские города: в Куфу, в Басру, в Дамаск и в другие места, а все имеющиеся там книги требуется изъять и немедленно сжечь.

И это было исполнено, хотя и с трудом. Особенно в Куфе, в Ираке, где сопротивление оказал Абдулла ибн Масуд, сказав: «Если бы я знал, что где-то кто-то знает книгу Аллаха лучше меня и что до этого места можно добраться на верблюде, я бы немедленно поехал с ним встретиться».

Между сторонниками и противниками официальной версии халифа Османа разгорелся спор. Халиф в 656 г.

был убит, и за этим последовало четыре года гражданских войн. В это время правитель Медины Марван приехал к Хафсе, чтобы она вручила ему свой экземпляр, что она сделать отказалась. Он сказал ей: я подожду твоей смерти. Так и случилось. Потом он потребовал ценнейшую рукопись у брата Хафсы, которому ничего не оставалось, как подчиниться. Тогда Марван разорвал книгу у всех на глазах и объявил: «Мы взяли все, что она содержала, и мы не хотим, чтобы однажды люди поставили под сомнение ценность этого оригинала». Понятно, что это вызвало сомнения и споры на веки вечные. Вплоть до того, что оспаривается само появление на свет какого-либо письменного текста до мединских копий. Тем не менее именно версия, появившаяся в результате интриг Османа, надолго утвердилась в исламском мире, за исключением Куфы, где вплоть до XI в. преобладала версия Масуда. Всего известно до шести одновременно сосуществовавших вариантов, и до сих пор африканский Коран — это не тот Коран, на который ссылаются все мусульмане.

Юзеф Еше в потрясающем и неисчерпаемом исследовании арабских средневековых библиотек с улыбкой сообщает, что один средневековый андалусец увидел у одного студента пятьдесят шестой том описания всех существующих книг на арабском языке. И добавляет, что это даже не был последний том. Заметки в нем были краткими: заглавие, имя автора, его дата смерти и родной город. Из расчета примерно по двадцать статей на страницу и зная, что каждый том содержит в среднем 400 листов, получаем впечатляющую цифру в 896 000 наименований, или, иначе говоря, за шестьсот лет издания, начиная со второго века хиджры, в год выпускалось по 1491 книге.

Но хотя эта история и напоминает случай с человеком, увидевшим человека, наша оценка покажется менее преувеличенной, если учесть, что библиотеки в исламском мире были также центрами переписки и создания новых книг, таким образом экспоненциально увеличивая каталог. Первые века хиджры после завоевания были периодом открытий, который продлился недолго: в огромных количествах скапливались переводы приходивших

извне, по большей части греческих, текстов, в особенности научных и технических. Другим источником роста была религиозная литература, которая сама прирастала интерпретациями хадиса, комментариями к комментариям, двусмысленными и спорными юридическими записями, регулировавшими каждый поступок и каждую мысль верующих и позволявшими бесконечные развития и препирательства.

Обширные книжные собрания этой эпохи, светские и нет, принадлежавшие правителям и частным лицам, все были обречены на трагическую кончину.

Самый показательный случай средневекового книгоуничтожения имел место в Кордове в X в.: мы знаем во всех подробностях сценарий и актеров этой высокоромантической трагедии, когда одна из величайших в истории библиотек была принесена в жертву по расчету.

АНДАЛУСИЯ

Ее звали Суб, Утренняя заря. Или же Суб-басконка, по ее происхождению. Она была рабыней-певицей будущего халифа аль-Хакама II, любившего ее без памяти, больше всех других в своем гареме (говорят, однако, что он не любил женщин, кроме того, он называл ее с глазу на глаз мальчишеским именем Джафар). На склоне лет она, дабы он был уверен в непрерывности династии, подарила ему сына Хишама и сразу обеспечила себе титул «действительной султанши»; таким образом она стала «сайида», дама. Хакам приказал одному византийцу сделать две прекрасных шкатулки из слоновой кости, дабы подарить их «самой любимой из плодовитых женщин». Ему было пятьдесят лет, и он только начинал править.

Он унаследовал от своего отца Абд аль-Рахмана III, андалусского халифа из династии Омейядов, долгое правление которого было мирным и роскошным, особенное увлечение книгами и страсть к библиотекам, каковые в нем еще больше развились. С самого детства он привык к тому, что специальные посланники объезжают

весь известный мир на службе у его фантазии и прочесывают Каир, Дамаск или Багдад, дабы силой золота убедить мудрецов и почитаемых авторов отправлять первый экземпляр любого нового произведения в Кордову, еще даже до того, как их собственная страна об этом услышит. Пользуясь своими могуществом и состоянием он продолжал, чем дальше, тем больше, приобретать, заставлять переводить, классифицировать и архивировать, исполняя обязанности государственного мецената. Хакам, как немногие властелины, пользуясь очевидными удачами своей совершенно молодой династии, пытался при помощи страсти к книгам и культуры доказать, что Кордова лучше Багдада. Его отец присвоил себе халифский титул в ущерб династии Аббасидов, которых он и за людей-то не считал. Чтобы утвердиться, Абд аль-Рахман в течение тридцати лет отбирал треть государственного дохода на постройку в сельской местности административного и дворцового центра, обладающего, с нашей точки зрения, умеренным и трогательным изяществом, но современникам казавшегося экстравагантно роскошным. Отец хотел создать государство, сын — культурный центр.

Эти заботливо собранные книги были рационально организованы: на первой странице каждой стояло полное имя автора вместе с его происхождением, датой и местом рождения, а также названиями других его произведений; в каталоге при каждой книге приводилось ее описание и расположение. Вдоль стен длинного сводчатого зала и примыкающих к нему залов-хранилищ халиф повелел соорудить шкафы из тщательно отделанного дерева высотой в человеческий рост и длиной в три метра, со стеллажами сверху донизу, на которых расставлялись книги. На каждую ветвь знания приходилось по одному такому сооружению.

Однажды к аль-Хакаму пришли с жалобой от священников, которые постоянно требовали запретить алкоголь и другие развлечения. Он собирался ответить, что он готов обсудить это позже, но его главный казначей нашептал ему, что как раз с налогов на вино оплачивается по большей части новое крыло его библиотеки, так что он

сказал «нет», и повелел имамам прекратить отвлекаться от молитвы на ничтожные просьбы.

В душистой тени этого «неподвижного халифата» жители Кордовы могли полистать и взять почитать тысячи небывалых книг: историю Египта и Магриба, произведения Шафи, сокращенное изложение Талмуда, медицинский трактат Диоскорида по-гречески, но и по-арабски тоже, речь Орозия против язычников на латыни и ее же в местном переводе, отрывки из Ветхого и Нового Заветов, описание путешествия в Европу, предпринятого аль-Туртуши, «Китаб аль-Агхани», обошедшуюся в тысячу динаров, — это только те произведения, которые, как мы сегодня уверены, там погибли. Библиотека Алькасара, поскольку большая часть библиотеки находилась не в Мединет аль-Захра, а во дворце в центре Кордовы, в западном крыле мечети, стала настоящим предприятием, в мастерских которого можно было освоить каллиграфию, грамматику, поэтическое искусство и переплетное дело. Исследователи обнаружили множество деталей: Ибн Хазм уверял, что он знал Талида, евнуха, занимавшегося исключительно составлением индексов — как покажет будущее, весьма эффективно; вот Лобна, «выдающийся секретарь», с бесчисленными предосторожностями ставит на полку «*De materia medica*», сплошь изукрашенную золотыми буквами, которую император Византии подарил вместе с трехязычным монахом в качестве устного переводчика, а вот его коллега Фатима Старшая, уверенно и изящно обращающаяся с пером и настолько порядочная, что, как говорят, умерла девственницей.

Под шифром Ms 874 в мечети Каравийин в Фесе до наших дней дошел манускрипт, изготовленный в июне или июле 970 г. для Хакама и его дворца: этот список Мухтасара, по-видимому, единственный подлинный остаток легендарного собрания, считавшегося огромным. Содержимое его полок оценивается в 400 000 «муджаладат», то есть хороших больших томов, поскольку это слово означает «кожаный переплет». Но даже если и меньше, во что не верит, например, Пьер Гишар, все вместе остается неправдоподобным: крупные европейские собрания

того времени содержали в среднем около тысячи томов. Вот доказательство этого изобилия: опись кордовских книг, представлявшая собой простой список заглавий, занимала сорок четыре тетради по двадцать листов в каждой. Неожиданным образом этот документ был написан на бумаге, материале, конечно, не выдерживающем сравнения с кожей газели, но таком новом в те времена. Хотя тому еще нет формальных доказательств, вполне вероятно, что первая бумага в Европе была сделана в Кордове, определенно до Ятивы, и на несколько веков раньше, чем в Италии.

Благотворное влияние этого заведения было заметно в городе, переполненном книжными лавками, писчебумажными магазинами, букинистами и книголюбями. Там было не меньше ста семидесяти женщин, которые кормились своим пером, переписывая тексты. Кади Ибн Футаис содержал шестерых переписчиков и в то же время собирал шедевры каллиграфии в здании, вся внутренность которого была выкрашена в зеленый цвет, что, как он говорил, способствовало чтению; когда его лучшие друзья пытались одолжить у него книгу, он заказывал специально для них еще одну ее копию. Мечеть, унаследовавшая в 1011 г. часть его имущества, выставила библиотеку на аукцион и получила за нее не менее 40 000 динаров золотом. Просвещенный аль-Гафики хвастался, что у него самая значительная библиотека, после халифской, включающая полный экземпляр истории аль-Табари; она также была продана с аукциона в 1041 г. и принесла колоссальную выручку: до четверти миткаля за лист. Аверроэс, узнавший это, похоже, от своего деда, писал: «Когда в Севилье умирает ученый муж, его библиотеку отвозят в Кордову, чтобы там продать. Когда в Кордове уходит в мир иной певец или великий музыкант, принадлежности его искусства предлагают севильцам».

А потом в этой спокойной картине появился Ибн Абу Амир, которого называли аль-Мансуром, или Альмансором, ибо его слава простиралась по эту сторону Пиренеев.

Получивший столь же высокое образование, сколь незнатен был его род, этот изворотливый карьерист начал

свою службу в судебной администрации и быстро стал управителем при сыне Суб. Ей он был нужен, чтобы обеспечить будущее наследника; он возьмет с них за эти услуги сторицею. Начались пересуды, но вскоре калиф выбрал Альмансора куратором по выморочному имуществу, кади Севильи и заведующим монетным двором. Он обильно черпал из государственной казны, дабы обеспечить свой роскошный образ жизни, и, когда его поймали с поличным, один из его политических союзников возместил расход в сокровищницу. Отношения, связывавшие интригана с его хозяином, были сложными. Тот относился к нему тогда более чем снисходительно: вот Альмансора сделали надзирателем над финансами и поручили поехать инспектировать использование средств, которые Хакам день за днем отправлял своим армиям в Магрибе, сдерживавшим берберов. Он справился с этим двусмысленным поручением к глубокому удовлетворению не только суверена, но и обвиняемых военных, которые стали его союзниками. Как раз в 976 г. умер халиф. Альмансор придушил нескольких визирей и других претендентов, чтобы поддержать Хишама II на троне, доставшемся ему по наследству. Поскольку тому было только одиннадцать лет и, как сказал Ибн Саид, он обладал «душой осла в человеческом обличье», его покровителю было несложно заточить его в глубинах дворца, вырыв даже вокруг большой ров, «дабы позволить ему посвятить себя благочестивым занятиям» и мало-помалу взять в свои руки всю полноту власти. Суб умерла в 999 г., от горя, что ее сын не правит. Альмансор шел за ее телом босиком и сам прочитал погребальную молитву.

Достигнув вершины могущества, он знал, что благоприятные маневры, к которым он постоянно прибегал, его частная жизнь и либеральные пристрастия — не был ли он сам любителем книг без всяких предрассудков? — становились объектом все более и более острой критики со стороны законников. А в Андалусии то были фукаха, или улемы, богословы-законоведы, подчинявшиеся малекизму: на протяжении всей истории Испании можно видеть, как эти сторонники самой радикальной правоверности наводняют города — в особенности Се-

вилью, — прочесывают базары в поисках подозрительных книг, книг «материалистов и философов», чтобы сжечь их на месте, а чернь от всего сердца аплодирует этим радостным потехам. Эти силы никогда не одобрялись правительством, но оно всегда склонялось под давлением народа, доверием которого они без меры спекулировали. Как мы увидим дальше, это явление и не думает исчезать.

И тогда, чтобы заручиться поддержкой этих народных критиков, Альмансор придумывает самое радикальное свидетельство: сжечь библиотеку халифов! С дьявольской изворотливостью он сам принимает участие в этом искупительном действе. В его окружении были даже некоторые, кто советовал ему отказаться провозглашать себя халифом: Ибн аль-Макви, законник аль-Азили, грамматик аль-Зубайди, нагромоздивший тяжеловесные возражения философу Ибн Масарра и двум или трем другим, среди которых был Мухаммед ибн Ябка ибн Зарб, посвятивший себя пятнадцатилетнему преследованию учеников того же Ибн Масарры, «вынудив их отречься от своих взглядов и сжечь в их присутствии под восточной стеной великой мечети Кордовы бывшие в их владении экземпляры сочинений этого философа». И клика улемов, опьяненная неожиданно представившейся им возможностью нарушить границы, срывала почтенные книги с калифских стеллажей, чтобы побросать их в большое дворцовое патио, где их сжигали до тех пор, пока больше ничего не осталось*. Особенно неистовствовали по отношению к произведениям античных ученых на темы логики, астрологии и других неисламских понятий. Книги о «приемлемых» предметах пощадили. Таковых немного: лексикография, грамматика и правила разделения наследства. То, что не сожгли, побросали в колодцы, засыпав сверху камнями и грязью. Таким образом похоронили лучшее, что было в Андалусии.

* В 1823 г. Генрих Гейне построит вокруг этого эпизода пьесу «Альмансор», одной фразе из которой суждено было прослыть пророческой, но в 1933 г. (см. ниже).

Можно спросить, со всей ли желаемой точностью осуществлялся, посреди этого исступления, отбор книг (хотя евнухи-индексаторы и провели работу, но все-таки 400 000 томов!). Но что касается Альмансора, ему не составляло труда узнавать и показывать пальцем книги с наиболее дурной репутацией: вполне возможно, что у него были такие же, поскольку его библиотека обогащалась параллельно с библиотекой Хакама, с которым он разделял не одну страсть.

Затем Альмансор продал часть помилованных книг из собрания халифов, чтобы заплатить своей «африканской солдатне», шестистам магрибским наемникам, которыми он укомплектовал свою армию, «гарантируя им барыши». Доказано, что еще оставались несколько книг из великой библиотеки Омейядов, хотя и представлявшие меньший интерес. Берберы не были очень требовательны, они не отказали себе в удовольствии их разграбить, когда некоторое время спустя взяли Кордову.

Слово «файласуф» впервые появилось в арабском языке как раз во времена Абд аль-Рахмана III; этот термин и само понятие пришли вместе с греческой медициной. Первым андалусским философом, таким образом, был тот самый Ибн Масарра (883—931), аскет, тайно живший в сьерре около Кордовы, который один благодаря своему болезненному пристрастию к уединению ускользнул от малекитских инквизиторов. Его концепция, восходящая к неоплатонизму, базировалась на эзотерическом и символическом учении; она заходила так далеко, как только могла позволить та эпоха: спасение каждого могло быть обусловлено не только пророчеством, но и размышлением, и Коран не был необходим. За это в некоторых странах и сейчас могут десять раз удушить. Понятно, что сочинения, вдохновленные Ибн Масаррой и восхваляющие его, особенно преследовались цензорами. Комментатор и кади Толедо Саид аль-Андалузи, или Ибн Саид (1029—1070), свидетельствует на этот счет: «Эти науки не нравились старикам и вызывали хулу властей; всякого, кто их изучал, они подозревали в ереси и считали запятнанным инакомыслием. Большинство тех, кто тогда посвящал се-

бя изучению философии, утрачивали свой пыл, скрывались и хранили в тайне то, что знали».

Возможно, в ожидании более просвещенных эпох? Но последующие времена, напротив, были столь мрачны, что период Омейядов в Европе практически может сойти за пору чистого слепящего света.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ИСЛАМСКИЙ ВОСТОК

Средневековый ислам — истинный Олимп библиотек. Они часто создавались по искренней склонности монарха и сначала обогащались благодаря разветвленным дипломатическим связям; затем преобладание каллиграфии, искусства переплета и изготовления бумаги, а также, несколько позже, система дарения, или «вакф», способствовали их развитию тем больше, что возведение библиотек часто скрывало другие прочно укоренившиеся подоплеки. Так что библиотека владыки без промедления удваивалась, становясь публичной библиотекой.

Можно прочесть точные описания этих мест научных изысканий, чтения и размышлений. Так, Аль-Мукаддаси видел в Ширазе до 990 г. огромный сводчатый зал, к которому с трех сторон прилегал ряд комнат, или «хазайн». Вдоль всех стен стояли стеллажи из резного дерева, высотой в три пяди (около 70 см), с открывающимися дверцами. Аль-Макризи даже видел в Каире, что эти стеллажи делились на части перегородками, которые разграничивали запиравшиеся на ключ отделения и на которых были ярлыки со списком содержащихся внутри книг. В «руфиф», или стеллажах, книги складывали плашмя стопками в маленькие пирамиды, по уменьшению формата, а сокращенное заглавие писалось вдоль верхнего или нижнего обреза. В конце X в. Ибн аль-Надим составил «Китаб аль-Фихрист», или «Указатель» всего написанного по-арабски, независимо от темы, происхождения и вероисповедания автора. Этому поклоннику Аристотеля, сыну библиотекаря из Дар-аль-Рума, «латинского кварта-

ла» Багдада, мы обязаны точным свидетельством о золотом веке книги, который частично известен нам по двум сделанным им подробным его описаниям.

Арифметическая точность арабского языка проявляется в том, как в нем называли публичные, полупубличные и частные места, в которых хранились книги, соединяя одни и те же базовые слова. С одной стороны, вместилище: «байт», дом, или «дар», сооружение (один «дар» мог включать в себя несколько «байт», выходящих на один двор), и, наконец, «хизана», буквально: склад. Затем — содержимое: «хикма», мудрость, «ильм», наука, «кутуб», книги. Получившиеся наименования обозначали различные виды мест и занятий, от маленького архива до большого университета. Именно поэтому легко можно понять, что «байт аль-хикма» — это исследовательский центр, «дар аль-ильм» — научная академия, а «хизанат аль-кутуб» обозначает преимущественно частную библиотеку. Которая часто оказывалась монументальной.

Уже самое первое из первых учреждений, по примеру Персии 555 г., было названо домом мудрости, «байт аль-хикма». Оно было основано в конце VII в. в Багдаде во дворце Хадра первым халифом из династии Омейядов и особенно обогатилось при одном из его потомков — Халиде ибн Язиде ибн Муавия. Этот человек питал сильную склонность к алхимии и посвятил много времени первым переводам греческих текстов, повествующих о различных умозрительных построениях, которые впоследствии запретили и прокляли, как он, похоже, предвидел, когда писал это извиняющееся замечание на склоне своих дней: «Я не ученый и не невежда; я только коллекционировал книги».

Эти книги составляли также богатый источник знаний по медицинской науке, поскольку говорят, что во время эпидемии, которая свирепствовала при Омаре ибн Абд аль-Азизе, их с замечательной щедростью раздали населению, чтобы помочь ему лечиться.

В центре круглого города с тремя кольцами укреплений второй халиф из рода Аббасидов аль-Мансур придал но-

вый импульс росту книжных собраний за счет переводов научных трактатов, унаследованных из Античности, — то есть греческих. Его наследник аль-Махди также потворствовал изданию новых книг на арабском, а затем, при Гаруне аль-Рашиде, библиотеки завоеванных городов стали доставляться в переводческие и писчие мастерские нового Дома мудрости, уже могущественного на тот момент заведения, которое досталось в 813 г. сыну Гаруна аль-Мамуну. «Он посвятил себя изучению науки, где бы она ни находилась, и исследованию ее скрытых сокровищ», — говорил, несколько вымученно, Саид. Императоров Византии и других суверенов в те времена осыпали подарками в обмен на бывшие в их владении философские книги. Подарками достаточно роскошными, так что сочинения Платона, Аристотеля, Гиппократы, Галена, Евклида и Клавдия Птолемея быстро начали притекать в Багдад.

Только правители Кипра колебались — и тогда старый советник сказал им: «Ускорим, наоборот, эту поставку книг, ибо рациональные науки не устанавливаются в стране с религиозными учреждениями без того, чтобы ее развратить и посеять разлад среди ее ученых» (эта милая сцена повторялась в разных местах в нескольких завидно параллельных вариантах по крайней мере трижды). Предполагаемое порочное влияние науки не помешало Багдаду стать легендарным центром перевода, книгоиздания, каллиграфии и переплетного дела, украшенным обсерваторией, в которой магометанские, христианские, еврейские, зороастрийские и сабейские ученые гармонично трудились над астрономическими, математическими и картографическими исследованиями. Таким образом, «байт аль-хикма» IX в. была «народной библиотекой, где царил свобода самовыражения», и «исключительным местом, в котором встречались философия и религия».

Сын Гаруна аль-Рашида Мамун умер в 833 г. Еще одной его заслугой было то, что он был первым из средневековых исламских правителей, оказавшим открытое сопротивление исламским законникам-фукаха. Чаще всего полюбовно, провоцируя препирательства внутри «байт аль-хикма», но также и силой, когда он вел войну где-нибудь вдали и чувствовал, что наиболее благотворные для

его народа идеи не находят понимания, особенно в его отсутствие. Его враги говорят даже, что он изобрел что-то вроде инквизиции наоборот, в особенности чтобы заставить признать идею, что Коран — создание человека. Эта теория мутазилизма, зародившаяся в VII в., никогда не выдвигалась вперед так, как в Академии Багдада, в которой к тому же практически никто из многочисленных руководителей отделений не был арабом и ни один не был магометанином.

Мы догадываемся, что вся эта проблематика достаточно плохо воспринималась теми, для кого единственная необходимая наука — это сунна, аккуратное и строгое следование предполагаемой жизни Пророка. Сельджукиды впоследствии пришли отомстить за ущемление этих людей и привели местную культуру к мертвой точке. Они тем не менее разорили багдадскую библиотеку, не оказав особого влияния на умы: жители вновь стали традиционалистами, а затем и престижное заведение, вследствие перенесения столицы, а значит, только элиты, в 836 г. в Самарру, пришло в такой упадок, что потеряло действующее наименование «байт аль-хикма» и опустилось до имени «хизанат аль-Мамун», собрание Мамуна. Ортодоксальная реакция, следовавшая за этим царствованием, имела такой же масштаб, как рационалистские начинания, к которым он стремился: аль-Мутавакиль дошел до того, что объявил абсолютный, именем веры запрет на «рассуждения». Кроме того, этот десятый халиф сумел прославиться введением «гийяра», или отличия: лоскутка ткани установленного цвета, который вдруг стали должны пришивать себе на плечо евреи и христиане.

Как раз в эти годы многословный историк и при этом суннитский комментатор аль-Табари счел нужным провозгласить такую заповедь: «Ни в коем случае не нужно уничтожать книги, не зная, что они содержат» — настолько ему было очевидно, что нужно уничтожать книги с неприемлемым содержанием. И именно так и происходило. Например, в следующем веке министр Сабур, который был «катиб», редактор, в 993 г. приобрел дом в Аль-Кархе, самом оживленном и ухоженном квартале Багдада, ве-

лел его отремонтировать, выстлать мрамором, оштукатурить известью, чтобы разместить там самые прекрасные сочинения из своего собрания: 10 400 томов, среди которых было около сотни Коранов, переписанных несколькими членами знаменитой семьи каллиграфов Ибн Мукла. Слава этой коллекции росла день ото дня и привлекала дары великих ученых и собирателей, к ней приешивалось самодовольство, и вскоре в библиотеке были вынуждены основать комитет, который отбирал дары и иногда от них отказывался. У нее были три директора, библиотекарь и его помощник, доверенная служанка, Чернокожая Тафик, которая выносила книги из хранилища, дабы доверить копиистам, а потом возвращала на место. К несчастью, основатель библиотеки, его книги и весь квартал оказались на стороне «партии Али», или шиитов. Когда Сельджукиды в один из дней 1059 г. дорвались до власти, у суннитов появился повод осадить Карх и наброситься на «дар аль-ильм», который они предали огню сверху донизу. Когда пламя погасло, султан повелел рассеять чернь, которая начинала грабежи, и лично пришел собрать лучшие из оставшихся неповрежденными книг, чтобы отослать их к себе.

Шиитское же правление династии Фатимидов известно тем, что подарило много знаменитых библиотек беспокойной истории Каира.

Так, хроника, изящно названная «Аудиенции и верховые поездки», сообщает вот что: однажды в 974 г. халиф и основатель библиотеки аль-Муиз, когда библиотекарь не смог найти запрошенную им книгу, сказал: «Тогда я сам туда пойду», — открыл один из шкафов и стоял перед тем местом, где, как мне казалось, эта книга должна была быть. Начиналась ночь. Я стал изучать заглавия и листать первую попавшуюся книгу. Я наткнулся на места, которые пожелал изучить подробно; после чего я взял другой том, и произошло то же самое. Так я стоял там и читал книгу за книгой, я не помнил уже, зачем пришел, и забыл даже присесть. И только когда мои ноги стали болеть от такого долгого стояния, я вспомнил, где я нахожусь».

Когда аль-Муиз решил покинуть восхитительные, но тесные стены того, что тогда еще не называлось Тунисом, чтобы расположиться со своим двором и со своим правительством в Каире, он приказал, чтобы прежде всего построили «большой дворец», со всем, что полагалось из «канцелярий и складов», и с хранилищем книг, «хизанат аль-кутуб». В 973 г. все было готово его принять. Это первое халифское книжное собрание, по видимому, начал составлять Ибн Киллис, багдадский еврей, который сильно способствовал утверждению династии и был визирем. Первого главного хранителя звали Али Шабусти, и он умер в 1000 г. В сорока шкафах Великого дворца (расположенного на восточной стороне улицы Двух дворцов) находились по крайней мере 18 000 томов одних только античных знаний, а в целом — 100 000 бесконечно роскошных книг, некоторые страницы которых хранили почерк величайших мастеров каллиграфии: «Я нашел там ящики, полные перьев, которые оттачивали Ибн Мукла, Ибн Бавваб и другие». Соответствующей была и воодушевленная гордость хозяина этого места: когда при Азизе, следующем халифе, упоминали ту или иную книгу, он выставлял принадлежавшие ему многочисленные ее экземпляры, вышедшие из-под пера разных, часто знаменитых, людей, иногда автографы: тридцать списков «Глаза», словаря, составленного умершим в 791 г. грамматистом Халилем, двадцать — мировой истории аль-Табари, из которых одно издание начала века было написано его собственной рукой, сто экземпляров «Антологии» («Джамхара») знаменитого филолога Ибн Дурайда, пропавшей в 933 г. Один историк из Алеппо, родившийся как раз после гибели собрания, даже клянется, что в нем было миллион шестьсот тысяч томов «большой ценности, которым нет равных в других краях по подлинности, красоте почерков и переплетов, их уникальности». Что касается количества, можно смело разделить на десять, и на полученной цифре сходятся разнообразные комментаторы, биографы и враги. Если сопоставить их часто противоречащие друг другу тексты, становится ясно, что на подступах к дворцу спереди был построен филиал (к запа-

ду от Малого дворца, который вообще-то был дворцом принца-наследника). Согласно текстам, он стоял напротив мечети Акмар, до сих пор сохранившейся. Халиф, желая узнать «новости», должен был лишь пересечь улицу, что он с достоинством проделывал верхом на коне. Он слезал с лошади на специальном возвышении, куда с почтением забирались библиотекари, чтобы представить повелителю многочисленные еще не знакомые ему новые приобретения. Но через некоторое время он уже этим не ограничивался, следовал за служителями и сам пробирался между стеллажами, чтобы вдоволь налистаться, если так можно выразиться.

Из одной существенной части грандиозного наследства халифов, на том же месте, родилось публичное заведение: на современной улице Аль-Хурунфуш, в двух шагах от изящного «сабиль-куттаб», который делит надвое улицу Аль-Муиза.

Халиф аль-Хаким, падкий на молодых юношей, которым он порой при случае вспарывал животы, а в остальном очаровательный и очень простой человек, правивший долго, с 996 г. до своей загадочной смерти в 1021 г., основал Дом мудрости, взяв то же название, которое только что выбрал для своего института перс Сабур в Багдаде. Это учреждение, открытое в субботу 24 марта 1005 г., находилось в том же здании к северу от Малого дворца, в котором оно располагалось всегда (хотя халифу стоило расположить его напротив — он был оригинал). «Люди спешили туда, без всякого различия классов, поскольку он был предназначен для всех». То есть, по мнению основателя, для всех тех, кто стремился «читать книги, переписывать и изучать их». В этом месте также проводили публичные лекции по религиозным наукам, философии, астрологии, математике, грамматике и медицине. Это было здание «меблированное и отделанное, с занавесками на каждой двери и в концах каждого коридора». Изысканные каменные стены были украшены деревянными панелями с приятными резными изображениями музыкантов и танцовщиц. Впоследствии их старательно повернут лицом к стене, когда это

здание будет переделано в больницу, но фрагменты их до сих пор можно увидеть в Исламском музее Каира. Халиф сделал необыкновенное пожертвование, подарив великолепные книги, выполненные «хатт мансуб», или пропорциональным письмом (в арабском языке нет слова «каллиграфия»), настолько прекрасные, что «подобных им никогда не видели ни у одного другого монарха», как дивился один придворный. Дар также включал земли и дома в Фустате, чтобы финансировать функционирование заведения. Его годовой бюджет составлял 257 динаров: 10 динаров на соломенные циновки, 12 — на питьевую воду, 90 — на бумагу для изготовления книг, жалованье библиотекарей было 48 динаров, мальчика из канцелярии — 15 динаров, на закупку чернил и перьев 12 динаров; на починку занавесок 1 динар, книг — 12, войлочные ковры и одеяла на зиму — 9 динаров. Заметим, кстати, существенный расход на бумагу. И еще недостает 48 динаров, о которых Макризи не говорит ни слова, но, возможно, эта сумма покрывала вознаграждение переписчиков. Принадлежности для письма бесплатно раздавались всем желающим, как и свежая вода. Но подобная забота об удобстве и либерализме в «дар аль-ильме» имела, по-видимому, своей целью развеять подозрения суннитов: не только вся династия была исмаилитами, но и молодой и популярный Хаким не внушал им доверия. Поэтому же он повелел определить в заведение двоих суннитских мудрецов. Идеиное противоречие, быть может, вышло из-под контроля в один из дней 1009 г., поскольку «дар аль-ильм» неожиданно оказался закрыт, а два суннитских шейха обезглавлены. При повторном открытии некоторое время спустя он был на этот раз официально объявлен центром исмаилитских исследований и пропаганды.

В это время существенными оставались литературные богатства Большого дворца; в 1043—1044 гг. визирь издал приказ составить их опись, оценить их и обновить переплеты. Известно, что только по собственно наукам эксперт, некий изготовитель астролябий, насчитал шесть тысяч пятьсот томов. Качество этого скоро уже столетне-

го собрания не уменьшилось от присутствия и работы академии.

И тогда на страну обрушилось несчастье: между 1065 и 1072 г. неоднократно случалось так, что воды Нила не поднимались достаточно высоко. Голод и анархия установились на семь долгих лет, во время которых видели даже, как жены халифа аль-Мустансира выходят из гарема и попрошайничают на улице, а сам он сидит один в глубине дворца, на дешевеньком ковре в пустом зале. Он собственноручно открыл сундуки и шкафы и, закрыв глаза, пригласил своих соратников брать все, что они пожелают. В 1068 г., например, через Фустат проходил караван из двадцати пяти верблюдов, несших самые прекрасные книги общей стоимостью 100 000 динаров*, захваченных визирем Абду аль-Фараджем в счет всего 5000 динаров, которые двор ему был должен. Но поскольку в его жилище не принималось мер по обеспечению безопасности, которые предполагает богатство, книги месяц спустя были похищены, а затем проданы марокканскому купцу. Так как никакой источник не сообщает об их прибытии к альморавидам, предполагается, что добыча утонула где-то на пути между Александрией и совсем молодым тогда Марракешем.

Турецкие наемники, которым тоже не платили, последовали примеру министров, но не во дворце, а, со своей стороны, в «дар аль-ильме». Они продавали его запасы, по-видимому, тем же скупщикам или же багдадцам, так как именно при спуске по Нилу к Александрии их разграбило берберское племя люватов, которые выкраивали себе сандалии из роскошных переплетов и готовили пищу на кострах из страниц, покрытых тщательным каллиграфическим письмом. Их было так много, что из пепла получился холм, быстро засыпанный песком. Его долго называли Холмом книг.

* Точным подсчетом мы обязаны Р.В. Бюлье: груз на одного верблюда составлял примерно 1500 книг, то есть около 40 000 книг на всю поклажу.

Дом мудрости в конце концов открылся снова — неизвестно как. Он возобновил свою деятельность так бурно, что в 1119 г. снова оказался насильственно закрыт по приказу диктатора аль-Афдаля, который к тому же подтасовал наследование престола от Мустансира, приказав заколоть кинжалом законного наследника Низара (так появилась низаритская оппозиция, породившая впоследствии секту ассасинов). Четыре года спустя, однако, аль-Афдаля самого заколол кинжалом халиф Амир, который объявил, что Дом мудрости откроется вновь, но в менее масштабном виде и к югу от Большого дворца, то есть снаружи, чтобы «приглушить возмущение, которое могли вызвать разгорающиеся там совершенно свободно споры по политическим и религиозным вопросам». Это учреждение, расположенное в центре нынешнего Хан-аль-Халили, на идущей в гору улочке, где продают тетради, просуществовало еще около полувека и на это время избегло других нападков. До правления Саладина.

Когда курд Салах ад-Дин захватил власть в Египте, он был очень рад обнаружить там фатимидские библиотеки, поскольку они давали возможность платить солдатам, и он разбазаривал их практически без угрызений совести еще и потому, что намеревался разорить все центры шиизма. В халифских шкафах осталось только сто двадцать тысяч томов, по-прежнему считавшихся «одним из чудес света». Надзирать за аукционом был назначен кади аль-Фадиль, но, поскольку он сам основал значительную университетскую библиотеку в своем медресе на улице Дарб-аль-Млухийя, вполне понятная личная заинтересованность заставила его беззастенчиво подтасовать распродажу, чтобы воспользоваться ею наилучшим образом. Возможно, он не дошел до того, что, как утверждает молва, разрывал переплеты и вымачивал кодексы в воде, чтобы снизить их ценность, — для этого он слишком любил книги. Один историк тем не менее отмечает, что покупатели убедили управителя дворца, неграмотного турка, что книги источены червями и что их нужно бросить на землю и потрясти. Когда они были таким образом основательно испорчены, покупа-

тели смогли их заполучить за десять золотых монет и удесятерить вложенные деньги.

И снова при захвате Амида в Сирии около десяти лет спустя Саладин сам предложил Фадилю выбрать в городской библиотеке, что ему по нраву. И семьдесят нагруженных ослов направились в библиотеку Фадила. В зависимости от идейной принадлежности комментаторов запас книг в ней варьирует от тридцати тысяч до одного миллиона экземпляров, но ее собственный библиотечарь объявлял о 124 000. Вот признак богатства: когда юный сын аль-Фадила попросил почитать «Хамасу» Абу Таммама, его отец приказал принести тридцать пять бывших в его владении экземпляров этого сочинения и задумчиво листал их: «Вот этот для меня переписал такой-то, вот тот вышел из-под руки такого-то известного каллиграфа...» — и так все, один за другим, пока не решил, что лучше послать слугу купить ребенку экземпляр ценой в динар.

От этих огромных собраний, которые брали свое начало от истока предыдущей династии и сбору и объединению которых кади посвящали всю свою жизнь, к 1294 г. осталась только одна книга: Коран куфического письма, который, как говорили, вышел из-под руки третьего халифа Османа, убитого в 656 г., и за который Фадиль заплатил 30 000 динаров — цена настолько высокая, что книгу заперли в специальном шкафу, который ее и спас: в еще один особенно голодный период каждый ученик медресе каждый день обменивал по одной книге из библиотеки на маленький круглый хлеб; а в другой период традиционные законники, фукаха, хватали книги «полными охапками», чтобы их уничтожить.

В Каире в Средние века было четыре больших библиотеки. Две первых принадлежали евреям: тридцать тысяч томов было у врача Ефраима и столько же у визиря Якуба ибн Киллиса. Об этом последнем говорили, что он сколотил свое состояние весьма неприглядными способами и что его щедрость по отношению к наукам была направлена на то, чтобы заставить об этом забыть; эконом его выдающегося дворца тратил на книги не мень-

ше тысячи динаров золотом в месяц. На третьем месте было собрание аль-Муаррифа — поэта, врача и автора комментария к Аристотелю. Логик Садид эль-Дин сообщал Усаибя: «Я видел у него огромный зал, заполненный книгами в шкафах. Самое удивительное не то, что у него есть больше тысячи трактатов по каждому виду знания, но то, что среди них нет ни одной, корешок которой не был бы покрыт красивыми надписями на тему, которой посвящено содержимое». Судьба этих собраний нам не известна. Последняя, самая великолепная, была библиотека богатого принца династии Фатимидов Махмуда аль-Давла ибн Фатика...

«Но редкие остатки этого собрания — это лишь грязные обрывки! — удивился Усаибя.

— Действительно, — ответил шейх Садид. — Позволь рассказать тебе почему. Принц ничего не любил так, как читать и писать, и предавался своей страсти каждый вечер, едва сходил с коня. Он был превосходный поэт. Когда он неожиданно умер, его жена — также принцесса правящего рода — приказала рабам собрать все книги во внутреннем дворе дворца. И там она стала петь погребальную песнь, медленно, одну за другой, бросая в большой водоем все книги, лишившие ее ее возлюбленного».

Летопись арабских библиотек не может быть достоверной и полной, поскольку она передает также мифы, окружавшие их во время и после их жизни. В 999 г. Авиценне было девяносто лет, и его авторитет был уже настолько велик, что султан Бухары призвал его ко двору. «Я обнаружил там, — говорит он, — несколько залов, наполненных книгами, покоящимися в стеллажах, ряд за рядом; один зал посвящен арабской филологии и поэзии, другой — юриспруденции и так далее [...] Я просматривал каталог [греческих] античных авторов и искал там желаемые произведения; я видел там книги, о которых немногие из людей слышали и которых я сам больше нигде не видел, ни до этого визита, ни после». Он так хорошо употребил эту библиотеку на пользу своему личному развитию, что, когда она полностью сгорела, сразу зародилась

легенда, будто Авиценна сам ее поджег, чтобы никто не смог стать таким же ученым, как он.

Другие библиотеки мусульманского мира стали по большей части прямыми и зачастую умышленными жертвами бесчисленных и разнообразных конфликтов. Дамаск, Алеппо, Исфахан и Аламут насчитывают практически столько же трупов из пергамента, сколько из плоти и крови.

То же верно и для Басры X в. Тамошний «дар аль-ильм» был в то же время и «дар аль-кутубом», или Домом книг, и был основан Ибн Сиваром: «Всем тем, кто приходил туда и прилежно принимался за чтение или перевод сочинений, назначалось пособие». Аль Харири: «Когда я вернулся домой из-за границы, я пошел в «дар аль-кутуб», который был местом встреч литераторов и в котором сходились местные и люди, пришедшие издалека». По преданию, некий астролог, обвиненный в краже, возбудил алчность вождя стоявшего неподалеку племени бедуинов и спровоцировал их разграбить город, начиная с библиотеки и кончая базаром.

Город Триполи в 1080 г. обладал богатым и блестящим сирийским портом и одной из первых бумажных фабрик за пределами Азии, и там изготавливалось значительное количество книг. Говорили, что незадолго до того основанная там библиотека стала уже самой богатой в мире, некоторые сообщали о трех миллионах произведений, 50 000 Коранов и 20 000 комментариев. 180 переписчиков одновременно получали жалованье, так что постоянно, день и ночь, за работой было по меньшей мере тридцать, заявляет, не моргнув глазом, шиит, состоявший на службе при Ибн Амаре. Это был «дар аль-ильм», университет, в котором жили как студенты, так и преподаватели. А начиная с 1099 г. крестоносцы беспрестанно осаждают город и блокируют порт. Несколько раз жители просили помощи и подкреплений у халифа; в 1109 г. наконец пришла депеша, но в ней содержался лишь приказ халифа прислать ему красивую горожанку, о которой он слышал.

Это было слишком, и трипольцы сдались. Фиранжи смогли войти в город под фанфары и, поскольку им не пришлось сражаться, израсходовать нерастраченные силы на поджог библиотеки: «Один священник — да проклянет его Господь! — испугался увиденных там книг. Он оказался в секции Коранов. Он открыл одну книгу — это был Коран, другую — опять Коран. На двадцатой он сказал: в этом месте только Кораны. Гори оно огнем!» После пожара осталось несколько сочинений, которые растащила солдатня. Крестonosцы учинили столько разрушений, что оставили после себя «наследие ненависти» между мусульманами и христианами.

Согласно молве, книги секты ассасинов, по-видимому, были уничтожены монголами в крепости Аламут в 1255 г., поскольку в них говорилось только об убийствах и магии. На самом деле все было гораздо хуже.

Источником первого несчастья ислама стала неспособность Пророка обеспечить себе преемственность и общее стремление стать его наследником. И вот основатели и сторонники соперничающих династий поносят друг друга, и даже верующие считают, что один Али достоин халифата: не он ли двоюродный брат и зять Мухаммеда, старший сын его приемного отца? Понятно, что такая честь не прельщает Али: приняв это бремя, он будет убит, а вслед за ним его брат и его сын. И тогда обман законников породил шиизм и его главную ветвь — исмаилизм, из которого произошли фатимиды, друзы и низариты. Именно среди этих последних обретается своеобразная история Старца с горы, и из них появится, гораздо позже и гораздо более мирно, Ага Хан.

«В детстве, начиная с семи лет, мной овладела страсть ко всем формам знания». Так говорил Хасани Сабах, основатель и первый великий правитель Государства ассасинов, в своей ранней автобиографии, уже само название которой может послужить первым уроком по созданию сект: «Приключения нашего учителя»; впрочем, его больше никогда никак не называли, кроме как «Сайидна», наш учитель. Он родился в Куме, время рождения не известно, после обучения письму и калли-

графии он действительно пустился в обстоятельные исследования и изъездил с этой целью всю Персию, Сирию и Египет. В Каире он провел три года, с 1078-го по 1081-й, и был, как считается, по-царски принят фатимидскими властями. Интеллектуал Хасани Сабах, до отказа напичканный философскими лекциями, в 1071 г. стал миссионером, или «даи», и на этом основании пропагандировал учение исмаилитов. У него это так хорошо получалось, что однажды ему удалось убедить хозяина крепости Аламут уступить ему свое место: он добавил, что не позволит ему оставить свой пост, не пожаловав в качестве компенсации 3000 динаров золотом.

Поскольку у этого человека был план, о котором можно догадаться по его годам скитаний и влечению к горным областям на севере Персии, Дайлам, возле Каспийского моря.

«Аламут — это гора, напоминающая стоящего на коленях верблюда с опущенной к земле шеей» — так говорил Ата Малик Джуваини. Этот перс, как и его отец, предупредительно служил завоевателям-монголам и участвовал в наступлении Хулагу, о котором он подробно и достаточно правдоподобно, несмотря на пропитанность суннитскими предрассудками, рассказал, когда стал наместником призрачного города под названием Багдад. «Аламут» означает на местном языке «орлиное гнездо»; к этой расщелине на вершине великолепной скалы можно было подобраться только по тропинке, нависавшей над бурным потоком. Говорили, что там наверху были сады, дворцы, красивые девушки, непорочность которых восстанавливалась каждое утро, и огромная библиотека. Только последнее из этих достоинств действительно имело место: именно там Сайидна заперся и не выходил оттуда больше ни разу за те тридцать четыре года, которые ему оставалось прожить и которые он проводил за чтением, размышлениями и письмом. И отдачей приказов. Целое созвездие похожих крепостей было взято или построено неподалеку, до самой Сирии, в горах Бахра: Кадмус, Масыф... Во многих из них разместились собрания книг по философии и самым разным наукам. Можно было подумать, что Монтеня бросили в вагнеровский котел.

Антагонизм Хасани Сабаха и оппозиционеров по отношению к учению исмаилитов, и особенно Сельджукидов, прорвался наружу в момент смены в Каире в 1094 г. фатимидского халифа: как мы видели, наследник Низар был отстранен заговором суннитов. Тогда аламутский отшельник выпустил «новую проповедь», основанную на столь действенном мистическом эзотеризме, что благодаря ей возникли и вошли в систему политические убийства, осуществляемые группами командос-самоубийц, действия «столь же законные, как дождевая вода». От кинжалов «фидаийн»* погибли по крайней мере пятьдесят халифов, царей и визирей, пока не пришли монголы и не свели к нулю местные обычаи: кстати, они не ошиблись, начав разорение страны с Аламута. Тем временем семь великих учителей сменили друг друга, а другие неодолимые убийцы возглавили сирийское отделение, как, например, «Старец с горы», так впечатливший франков. Это был Рашид аль-Дин Синан, который жил в Масафе и умер в 1193 г.

Хулагу знал, что ассасинам вовсе не нужен шарик гашиша, чтобы убивать (этот слух начал распространяться с Марко Поло, который посетил эти места в 1273 г., и достиг своего апогея благодаря роману Владимира Бартоля в 1938 г.). Смертельный яд заключался в красноречии исмаилитских интеллектуалов, подпитываемом чтением. Этот потомок Чингисхана был достойным наследником своего деда, который на всем своем пути — в Самарканде, Бухаре, Герате, Хорезме — ни разу не забыл, среди прочего, сжечь находившиеся там книги. Но вот в Аламуте криводушный Джуваини удержался: «Желая осмотреть эту библиотеку, слава которой распространилась по всему миру, я внушил царю, что ценные книги из Аламута не надо уничтожать. Он одобрил мое решение и отдал

* Прилагательное и существительное, которые в смягченной французской версии в книге Бернарда Льюиса передаются как «преданный». Часто также переводится как «принесенный в жертву». На самом деле это слово происходит от «искупление», как в «Если бы я мог искупить твои грехи!», древнем выражении изысканной вежливости.

необходимые распоряжения; и вот я поехал осматривать библиотеку, из которой я взял все, какие смог найти на своем пути, копии Корана и другие избранные произведения, в соответствии с принципом «из мертвого нужно извлечь живое»... Я также взял астрономические инструменты, как-то: подставки и армиллярные сферы, части астрольбий, целые приборы и другие, находившиеся там. Что же до остальных книг, то, поскольку они были связаны с их ересью и их заблуждениями и не основывались ни на традиции, ни на разуме, то я их все сжег». А стало быть, не довольствуясь предательством родины, этот Джуваини показал себя также лицемером и лгуном: он добился от хана разрешения не уничтожать библиотеку, чтобы сделать это самостоятельно по своему вкусу, и, больше того, он не признался, что сохранил в своих руках или скопировал часть исмаилитских хроник или записей Хасани Сабаха, которые он впоследствии использовал в своем рассказе. Дабы окончательно все запутать, несколькими страницами выше он рассказал, как один из великих учителей из Аламута, желавший вернуться в лоно ислама, между 1210 и 1221 г. побудил улемов из Казвина подняться в замок, чтобы посетить библиотеки его отца, его деда и основателя, изъять оттуда пагубные трактаты и уничтожить их, заклиная: «Пусть Аллах заполнит их могилу огнем!»

Если исмаилиты Аламута были стерты в пыль, что тогда могло помешать монголам добраться до Багдада?

В середине XIII в. в столице Аббасидов насчитывалось тридцать шесть библиотек. Самой известной, конечно, была библиотека при медресе, основанная халифом аль-Мустансиром в 1233 г., в которую сто шестьдесят носильщиков принесли восемьдесят тысяч книг. Она была настолько великолепна, что даже египетский обозреватель аль-Калькашанди поставил ее на первое место в своем списке величайших библиотек, то есть впереди каирской библиотеки Фатимидов, которая превосходила ее по количеству томов. Именно тогда, в 1258 г., орды Хулагу, которому старший брат поручил очистить эти места от лю-

дей, раздражавших его спесь, обрушились на Багдад и убили столько народу, сколько смогли, начав с халифа и всей его семьи, а всего, как говорят, сотни тысяч местных жителей. Знаменитый каллиграф Якут аль-Мустасими, который как раз был при дворе, обязан своим спасением лишь пришедшей ему в голову мысли спрятаться на верхушке минарета.

Прежде чем пролить реки крови, Хулагу вызвал улемов и задал им такой вопрос: что лучше, плохой мусульманский владыка или же неверный, который будет справедлив? Важно знать, что он сам был буддистом, но могло ли это действительно помочь выбрать правильный ответ? Мудрецы, убежденные, что им в любом случае отрубят голову, не проронили ни слова; но вперед вышел Ибн Тавус: неверный, сказал он. И он не только твердо сказал это, но и сделал письменную грамоту («фатва») и подписал ее. Она стала охранным свидетельством для него, всей его семьи и его книг и обеспечила ему охрану из тысячи человек, чтобы держать его подальше от резни, после чего его назначили на ответственный пост. Хулагу, ставший ханом и пристрастившийся к наукам и к астрономии, впоследствии также стал собирать научные книги в своей резиденции в Мераге, неподалеку от Тебриза, в котором он приказал астроному и философу Насир аль-Дину аль-Туси построить обсерваторию. Этому знаменитому ученому было тогда шестьдесят лет. Иранец и исмаилит, он был астрономом в Аламуте. По его велению в Мераге, совершенно новую столицу Ильханидов, стекаются немало ученых из Китая, чтобы составить важные таблицы планет, которые впоследствии оказались в Саламанке, где благодаря им раввин Закуто разработал свой собственный «Альманах перпетуум». Этот последний, изгнанный из Испании, поставил свои знания на службу португальскому двору и именно в результате всего этого, благодаря, таким образом, Аламуту, Васко да Гама обогнул мыс Доброй Надежды. Это пристрастие монгола к научным рассуждениям и к знанию придало огромное политическое значение полному разграблению Багдада: его войска упорно сжигали библиотеки и в течение целой недели сбрасывали в Тигр «книги,

превосходившие всякое описание [...] из них образовался мост, по которому ходили пехотинцы и кавалеристы, и вода реки совсем почернела от чернил манускриптов», как сто двадцать лет спустя описывал это Ибн Хальдун. Этот новый способ расправы проник даже в сказку об Аладдине: «На ночь ворота Багдада закрывают, чтобы еретики не завладели им и не побросали ученые книги в Тигр». Современник так описывает почти сверхъестественный ужас, внушаемый монголами: «Они приходили, они вырывали и жгли, затем разворачивались, вводили и исчезали». Но такого особого обращения удостаивались только мелкие города: в Багдаде, перебив всех, они методично разрушили обсерватории, больницы и университеты, не забыв и о плотинах и акведуках, так что славный город стало невозможно восстановить.

И все же войскам Тамерлана в 1401 г. удалось выступить еще хуже, как здесь, так и в Сирии, в которой не осталось ни одного человека, ни одной книги и ни одного вертикально стоящего минарета. Перед стертым с лица земли Багдадом возвели сто двадцать башен, из семисот пятидесяти голов жителей каждая, после чего сами самаркандские воины также сбежали, боясь заражения: был июль. Но тем не менее никакой источник не упоминает о намеренном и одобренном уничтожении багдадских книг в этом году, — возможно, их больше не было. Наоборот, отмечается, что по крайней мере дважды людей, обладавших теоретическими знаниями, ограждали от бойни и отсылали в Самарканд. И что, кроме того, Ибн Хальдун, попросивший Тимура о великой милости и добившийся ее, несколько раз достаточно долго беседовал с ним и хотел засвидетельствовать, что тот изо всех сил интересовался историей и вел себя с мудрецами чрезвычайно любезно.

После такого огненного снопа, завершившего этот кровавый фейерверк, «арабский мир на много веков выпал из научного движения». Очень быстро было забыто, что библиотеки в Фесе, Газе и Дамаске имели то не встречающееся больше нигде достоинство, что предлагали к прочте-

нию одновременно свитки и кодексы, книги на папирусе, пергаменте и индусские оли*, и богатство информации и возможности для раскрытия воображения преумножались там благодаря многообразию языков и носителей.

На исходе двух первых, невнятных и диких, веков исламский мир представлял собой странное явление, со своими тремя территориально удаленными один от другого, но близкими во времени режимами, искавшими света в книгах: Мамун в Багдаде, Омейяды в Кордове и Фатимиды в Каире учреждали центры открытий и научной мысли. Но когда настал тысячный год, в то время как веки Запада еще даже не поднимались, на весь исламский мир опустился нож ортодоксии: начиная с этого времени библиотеки будут размещаться в медресе, так безопаснее.

Арабо-мусульманские библиотеки чаще гибли из-за исходно религиозных расколов и заслонов, чем по чистой глупости, как это будет происходить в европейских конфликтах из-за веры.

Действительно, мы показали, что, если бы Аббасиды и другие до них были меньше озабочены молитвой, словесными уловками и беспрестанными политико-религиозными заговорами (шиитский визирь против суннитского халифа, или наоборот), монголы не одолели бы их с такой легкостью: войско халифа аль-Мустасима в 1258 г. на самом деле превосходило по численности захватчиков.

* Это слово происходит от тамильского «olei», означающего пальмовый лист, разрезанный на объединенные в переплет пластинки, которые представляли собой страницы индийских книг.

5. НАРОД КНИГИ

Бог — это газообразное позвоночное.

Эрнст Хекель

В сочинении XII в. «Сефер хасидим» говорилось: представьте себе двух сыновей, «один из них с отвращением отказывается одалживать свои книги, а второй делает это охотно. Так вот, отец должен безо всяких колебаний завещать всю свою библиотеку второму, даже если он младше».

Как мы видели на примере Каира — и это так же верно и для Багдада, и для Кордовы, — в арабском средневековом мире еврейские библиотеки были необыкновенно богатыми. Настолько, что они редко стремились к всеохватности. Состоятельный читатель собирал только книги Маймонида, Галена, Аверроэса, Птолемея Клавдия, Авиценны, Аристотеля или Гиппократ и ставил их на полку рядом с Библией или Талмудом, а иногда даже и рядом с легкой и фантастической литературой. На севере Европы, напротив, стеллажи отягощали гораздо меньше. Но от этого те лишь привлекали больше внимания. И в то же время враждебности.

Библиотеки евреев и особенно Талмуд, из одного которого они зачастую состояли, «из-за богохульных инсинуаций о Спасителе и Пречистой Деве», там, по словам некоторых, содержащихся, были объектом постоянной и почти фанатичной травли. Хотя сирийский царь Антиох и подал пример гораздо раньше, именно крещеный еврей по имени Николас Донин в 1239 г. насторожил папу Григория IX против еретических сочинений, которые

читали его бывшие братья по вере. В июне папа разослал монахам и прелатам Франции, Англии, Испании и Португалии секретный циркуляр, в котором приказывал им в шаббат ближайшего поста, воспользовавшись тем, что все евреи будут в синагогах, собрать все их книги и передать их на рассмотрение нищенствующим братьям. Процедура обещала быть долгой и скучной, к ней принудили себя только французы, и случилось это 3 марта 1240 г. Раввины осмелились предстать перед «disputatio», комиссией, возглавляемой королевой-матерью Бьянкой Кастильской, и горячо оспорить неправильную интерпретацию их текстов. Они полностью проиграли. Папа, только притворившись, будто все прочитал, 15 мая 1248 г. запретил иудаистскую литературу и ее мерзости. Но французы даже не потрудились подождать: сожжение четырнадцати повозок книг уже устроили на городской площади Парижа в 1242 г., и вслед за этим в другой день, возможно, в 1244 г. сожгли еще десять повозок. А в 1250-е гг., поскольку папскую волю все-таки надо было соблюсти, сожгли еще. В 1263 г. Климент IV под угрозой отлучения от церкви предписал королю Арагона и его сеньорам приказать всем евреям принести их книги на проверку. А в 1299 г. Филипп Красивый велел судьям помочь инквизиторам в их святом труде: так в Париже в 1309 г. сожгли еще три воза книг. Не осталась в долгу и провинция: так, десять лет спустя по приказу Бернара Ги по улицам Тулузы, простой народ которой был всегда готов к небольшому карнавалу, несколько дней возили два воза конфискованных книг, прежде чем препроводить их на костер.

Так это стало у пап своего рода обычаем: Иоанн XXII в 1320 г., Александр V в 1409 г., Юлий III в 1553 г. и многие другие отдавали множество распоряжений тщательно отсеять относящиеся к еврейству книги с целью их истребления. Эти книги словно образовали воображаемую библиотеку, расположившуюся на стеллажах времени с упорством, превосходящим постоянные стремления их уничтожить. В Кремоне в 1569 г. их найдут и сожгут еще двенадцать тысяч. Настолько, что, как пишет один автор,

было еще более удивительно, что «Таламуз» пережил такое усердие.

Сюда относится история о заключении Рейхлина.

Около 1508 г. еврей-мясник, которого кельнские доминиканцы только что крестили и предложили в награду синектуру, также с гордостью выступил против мерзостей, наполняющих священные тексты его прежней религии. Хотя он не умел читать ни на иврите, ни на латыни, жалобы этого человека по имени Пфефферкорн дошли до императора Максимилиана, который решил официально поставить вопрос: должны ли все книги избранного народа на законных основаниях конфисковываться с целью уничтожения огнем? И он запросил заключения двух экспертов. Один был великий инквизитор Кёльна, выводы которого были словно заготовлены заранее, а второй — профессор права Иоганн Рейхлин. Этот гуманист, друг Эразма и добрый христианин, в 1506 г. написал грамматику иврита. Рейхлин, как и Марсилио Фичино и Пико делла Мирандола, с которыми он тоже общался, комментировал Каббалу, в которой, как он считал, заключается основа истинной христианской веры. Он не то чтобы особенно любил евреев, но благоговел перед книгами. И перед логикой. Его юридически выдержанный ответ — современный и ясный текст, недавно переведенный с латыни одним американским исследователем и опубликованный миссионерами ордена св. Павла, — можно также прочесть и с точки зрения метафизической. Этот текст под названием «Указание о том, следует ли конфисковать, уничтожать и сжигать все еврейские книги» (1510 г.) стал вехой в истории толерантности.

Рейхлин употребляет слово «консивы», сограждане: он приступает к своему доказательству с посылкой, что евреи — слуги императора и пользуются защитой закона. Опираясь на трезвый рационализм, он устранил суеверный туман, окутывавший их литературу, и обрисовал ее полную панораму: Писания, комментарии, глоссы, проповеди, трактаты по философии и разным наукам и

затем, наконец, стихотворения, сказки и сатиры. Быть может, уступает он, в этом последнем жанре, если хорошенько поискать, и можно найти антихристианское высказывание, но тогда речь будет идти об одной конкретной книге, со «своим собственным названием, как автор это задумал», и личное самовыражение одного человека не должно повлечь за собой беды для всего народа. В том, что касается остального, Рейхлин сослался на Аристотеля и святого Иеронима: как можно восставать против того, что не понимаешь? «Если кому-то взбрело в голову написать что-то против математиков и если он не знает математики, даже арифметики, не станет ли он для всех посмешищем?» И тут он увлекает слушателей в сферы лингвистики и определения верного и неверного, а потом к диалекту Бога: само собой, это иврит. Пусть сначала доминиканцы его выучат, а потом он с ними поспорит. После чего можно озвучить весомый аргумент: если бы были причины сжечь Талмуд, наши предки сделали бы это несколько веков назад, поскольку у них было больше усердия к христианской вере, чем у нас. Эта выдающаяся защитная речь была одним из первых текстов, для которых использовали потрясающую новинку — книгопечатание, и ее публикация не замедлила принести плоды: еще больше еврейских книг изымалось и уничтожалось, сочинения Рейхлина сжег инквизитор Кёльна в 1514 г., а он сам избежал еретического костра только благодаря своей смерти в 1522 г. Но первая атака на повсеместный антисемитизм состоялась. Современный редактор замечает, кстати, что самым изящным аргументом в этом тонком «Указании» был в действительности самый первый, поскольку он заставлял думать, что германское право отличается от римского католического закона. Одним из самых внимательных читателей Рейхлина звали Лютер.

В Венеции в 1500-х гг. различали восточных евреев, у которых были гражданские права, северных евреев, на которых на тот момент уже скорее смотрели косо, и «понен-тинов», которых называли так, потому что они приходили с запада, то есть из Испании, которая от них избавлялась.

Они, будучи самыми неимущими, жили в гетто; именно на них в первую очередь обрушилась беда, когда стали защищать христианство от нападков еврейской веры и распространявших ее книг. «Палачи богохульства» имели право рыться в домах и книжных лавках, чтобы изымать оттуда осужденные книги и без разбору приносить их на аутодафе, которые случались не один раз. Так за несколько месяцев были сожжены сотни тысяч книг на территории вплоть до Крита, который тогда был доминионом Венеции. Но в самой Венеции их уничтожили больше, чем где-либо еще, поскольку именно там их выпускали: такие люди, как Даниэль Бомберг, христианин из Антверпена, или представители знатного рода Густиниати, платили целые состояния в налоговую казну, чтобы иметь право заниматься издательским делом. Кстати, как раз могущественные книгопечатники Светлейшей республики добились от папы смягчения антиеврейских директив в 1554 г.: полное и систематическое уничтожение заменили на жесткую предварительную цензуру. Но ее не замедлили обойти, поскольку в 1568 г. «палачи» снова сожгли на площади Сан-Марко десятки тысяч книг, изъятых со складов, и приговорили издателя-печатника к суровым штрафам. Тем не менее торговля этими изданиями была такой прибыльной, что печатные станки перевезли на остров Цефалонию, и установился значительный подпольный книгооборот.

Поскольку еврейскому алфавиту приписывалась божественная сущность, главным аспектом всей еврейской литературы является, по-видимому, сакрализация всего написанного, каково бы оно ни было. Откуда и возникает эта пещера Али-Бабы для исследователя и объект непредвиденных размышлений для философа, которыми оказывается «гениза»: хранилище, в котором нужно сложить, сберечь, предать забвению или даже заключить в одиночную камеру, как это произошло с Торой, вышедшие из употребления книги либо, в силу широты толкования или лени, любые рукописные или печатные документы. Но главное, не выбросить, и уж тем более не бросить в огонь. Таким образом, можно представить се-

бе, какое особенно болезненное воздействие могли оказать на историю бесчисленные аутодафе древнееврейской литературы. 6 декабря 167 г. до начала христианской эры сирийский царь Антиох IV Епифан стал инициатором радикальной попытки эленизации евреев. «Разорвать и затем бросить в огонь» — уничтожение книг в Иерусалиме и в Палестине стало таким значительным событием, что вызвало восстание Маккавеев. Другие случаи уничтожения книг, которые мы находим в череде веков, раз за разом приобретают все более сатирическую окраску.

Таким образом, книги «'ам ха-сефер», народа Книги, регулярно заигрывают с огнем. Иногда по незначительным поводам — так, Ирод Великий велел сжечь все письменные источники, чтобы скрыть свое арабское происхождение, что в результате уничтожило также прошлое и других родов, восходящих к корням нации, — но чаще из мистических соображений. Или даже относящихся к чистой мифологии: есть поверье, согласно которому эта Книга не есть истинная Книга: все, что могло соперничать с этой фальшивкой, предали огню. Такие же представления существуют и о Коране, а также, согласно некоторым, и о Евангелиях на иврите, которые Церковь уничтожила, чтобы дать шансы на существование только плохим греческим переводам. Итак, аутодафе, по-видимому, существует с тех пор, как появился монотеизм, каким его основал Эхнатон? От этого до утверждения, что нельзя представить себе монотеизм без нетерпимости, остался только один шаг, от которого, однако, многие воздерживаются.

История еврейской мысли не только омыта огнем, она еще и отличается своеобразием своих аутодафе. То, жертвой которого в Монпелье в 1233 г. стал Маймонид, примечательно тем, что правоверные сами постучали в дверь инквизиции и та, потирая руки, сложила огромный костер из сочинений, которые были еретическими в глазах евреев, а затем, по некотором размышлении, и из всех еврейских книг, включая Талмуд.

Мессианские движения, порожденные иудаизмом, по глупости ничуть не уступали христианским. Саббатай Цеви, Варух Руссо и Якоб Франк в принципе заронили семена энтузиазма и безумия, абсолютно понятных в обществе, культура которого замкнулась в своих табу и запретах. «Будь благословен, ты, который разрешает то, что запрещено» — это было лейтмотивом и достаточным символом веры. Гаремы юных девственниц, инцесты, разнообразные надругательства и нарушение всех основополагающих ограничений были типичными обрядами. Частью учения было и уничтожение Книги и всех книг: например, в 1757 г. на городской площади в Подолье сожгли тысячи произведений, а на истинном франкисте во время церемоний были сандалии, вырезанные из пергамента Торы. Так что не стоит удивляться, что сегодня в Сети можно обнаружить многочисленные сайты, на которых эти оппортунистические отклонения принимаются всерьез. С этими отклонениями не стоит смешивать самый запутанный из подобных случаев, а именно историю хасида Нахмана из Брацлава. О нем не известно ничего или почти ничего: он родился в 1772 г., умер от туберкулеза в 1811 г., свою короткую жизнь провел в скитаниях, перемене мест, письменных объявлениях себя Мессией и навлечении на себя проклятий. Как это часто бывает с «великими просветленными», остальное сделали его последователи. В данном случае оригинальное учение экзальтированного раввина, сущность которого заключалась в одержимости необходимостью уничтожения книг, впоследствии распропагандировал его секретарь Натан. Его построения были вариациями на тему понятия «сефир ха-нисраф», сожженной книги, — он потом написал трактат под таким названием, который с безукоризненной последовательностью предал огню в 1808 г. Он показывал своим ученикам лист бумаги, покрытый написанными его собственной рукой заметками, и говорил: «Многочисленны уроки, которые может преподать эта страница, и многочисленны миры, которые питаются ее дымом», после чего сжигал ее; совершенно очевидным образом, сделать это «означает привнести в мир свет». Сегодня эта майевтика не может произвести

впечатление ни на кого, кто хоть раз выходил из дома, но в то время она наделала много шума, настолько, что Нахман дошел до заявлений, что необходимо бросить в огонь все священные книги, так как они, точно так же, как и еретические книги, делают «невозможным приблизиться к благословенному Имени». Этого человека сейчас считают святым; сотни тысяч его приверженцев во всем мире, среди которых есть экстремисты иудаизма, клянутся ему в самом необычайном благочестии, но при этом, насколько нам известно, не доходят до того, чтобы взять коробок спичек. Как также утверждал его секретарь, который, возможно, все выдумал, на экстремальной оконечности своей политической доктрины он воздвиг красивую теорию «сефер ха-ганоуз»: за сожженной книгой скрывается абсолютная Книга. «Ее не касалась ничья рука и не видели ничьи глаза».

6. АЗИЯ ДО XX В.

Этот человек уничтожит мою стену, как я уничтожил книги, и он сотрет мою память, и он будет моей тенью и моим зеркалом и не будет этого знать.

Хорхе Луис Борхес

БУМАГА ГОРИТ ЛУЧШЕ, ЧЕМ БАМБУК

В течение зимы 1899 г. китайскую область Аниан промыли воды страшных половодий, и по деревушкам быстро распространился слух: «Нашли кости дракона, и их много». Стар и млад сразу бросились к двум образовавшимся в результате сдвига почвы ямам и извлекли оттуда странные белесые предметы, на которых угадывались вырезанные пиктограммы. Крестьяне продали их аптекарям, которые сделали из них порошок, способствующий долголетию и восстановлению сексуальной энергии. Все были довольны.

Ученые тоже, но их интерес вызвал повышение цен на останки.

Когда они выяснили, что это были научные находки, подлежащие охране, крестьяне стали соскабливать надписи, чтобы не стыдятся продавать свои находки в аптеки, пока наконец филологу Ло Чженью не удалось выпытать у кого-то название деревушки Сяотун, возле которой находилось основное месторождение. Так появилось доказательство, что в XIV в. до н. э. существовала династия, способная к письму. До этого китайцы выглядели тупицами по сравнению с шумерами или египтянами, и вот наконец можно было сказать про Китай, что «у него появилась своя древняя история».

В династии Шан действительно практиковали «табу» (большое гадание), пользуясь брюшной частью панциря черепах и буйволовыми лопатками: нужно было поднести раскаленное железо или тлеющую головню к

панцирю и тут же на нем обозначится ломаная трещина, которую останется лишь истолковать. После чего гадатель по лопатке еще больше впечатлял зрителей, при помощи острого предмета записывая под трещиной то, что он в ней прочитал. Например: «В такой-то день государь пойдет в маленькие холмы ловить сетью медведя. Он его поймает. Сначала одного, потом другого. В такой-то день он пойдет и не поймает медведя». Кроме того, вели учет погребальных расходов: «В честь почтенного старшего брата Ри Бина доставили и принесли в жертву свинью. В честь покойной матери рода Дин также закололи свинью. Также свинью закололи в честь матери семейства Моу. И свинью в честь отца семейства Йи». В чтении таких записей может найти удовольствие не только археолог: система письма была уже изобретена и действовала, хотя иероглифы и писались без различия вертикального и горизонтального положения, размера и направления, слева направо или наоборот. Их насчитывалось пять тысяч. Если тогда и существовала литература, на настоящий момент она полностью утрачена (колодцы, в которых постепенно скапливались гадательные кости, нельзя считать архивами и тем более библиотеками, каковыми их объявили популярные американские авторы; их скорее можно сравнить с еврейскими генизами или мусорной корзиной на компьютере). При династии Чжоу, напротив, появились настоящие тексты, и они дошли до нас. Прорицатель стал придворным писцом, и письменный язык впервые был систематизирован, без особого, правда, успеха: была разрешена только тысяча иероглифов и их собрали на бамбуке.

К этому времени (около 800 г. до н.э.) относятся три самых старых памятника китайской литературы: Книга документов, Книга стихотворений и Книга перемен. Скрупулезные «Анналы Весны и Осени» являются классическими произведениями следующего периода, как и Книга традиций. Это означает, что с началом золотого века китайской мысли и философии при Конфуции чтение и хранение книг перестают быть редкостью среди имущих классов; удивительное появление «ста школ» в

конце эпохи Чжоу сопровождается расцветом архаических, но уместных библиотек. Около 500 г. до н.э. Конфуций ездил по всей стране и кормился, посещая библиотеки, Лао-цзы был хранителем «небесного архива» — императорской библиотеки Лояна, Мо-цзы ездил исключительно со своими повозками с картами и письменными произведениями. Повозка книг, кстати, служила единицей измерения знания. Об очень образованном человеке говорили, что он ученый с четырьмя или пятью повозками.

«[Если в письме] было больше пяти слов, писали на «тсе» [связке бамбуковых планочек]; если было меньше пяти слов, то писали на «фан» [деревянной дощечке]». Бамбуковые пластинки и дощечки из тополя или ивы были носителем письменных текстов, по-видимому, начиная с эпохи Шан и до III в. Шелк («ши») присоединился к ним между V и III в. до н.э. примерно на тысячу лет, но оставался дорогим. Бумага же («чжи») скромно вошла в историю книги около II в. н.э. Она намного более горюча, чем остальные материалы. Ее показатели в этой области постоянно улучшались, она становилась все более и более легкой по мере того, как совершенствовалось китайское искусство выделки бумаги, когда ее перестали делать из толченого бамбука, а потом из конопли и белой шелковицы, и пока наконец около VII в. ее не стали изготавливать из этой знакомой нам мягкой и бесшумной субстанции, составленной из волокон голубого сандала с небольшим добавлением соломы и чистого воздуха*. Поскольку если западная библиотека воспламенялась нелегко (вопреки тому, что часто пишут), лишённые клея и тяжести книги азиатских библиотек оказались очень примечательными в этом смысле. Помимо быстрых и бесповоротных пожаров, улучшение технического качества бумаги также позволило при династии Тан перейти от свитков к кодексам с прошитым

* Только не надо называть это рисовой бумагой, которой никогда не существовало.

переплетом, в результате чего книги стали нагромождать плашмя, нижним обрезом к краю полки и корешком направо, а на ленточке, зажатой между двух томов, вертикально писали заглавие.

Но в ожидании этого прогресса читатель, будь он хоть владыка мира, каждый день приобщался к культуре, которая была более чем физической. Читать означало держать в руках увесистые громоздкие тома и манипулировать ими. Узкая бамбуковая пластинка имела в среднем 50 см в длину, и на нее было нанесено около шестидесяти иероглифов в одну колонку, а на деревянной дощечке таких колонок можно было разместить несколько. Эти пластинки, перевязанные шнурочком, как персидские, можно было свернуть в «чжуан», свиток, который остался единицей учета даже в китайских библиотеках из шелковых и бумажных книг, в то время как дощечки чаще собирались в гармошку. Целое философское сочинение, как, например, оригинальная версия «Дао дэ цзин» (более 100 000 иероглифов, в то время как в современном тексте содержится не более 65 000), могло составить около 1700 бамбуковых палочек, связанных в большое количество «чжуанов» для удобства обращения, которые образовывали столько же естественных глав. Поэтому это слово часто переводили как «книга» (например, «наличествующие 33 книги “Чжуанцзы”», как писал Биллетер, но для нас «Чжуанцзы» — одна единая книга), что внесло колоссальную путаницу в оценку размера библиотек, аналогично тому, что мы видели в Александрии, с ее главами-свитками папируса.

Расхититель гробниц по имени Пичоун в 280 г. проник в захоронение времен династии Вэй. При свете факелов, которые он изготовлял себе из тяжелых книг, он с разочарованием обнаружил, что там находится только, как показала впоследствии заказанная императором Ву опись, 16 старинных сочинений в 75 «чжуанах» на 2500 пластинках, то есть вместе больше 100 000 иероглифов. Одной из найденных книг оказался «Чжуншутжиньенн», «Бамбуковые анналы», мифологическая летопись, описывающая события с легендарной эпохи и

до 299 г. до н. э. Действительно потрясающая находка, к сожалению не скопированная и уничтоженная при династии Юань.

Именно на этом фоне идущего полным ходом основания библиотек, звякающих тяжелыми столбцами емких фраз, зародилась династия Цинь. Главного героя драмы звали Лу Бувей.

«Он путешествует, покупает дешево и потом продает очень дорого», — говорили о Лу Бувее, самом богатом человеке того времени. Первым вопросом, который он задал отцу, было: «Сколько может составить выгода от продажи жемчуга? А нефрита?» Сыма Цянь добавляет, что он привлекал к себе «гостей и авантюристов», так как хотел с их помощью подчинить себе всю страну. Среди этой публики, как считается, был Ли Сы, которому еще предстояло сыграть свою роль. Лу, не получивший хорошего образования, купил себе репутацию человека просвещенного благодаря трудам ученых мужей, которых он кормил, а именно: «Луши Чунью», «Анналы Весны и Осени господина Лу».

Он посадил на трон династии Цинь своего человека, дав ему в качестве бесплатного приложения самую красивую из своих собственных наложниц. Беременную, как ядовито добавлял Сыма Цянь несколько позже, при династии Хань, когда стало хорошим тоном поносить предыдущую династию. Поэтому с такой настойчивостью и говорили о происхождении Цинь Шихуанди: не просто побочный ребенок, но еще и сын торговца.

Так около 259 г. родился сын Чжэн, ставший царем в тринадцать лет. Лу Бувей смог тогда забрать обратно свою наложницу, к которой он приставил официального любовника, чтобы не навлекать лично на себя гнев юного царя. Но он недооценил крутой и гнусный нрав мальчика. Едва достигнув совершеннолетия и получив право управлять страной, он велел четвертовать любовника своей матери и сослать того, кому был обязан всем, начиная, вероятно, с собственного существования. Лу Бувей отравился на пути в Сычуань.

При помощи подкупа, шпионов и самого кровавого насилия юный деспот за неполных пятнадцать лет смог уничтожить одно за другим остальные шесть царств огромного Китая. В 221 г. он оказался единоличным правителем страны и присвоил себе титул императора, который до этого встречался только в легендах. В последующие века этого Чжэна знали исключительно как Цинь Шихуанди, или «первого августейшего императора династии Цинь». Единственная ошибка в его карьере: он утверждал, что основал династию на десять тысяч поколений. Она потерпела крах через четыре года после его смерти, которая не заставила долго себя ждать.

Ли Сы был его советником и правой рукой; это с его помощью удалось так немисливо увеличить территорию, в частности согласовать письменность, унифицировать деньги, систему мер и весов, ширину колеи повозок, построить стену, соединившую северные крепости, организовать дорожную сеть (включавшую в себя настоящую автостраду, «шидао», от летней императорской резиденции возле Сяньянга до Внутренней Монголии, то есть свыше 800 километров). Чтобы страна лучше управлялась, сто двадцать аристократических родов принудили приехать и поселиться в столице, а их войска уменьшились. За двадцать веков до взятия Бастилии был упразднен феодализм. И императора совершенно не беспокоило согласное осуждение сорока шести выдающихся конфуцианских мудрецов: он приказал похоронить их живьем. Однако Ли Сы хотел также похоронить прошлое, которое действительно начало собираться в виде материальных следов, все более и более обременительных, во всех смыслах этого слова.

На пиру в 213 г., на котором собрались семьдесят академиков, тосты были омрачены словами, предвещавшими несчастье. Один из пировавших, возможно черпая отвагу в желтом вине, сказал: «Мы хотим, чтобы наше время продлилось долго, но не подражаем древности в делах своих — я никогда не слышал, чтобы было так». Мертвое молчание. Министр ледяным тоном возразил: «Просвещенные владыки не подражают настоящему, но изучают древность, чтобы посрамить настоящее; этим

они сеют сомнение и тревогу среди черноголовых [народов]. И, повернувшись к императору, он «предложил, чтобы все книги по истории правления, кроме истории династии Цинь, были сожжены. Чтобы все подданные империи [...], которые осмеливаются владеть классической литературой и трудами различных философов, объявили об этом гражданским или военным властям, чтобы эти книги без всякого различия были преданы огню». Этот совет не был тогда неожиданным, истребление книг как инструмент государственной власти существовало по крайней мере со времен Шан Яна, то есть два века, так как он призывал герцога Сяо «сжечь книги, чтобы установился закон и порядок».

Распоряжение монарха Цинь более чем удовлетворило его советников, вышедших из школы законников, которые считали, что государством можно управлять, только держа народ в невежестве. «Что до тех, которые хотят учиться, пусть учатся у чиновников», — говорил Ли Сы, вдохновленный бывшим однокашником, ставшим врагом, но быстро уничтоженным, Хань Фэем, который утверждал: «В государстве, управляемом просвещенным владыкой, нет ни литературы, ни бамбуковых дощечек: единственное учение есть закон. Нет изречений древних царей, единственные возможные примеры для подражания — министры». Они одни обладали правом на образование, по примеру своего суверена, и книги, которыми они владели, не подлежали сожжению. До поры до времени.

Оказались запрещены и «сто школ»: школа законов, школа дао, школа Сундзи, который был первым философом-скептиком, — этот чудак ясно высказывал свои мысли, в то время как в Китае идеи чаще всего сообщались окольными путями, через притчи или даже анекдоты, и он воспитал и Хань Фэя, и Ли Сы. Тогда же поступил приказ и о великом сожжении всех библиотек, включая Книги од, документов, Анналы и Книгу ритуалов. Сохранились только сборники пророчеств (Книга перемен), поскольку император был страшно суеверен, а также трактаты по сельскому хозяйству и медицине. Любому, кто в течение месяца не подчинился бы этому приказу, должны были поставить клеймо на лицо и отправить его

каторжником на строительство Великой стены, где днем он должен был строить, а ночью нести караул.

Вы думаете, даосистов эти меры задели? Наоборот: для истинных и стойких приверженцев дао в злоупотреблении чтением скрывался источник несварения мозга. В «Чжуанцзы» читаем: «Кто учится, с каждым днем увеличивает (свои знания). Кто служит дао, изо дня в день уменьшает (свои желания). В непрерывном уменьшении (человек) доходит до «вувей» (недеяния). Нет ничего такого, что не делало бы недеяние». Очевидно, ничто не мешает предположить, что этот отрывок направлен особенно и исключительно против вездесущих словопрений конфуцианства.

Для всех остальных это стало катастрофой. Многочисленные просвещенные люди поспешно прятали книги в стенах своих домов. Так поступил Фу Шэнь с Книгой документов. Этого человека затем подвергли опале и выбросили на улицу. Но когда ему удалось вернуться в свое жилище, он получил обратно двадцать девять секций с классическими историческими сочинениями. То же самое сделал Кон Фу в доме Конфуция. Шестьдесят лет спустя, когда его семья при перестройке дома случайно обнаружила спрятанную библиотеку, реформы письма сделали эти тексты нечитаемыми — на тот момент, но не навсегда. «Люди в те времена не знали о существовании старых иероглифов, и они называли [это] письмом в виде головастиков».

Волнующей и таинственной оказалась судьба самого невероятно могущественного из людей. Со времен объединения империи он пустился в тайные поездки по провинции, где при его приближении водружали множество «сонгдебей» — стел во славу его добродетелей, текст на которых был написан на «сяочжуане»*. Параноик

* Этот термин чаще всего переводят как «малая печать». Начертание его менее вычурное, чем начертание популярной до сих пор «великой печати» («дачжуань»); и новое слово было в том, что все иероглифы вписывались в одинаковые вертикальные прямоугольники. Читать от этого было определенно проще, писать — поначалу не столь просто.

Чжэн, должно быть, преставился в дороге, так что ни он сам, ни кто-либо еще не почувствовал приближения смерти и его свита несколько дней, сама того не зная, сопровождала труп, который в конце концов упокоился, как известно, в центре могилы площадью 52 кв. км, на которую 700 000 рабов в течение двадцати лет положили свои жизни. После чего все его сыновья и наследники один за другим скончались, а Ли Сы торжественно распилили пополам в ширину. Вследствие этого скоропостижного краха династии с 208 г. до н.э. началось неистовое увлечение филологией и библиофильством в обратной пропорции к тому, что предписывалось за одиннадцать лет до того: все относившиеся к историческим, научным и художественным кругам изо всех сил бросились раскапывать, копировать, исследовать и накапливать тексты, которые еще не были полностью утрачены. Присущее китайскому обществу уважение к письменному слову упрочилось тогда навеки. «Сожжение библиотек и строительство стены — это, возможно, операции, каждая из которых тайком уничтожила сама себя», — с улыбкой прикидывает Борхес. Тем не менее «феншу кенгджу», «сжигание книг и закапывание ученых заживо», осталось застывшей поговоркой для обозначения несколько радикальных действий или даже просто каких-то поступков правительства.

Черeda пожаров: в китайской истории долгое время было по крайней мере столько же жестоких истреблений библиотек, сколько восстановлений их фондов. «Стоило учредить государственное собрание книг, как оно тут же уничтожалось или рассеивалось, чтобы восстановиться вновь, навеки утратив множество произведений». Будь то «Сто школ» или «Сто цветов», закон вечного возвращения как будто сплетает покорные этапы жизни цивилизации в соответствии со «своей собственной доктриной о единстве противоположностей».

Кто владеет книгами, владеет миром. Лю Бан, сын крестьянина и основатель династии Хань, был в этом абсолютно убежден. Он живо послал верного человека изъ-

ять из императорской библиотеки все книги династии Цинь, которые, как он думал, ему понадобятся (к сожалению, дисциплинированный солдат взял только то, о чем его в точности попросили). В 207 г. до н.э., во время последних сражений между Лю Баном, будущим Хань Гаоцзу, и его соперником Сяном Ю, тот велел поджечь столицу. Она горела три месяца. Все очень старые книги погибли — и принадлежавшие императору, и бывшие во владении министров, и спрятанные, и те, которые только что достали. Потери, возможно, превзошли объемы книг, уничтоженных по распоряжению 213 г. до н.э., и в любом случае добавились к ним. Понадобились долгие годы и длительное правление императора Ву, который сам был библиофилом, чтобы «книги нагромоздились, словно горы» (и чтобы Сыма Цянь смог, как раз в это время, излить свои «Шичжи»^{*}). Собирателей книг поощряют приносить произведения на переписку, как это потом делали для многих династий, которые занимали престол с пустыми полками. Поэтому, неизбежным образом, появилось множество апокрифов и даже фальшивки, поскольку предлагаемое вознаграждение было особенно привлекательным, а библиотекари не слишком требовательными. Несчастья подобного рода постигали библиотеки так часто, что искусство изготовления подделок развилось очень рано, и их авторы достигли вершин мастерства при династии Мин, когда издания династии Юань могли свободно выдавать за принадлежащие к временам династии Сун. Книги с предисловиями и колофонами уродовали без зазрения совести, чтобы сделать безупречную подделку.

Что представляла собой частная библиотека во II в. до н.э., для нас уже не секрет благодаря маркизу Де Дай, который предположительно приходился сыном канцлеру Ли Цану и был похоронен в Мавандуи вместе с теми книгами, которые он считал важнейшими. И тридцатью восе-

^{*} «Записки историка» или «Исторические записки», как пишут разные переводчики.

мью единицами оружия, поскольку он был военачальником (все это можно увидеть в музее провинции Хунань в городе Чанша). Эти книги представляют собой рукописи на шелке, свернутые в лаковых шкатулках с отделениями, и в целом составляют около ста тысяч иероглифов. Там есть два экземпляра «Дао дэ цзин», изложенного в порядке, отличном от известного до тех пор; в начале одного из этих экземпляров находились четыре мифических отрывка, которые считали утраченными в большом пожаре 213 г.: «Четыре классических текста желтого императора», представляющие собой даосистские руководства по поведению, предназначенные для правителя, своего рода тайный Лао-цзы. Было также найдено множество произведений, богатых поучениями: «Анекдоты и речи времен Весны и Осени», а также «Дипломатические послания полководцев сражающихся государств». Трактат «Движение пяти планет» описывал в целях гадания орбиты Юпитера, Сатурна и Венеры со времен семидесятилетия Цинь Шихуанди. Кроме того, были обнаружены «Исследование о лошадях», медицинские книги, содержащие замечательные иллюстрации на тему гимнастики, в одежде и с открытым торсом, и, наконец, три карты: государства Шу, гарнизонов и план города со стенами и домами. В целом это был карманный справочник и квинтэссенция необходимых дворянину тех лет знаний: история, стратегия, астрономия, сведения о лошадях и хорошей физической форме, а для здоровья духа — два Лао-цзы.

«Тушу» — карты и письменные произведения. Это выражение всегда служило для обозначения китайской публичной библиотеки, «тушугуань» (а для частной библиотеки использовали слово «цангшу», первое значение которого — прятать книги, что часто было необходимо). Не случайно и то, что «тушу» — это еще и название схемы, изображающей изменение мира в архаической философии. Долгое время под понятием «библиотека» подразумевались и книги, и место, а также и архив.

Библиография китайских книг, которую попытались составить эксперты династии Хань за несколько лет до

нашей эры, включала еще шестьсот семьдесят семь наименований. Уцелевших из скольких? Этого мы не знаем. В десять или в сто раз больше, в зависимости от пристрастий пишущего. У марксистов 1970-х гг. встречаются и абсолютно негационистские утверждения, в особенности в (очень необычном на сегодняшний день) журнале, озаглавленном «Tel Quel»: уважаемый в целом ученый Джозеф Нидхэм говорит, что Шихуанди не уничтожил ни одной книги; само собой разумеется, практически говорит он, что то были лишь пересуды. Надо напомнить, что первый император династии Цинь был кумиром Мао Цзэдуна. И что бесчинства этого последнего также были непредставимы и неизвестны во всем остальном мире.

Из списка династии Хань до наших дней дошло сорок одно произведение, и еще шестьдесят пять оказалось так или иначе возможно восстановить по другим источникам, остальное навсегда превратилось в дым.

Хотя первые систематические каталоги и утрачены, долгое время была принята классификация по семи разделам, или тезисам: разное, классические сочинения, философия, поэзия, военное дело, астрономия и математика, оккультные науки. Но что толку, мог бы сказать философ: во время восстания при узурпаторе Ван Мане в 23 г. город Шанган был разрушен и убытки оценивались в 13 269 юаней. «Это вторая гуманитарная катастрофа в истории», — утверждает Ню Хон.

При династии Хань столицей стал восточный город Лоян. Туда со всех концов стекались образованные люди со столькими мешками книг, «что их невозможно было сосчитать». Зародился значительный императорский архив. Вы ищете Сутру в сорока двух частях? Она хранится в четырнадцатом отсеке каменного зала террасы Орхидей. Другие разделы каталога находились в павильоне Единорога, или в павильоне Небесного блаженства. Очень неуместное в 190 г. название — в этом году генерал и его наемники сворачивали двор и всё разорили: «все документы и литературные произведения порезали и разбросали», книги на шелке, в зависимости от их размера, служили занавесками, крышами палаток, упаковкой;

самые маленькие странички превращали в веревочки. Тем не менее удалось собрать семьдесят возов книг, из которых только половина доехала до Шангана, чтобы сгореть там во время беспорядков в 208 г.

Ню Хон составил опись всех разрушений основных библиотек в докладе, который он подал императору Вэнь Суи в 583 г.: он насчитал пять таких разрушений, но «он забыл одно»*. После уничтожения при Цинь Шихуанди и последовавшей за этим гибели его столицы Сянань (что уже составляет два раза) было побоище в Шангане в 23 г., три других катастрофы, которые он включает в счет, были бедствие 190 г., разграбление Лояна в 311 г. Сенгю, при котором удалось спасти десять процентов книг (3014 свитков), и спонтанное аутодафе, учиненное императором Юанем династии Лян. Между прочим, в докладе 583 г. предвосхищается сразу формула цензуры и узаконенный налог: вкратце, недопустимо, как говорит Ню Хон, чтобы книга была в частной библиотеке, но не в библиотеке императора.

Возродиться и исчезнуть. Библиотека императора не подвержена бедствиям и все более и более совершенствуется. Перед дворцом Ян в правление императора Суи (589—618) расположился зал Текстов. Тамошние «окна, подушки на сиденьях, обивки кресел — все было изысканной красоты. Все три галереи выходили в одну комнату. С дверей спадали парчовые занавеси, над которыми располагались две фигурки крылатых бессмертных. За дверями снаружи и в земле был [распределен] механизм. Когда император отправлялся в зал Текстов, люди во дворце держали курильницы для благовоний. По дороге император наступал на механизм, и тогда крылатые бессмертные опускались, поднимали занавесь и поднимались обратно. Створки входной двери и дверцы книжных шкафов открывались сами. Когда император

* Как сказал Ву Гуанцин, который всего насчитал четырнадцать. Эндимион Уилкинсон, в свою очередь, утверждает, что абсолютная гибель настигала библиотеки «по меньшей мере двенадцать раз».

выходил, [занавеси] падали обратно и [двери] закрывались».

Как говорят, сгорало все больше и больше: 2655 наименований книг на 48 169 свитках при Суандзоне (712—756), который вдруг приказал, чтобы его дворец назывался местом, «где собираются мудрые» вместо «бессмертные».

А на самом деле — все более и более смертные: восстания и нашествие уйгуров, тибетцев, монголов не могли не нанести существенного ущерба. Многочисленны были и намеренные и подготовленные истребления. Хубилай 11 августа 1258 г. приказал «послать эмиссаров, чтобы они повсюду разыскивали и отбирали тексты нижеозначенных книг, равно как и формы для их печати; в двухмесячный срок их привезут в Янджинг (Пекин), где их сложат в кучу и уничтожат огнем». В данном случае он действовал по приказу своего брата Монгке, хотя и другой его брат Хулагу с впечатляющей синхронностью еще хуже повел себя в Багдаде. Став императором, Хубилай продолжил это начинание и уничтожил все канонические книги даосизма, кроме «Дао де Цзин» (не потому ли, что этот основополагающий текст мало доступен среднему читателю?). За период со 2 декабря 1281 г. и вплоть до начала 1282 г. всякое издание, даже частное, и деревянные печатные формы, позволявшие вновь напечатать 7000 томов этих сводов, были сожжены, включая те, что хранились на недавно завоеванном юге страны. То, против чего «Чжуанцзы» заранее выступало, говоря, что это бесполезно: этой книги больше нет на земле. «Книги — это не более, чем слова, даже если это точные слова. Что в словах точно, так это идеи».

По крайней мере два императора намеренно уничтожили свои впечатляющие книжные собрания. Юань Ди в 554 г., когда столица была окружена, поджег сто сорок тысяч свитков, которыми он так гордился, и угрожал сам броситься в огонь, а его удерживали за рукав. Он разбил о колонну свои мечи с украшенными золотом и драгоценными камнями гардами, вопя: «Этой ночью одновременно с военной гибнет и гражданская культура». Позже о нем скажут, что в своих книгах он любил их

количество, тем самым любил их недостаточно. Тем не менее он питал такое пристрастие к литературе, что, когда он болел, у его изголовья сменялись пять чтецов. Всякий раз, как он засыпал, они пропускали страницы. Последний император из южной династии Тан, Худжу, оказавшись в таком же осадном положении, приказал лучше сжечь свои десять тысяч книг, чем дать ими воспользоваться завоевателю, которым был Тайцзу из династии Сун. Поскольку знание — сила. Когда китайская принцесса, выданная замуж за тибетского царя, видимо, для того, чтобы вынести смертную скуку Лхасы, попросила императора Хуанцзона прислать ей «Пять классических текстов», при дворе нашелся недовольный, который воспротивился этому, поскольку «знание «Пяти классических текстов» сделает наших врагов слишком сильными».

Но богатства знания не замедлили сами собой выйти из сокровищницы Сынов неба и распространиться по большой территории, как только китайцы мало-помалу изобрели книгопечатание.

Остатки самого старого из отпечатанных на бумаге с деревянных форм текстов датируются до 751 г., но рукописные книги начали производить и воспроизводить в существенных объемах только к концу следующего века. Некий чиновник в 883 г. сообщает о целом квартале книжных лавок, где он мог выбрать книги по гаданию по земле, толкованию снов и словари, отпечатанные при помощи клише величиной со страницу, в которых местами скрывались плохо отпечатавшиеся или нечитаемые фрагменты. Зато в 950 г. с публикации двух полных конкурирующих между собой версий конфуцианского канона, в Лояне и в Сычуани, начинаются масштабные проекты по изданию качественных книг. Начиная с этого времени с огромным энтузиазмом, не лишенным связи с родовой травмой, вызванной сожжением книг при великом основателе, расцветают частные библиотеки. Их развитие часто вызывало зависть императора, а порой и простую и прямую конфискацию. Поэтому, как правило, китайские коллекционеры в то время всегда очень

берегли свои книги. Если они их и одалживали, то только надежным друзьям, и те должны были еще принести кувшин вина, чтобы взять самый ничтожный томик. И еще один, когда они его возвращали.

Хотите составить себе представление о классической китайской библиотеке? Это сад изысканности и меланхолии. Посмотрите на семерых коллекционеров из Ханчжоу, каждый из которых обладал значительной библиотекой и которые, хотя и не составляли организованной группы, встречались вечерами, как правило, сопровождаемыми достаточно обильными возлияниями, на берегах Западного озера, к которому спускались их виллы, обменивались уникальными сочинениями и сведениями, а очень редко и стихами собственного сочинения. Из этих дилетантов нам немного известен Ван Сян (1721—1770), который имел несчастье выиграть императорский конкурс, в результате чего ему пришлось принять пост в департаменте исполнения наказаний с конторой в Пекине. Но он не замедлил сослаться на преклонный возраст своих родителей и свой долг по отношению ним, чтобы окончательно вернуться в Ханчжоу и к своим книгам. Дни протекали без скуки за сверкой, расстановкой знаков препинания и комментированием уверенной кистью тысяч произведений, содержащихся у него в Чжэньцитане, павильоне Выдающейся добродетели. Так же было и с его друзьями, Ву Чжуо, Чжао Ю и другими. Чжао Ю был самым старшим и самым авторитетным: он по материнской линии происходил из рода Чи, который обладал некогда обширной и многопредметной (что само по себе было редкостью в конце правления династии Мин) библиотекой, сгоревшей в 1597 г., что только воодушевило Чи Чэнгье немедленно создать еще одну, еще более восхитительную, библиотеку, чтобы оставить ее своим потомкам вместе со страстью к книгам и трактатом по частному библиотечному делу, первым в Китае подобным произведением. К сожалению, политические превратности вызвали гибель рода, а также рассеяли книги, и Чжао Ю рассказывал, как он в восемнадцать лет совершил паломничество к руинам тех мест, где его прадед за сто лет до того наслаждался

своим драгоценным собранием: табличка над входом все еще была на своем месте и на ней рукой великого каллиграфа и художника Дон Чичана были начертаны два иероглифа Куантин, или беседка Отшельника. Он увез ее в Ханчжоу и приказал построить вторую библиотеку для того только, чтобы увенчать этой табличкой ее дверь. После его смерти Чуан Циван посвятил ему двустишие: «Кто имеет детей, тот не умрет, кто образован, тот не сгниет» (*йоу ци бу сы, йоу вен бу сю*). Все эти прекрасные собрания, кроме коллекции Ван Сяна, принадлежавшей четырем поколениям после него, незаметно рассеялись и исчезли после смерти их владельцев. Между тем они могли бы внести свой вклад или попытаться это сделать, так как дар еще должен был быть принят, в своеобразное учреждение императора Чанлона под названием «Шику цуаньшу»: среди девяти частных жертвователей, допущенных к этому из сотен добивавшихся этой опасной чести по всему Китаю, пятеро были из кружка друзей из Ханчжоу. Они вложили в предприятие императора около 1905 старинных произведений и в компенсацию получили каждый по энциклопедии. Это не был мелкий сувенир: энциклопедия под названием «Тушу Жишен», составленная в 1726 г. при императоре Канхи и напечатанная в 64 экземплярах при Йончжене, состояла из ста тысяч иероглифов и 5020 книг, сшитых вручную.

Еще один экземпляр этого памятника за такую же заслугу был подарен и библиотеке Тяньиге, основанной в 1561 г. в Нинбо. Отойдя от дел, мандарин Фан Чин (1505—1585) пожелал построить отдельное здание для своего собрания из 70 000 произведений, в основу которого легла коллекция Ванжуанлоу рода Фэн, восходившая, в свою очередь, к 1086 г. Эта образцовая библиотека представляла собой уникальный случай: здание в Нинбо сохранилось до наших дней, вновь заполненное за государственный счет после несчастий, которые оно перенесло. Тяньиге тем не менее и в прошлом оказывалось всевозможное внимание. Под двадцать восемь шкафов из кедра, с книгами из мягкой бумаги, были задвинуты блоки из йинши, или ангидрита, камня, впиты-

вающего влагу. С другой стороны, Фан Чин выбрал библиотеке такое имя, поскольку «тяньи» — что может также значить «первая под небом» — обращение к воде в Книге перемен. Поскольку основатель также потребовал построить здание из кирпичей и всякое отопление или освещение там были запрещены, Тяньиге действительно избежала пожаров. Секрет долговечности этого собрания — один из самых любопытных: Фан Чин предложил своим наследникам выбрать гору серебра, то есть 10 000 таэлей, или библиотеку без гроша денег и разрешения ее продавать. Его старший сын, Фан Дачон, говоривший первым, без колебаний предпочел Тяньиге. Затем его завещание было таким же, равно как и завещание его сына, и так несколько поколений. Кроме того, все наследники один за другим скрупулезно соблюдали и другое предписание основателя: «Никто, кроме членов нашего рода, не должен туда входить, и ни одна книга не должна оттуда выноситься». Но все это должно было хорошенько повеселить воров, которые без малейшего стеснения проделали дыру в стене три века спустя, когда Нинбо заняли «длинноволосые воины» во время Тайпинского восстания. И в 1862 г. значительное количество невосполнимых сочинений было продано на вес в две мастерских в Фэнхуа и Таньгао, где их переработали в обыкновенную бумагу, чтобы заворачивать мясо на рынке. Еще один вор имел обыкновение проникать в павильон ночью и охапками вывозить оттуда книги на небольшой лодке. На следующий день их обнаруживали у шанхайских книготорговцев, которые заказывали ему их по заглавиям для западных коллекционеров. Он делал так, пока это не взволновало Чжана Юаньчжи, директора «Commercial Press», и тот не создал фонд для переноса собрания в Ханфенлу, хранилище редких книг в большой библиотеке Донфан на востоке, где очень скоро, в 1932 г., все было уничтожено японскими бомбами.

«Современные библиотеки обязаны своей печальной участью не только войнам и пожарам. Люди без достаточных средств не могут собирать книги, а тем, кому это

удаётся, приходится видеть, как они рассеиваются, поскольку их средств недостаточно, чтобы их сохранить. Что есть сейчас, может исчезнуть завтра. К югу от Янцзы было бесчисленное множество огромных библиотек. Но сколько из них сохранилось до наших дней? Едва ли три или четыре». Так писал уже Хуан Цонхи, известный ученый начала эпохи Цин, который обладал более чем тридцатью тысячами книг и почти все их прочитал.

Китайская литература представляла собой большой конгломерат со сплошными черными дырами, организм, необратимо и очень сильно искаленный. К масштабным кампаниям по уничтожению прибавились миллионы крупных и мелких случаев самоцензуры, негласного искажения текстов и намеренных упущений, в результате которых корпус китайских текстов навсегда остался хромым. Все династии, даже самые мирные, держались на «веныцзыю», или запрете пагубных текстов, истреблении их и фальсификации в целях пропаганды. Уян Сю не любил произведения Вудая и велел их уничтожить, мандарин Гао Юань истреблял книги по истории, которые он объявил ненужными, поскольку в них рассказывается о прошедших событиях, избавлялись также от анонимных текстов, поскольку они вызывали мало доверия, каждое правление беззастенчиво меняло то, что ему не нравилось в «еши» (хронологии) предшествующих времен, и не было даже печатника, который не практиковал бы «чуймао циучи» — «подуй на волосы, чтобы обнаружить недостатки». Никто никогда не был достаточно аккуратен. В Цинлонжене во времена династии Юань жил известный книголюб по имени Чжуансу: перед его восхищенным взглядом громоздились друг над другом по меньшей мере 80 000 свитков: романы, стихотворения, история, — все было тщательно разделено на десять разделов. Но в 1346 г., когда очередной император призвал жертвовать книги, наследники Чжуансу предпочли сжечь библиотеку из страха, что ее содержимое могло навлечь на них беду. Во времена династии Цин многие известные образованные люди посвятили свою жизнь не представлявшим опасности занятиям, таким, как архео-

логия или «научное изучение классиков», как называлось влиятельное движение, существовавшее с 1736 по 1820 г. и несомненно поглотившее существенную часть умственной энергии, которая могла бы быть посвящена подготовке страны ко входу в современный мир и немало способствовала ее «спячке» в XIX в. Люди предпочитали не выражать собственное мнение и даже избегали писать что бы то ни было, дабы не рисковать начертать запрещенный иероглиф. Истина в Китае никогда не была неприкрытой, особенно если она могла не понравиться господину. Шутили, что «цинг фенг бу ши ци» — свежий ветер («цинг») напрасно листает книгу, он не может прочесть написанные в ней слова. Это следовало понимать так: люди из династии Цин — идиоты*. Интеллектуалов, противостоявших этому коллективному отклонению китайского общества, можно пересчитать по пальцам одной руки. Жан-Франсуа Биллетер напоминает о Ли Чжи (1525—1602), ниспровергателе традиций и борце с лицемерием, который, не уважая ничего и даже литературу, написал такие недозволенные слова: «Народ управляет собой сам и не признает, чтобы им управляли согласно каким-то другим принципам, кроме его собственных [...] Начиная с рождения, каждый человек на правах собственности обладает определенной манерой действий, и никому не нужно, чтобы пришел Конфуций и дал ему ее [...] Проповедники добра пользуются добродетелями и обрядами, чтобы управлять умами». Что же тогда остается скептику? Конечно же, книги: «Все те, кто предается учению, ищут внутри самих себя основание жизни и смерти, разгадку своей судьбы... сорока могла бы угнездиться у них в голове, и они этого даже не заметят». Ли Чжи с исключительной дальновидностью остроумно назвал два своих главных произведения «Книга для сожжения» и «Книга на выброс». Он не замедлил покончить с собой, когда власти

* В 1936 г. в Шанхае ученый Чэнь Денюань написал о возведении и разрушении китайских библиотек 524 страницы, которые ждут своего переводчика. Среди прочих их достоинств — то, что они знакомят с произошедшим позднее, при Мао.

после упорного сопротивления бросили его в тюрьму. Известность Ли Чжи «дает представление о степени вырождения, которой достигли мышление и нравы того времени», — вынесли заключение при следующей династии, при которой названия этих двух книг были попросту буквально проведены в жизнь.

Императору Цяньлуну действительно удалось проявить еще более грандиозную низость, чем его предшественникам, одновременно прослав среди своих современников и потомков пламенным защитником китайской литературы. В 1772 г., на тридцать седьмом году правления, он повелел собрать по частным и общественным архивам, по доброй воле или силой, все редкие книги Китая, как рукописные, как и печатные, чтобы составить из них одну огромную коллекцию под названием «Общая сумма книг», «цуаньшу», из четырех отделов, или «шику». Эти четыре части отвечали традиционной классификации и получили бы шелковые переплеты соответствующего цвета: канонические произведения (зеленый), исторические произведения (красный), философские (синий), разное и художественная литература (серый). Так под единым названием вновь собиралась абсолютная библиотека, столь прекрасная, сколь и исчерпывающая: было изъято 79 337 свитков, порученных 286 каллиграфам, чтобы скопировать их для вечного хранения. Печатные копии не были бы достаточно хороши.

О китайской литературе Цяньлун сказал: «Я приказал, [чтобы эти сочинения] смогли мирно спуститься по реке времени. Но если когда-нибудь среди них окажутся книги авторов, живших при династии Мин, противниках нашего рода, их нужно отложить, чтобы уничтожить огнем». Это предприятие очень быстро выродилось в огромную инквизиторскую операцию: посланники верховного государя обходили все дома по всей империи в поисках книг, которые могли ему не понравиться, равно как и тех, которые могли быть ему приятны, применяя все более и более неоднозначные критерии: начав с «любой литературы, созданной с конца правления южной династии Сун», приказ затем пред-

писал изымать «пяньмю» — неправильные книги; уже только стиль каллиграфии, например, мог считаться таковым: в числе прочих так уничтожили «Шуфа Джингьян» авторства Ван Сихоу. 11 июня 1778 г. в Пекине был устроен гигантский костер из многочисленных экземпляров изъятых книг и деревянных клише, с которых они были напечатаны, до того сваленных в Комиссии военных архивов. Один мемуарист писал с дерзкой горечью, что при цене на дрова в 2,7 таэлей за тысячу катти, или китайских фунтов, дворец только что сэкономил 98,6 таэлей. Так сжигали книги двадцать четыре раза вплоть до 1782 г., и уничтожили таким образом все экземпляры по крайней мере 13 000 древних книг, среди которых было несколько редчайших изданий, пожертвованных на национальное предприятие самыми знаменитыми коллекционерами из самых лучших побуждений. Или, быть может, чтобы угодить государю, даже и зная о его цензорских намерениях.

«Из всех книг, когда-либо существовавших в черед веков во всей вселенной, здесь есть каждая», — писал Его высочество в предисловии к «Шику цуаньшу», своим красивым благородным почерком и не без той крайне свойственной императорам приподнятости, которую также называют легкомыслием или бесстыдной наглостью. Воображение владыки и паранойя исполнителей его воли — если только не наоборот — соединились, чтобы проделать огромную лакуну в библиографии своей страны: в 1782 г. «Джиншу мулу», или «Index expurgatorius», состряпанный в результате этой огромной издательской кампании, сообщал о 345 вымаранных цензурой книгах и 2320 уничтоженных полностью. Только пятая часть этих последних смогла распространиться — иногда даже во Франции — и дожить до наших дней. Все остальное утрачено.

Что же до «Шику цуаньшу», создание которой было официальной целью всего предприятия, то просто чудо, что это нескладное и чудовищное собрание не исчезло полностью. Цяньлун заказал для себя четыре его экземпляра и затем еще три, чтобы отослать в благодарность в те провинции, которые больше всего участвовали в его

создании: именно так один оказался в Ханчжоу, в специальном почти современном здании под названием Вэньланге на берегу Западного озера. Эти библиотеки с публичным доступом не могли не сгореть во время потрясений, вызванных Тайпинским восстанием, для участников которого это было своего рода призвание, поскольку их подпитывало вырожденное христианство. Первые четыре списка были размещены в специально построенных павильонах, подражавших Тяньиге в Нинбо, в разных резиденциях монарха, среди которых оказался и Летний дворец, прославившийся своим разграблением.

Франция и Англия в 1860 г. не находили взаимопонимания ни в чем, кроме признания, что китайцы годятся разве что на роль пушечного мяса для закрывания амбразур. Надо сказать, что в стране, дремавшей на горах золота, серебра и вдобавок на миллионах уникальных древних книг, нужен был разумный предлог, чтобы всем этим воспользоваться.

6 октября французской армии удалось рассеять англичан и с форой в одну ночь проникнуть в Летний дворец. «Сон лихорадочного ювелира», — записал Эриссон. Этот человек, секретарь и переводчик генерала Монтобана, прямо с места события — так что военный министр впоследствии попытался запретить публикацию его рассказа — описывает разграбление двухсот зданий, где пять поколений императоров собирали свои богатства в изобилии, которого они не позволяли себе в городе. Впрочем, первыми исчезли бутылки старых бордоских вин.

«Один из двух завоевателей наполнил свои карманы, увидев это, второй наполнил свои чемоданы». Виктор Гюго негодует еще больше оттого, что этот эпизод пополнил его досье против Наполеона III: жалкий грабеж китайской «химеры» осуществила как раз нация, возглавляемая «коротышкой». Англичане потом грабили с большей методичностью и эффективностью: они на месте организовали продажу с аукциона, брали только табакерки, пиастры, жемчуг, нефрит и золотые сервизы. Французы же, как большие дети, наряжались в туалеты

принцесс и дрались за крупные вещи, в особенности часы и механические игрушки, сделанные в Европе. Поскольку набег обещал быть чудовищным, генерал Кузен де Монтобан удалился в свою палатку. «Там и тут в парке группы людей бежали к павильонам, дворцам, пагодам, библиотекам, увы!..» — волновался Эриссон. Одним из этих павильонов как раз и было здание, построенное для полной копии «Шику цуаньшу», состоявшей из 3461 произведения и 168 000 томов, небольшая часть которых превратилась в дым 6-го, а остальное — 18 октября, когда был убит корреспондент «Таймс», взятый в заложники китайскими властями: лорд Илджин решил тогда вернуться в Яньминьян и окончательно его разрушить. Этот извращенный вандализм удивляет лишь отчасти: илджинизм изобрел его отец, когда разорил Парфенон. Кроме того, его переводчиком был известный синолог Томас Фрэнсис Вэйд, о котором говорили, что ему самому удалось извлечь существенное количество книг из Летнего дворца. Монтобан не принимал участия в этой карательной экспедиции и вновь удалился в свою палатку: он считал политически более выгодным сжечь Запретный город.

Целой осталась только одна копия собрания «Шику». Это был «головной» экземпляр, хранившийся в Вэньюаньге, за императорским дворцом. Он в конце концов был уничтожен в Тайбэе приверженцами гоминьдана. Неполная копия обнаружилась в Китайском Туркестане, пройдя через руки Советской армии. Национальной библиотеке в Пекине в 1917 г. удалось заполучить копию, которая находилась во дворце Чэнде. Так что эта коллекция не разделила судьбу «Йонгли да дянь», другого сверхчеловеческого предприятия, которому предстояло погибнуть еще более жалким образом.

Император Йонгли, как только сел на трон в 1403 г., приказал Яо Гуаньсяо собрать комиссию из 2169 ученых мужей и составить великую энциклопедию всех китайских знаний. Работа над «Великим канонем Йонгли» продлилась четыре года, и в результате появилось 22 877 свитков и 7000 или 8000 основополагающих со времен

«Анналов Весны и Осени» произведений. Ориентировочно 370 миллионов иероглифов на прекрасной бумаге, окаймленной красным шелком, написанные безупречным почерком черной лаковой тушью со знаками препинания и примечаниями, написанными киноварью, все переплетено в желтый узорчатый императорский шелк. И поскольку денег на печать уже не осталось, это существовало только в одном экземпляре. Который полностью сгорел в Нанкине при падении династии Мин. В 1567 г. была сделана копия, хотя и меньшая на 2422 свитка и значительно менее роскошная. Издатели Цяньлуна изъяли из нее еще 385 сочинений. Остальное поспешно купила императорская академия, Ханлин, или «Лес кистей», для своей уже многочисленной библиотеки, «квинтэссенции знания [...], самой старой и самой богатой в мире». А Ханлинюань, к несчастью для себя, располагался в северо-западном углу квартала дипломатических миссий, в нескольких метрах от посольства Англии, превратившегося в укрепленный лагерь при осаде Пекина в 1900 г.

Осажденные были спокойны: боязливое уважение китайской черни по отношению к письменному слову, в особенности к отмеченному большой красной печатью Сына неба, гарантировало им непреодолимый заслон. Кто же тогда поджег Ханлинюань в воскресенье 23 июня? Англичане, говорят китайцы. Это же пишет Уилкинсон. Несомненно, здание занимало стратегическую позицию, и его разрушение облегчило бы положение осажденных. Или это были регулярные войска (мусульманские: Боксерское восстание было также и джихадом) под предводительством генерала Дон Фусяна, в надежде, что если даже огонь не распространится на дома иностранцев, то хотя бы задымит их. Причем нападающие стояли в окнах соседних домов, стреляя во все, что движется, так что «старые павильоны горели, как трут, с ревом, заглушавшим непрерывный треск стрельбы». Тем не менее в квартале было восемь колодцев, и рук, хоть и разнообразных, хватало, чтобы передавать воду по цепочке. И тут северный ветер переменился, и атака была наконец отбита. Но слишком поздно, чтобы спасти книги. «Маленькая биб-

лиотека на восточном дворе была разрушена, декоративный бассейн засыпан обломками; деревянные клише, манускрипты и печатные книги, втоптаннные в грязь, усеивали землю». Каждый брал, что хотел: детям страшно нравились деревянные печатные блоки, из которых они возводили маленькие баррикады и тоже играли в Боксеров, солдаты разобрали остальное на сувениры о походе. От сказочного «Йонгли да дянь» осталась только жалкая горстка свитков. Переводчик британцев Лэнселот Жиль сожалел, что смог утащить только раздел № 13345 энциклопедии, то есть одну-единственную книгу 30 на 50 сантиметров, «едва ли образцовую». Лэнселот Жиль был сыном Герберта Аллена Жилия, который разработал сложную систему латинской транслитерации китайского языка, присоединяясь к усилиям, уже предпринятым в этом направлении Вэйдом, под названием Юаньминьюань.

Без этого грабежа не существовало бы синологии. За сотню лет, прошедших с середины XIX по середину XX в., одновременно с экспортом всех имеющихся в стране золотых и серебряных слитков из самых дальних уголков Китая, таких, как, например, Дуньхуан, в Лондон и Париж было вывезено множество письменных текстов. Люди безупречной репутации абсолютно серьезно считали, что они действуют в целях сохранения и защиты бесценных документов, находившихся под угрозой в этой стране нищих, — довод, который можно было бы в крайнем случае принять во внимание, если бы он включал в себя намерение однажды вернуть все обратно, что, очевидно, было не так. (Забавно, что Китай начинает выставлять требования о возвращении похищенных культурных ценностей. Восемнадцать крупнейших музеев мира в очередной раз ответили, что они не вернут никогда и ничего, на этот раз через совместную декларацию от декабря 2002 г. Но говорят, через два поколения Китай станет самой могущественной державой мира...) Так, Тяньцзинь к 1940 г. стала лишь жалким подобием самой себя. Иностранные туристы прогуливались там со своими тележками и приобретали книги даже не по названиям и не на

вес, но целыми стенами. Если они и платили, то только несколько сапеков. И еще чувствовали себя при этом дающими милостыню.

Беспрецедентная операция по спасению архивов и книг дает почувствовать масштабы запустения и безразличия, царивших в агонизирующей империи, а следовательно, и в ее библиотеках, как в тех, которые спасли, так и в остальных. Этой операцией мы обязаны также Ло Чженью, уже упоминавшемуся в связи с эпизодом с гадательными лопатками на рубеже веков и получившему у нас редкий титул благодетеля китайской филологии. В 1909 г. архив Имперской канцелярии, дополненный значительной коллекцией книг из Вэньюаньге, главной имперской библиотеки, грозил пасть под гнетом собственной немощи. Канцлер и реформатор Чан Читун (Чжан Чжидон) решил, что некоторые его разделы могли бы лечь в основу Национальной библиотеки Китая, но что различные ненужные документы, собранные в течение трех веков, нужно сжечь, как того требует традиция (и судьба: от пятидесяти до шестидесяти процентов этих архивов были уничтожены, когда союзнические армии в 1900 г. вошли в Пекин). Ло Чженью сумел его от этого отговорить, и все документы после основания республики были отправлены в Исторический музей Вумень. Десять лет спустя хранитель, которому не хватало денег, продал три четверти фондов за тысячу мексиканских долларов торговцу бумагой, который вывез все в джутовых мешках: 150 000 катти, или 75 тонн. Некоторое время спустя Ло Чженью, оказавшись проездом в Пекине и предаваясь своему любимому занятию — копаясь в букинистических лавках, — наткнулся на поздравительное письмо, подписанное корейским царем и с печатью Имперской канцелярии. Торговец бумагой, в ожидании переработки своего приобретения на бумагу, сжигаемую на похоронах, начал продавать его частями в книжные лавки в Люличане. Ло Чженью пришлось потратить 13 000 долларов, чтобы приобрести всё; он велел построить павильон, чтобы там разместить документы и составить их

опись. Но это разорило его, и он был вынужден уступить Имперскую канцелярию коллекционеру из Тяньцзиня, у которого Институт истории и филологии в 1929 г. смог приобрести ее за 18 000 долларов. Сделка вызвала шум, и Лу Сун писал в одном журнале: «В Китае общественное достояние действительно сложно сохранить: власти оказываются либо некомпетентны и утрачивают его, либо же компетентны и его разворовывают».

В завершение этого оставленного провидением периода члены гоминьданского правительства в 1948 и 1949 г. сняли сливки книжных редкостей в Пекине и Нанкине вместе с семью процентами архивов династии Цин, о которых мы только что говорили, а потом взяли их с собой в свое изгнание на остров Тайвань, так что действительно этот литературный залог, которому китайцы до сих пор приписывают «волшебные и всемирно значимые достоинства», является гарантией и неременной основой политической мощи.

В 1900 г. для Китая началась новая эра: старичье из этого Центра мира не осознавало ни насколько жажда жизни может стать сильнее трудностей, заставить забыть о тысячах километров и объединить заклятых врагов, ни того, насколько новые и особенно жестокие технологии могли появиться без их ведома, и тем более это касается технологий, основывающихся на таком местном и праздничном продукте, как порох. Новая эра началась в Китае так же, как начался сам Китай: со стирания невосполнимой части памяти.

ИНДИЯ У ИСТОКОВ ЗНАНИЯ

Территория Индии занимает три процента площади земной поверхности и является колыбелью нескольких враждующих религий. Свою лепту в религиозный разлад внес и ислам. Мириады сект и кастовая система в качестве основы структуры общества составляют чрезвычай-

но горючую смесь, из которой буддизм в конце концов самоустранился, и в этом нет ничего необычного.

Сам Будда, как рассказывают, однажды останавливался в Наланде. Кстати, один из ее эпитетов — «На-алам-да», «никогда не устающая давать». Теперь лишь высокие красно-оранжевые руины Наланды, носящие имя Барагаон и расположенные к западу от Патны, свидетельствуют о великолепии этого университетского центра, основанного в период правления династии Гуптов (320—467) и представлявшего собой, по-видимому, недолговечный образец экуменизма: там преподавали одновременно брахманизм и все светские науки. Отважный монах Суанцзан из «Паломничества на запад», пришедший сюда, чтобы получить для Китая основные буддистские тексты, так описывал блистательное оживление в этом интеллектуальном центре VII в.: он увидел там 10 000 человек, включая «священников и иностранцев», или 1510 преподавателей на 8500 учеников. Образование в городе было бесплатным, поскольку правители даровали ему доход со ста деревень. Несколько домов из шести—девяти этажей «касались облаков», как сообщает стела XVIII в. Там были лекционные залы, а в многочисленных кельях имелось по нише для настольной лампы и еще по одной для книг. Огромная библиотека носила изящное имя «Дхармаганья» — «на рынке веры». Она состояла из трех башен: Ратнасагара, Ратнараньяка и Ратнодадхи. Последняя, девятиэтажная, возвышалась над всем комплексом строений, и в ней размещались самые старые и почитаемые книги, среди которых было собрание тантрических текстов. Хотя количество собранных в Наланде произведений не известно, зато мы знаем, что Суанцзан приезжал дважды, причем один раз на год и три месяца, в этот рай книг, чтобы проследить за их перепиской. Его коллега Йицзин в 672 г. провел там десять лет и увез четыреста книг, среди которых было полмиллиона слок, или санскритских дистихов.

Однажды во время проповеди появились два очень бедных попрошайки; это были тиртики, неверные. Так называли последователей джайнизма, которые, очевид-

ным образом, использовали тот же эпитет по отношению к буддистам. И тут злобные неопиты, оставшись без присмотра, обрызгали их водой, отчего те пришли в ярость. Рассказывают, что они, не сходя с места, в течение двенадцати лет просили солнце быть к ним благосклонным, после чего, очистившись таким образом, они совершили яжну — жертвенную церемонию, прочитали перед священным огнем подобающие, согласно ведическим писаниям, мантры, а потом швырнули не менее священные пылающие угли в здания. Это вызвало огромный пожар, и башня под названием Ратнодадхи загорелась. Так легендарная библиотека Наланды сгорела целиком.

Эта до сих пор распространенная история приписывается тибетскому паломнику по имени Шармасвамин, разносчику волнений, который, как рассказывают, посетил развалины в середине XIII в., незадолго до того, как Наланда вместе со своими книгами — что более правдоподобно — была окончательно уничтожена мусульманскими завоевателями под предводительством Бахтияра Хальи в 1199 г. Ведь к востоку, на этот раз, от Патны находился Одантапури (Уд дандапура), сегодняшний Бихар, который в это же время постигла та же участь, вызванная действительно теми же самыми тюрко-афганцами. Эта буддистская вихара была основана в VII в. царем Гопалой, которого, вероятно, вдохновлял или же задевал пример Наланды, и этот монастырь послужил образцом для тибетских монастырей, первым из которых в 1749 г. стал Бсам-Яс. Беспрестанные набеги исламских завоевателей на Индию иногда сопровождались захватами библиотек (так поступил в 1739 г. в Дели иранец Надир Шах: легендарные книги императоров моголов были затем проданы в Персии практически за бесценок) и часто — заменой их на мусульманские образовательные структуры, если только это не было примитивное искоренение культуры, подобное имевшему место в Виджаянагаре в 1565 г.

Суанцзан во время своего инициатического паломничества, не задерживаемый ничем, кроме гула гражданской

войны (уже тогда) в Шри-Ланке, дошел до Такшашилы, или Таксилы, столицы Гандхары. В то время там уже оставались только кучи камней, достаточно, однако, любопытных, поскольку у тамошних буддистских храмов были коринфские капители. Этот необыкновенный перекресток цивилизаций действительно сотрясился последовательно под шагами Дария, Александра, Селевка-Победителя, Аполлония Тианского, святого Фомы и Махмуда из Газны. Его правителем в III в. до н.э. был Асока, ставший потом одним из знаменитейших царей Индии, проникнутой духом Будды. Таксила была, кроме того, одной из первых вихар и достигла вершины расцвета в 400 г., когда ее посетил Факсиан, предтеча китайских монахов-паломников, в поисках рукописей для переписки: библиотека была в распоряжении пятисот монахов и стольких же воспитанников монастыря. Эти последние должны были уплатить заранее за свое долгое обучение тысячу монет, и глагол, означавший «учиться», звучал как «sippam vacheti», читать науки, в общем, читать. К несчастью, белые гунны, они же хэфталиты, питали своего рода ненависть к буддизму и в V в. старались уничтожить все его материальные, а подчас и духовные проявления. И именно так, под их мощным ударом, исчезла Таксила.

Если в Индии буддизм в ответ на нападки только подставлял щеку ненасилия и смирился со своим затуханием, его очень острый конфликт с индуизмом в неизменном виде перенесся в Шри-Ланку, где лишь ожесточился. Бывший Цейлон сейчас управляется сингальскими властями под флагом несколько переработанного буддизма, опирающимся на необузданный экстремизм; они каждый день сталкиваются с не менее радикальной тамильской сепаратистской оппозицией, как мы увидим далее. Тем не менее буддистское мировоззрение укоренилось на острове первым и достаточно мирно, около 220 г. до н. э., оказав влияние на язык, мышление и литературу: в IV в. сообщалось о наличии по крайней мере трех монастырских библиотек с текстами на олях, пластинках из пальмовых листьев. В продолжение этой традиции правитель

Паракрамабаху I (1153—1186) украсил страну и свою новую столицу Полоннаруву многочисленными библиотеками, а королевскую библиотеку назвал Поля Гуль-Вехера. Но когда затем король Магха из Калинги в Индии высадился на острове и правил с 1214 по 1255 г., опираясь на страх, эти скопления книг были одними из его любимых жертв. Хотя Магха и не был тамилом, в его бесчинствах обвиняли впоследствии именно тамиллов. Они расселились по северу страны, и в XIII в. существовала библиотека, посвященная их литературе, Сарасвати Махалайям, о которой, между прочим, сообщают, что она погибла в результате жестокого пожара.

Дух древнего Будды также распространился на местности к востоку от Индии. В Мьянме, одно время называвшейся Бирмой, первые книги изготавливались из бамбуковых пластинок или пальмовых листьев, а затем — из сложенных листов местной бумаги, «парабаик», и тщательно сохранялись в «са-дике». Когда англичане в 1855 г. взяли Янгон и начали кровавую аннексионную кампанию, многочисленные частные и школьные библиотеки были сожжены. Видимо, чтобы сохранить главное, — король Миндон в это же время приказал основать Кутодау, нерушимую библиотеку, в которой на семистах двадцати девяти алебастровых стелах полутораметровой высоты была высечена Теравада на языке пали; так буддистский канон «предков» покрыл собой шесть гектаров земли неподалеку от Мандалея. Уцелевшие бумажные книги были впоследствии собраны сэром Чарльзом Эдвардом Бернардом и вместе с его собственной коллекцией рукописей «мон» позволили ему открыть первую публичную библиотеку, Независимую библиотеку Бернарда. Около 5000 книг, которые удалось спасти после ее разрушения во время последней войны, стали ядром нынешней Национальной библиотеки, которая гордится своим собранием из 618 000 печатных томов, 15 800 рукописей и, возможно, в конце концов, в один прекрасный день откроется.

МЕЧ И КИСТЬ

Император Умайядо но Одзи правил Японией с 593 г. до своей смерти в 622 г. Именно ему, известному также под посмертным именем Сетоку, Япония обязана массовым импортом китайского знания и опыта, а также решительным покровительством буддизму. По этой причине он построил неподалеку от Нары дворец Хорю-дзи, включающий в себя, возможно, самые старые в мире деревянные сооружения, в котором располагалась его значительная библиотека, Юмедоно, или Зал снов. Строчения из легкого дерева и бумаги характерны для Японии, поэтому пожары являются там естественной составляющей повседневной жизни: сегодня туристы часто восхищаются храмами и дворцами, которые перестраивались по три-четыре раза или больше и зачастую оказываются практически нашими современниками. Само собой разумеется, что книги, сделанные из бумаги, листок за листком получаемой по технологии, когда бумажную массу проветривают, отпечатывая при помощи формы различные мотивы, сгорали в мгновение ока. Не осталось ничего от сочинений, из которых состояли многочисленные собрания знати из династии Хейян, от конфуцианских книг, к которым питал пристрастие Исоноками но Якацугу, владелец павильона Благоухающих трав, открытого для всех (подразумевается, для всех его знакомых молодых аристократов). Ни следа от книг из дворца Сага, императора, поэта и каллиграфа, и от книг из Рейцен-ина, сгоревшего в 875 г. вместе с лежавшим там «Нихонкоку гензай шо-мокуроку», «Списком книг, в данный момент находящихся в Японии». Когда после XII в. меч сменил кисть, библиотеки стали еще большей редкостью. Ими владели в основном храмы, хотя иногда и большие богачи, как, например, секта Тендай.

Развращенные и неразумные. Так воинственный Ода Нобунага называл буддистов, с которыми он всю жизнь воевал. Уже несколько поколений они составляли отдельное государство в государстве, не покоряясь даже

тогда, когда власть благоволила к ним. В XVI в. они были могущественны, как никогда, и секта Тендай, что бы там ни говорил процитированный выше дайме, отличалась прагматическим рационализмом, признавая широкий спектр религий от дзен-буддизма до синтоизма. И вот в 1571 г. этот японский князь отправил свои войска осадить гору Хией, на которой располагались монастыри Энряку-джи, приказав им сжечь в пепел три тысячи построек, храмов, школ и библиотек и перерезать горло тысяче шестистам монахам. Его биограф так рассказывает об этом событии: «Рев пожара в гигантском монастыре, к которому присоединяются бесчисленные крики молодежи и стариков, раздавался и наполнял собой небо и землю вплоть до самых дальних уголков». Но о войне религий здесь нет ни слова — Ода презирал всех богов. Кстати, чтобы достичь своих политических целей и известить буддистское образование, он поспособствовал приходу и укоренению «Кириштан» (от тогдашнего португальского «криштам»), так что на момент его смерти в Японии насчитывалось сто пятьдесят тысяч крещенных в христианскую веру. Они казались ему менее опасными. Но последующим правителям было страшно трудно от них избавиться.

Свидетельств, говорящих в пользу неумеренного пристрастия к сохранению книг в Японии, немного; но тем заметнее будет случай правителя, поэта и ученого мужа Канеэши (1402—1477), увлекавшегося китаистикой, который вел жизнь весьма приятную, «со своими двадцатью шестью детьми и богатейшей библиотекой — обширным хранилищем всей литературы и истории прошлого. Ему самому она казалась неуязвимой и защищенной от превратностей судьбы». «Безумная» война, начавшаяся в 1467 г., в одночасье лишила его всего того, чем он дорожил. Он сам писал в своем дневнике: «За очень короткое время поднялся столб дыма, и все вокруг очень быстро оказалось опустошено. Моя библиотека избежала пожара, видимо, потому, что ее крыша была черепичной, а стены глиняными, но туда устремились окрестные грабители, думая, что там есть

деньги и ценные вещи, и они поспешили выломать дверь и разбросать тысячи книг. Не сохранилось ни одной из японских и китайских книг, передаваемых по наследству вот уже два поколения».

Положение публичных японских библиотек поменялось начиная с Эдо в XVII в., когда каждый клан создал свою библиотеку, и особенно в следующем веке, когда начали учиться простолюдины. Но лишь немногим крупным собраниям было суждено образоваться и особенно сохраниться надолго, даже после реставрации династии Мейджи: все библиотеки, созданные по инициативе государства, кроме основанной в 1872 г. Императорской, были бедны, запущенны, и люди их презирали. Очень быстро они вышли из употребления. И попали под бомбардировку.

Японская философия пропитана ощущением непостоянства вещей наряду с тягой ко всему абсолютно свежему, новому, раннему. Эти особенности, по-видимому, не могут совсем не иметь отношения к недостаточному стремлению собирать и почитать такие древности, как уже прочитанные книги. Все это, как сказал Басё в своем знаменитом хайку, быстро становится похоже на воинов, погибших в высокой траве: «юме но ато». Следы снов.

7. ХРИСТИАНСКИЙ ЗАПАД

Удивляться следует не тому, что у нас так мало древних сочинений, а тому, что они вообще есть.

Гертруда Берфорд Роулингс

ИНКВИЗИЦИЯ

Папы придумали инквизицию с целью подавить ересь вальденсов или катаров, которая стала популярной в народе и тем самым колола им глаза; замысел немедленно выродился вследствие рвения мирян, взявшихся осуществлять его: Робера Ле Бугра, «молота еретиков» Ферье, Конрада Марбургского, преступления которого прервала только насильственная смерть. Проявив большую тонкость, дело это перепоручили монахам, организовавшим сеть уловления подозрительных лиц. Как известно, они обладали всей полнотой власти, деяния свои творили под покровом абсолютной тайны и не давали отчета никому, кроме короля, если тот был способен держать их в узде. Редко можно увидеть столь эффективную систему подавления, позволявшую обходиться без танков и ГУЛАГов, живущую за счет своих жертв: все принадлежащие к этой системе сверху донизу занимались личным обогащением, исключая, быть может, двух-трех великих инквизиторов, наиболее приверженных аскезе, да и то сомнительно. Говорят, когда евреи — как богатые, так и бедные — скинулись, чтобы предложить Фердинанду Испанскому 600 тысяч дукатов в обмен на запрет инквизиции, великий магистр Святой конгрегации Сиснерос выплатил эту сумму королю из собственных денег. Тем легче понять, отчего столь многие подозрительные отделались увещанием и «отпущением», тогда как других посылали на костер.

В нежном возрасте инквизиция больше занималась, как говорит Вольтер в «Кандиде», поджариванием мужчин и

женщин, чем истреблением библиотек; если же возникло желание подвергнуть «испытанию огнем» какую-нибудь книгу, приходилось обращаться к Святому престолу, пока Латеранский собор 1515 г. не издал буллу «*Inter sollicitudines*»*, призванную положить конец колебаниям: да, разумеется, следует уничтожить сочинения, «переведенные с греческого, древнееврейского, арабского или халдейского как на латинский, так и народные языки, книги, содержащие искажения вероучения и вредоносные догмы [...], равно как клеветнические пасквили против особ высокого ранга». Однако, несмотря на всю привлекательность последнего предписания, сама мера показалась столь неожиданной и суровой, что даже среди участников собора нашлись сомневающиеся: так, Алексей, епископ Амальфи, объявил, что принимает ее в отношении новых книг, но только не произведений древних авторов. Известно, что почти везде, и особенно на севере Европы, это установление не будет исполняться. И, как мы увидим, папа Лев X собственной персоной поведет себя прямо противоположным образом.

На территории весьма относительного милосердия, подведомственной не испанской инквизиции, ненависть излилась в основном не на библиотеки, более или менее уцелевшие, а на еврейские книги, «злокозненные» по определению.

КАТОЛИЧЕСКАЯ ИСПАНИЯ

Испания превратила инквизицию в столь полезное орудие управления, что отказалась от нее с большим трудом и официально упразднила только в 1834 г. (впрочем, мы не без содрогания узнаем, что Ватикан сохраняет ее под другим названием вплоть до сегодняшнего дня). Когда священные узы брака соединили Кастилию с Арагоном и вся территория была отвоевана, Изабелла и Ферди-

* Среди забот (*лат.*).

нанд начали грандиозную операцию этнической чистки. Нужно признать, что оказавшаяся у власти кастильская знать обрела цель существования — устранить евреев как собственников и конкурентов, простой же народ от души приветствовал это, сам не понимая причин своей радости. Указ об изгнании евреев был провозглашен в марте 1492 г. Могли остаться лишь те, кто согласился принять крещение: их называли *conversos*, то есть обращенными.

Поскольку в финансовом отношении дело оказалось не таким уж и выгодным, в это же время началась христианизация мавров — на первых порах мягкая. Затем кардинал Франсиско Хименес де Сиснерос счел результаты слишком медленными и при поддержке коронованной четы решительно высказался за принуждение. И 18 декабря 1499 г. произошло насильственное крещение трех тысяч мусульман, которых заставили принести с собой книги, чтобы они могли собственными глазами увидеть, как их сжигают на площади Виварамбла в Гранаде; исключение сделали для трактатов по медицине — их забрал университет в Алькале. Это был грандиозный спектакль, куда более увлекательный, чем книжное аутодафе, устроенное Торквемадой в монастыре Сан-Эстебан и проведенное тайком, чуть ли не с ощущением вины: сожгли всего-то шестьсот книг, заподозренных в колдовстве и иудаизме. Напротив, очевидцы в Гранаде, тот же самый падре Алькалеа, наблюдали, как превращаются в дым привозимые на тачках украшенные миниатюрами рукописи великолепного каллиграфического письма, тома с уголками и застежками из золота или серебра. Уничтожение — лучшее из зрелищ. Увиденное настолько поразило воображение, что и количество погибших изданий показалось умопомрачительным — от одного до двух миллионов.

Поскольку дело это вызвало мятеж, ответ оказался еще более жестким: были окрещены все мавры, вплоть до живущих в Арагоне. Тем, кто возражал, что обряд не был добровольным и, следовательно, не имел законной силы, священник напоминал, что их искреннее и полное согла-

сие предпочесть крещение костру, несомненно, является актом свободы воли. В 1511 г. инфанта донья Хуана постановила, что все мориски — так называли крещеных мавров — должны выдать все свои книги; на сей раз стремились уничтожить трактаты по философии (которых осталось мало — сами арабы в свое время бросали их в огонь по распоряжению Альморавидов, наряду с текстами по теологии или схоластике) и особенно «*los de su dañada ley y secta*», «книги их скверной веры и доктрины», как именовали Коран и сходные издания; таковых оказалось чрезвычайно много. После этого были запрещены арабские имена, язык и одежда — равно как обычай совершать омовение. Наконец в период между 1609 и 1614 г. все без исключения мориски были выдворены за пределы Испании. Это привело к обвалу экономики, в частности, в районе Валенсии, где триста тысяч из них проживали на положении почти рабов. «И кто же теперь будет шить нам обувь?» — жаловался один архиепископ. Спустя немного времени после изгнания в домах Гренады, как рассказывает Маркос де Гвадалахара, несмотря на принятые меры, все еще во множестве находили книги, главным образом Кораны необыкновенной красоты, которые из-за их странных букв и украшений принимали за книги по магии и колдовству.

Тем временем евреям не давали никакой передышки: власть, подозревая, что они не вполне искренне приняли навязанную им силой веру, добилась от папы разрешения расширить поле деятельности инквизиции, без помощи которой было бы затруднительно разоблачить «тайно исповедующего иудаизм» марана — так называли обращенных. Поскольку кастильские аристократы соответствующей выучки не имели, государственный антисемитизм привел к тому, что все банки постепенно перешли в руки генуэзцев, что также настоящих выгод стране не принесло. Под строгим присмотром Сиснероса аппарат принуждения заработал на полную катушку: гуманизм стал одним из воплощений ереси, Эразма при цитировании в обязательном порядке именовали «некто», даже христианский мистицизм стал вызывать тревогу и,

как следствие, был потревожен. Что до свободомыслия, его воспринимали как стартовую площадку для скептического отношения к религии: эти книги, «попав в руки отроков, не уподобляются ли ножу, попавшему к безумцу?». Поскольку запретных названий оказалось очень много, был составлен индекс книг, за чтение, хранение, продажу и печатание которых могли приговорить к смерти. Оглашение этого списка «организовали на манер уличного представления», с шествием, барабанами и музыкой. Количество осужденных книг постоянно увеличивалось, как, впрочем, увеличивались и доходы короля, ибо всего-то и нужно было схватить какого-нибудь богача, уличить его в ереси на основании прочитанных им книг и сжечь на костре, чтобы все его имущество — за вычетом четверти, полагающейся доносчикам, — отошло к Короне.

Анализ запрещенных названий показывает, что понятия о все более широком распространении опасных идей были довольно туманными или сводились к чистой воды оппортунизму. В первой половине XVI в. индекс свидетельствует о паническом страхе перед «заблуждениями Магомета» и «библиями на народных языках», к которым вскоре присоединяются сочинения Лютера. К тому же излагается все таким витиеватым стилем, что суды приходят в недоумение, отчего возникает обширная, чреватая проволочками переписка*; прямой противоположностью станет Индекс, составленный иезуитами и нацеленный против книг, враждебных их ордену: в конечном счете он будет просто защищать монархию в списке 1790 г., где под запретом окажутся Вольтер, Локк и Неккер**.

* Детали см. в работах Бартоломе Беннассара, который всю жизнь занимался изучением феномена инквизиции. Рискнем предположить, что, быть может, даже слишком усердно, ибо на склоне дней он обнаружил некоторую тонкость, осмотрительность и чуть ли не гуманизм в испанской практике пыток.

** Последний, чрезвычайно пространный «Index Librorum Prohibitorum» («Индекс запрещенных книг») датирован 1966 г. и все еще имеет силу закона. В нем по-прежнему фигурируют «Опыты» Монтеня.

В сомнительных случаях истребители библиотек XVI в., не довольствуясь сожжением четко обозначенных в Индексе книг, стремятся угадать, что заслуживает костра. Их неослабное рвение привело, в частности, к пропаже не поддающихся подсчету научных трудов, хотя сами они не могли бы определить, в чем состоят дурные или добрые намерения авторов.

Аутодафе 1559 и 1560 гг. отличались особой свирепостью: на сей раз речь шла об идеях Лютера, которые следовало отбросить за Пиренеи. Впоследствии законы еще более ужесточились: запрещено учиться за границей, исключая Рим и два-три университета; студентам и преподавателям, которые находятся за рубежом, предписано вернуться в страну и по прибытии сдать экзамен перед лицом святой инквизиции. Запрещено импортировать книги и читать на любом языке, кроме испанского. Сам король бегло говорит и пишет только на кастильском, тогда как подданные его изъясняются на голландском, каталанском, арабском, французском, итальянском, португальском и английском. Как в Александрии времен Птолемея Филадельфа, но с прямо противоположной целью, в портах обыскиваются трюмы прибывающих кораблей, и комиссар-инквизитор поднимается на борт прежде таможенника.

Итак, испанские библиотеки — как общественные, так и частные — оказываются под контролем, их фонды подвергаются конфискации и втихомолку уничтожаются. «25 октября 1566 года Севилья проснулась буквально захваченной *друзьями дома* [прозвище добровольных и отнюдь не бескорыстных помощников инквизиции], которые окружили все книжные лавки города. Затем комиссары опечатали двери. И приступили к осмотру складов, перебирая книгу за книгой». В другой раз двадцать профессоров получают приказ изгнать с полок университета в Саламанке всех *auctores damnati*, запрещенных авторов. Один из экспертов просит инквизитора продлить сроки: чистка некоего мадридского собрания стоимостью в 18 тысяч дукатов заняла у него больше положенно-

го времени, хотя он трудился четыре месяца по восемь часов в день. Напротив, кое-какие влиятельные библиофилы явно привыкли плутовать: когда скончался безупречный дон Хосе Антонио Салас, кавалер ордена Калатравы, и его библиотеку выставили на аукцион, обнаружилось, что из 2424 книг 250 принадлежат к числу тех, за владение которыми полагалась смертная казнь. Равным образом многие «проклятые» издания отправлялись не на костер, а в Эскуриал, где их насчитывалось по меньшей мере 932 в 1639 г.

Этот убийственно экстравагантный дворец являет собой самое опасное здание христианского мира, подобно своему хозяину, королю Филиппу II, который терзается кошмарными снами в спальне-ризнице. «Король-бабочка» («rey papelego»), сам не знающий, чего хочет и, по остроумному выражению одного протестантского памфлетиста, желающий создать настойку «испанский католикон», в 1566 г. запрещает всем своим подданным совершать омовения, а также говорить на арабском; им дается три года, чтобы освоить официальный язык. Меньше известен он своим библиофильским зудом: наиболее могущественный человек тогдашнего мира мечтает превзойти Рим, Флоренцию и Венецию, где находятся самые престижные из известных библиотек, построить новую Александрию исключительно для личного пользования. В этом роскошном собрании, рассказывает преподобный Хосе де Сигуэнца, латинские издания помещены отдельно, «не смешиваясь ни с каким другим языком», в том числе трактат «De Baptismo parvulorum» («О крещении младенцев»), написанный рукой самого Блаженного Августина, «с буквами как наши заглавные и на манер лангобардский или вандальский, который некогда был принят в Африке, где имелось много образованных людей». В другой зале находились тексты «древнееврейские, арабские, итальянские, кастильские, персидские, китайские и турецкие», а также один кодекс на «малабарском языке». Арабские манускрипты по великолепию своему намного превосходят остальные: написаны они куфическими буквами, золотыми на голубом фоне, гласные выделены красным,

а диакритические знаки — темно-синим, это настоящая измельченная ляпис-лазурь. Но в прежние годы погибло столько этих шедевров, что за ними теперь приходится ехать в Магриб, после того как мориску Алонсо Кастильо было поручено скупить все, что осталось в Гранаде и Кордове, — естественно, уцелела лишь горстка. Тем не менее Эскуриалу принадлежит наибольшая часть марокканской королевской библиотеки, четыре тысячи рукописей, похищенных в 1612 г. у Мулай Зидана: обратившись в бегство вместе со всем своим имуществом, тот погрузил его в Агадире на французскую галерею «Нотр-Дам-де-ла-Гард», капитан которой удрал под предлогом, что султан отказался заплатить ему заранее. Испанский флот захватил судно, и сыновья Зидана, вновь придя к власти, до конца дней своих безуспешно требовали от испанского короля вернуть библиотеку, а от французского — возместить ущерб.

И вот, когда плоды стольких усилий обрели приют на слегка пахнущих деревом полках в «Регия Лаурентина», обыкновенный фейерверк, устроенный во дворе центрального коллежа, 7 июня 1671 г. вызвал в каменном монстре пожар, который бушевал две недели, пожар такой чудовищной силы, что расплавилось тридцать колоколов. «В библиотеку печатных изданий, — рассказывает падре Хулиан Зарко, — огонь ворвался через дверь, но ценой героических усилий, удесятерившихся каждое мгновение в течение начальных трех дней, в неслыханной, титанической и отчаянной борьбе пламя удалось остановить, и эта часть уцелела, хотя загорелась она в первые же минуты». Однако от двух до четырех тысяч арабских манускриптов, сваленных в углу главной внутренней галереи, стали жертвой прожорливых огненных языков, когда вспыхнул турецкий флаг: трофей битвы при Лепанто, сделанный из жатого шелка, лежал поверх них. Тем не менее, по свидетельству падре Франсиско де лос Сантоса, «Коран и многие книги того же толка уцелели, поскольку были рассеяны по разным местам, наравне с другими старинными вещами, хранившимися там; из прочих книг, греческих, латинских и на иных языках, много осталось, поскольку

ку их вынесли; остальные же сгорели вместе с полками и картинами, украшавшими зал, каковой был очень велик, и спасти их не удалось; рухнули две люстры из позолоченного металла, подаренные женой турецкого капитана, и разные математические инструменты, барельефы, языческие идолы; и, поскольку вокруг стояли полки из крашеного орехового дерева, равно как чернильницы и прочие деревянные изделия, все это усилило свирепость огня, настолько сильного, что казалось, будто это ад». В этом зале погибло более трех тысяч изданий, в том числе шестьсот пятьдесят греческих, добавившихся к двум тысячам из главной галереи, среди которых труды Диоскорида, девятнадцать томов «Естественной истории Индий» толедца Франсиско Эрнандеса, который описал флору, фауну и обычаи Мексики, присовокупив цветные иллюстрации собственной работы.

Монахи спасли какое-то количество книг (среди прочих столь почтенное издание, как рукопись «Беато де Лиобана»* со ста девятнадцатью миниатюрами XI в.), выбросив их из окон на эспланаду и поспешно замуровав двери с целью помешать распространению пожара. Однако согласно составленному сто лет спустя каталогу из 8 тысяч арабских рукописей осталось только 1824 — «чудом сохранившиеся крохи, быть может, великих библиотек древней Кордовы».

Когда Испания пала столь низко, что управлять ею прислали некоего Жозефа Бонапарта, дворцовая библиотека, естественно, подверглась бесстыдному разграблению. Французское правительство доверило тогда миссию доставить в Париж собрание Эскуриала «офранцузенному испанцу», *afrancesado* (так называли тех, кто полагал, что страна самостоятельно не выйдет из маразма; в глазах многих людей они были обыкновенными коллаборацио-

* «Комментарии к Апокалипсису» Беато из Лиобаны (786 г.), которые неоднократно переписывались на протяжении всего Средневековья. (Примеч. перев.)

нистами). Этот человек, арабист Хосе Антонио Конд, ощутил внезапный приступ патриотизма и спрятал самые ценные экземпляры в мадридском монастыре Троицы, завалив ящики с ними множеством дешевых печатных изданий. На протяжении пяти лет никто о них не вспоминал. Когда малопочтенный король Фернандо VII выразил желание, чтобы они вернулись на свои позолоченные полки, весь ученый Мадрид поднялся на дыбы: собранию лучше оставаться в Реале, где его сумеют сбечь и оценить. Именно в этот смутный период многие из числа самых ценных манускриптов каким-то образом просочились на аукцион: французское правительство смогло завладеть сборником старинных песен — «Кансьонеро Баэны», палата депутатов приобрела редчайшую ацтекскую книгу («Бурбонский кодекс», за 1300 франков), один греческий молитвенник с великолепными миниатюрами достался Британскому музею, другой — Музею Пирпонта Моргана в Нью-Йорке. Каталог 1839 г. показывает, что «Регия Лаурентина» потеряла почти два десятка наиболее прославленных своих рукописей и 1608 редких книг.

Великая ирония судьбы: в свое время посланник Филиппа II не сумел отыскать в Андалусии многие прекрасные арабские рукописи именно потому, что они нашли убежище в Фесе и Тунисе столетие назад, в эпоху преследования мусульман в Гранаде и других провинциях. Между тем виновником их полного уничтожения отчасти являлся его собственный отец Карл V, решивший отвоёвывать Тунис у турка Хейруддина Барбароссы, или Кейр аль-Дина, в июле 1535 г. Это было важное дело: следовало дать мощный отпор неудержимому наступлению Сулеймана Великолепного, который в скором времени мог бы угрожать самой Испании. Вот почему на Ла-Гуллетту бросили чудовищные силы, и солдатам дали три дня, чтобы повергнуть в ужас столицу. Об этом повествует в своем «детальном и истинном рассказе» конюший Гийом де Монтош: «Сразу после вступления Его величества в город Тюн вошла туда испанская пехота и разные прочие солдаты, которые тут же начали крушить и ло-

мать двери и окна, входя в дома и убивая мавров, как-
вые изнутри оказывали им сопротивление, после чего
стали грабить и тащить все, что лежало в сундуках, под-
валах и бочках, в лавках торговцев, где им досталась
большая добыча, равно как в мечетях и храмах означен-
ных мавров. Там было порвано и испорчено множество
прекрасных книг, среди которых имелись посвященные
их закону, с красивыми переплетами в позолоте и араб-
скими письменами золотом и лазурью, и означенные
солдаты срывали с них горстями серую яшму и другие
драгоценные камни...»

В этой обскурантистской главе, где столь блестящую
роль играет Испания, нельзя не выделить уникальную и
светлую фигуру дона Энрике Арагонского, маркиза де
Вильены, родившегося в 1384 г. от слияния двух коро-
левских кровей — кастильской и арагонской. Поскольку
отец предназначал его к службе в армии, ему с раннего
детства стали вдалбливать военные науки, отчего он бы-
стро решил стать поэтом. Страстно увлеченный истори-
ей, дон Энрике изучил несколько языков к великому
изумлению своих соучеников, храбрых фехтовальщиков.
Вскоре он стал знаменит и даже популярен благодаря сво-
ему провидческому дару и умению толковать чиханье.
Легко догадаться, что к нему «не слишком благоволили
короли и совсем плохо относились свирепые испанские
рыцари»; они считали его маленьким и толстым, чрез-
мерно склонным к чревоугодию и еще более к плотско-
му греху; впрочем, жену свою он бросил и написал мно-
жество книг, ни одна из которых не сохранилась, в том
числе «Искусство резать» (мясо, рыбу и фрукты); он да-
же предлагал учредить большую школу, где молодые
аристократы могли бы усвоить кое-что из этой науки,
столь улучшающей существование. Свое графство Тинеа
он отдал, чтобы стать великим магистром ордена Калат-
равы, но этот титул король быстро отнял, так что у него,
похоже, ничего не осталось к моменту смерти, случив-
шейся в 1434 г. О нем ходили самые дикие слухи: в част-
ности, будто бы он велел расчленить свое тело на мелкие
кусочки и сложить их в кубок с целью обрести бессмер-

тие или что трава Андромеды делала его невидимым. Король Хуан II незамедлительно приказал *fray* Лопе Баррьентосу взять под охрану крупную библиотеку покойного и принять решение, что с ней делать. Большую часть книг с большой помпой сожгли на площади перед доминиканским монастырем в Мадриде, где маркиз был похоронен. Остальное брат Лопе прибрал к рукам, как сам он утверждал, по распоряжению короля — в помощь при написании большого труда, осуждающего оккультные науки. На самом деле ему хватило материала и любопытства для создания по меньшей мере двух. Фактически библиотека искупила вину находившихся в ней проклятых книг, тогда как они уцелели и продолжили свою преступную деятельность.

НОВЫЙ СВЕТ

«Наш мир только что отыскал еще один мир [...], мир не меньший размерами, не менее плодородный, чем наш, и настолько свежий, в таком нежном возрасте, что его еще обучают азбуке. [...] Я очень боюсь, как бы мы не ускорили упадка и гибели этого юного мира, продавая ему по чрезмерно высокой цене и наши воззрения, и наши понятия». Кто в 1588 г. способен так далеко видеть, так много прозревать, понимать и так ясно выражаться? Монтень.

Едва ступив на землю Нового Света, испанцы учредили в нем инквизицию. Королева постановила, что имеют право эмигрировать и устраиваться на этих девственных землях лишь обладатели сертификата «*limpieza de sangre*» («чистоты крови»), каковую чистоту обеспечивали четыре поколения «*católicos viejos*» («католических предков»). Однако при этом не учли, что утвержденные кандидаты поднимались на борт с многочисленной и не прошедшей проверку прислугой, а многие судовладельцы были евреями — равно как и большинство моряков на кораблях этого направления. Не учли и простую лазейку для мошенников: достаточно было позаимствовать имя с могильной плиты на каком-нибудь заброшенном кладби-

ше. И вот с июня 1517 г. Сиснерос учреждает инквизицию в «Индиях», чтобы следить за общинами обращенных, образовавшихся здесь в мгновение ока. Это не касалось туземцев, которых считали тогда* «*casí monos*», почти обезьянами. Их очередь придет, не беспокойтесь, задержка связана лишь с одной деталью технико-юридического характера: поскольку инквизиция занималась только христианами, туземцев следовало предварительно окрестить.

Понятно, что эмигранты не привезли с собой больших собраний книг. Обитатели Нового Света могли бы им одолжить свои: при второй встрече с Кортесом они преподнесли ему множество золотых украшений и две книги, «такого сорта, какие имеются у индейцев».

Император инков Пачакутек, или «реформатор мира», собрал около 1450 г. историков и вождей завоеванных племен. Он «долго расспрашивал их и повелел описать главные события, отметившие правление его предков, на больших позолоченных пластинах, которые поместил в одном из залов храма Солнца, куда позволено было входить лишь ему самому и ученым людям, им назначенным». Они использовали этот зал «*come librerias*», как библиотеки, говорит Сармьенто де Гамбоа. Когда испанцы захватили Перу, этот архив или, скорее, этот миф исчез. Неизвестно, уничтожили ли они его как память или же завладели как добычей. В любом случае они бы разграбили его, ибо «для того, чтобы взять корицу, рубили дерево, чтобы получить шерсть, убивали ламу». Зато они просто остолбенели при виде «целых зал» с кипу (цветные веревочки с узелками), которые служили памятными записками не только для подсчета лам и организации жесткого бюрократического управления обществом, но также для фиксации исторических событий и астрономических явлений. У завоевателя нет воображения, в про-

* И даже много позже: бенедиктинец Пеньялоза употребляет эти слова в 1629 г. (приведены в работе Альфреда Тоццера).

тивном случае он остался бы дома. Ни один из спутников Писарро не попросил приобщить его к этим тайнам в течение пятидесяти с лишним лет, пока документация оставалась на своем месте. В 1583 г. церковный собор в Лиме распорядился наконец сжечь ее, поскольку эти столь загадочные предметы неминуемо должны были содержать некие магические предписания. Поэтому сегодня никто не в состоянии объяснить — разве что в самых общих чертах — принцип их использования и утраченный смысл.

Хуан Зумаррага, епископ Мехико, затем великий инквизитор заморской Испании, между 1536 и 1543 г. совершил деяние, которым гордился, — сжег все ацтекские кодексы, каким-то образом уцелевшие при пожарах Кортеса. Все *тоналаматль*, священные книги, собранные его агентами или находившиеся в *амокскалли*, архивных хранилищах. Несомненно, их было много: к счастью, у нас имеется кодекс Мендосы, согласно которому каждый год «24 тысячи стоп в 500 листов* должны доставляться на правах дани на склады владыки Теночтитлана», Монтесумы II, и среди них различают еще «желтые листы Амакоцтитлана или белые рулоны Тепоцтлана». И вот в 1529 г. Зумаррага приказывает доставить библиотеку «из весьма просвещенной столицы Анауак и большого хранилища национальных архивов» на рыночную площадь Тлальтелоко, где образовалась «настоящая гора», к которой с факелами в руках приближаются поющие монахи. Тысячи многоцветных листов обращаются в дым. Конкистадор здесь для того, чтобы убивать и грабить, священник — чтобы истреблять книги; епископ исполняет свою миссию, удовлетворяя осознанную потребность уничтожить память и гордость туземцев. «Миссионеры искренне верили, что мексиканская Церковь может появиться лишь на руинах местных религий, — пытается оправдать их даже в

* Точнее, «пилли» в двадцать листов; что до бумаги, под ней имеется в виду, конечно же, аматль.

1933 г. некий Робер Пикар и раздраженно добавляет: — Миссионер — это вам не антиквар!»

Американская книга с самого начала представляет собой столь оригинальное и сложное творение, что способна внушить отвращение тем, кто лишь недавно приобщился к книгопечатанию: кодекс с листами из коры белой ивы или измельченного кактуса (*хуун* у майя, *аматль* у ацтеков), сложенных в гармошку или прошитых насквозь, покрытых слоем извести, на которой хорошо различимы цвета, содержит хронологию исторических событий или же пророчества, астрономические или мифологические сведения, повествует о воинских подвигах, тогда как мифы и эпические поэмы передаются изустно и редко фиксируются на письме. Для букв имеется замена: целый словарь из узнаваемых или абстрактных изображений — животных, искаженных лиц или черепов, стилизованных с элегантностью, которая буквально выводила из себя францисканцев. Пока Пьеро Мартир Ангиера, итальянский гуманист, побывавший в Александрии, не указал, что речь идет о пиктограммах, иными словами, о текстах, их в лучшем случае принимали за сборники моделей для ювелиров или вышивальщиков. Порой эти литеры напоминали даже — *horresco referens** — ненавистную вязь. «У тирана есть арабески», — с содроганием пишет некий Лопес Медель, послушник.

Тео-Амокстли, свод священных книг тольтеков, собранный астрологом Хуматцином в Толлане (Туле) около 660 г., свидетельствует о существовании очень древних текстов в Гватемале. О них упоминает Лас Касас — по общему мнению, защитник индейцев, который тем не менее с восторженным рвением сжигал все найденные им манускрипты как «создания демона». Копан в Гондурасе, по словам исследователя Джона Ллойда Стивенса, вполне мог быть «Меккой или Иерусалимом неведомого народа». Обитатели этого региона восстали против ис-

* Ужасное воспоминание (*лат.*).

панских захватчиков в 1530 г.; за это им пришлось дорого заплатить. Гарсия Паласио, посетивший в 1576 г. город, который привел его в восхищение, констатировал: «У них больше не осталось книг о древних временах, полагаю даже, сохранилась только одна, и принадлежит она мне». По словам испанцев, у аборигенов Никарагуа также имелись манускрипты, записанные черным и красным на оленьей коже шириной с ладонь и длиной от девяти до десяти метров, свернутой в гармошку. Фернандо Овьедо выражается более лаконично: «Хотя на этих страницах не было ни единой буквы, они не были лишены смысла».

Из собрания ацтекских храмов сохранилось четырнадцать книг (из которых одна, попавшая в Вену, состоит из шестидесяти пяти оленьих шкур), но известно лишь три или четыре жалких фрагмента рукописей, сделанных кациками майя. Все они в довольно плохом состоянии: один находится в Мехико, что справедливо; другой — очень красивый, но постепенно осыпающийся — в Париже, называют его «Пересианус», поскольку он был найден в конверте с надписью «Перес» и стал парижанином (Паризинус) лишь случайно; третий в Дрездене — сорок пять страниц, датируемых тысячным годом; наконец, Мадриду принадлежит самый разнообразный и самый полный, настолько хорошо изученный, что специалисты указывают даже на многочисленные ошибки — в некотором роде «орфографические», которые они именуют «дислексическими». Фрагмент был куплен у одного из потомков Кортеса.

Францисканец Диего де Ланда Кальдерон, родившийся в 1524 г., был одним из первых проповедников на Юкатане. Ему удалось превзойти Зумаррагу в цинизме и жестокости, хотя это кажется невозможным: свои злодеяния он творил сознательно, поскольку изучил обычаи майя и расшифровал значение их резных фигурок. В его «Отчете о положении дел на Юкатане» можно прочесть: «Эти люди также пользовались своеобразными литерами или буквами, чтобы описывать в книгах свою древность и науки; посредством этого, равно как фигур и некото-

рых значков на фигурах, они все свое осмыслили, передавали другим и обучали. Мы обнаружили у них большое количество рукописей с этими литерами и, поскольку не оказалось ни одной, где не было бы суеверий да бесовских выдумок, сожгли все до единой, что очень сильно их потрясло и причинило им большое горе, *lo qual a maravilla sentian, y les dava pena*». Епископ Ланда, которому было тогда тридцать семь лет, этим не удовлетворился и повелел дать двести ударов розгами каждому из местных вождей, которых заставил присутствовать при сожжении.

Майя с III в. высекали свои календари на камне и прекратили подобную практику после 889 г. — похоже, именно этой эпохой датируется появление их книг. Когда появились конкистадоры, юкатанская цивилизация переживала упадок, вот почему испанцы сумели совершить свой подвиг, одним махом уничтожив почти все рукописи страны, благоговейно собранные в тайном хранилище в Мани, бывшей резиденции династии Тутуль-Шиу. Но разве не предсказана такая судьба в «Пополь-Вух», древнем шедевре устной традиции, почерпнутой в Тео-Амокстли: «Это Первая Книга, нарисованная в былые времена, но лик ее сокрыт [ныне] для провидца, для мыслителя»?

Спустя всего тридцать лет Хосе Акоста вновь поминает эти «книги из листов, где индейские ученые прекрасным и тщательным образом вели хронику своего времени и передавали знания свои о растениях, животных и древних обычаях [...] Не одни только индейцы оплакивали их гибель, искренне сожалели о них многие испанцы, которым хотелось бы узнать побольше о тайнах этой страны». Впрочем, Акоста был иезуитом.

Присущее иезуитам видение мира — стратегия, если угодно, — отличается от тех, что были присущи их собратьям по вере: главными задачами своими — из числа объявленных открыто — они считали научные исследования и образование. Атанасий Киршер в обоих сферах являет собой одного из самых любознательных людей христианского мира. Именами ему подобных бу-

дут названы горы и впадины Луны. К их числу принадлежит тот, кто уже в 1595 г. создает грамматику тупинамба, «*lingua geral*» — «общего языка» жителей Амазонии. И кто же еще, как не группа иезуитов, мог бы в наши дни заняться составлением китайского словаря в семь тысяч страниц, названного Большим Риччи?*

Всюду, где они появляются, им необходимы библиотеки. Например, в Калифорнии, где в 1697 г. несколько братьев стали первыми постоянными жителями: колониальное присутствие в пуэбло часто сводится к одному солдату и одному миссионеру; когда король Испании в следующем столетии прогнал их, они успели завести тринадцать небольших библиотек с фондом в 1855 томов, 22 названия и 40 авторов которых, отметим мимоходом, включены в Индекс. В Бразилии Мануэль Нобрега прибывает в Байю в 1549 г. с пятью собратьями. Получавшая дары от короля или папы конгрегация, разбогатев, приобретает книги сама, и библиотека местного коллежа имеет в своем распоряжении 15 тысяч изданий, собственный каталог и годовой бюджет. Она оценивается в 5976,69 рейсов. Между делом иезуиты сформировали местную элиту в Рио, Сан-Паулу, Маранахо, и представители каждой из них собрали больше 5 тысяч томов. Так же обстоит дело в десятках других мест: «Все конгрегации, сколь бы далеко они ни продвинулись в глубь земель и к верховьям рек, имели по меньшей мере одну читальню».

Поскольку иезуиты, по словам маркиза де Помбаля, тормозили его прогрессивные и современные идеи по управлению государством, он в 1759 г. добился от короля Жозе указа об их изгнании со всей португальской территории — в небольшой степени способствовали этому и слухи о том, что они владеют золотыми шахта-

* Речь идет скорее о банке данных энциклопедического характера на основе 13 тысяч 500 иероглифов, для надлежащего описания которых понадобилось пятьдесят лет начиная с 1952 г. В результате китайские слова романизированы по методу Уэйда — системе, понятной ныне одним лишь призракам.

ми в Бразилии*. Карлос III в 1767 г. сделал то же самое в испанских колониях, поскольку желал отобрать у иезуитов их собственность в Парагвае. В один прекрасный день надменные братья оказались на улице: испанский король, к примеру, издал секретный указ, который внезапно зачитали всем затронутым лицам в полночь, когда они уже лежали в постелях; им разрешалось взять с собой только молитвенник, нюхательный табак и шоколадные конфеты. Вот почему от Калифорнии до Чили книги были конфискованы или выброшены на свалку, сожжены, украдены, отосланы в Европу или проданы как упаковочный материал кондитерам. В Рио-де-Жанейро 4701 издание пылится в течение шестнадцати лет; затем те, что числились в Индексе или имели отношение к ордену, отправили в Португалию, труды по теологии передали епископу Рио, а прочие «отдали людям, способным о них позаботиться»; 734 названия — в частности, сочинения Платона — оказались вице-королю лишенными интереса, и эти книги были сожжены. Иезуитские фонды Кордовы (Аргентина) и Мерида (Венесуэла) достались доминиканцам. В Сантьяго-де-Чили они стали зародышем Национальной библиотеки, которая впоследствии обогатилась постыдным образом после вторжения в Перу в 1881 г.: чилийская армия избрала библиотеку Лимы в качестве идеального места для своего расквартирования на три года и добрая треть из 150 тысяч изданий пошла на повседневные нужды в отхожих местах, однако 8790 лучших книг пополнили собой стеллажи в Сантьяго, где, возможно, остаются и по сию пору.

Лучшие библиотеки Южной Америки не только уцелели, но и сам расчет Помбаля обернулся против его страны: изгнание иезуитов привело к подъему креольской власти и маршу за независимость Бразилии в 1822 г.

* Истинной причиной была их оппозиция рабству индейцев, что восстановило против них абсолютно всех. Нужно добавить, что столь благородное поведение в значительной мере объяснялось тем, что сами они завозили рабов из Африки.

Помимо всего прочего, это был крах образовательной системы и просвещенного волюнтаризма, которые — кто знает — могли бы дать континенту шанс произвести на свет чуть больше поэтов и чуть меньше диктаторов и торговцев наркотиками.

ОТ СРЕДНИХ ВЕКОВ ДО РЕВОЛЮЦИЙ

Бог мира, обрати народы, которые
предаются войне, этой язве всех язв, к
книгам, святилищам вечной истины.

Ричард Бери

СРЕДНИЕ ВЕКА И КАК ИЗ НИХ ВЫЙТИ

«Библиотека есть истинное сокровище монастыря, который без нее — словно кухня без кастрюль». Однако многим поколениям и безумным перипетиям придется сменить друг друга, чтобы появилась эта формулировка, которая, впрочем, очень скоро приведет к повсеместному грабежу.

Ибо на протяжении многих столетий до тысячного года большие библиотеки на Западе — это несколько закрытых в сундуке кодексов, которые не слишком затрудняют нынешнего исследователя: когда слово «библиотека»* появляется в описи, под ним часто понимается только «библия». Но стоит монастырскому собранию обогатиться, параллельно с более заметным внешним благосостоянием, как галопом несется беда в обличье гуннов, сарацинов или викингов; аббатство в Туре за пятьдесят лет разоряют по меньшей мере шесть раз. Поэтому от избытка предосторожности наличную горстку

* Помимо здания и собрания, «библиотека» в отдельные периоды означает также книжные каталоги и порой описания, как в случае с Фотием. Более того, Роже Шартье обратил внимание, что Филипп Лаббе Старший в своей книге «*Bibliotheca bibliothecarum curis secundis auctior*» (Paris, 1664) перечисляет авторов таких «библиотек».

часто прячут, опасаясь ее потерять, как это случилось с папской библиотекой X в., которую столь надежно упрятали в специально построенной *Turris carteleria*, что никто и никогда больше к этим книгам не прикасался. В конечном счете они истлели.

Сын Карла Великого жил в Тулузе вплоть до смерти своего отца, который сделал его королем Аквитанским в трехлетнем возрасте. Став Людовиком I в 814 г., он начал с того, что сжег библиотеку отцовского императорского двора в Ахене, которая, естественно, состояла из уникамов — рукописей, имевшихся в единственном экземпляре, из-за чего потомство лишилось целого пласта франко-германской литературы. Помимо многочисленных текстов, сотворенных поэтами и учеными, которых собрал вокруг себя Карл Великий, Людовик очистил резиденцию от вольготно существовавших там проституток, а затем принудил своих бойких сестер принять постриг и затвориться в монастыре. Более набожного монарха-пуританина нельзя было представить, поэтому он получил прозвище Благочестивый. Без него мрачные века, называемые «Средними», могли бы завершиться чуть раньше.

Скудные монастырские библиотеки — если они вообще имелись, ибо многие конгрегации полагали, что вера не нуждается в чтении, пусть даже и священных текстов, — развивались чрезвычайно медленно, посредством ручного копирования рукописей в скрипториях, изначально бывшего специализацией бенедиктинцев. В этих мастерских по работе над текстом (еще очень далекой от арабской каллиграфии и просвещенной эпохи «китайского искусства письма») копиист с механическим тщанием выводит тростниковым или гусиным пером миллионы линий, которые превратятся в книгу, когда миниатюрист создаст свои картинки с помощью алхимических ингредиентов. Хотя такой человек, как Алкуин, получивший образование в Англии, часто повторял монахам обители Святого Мартина в Туре, что «достоинее переписывать книги, чем ухаживать за виноградниками», братья, понят-

ное дело, не прониклись этим уникальным в своем роде убеждением (тем не менее библиотека аббатства стала одной из самых прославленных собраний своего времени, пока ее не сожгли в 905 г.). Иными словами, каллиграф — отнюдь не интеллектуал, не библиофил — и даже не эстет. К числу слоганов принадлежит, как в «Виварии» Кассиодора, фраза: «Сатана получает столько же ран, сколько монах начертает божественных слов» (в эту же эпоху буддист копирует свои сутры ради того, чтобы испытать мгновенное духовное просветление). Нечего удивляться, что монастырские библиотеки используются плохо или вообще не используются, не содержатся в должном порядке, не охраняются от грабителей всякого толка. К примеру, в Монте-Кассино, этом «Синае Средневековья», с XI в. функционирует активный скрипторий, который наряду с Писанием издает греческих и латинских поэтов, однако когда Боккаччо с понятным трепетом библиомана просит разрешения посетить священное место, ему отвечают: «Ступайте, там открыто». В самом деле, настолько открыто, что между пюпитрами растет трава и дождь заливает книги с давно оторванными переплетами.

К счастью, знание не замедлит сменить гнездо. Постепенно собрания книг, подобранных в учебных целях, скапливаются в соборах, предвестниках университетов: Парижской Богоматери под руководством Пьера Абельяра, Хильдесхайме, Барселоне, Дареме, где в 1200 г. имеется 570 томов (Сорбонна в 1332 г. насчитывает 1720). Книги сначала хранятся в армариях, но число их растет, и возникает необходимость создания отдельного зала, где работают днем, поскольку свечи категорически запрещены. Фонды большей частью включают в себя антологии или компиляции всякого рода, библии, сочинения отцов церкви и жития святых, иногда краткие исторические своды. Вскоре появляются частные собрания, затем печатни. КATALOGI становятся все более разнообразными.

Большие западные собрания возникают в XV и XVI вв. у принцев и королей, иногда в домах их советников. Ча-

сто это зародыши будущих национальных библиотек. Но прежде они в полной мере испытывают превратности бедственной эпохи, когда дилетантизм, волюнтаристские решения и борьба всех со всеми покончат с самыми благородными и внешне неуязвимыми достижениями.

Англия, одна из самых продвинутых в сфере библиофильства стран, превзошла других неразберихой и варварством по отношению к книгам. Второе очевидным образом порождает первое.

Споттисвуд в своей книге «History of the Church and State of Scotland» («История шотландской церкви и государства») говорит, что английский король Эдуард I, разбив сэра Уильяма Уоллеса в 1298 г., сделал все, чтобы «искоренить шотландцев», населявших страну, и для этого «упразднил старинные законы, заставил заменить церковные установления английскими, разрушил древние памятники, воздвигнутые римлянами или их потомками, сжег все письменные акты, равно как знаменитую библиотеку Рестеннот, где среди прочих сочинений хранились книги, привезенные королем Фергусом Вторым из Рима», города, который он опустошил в 400 г.; архив этот был помещен в монастырь на «острове Ионы» с единственной деревней, которая называлась Содор с тех времен, когда там во множестве скрывались друиды, жрицы и спасшиеся после гибели Атлантиды.

Ричард Онджервилл Бери, епископ Дарема, стал основателем нового колледжа в Оксфорде, которому затем отдал свою поразительную личную библиотеку с пятью бенедиктинцами в придачу — для управления. Коллекционером он был всегда, а дипломатические поручения Эдуарда III позволили ему посетить многие книжные лавки, скриптории и архивы Европы с целью удовлетворить свою страсть к изданиям любого обличья и любой тематики: об этом рассказано с педантизмом, равным лишь воодушевлению, в его собственном сочинении «Филобиблон» («Любовь к книгам»). Про Бери с некоторым преувеличением говорили, что у него больше книг, чем во всей Англии. Уильям Чамбр свидетельствует, что епископ завалил книгами свои замки и штабеля

их загромождали его спальню до такой степени, что мешали свободно передвигаться. Когда он скончался в 1345 г., библиотека в пятнадцать тысяч изданий (в тысячу пятьсот, поправляют некоторые зануды) была продана, но вырученных денег не хватило, чтобы покрыть непомерные долги, сделанные для ее приобретения, и колледж начал свою деятельность с пустыми книжными полками.

Несомненно, именно Генрих VIII более всего способствовал утверждению скверной репутации своей колоритной страны. Как известно, из-за невозможности развесть по собственной воле и некоторых других причин он превратил Англию в религиозно эксцентрическое королевство, где суверен одновременно является папой. Роспуск орденов и закрытие восьмисот монастырей с конфискацией всего имущества, последовавшие за этим решением, были делом неплохим, однако печальным следствием стало уничтожение богатых библиотек: считается, что тогда погибло около трехсот тысяч книг. Разумеется, самые прославленные рукописи нашли дорогу в королевское собрание, и некоторые эксперты-посредники также смогли удовлетворить свои интересы, но все прочее пошло на практические нужды — зажигать лампы, вытирать обувь и очищать ночные горшки. Когда антиквар Джон Лиланд произвел чистку в пользу короля и «сохранил многих хороших авторов», остальное досталось наемникам, которые старались как можно быстрее избавиться от книг и отдавали их за любую цену: известно, что один торговец сумел приобрести две прекрасно подобранные библиотеки за 40 шиллингов и, не сделав даже попытки их перепродать, счел более выгодным сделать запас «waste paper», иными словами, подтирки всякого сорта. И, как он говорил, конца этим книгам не было.

Эдуард VI показал себя достойным наследником своего прославленного отца, приказав в 1550 г. королевским сбирам уничтожать рукописи с цветными вставками «old learning» («старого учения»). Очевидно, о степени зло-

вредности старой культуры судили по количеству миниатюр и окрашенных букв. Иными словами, истреблению подлежали почти все книги богатых библиотек — например, Вестминстерской, которую следовало очистить от суеверий, легенд и всяких там требников, как гласит распоряжение, написанное королевской рукой. Другая рука добавила в постскриптуме, что нужно «срывать с переплетов все золотые застёжки и передавать их сэру Энтони Очеру», который, видимо, был назначен исполнителем указа. По этому поводу один из хронистов презрительно замечает: «Нажива тогда удовольствовалась легкой вуалью, и придворные самым приметным образом обнаружили свою суть». Из Оксфордской библиотеки книги вывозили телегами без разбора и с таким рвением, что исчезли даже трактаты по математике, хотя они явно не были созданы в монастырях; столь же бесцеремонно обошлись и с собранием, подаренным университету Хемфри герцогом Глостерским и братом короля Генриха V, которое в свое время считалось лучшим в стране (в зависимости от авторов — от 281 до 600 книг, но самых роскошных). Даже полки были проданы, поскольку на них больше нечего было ставить, как утверждали одни, а по словам других, чтобы стереть даже память о книгах, противоречащих тому, что на изысканном английском называют «новым учением».

Мэтью Паркер, архиепископ Кентерберийский, Уильям Сесил, советник королевы Елизаветы, и другие известные эрудиты, подобные Коттону и Бодли, взяли на себя инициативу выкупить у торговцев избежавшие костра остатки этих собраний, и та малая часть (не больше двух книг из сотни), что им удалось найти, столетием позже составит знаменитые коллекции, ядро трех крупнейших современных библиотек: «Корпуса Кристи» в Кембридже, Бодлианской в Оксфорде и Британской.

Хотя систематическое и полное сжигание книг, принадлежащих одному человеку или общине, в Соединенном Королевстве случалось почаще, чем в других местах, это не было ежедневной практикой. Зато сожжение книг с боль-

шой помпой рукой палача в определенные периоды является в Вестминстере рутинным делом и насчитывает сотни случаев. Причины бывают разные — политические, религиозные или нравственные. Обычно удовлетворяются символическим уничтожением одного экземпляра осужденного издания. Власти обрекают огню тексты всякого рода. Десятилетия спустя такое событие будет столь банальным, что Сэмюэл Пипс лишь мимоходом отмечает в своем дневнике: «Видел, как палач сжигает по указу Парламента два старых акта, один учреждающий республику, а второй не помню». В конечном счете подобная практика потихоньку прекращается в Лондоне в то самое время, когда парижане начинают с ней знакомиться: «Эмиль» Руссо и большая часть сочинений Вольтера станут наиболее знаменитыми ее жертвами.

ПЛЯСКИ СМЕРТИ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

С приходом новых времен произойдет свободное распространение новых идей — от самых уродливых гностических извращений до вполне умеренных заблуждений Реформации. Их совместное влияние на судьбу библиотек, пожалуй, превосходит жестокие меры инквизиции, действовавшей выборочно.

Богатейший человек мира, Козимо Медичи (1389—1464), вел поиск книг на манер античных императоров. Главный европейский банкир не удовлетворился приобретением таких превосходных собраний, как восемьсот изданий Никколо ди Никколи, которому заплатил дважды, поскольку покровительствовал этому знатоку, умершему в долгах. Он поручал своим агентам покупать книги во всех уголках христианского мира и даже — посредством переговоров с султаном Мехмедом II — на Востоке, а тем временем его библиотекарь Веспасиано да Вистиччи работал дома: однажды сорок пять копиистов за двадцать два месяца создали двести книг с роскошными переплетами и превосходной по исполнению каллиграфией. Джан Франческо Поджо Браччолини

также внес свой вклад в «Марциану» князя, названную так по своему местоположению в монастыре Святого Марка. Поджо является выдающейся фигурой эпохи Возрождения: прославленный каллиграф, которому мы обязаны «гуманистической» формой букв, поскольку он буквально «гуманизировал» иссохшую каролингскую скоропись; человек прогрессивных взглядов, который был также опасным соперником в поиске старинных манускриптов — он сумел переправить на родину значительное число текстов Цицерона, Лукреция, Лактанция и Квинтилиана, выживая их в английских, французских, немецких и итальянских монастырях, где, по его утверждению, понятия не имели, какими сокровищами владеют. Часто он делал своим элегантным пером копии, которые читаются гораздо лучше, чем дряхлые оригиналы. Ему присуща была хищная алчность, сравнимая только с его же хитростью и апломбом: по случаю проводимых повсеместно соборов он появлялся в отдаленных монастырях в качестве посланца Его святейшества, осматривал библиотеки и выманивал у доброго отца аббата манускрипты сногшибательной стоимости — например, трактат Витрувия «Об архитектуре» в десяти томах, который, возможно, уже ступил на тропу небытия в Санкт-Галлене. Поджо без стеснения говорил, что Германия — это «тюрьма, где римских классиков держат в плену тевтонские варвары», но демонстрировал поразительную небрежность по отношению к добытым рукописям. И он сам, и другие антиквары сходного пошиба, едва сделав копию, теряют столько же рукописей, сколько находят: так исчезли многие страницы Цицерона, Катутла, Плиния, Тацита и даже знаменитый «Пир Тримальхиона», обнаруженный Поджо в 1423 г. в Кельне, чуть не пропал, когда его купил Никколо ди Никколи, посеявший затем единственную копию, — если бы она не всплыла в 1650 г. в далматинском Трау, мы имели бы весьма смутное представление о «Сатириконе».

Палимпсест стал в Средние века своего рода ужасным прокатным станом для классических текстов, которые, казалось, вышли из моды в те времена, когда пергамент

стоил дорого: многие авторы «ухнули вниз» и, возможно, все еще прячутся под нудными рассуждениями какого-нибудь отца церкви, которые сегодня наводят полную скуку, но почитаются за свою несомненную древность. Прогресс обязывает: в XVI в., вследствие неизменного легкомыслия гуманистов, «множество прекрасных рукописей безвозвратно пропали в печатнях». Ремесло это было новым, и кому могло прийти в голову, что следует возвращать владельцу то, что мы именуем «копией»? Тема для исследования молодым выпускникам Национальной школы Хартий — проверить, у всех ли книг, изданных до 1501 г., сохранилась рукопись, с которой они были напечатаны.

Козимо Медичи был не только библиофилом или читателем: сознавая философские последствия крушения старого — и христианского — мира в Константинополе, он с помощью Марсилио Фичино воссоздал Академию Платона и ввел в университете Флоренции преподавание классического греческого языка, забытого на протяжении семи столетий. Флоренция тогда узнала или услышала много толков о «*Bibliotheca privata Cosmi*» («Частная библиотека Козимо»), находившейся во дворце, и о «*Bibliotheca publica gentis Mediceae*» («Публичная библиотека рода Медичи») — именно ее обычно называли «Марчиана» или «Публичная». Поджо завещал ей большую часть своих находок. Точно так же поступил Пико делла Мирандола с многими принадлежавшими ему книгами, но волею злосчастной судьбы они оказались в Венеции, где в XVII в. были уничтожены пожаром.

Внук Козимо Лоренцо Великолепный выказал себя достойным такого наследства: этот тонкий литератор и поэт (писавший на тосканском, а не на латинском, что было новшеством) продолжал пополнять собрания деда. Он мог бы увлечься грандиозной новинкой, которую впоследствии назовут инкунабулой, однако этого не произошло. «Те, кто обладает редкими и дорогими манускриптами прошлых веков с их изумительной каллиграфией, смотрят с презрением на их грубые и уродливые воспроизведения, [полученные] механическим путем»;

никто, кроме владельцев, не посмеет оспорить утверждение, что Библия Гуттенберга — одна из самых посредственных книг. Впрочем, Флоренция обзавелась собственной печатней только в 1477 г., гораздо позже Майнца и даже Неаполя. Итак, Лоренцо каждый год расходует десятки тысяч дукатов на приобретение книг; он дважды посылает «знаменитого Жана Ласкариса на Восток с единственной целью — отыскать старинные рукописи. Из второго путешествия Ласкарис привез двести греческих текстов, и восемьдесят из них были доселе никому не известны». Перед кончиной Великолепный только и сказал своим друзьям Пико и Полициано: «Я бы хотел, чтобы смерть оставила мне больше времени и позволила пополнить ваши библиотеки». Говорящему это сорок три года. Он не знает, что впустил в город демона.

Лоренцо обессмертил платоновский кружок своего деда, куда входил и Пико делла Мирандола. Именно он подал злосчастную мысль назначить Савонаролу приором монастыря Святого Марка. Едва взойдя на кафедру, неуправляемый доминиканец принялся яростно обличать Церковь, падение нравов и изумленных Медичи, а также всю «банду римского Содома» и, в то время как Лоренцо был на смертном одре, стал для флорентийцев подлинным гуру благодаря одному французскому королю, который очутился здесь, преследуя собственные химеры (Карл VIII в 1494 г.). Последних Медичи изгнали и разграбили все их имущество, включая великолепные библиотеки. Опустошение дворцов в это время дело привычное — власти с этим мирятся, а порой, как в данном случае, сами к этому подстрекают. Заметим, что на двенадцатом и последнем Латеранском соборе было решено покончить с обычаем, позволяющим народу брать любую приглянувшуюся вещь в доме вновь избранного папы, который навсегда переселялся в Рим: пройдохи взяли за моду распространять ложные слухи об избрании, чтобы поживиться при грабеже.

Синьория не упустила свой шанс и наложила лапу на книги, которыми толпа пренебрегла по невежеству или за недостатком времени. Добычу свою она имела наглость продать за 3 тысячи дукатов самому монастырю

Святого Марка, и тот залез в долги, ибо казна его состояла из 2 тысяч золотых на всё про всё.

Савонарола черпал из этих фондов и дарил прелатам, которые его поддерживали, роскошные издания Овидия, Тибулла, Катуллы и Марциала, освобождая тем самым монастырь от «скверны заразных книг». Не он ли постоянно твердил в своих проповедях, что самого Платона следует отправить «в топку дьявола»? Вскоре, когда популярность его стала падать, он перешел от слов к делу. По его приказу была сформирована милиция из отпрысков магистратов, которым поручалось изымать сначала из отцовских, а затем и из всех других домов «постыдные вещи»: произведения искусства, украшения, благовония и зеркала, «бесчестные книги вроде «Морганте» и прочих...». Он именовал Анафемой эту культурную революцию, приведшую к *bruciamento delle vanita*, сожжению суетного. Во время карнавала 1497 г. на площади Синьории соорудили «помост в форме пирамиды; у основания сложили маски, накладные бороды, костюмы шутов и другие дьявольские новшества; сверху навалили книги латинских и итальянских поэтов, «Морганте» Пульчи, сочинения Боккаччо, Петрарки и им подобных». Затем картины с видами прославленных флорентийских красот. Какой-то изумленный венецианский торговец предлагает за все это 20 тысяч экю. Вместо ответа с него быстро пишут портрет, который и бросают в общую кучу. «Полая внутренность пирамиды была заполнена горючими материалами; после мессы, причастия и шествия дети поджигают ее и приветствуют взметнувшееся ввысь пламя своими святыми радостными песнопениями, которым вторят трубы Синьории и колокола палаццо Веккьо». Через год все повторилось.

Но Савонарола так и не попал в рай. Он сам был отлучен от церкви, повешен и сожжен, его проповеди выброшены на свалку, и все это произошло под звуки тех же труб, под тот же колокольный звон, перед толпой тех же зевак 23 мая 1498 г.

Тридцать два ящика: эту небольшую часть библиотек Медичи, сохранившуюся в монастыре Святого Марка, в

1508 г. выкупил и перевез в более надежный Рим Джованни, сын Лоренцо, который пять лет спустя станет папой Львом X. Он назначил цену всего в 2652 дуката, и монастырь понес убытки (внимательный читатель сразу должен заметить, что семья в третий раз платит за книги Никколи, если те еще находились в собрании). Самый благодушный из всех пап признавался: «Коль скоро Господь даровал нам Святой престол, воспользуемся им на радость себе!» Он был также бесстыдным охотником за книгами — полагал, что все духовные лица обязаны добывать их для него, и рассылал своих агентов, порой самых настоящих жуликов, «от берегов океана до границ Азии». Именно благодаря ему Флоренция имеет сейчас пять первых книг Тита Ливия. Когда их выкрали из французского монастыря Корби, все пришли в страшное волнение ввиду значимости открытия: эти тексты считались окончательно утраченными. Добыча незаметно переходила из рук в руки, пока не добралась до папы, который заплатил собственнику неслыханную сумму в 500 дукатов. Затем, вместо того чтобы вернуть рукописи, он послал приору Корби заказанную им копию издания «в красивом переплете» вкупе с отпущением грехов и письмо с просьбой признать, что «это мелкое происшествие принесло тому больше выгоды, чем ущерба». Пока Его святейшество использовал все средства, доступные понтифику, с целью обогатить личную библиотеку, Ватиканская увеличилась всего лишь с 3650 до 4700 томов. Впрочем, следует отметить, что во время разграбления Рима в 1527 г. она «понесла чувствительный урон, и все усилия по ее пополнению частично пропали втуне». С именем этого папы-библиофила, однако, связана одна из самых враждебных чтению мер. 4 мая 1515 г. Латеранский собор постановил, что с целью искоренить «заблуждения слишком многочисленные в прошлом и еще более опасные в будущем» надлежит сжигать любое издание, способное поколебать веру. Столь туманная формулировка всех удовлетворила — ни один автор или название не были упомянуты. Зато в булле 1520 г. «*Exurge, Domine*» («Восстанови, Господи») это будет сделано, и в Индекс попадет Лютер. Венецианский Совет десяти от-

кажется утвердить эту буллу и разрешит читать ее в церк-вах лишь после того, как за последним прихожанином закроют двери.

В 1523 г. папа Климент VII, который был племянником Лоренцо Великолепного, приказал вернуть коллекцию Медичи во Флоренцию и поручил Микеланджело построить для нее здание, но тот лишь сделал рисунок. «Лаурентина», открывшаяся для публики в 1571 г., содержала приобретения Козимо и его внука: невзирая на все перипетии, осталось 10 500 изданий, в том числе 700 предшествующих тысячному году, в частности один Вергилий IV или V в., старейшая копия Библии, оригинал «Пандектов» Юстиниана (533 г.), «Кодекс Амиатинус», самая древняя копия Вульгаты... И другие сходные названия, заставляющие грезить о неизвестных сокровищах, которые погибли в ноябре 1494 г.

Однако первая из больших гуманистических библиотек находилась не в Италии, а в Венгрии, и была она столь роскошной, что стала вдохновляющим примером для Медичи.

Когда Матиаша Корвина в пятнадцать лет избрали королем Венгрии, он уже имел значительное собрание прекрасных и полезных книг. Наставником его был канцлер Иоганн Витец, о котором крупнейший книго-торговец эпохи Веспасиано да Вистицци сказал: «Мало есть книг на латинском языке, коими он бы не владел». Из одного письма 1471 г. мы узнаем, что у Матиаша был постоянный агент Бландий, «*miniator noster*», «наш миниатюрист», который занимался в Италии розыском и покупкой всякого рода чудес. В своем дворце в Буде, в восточном крыле, выходившем окнами на Дунай, монарх приказал сделать роспись на потолке на астральную тему — расположение звезд на момент своего вступления на престол Богемии в 1469 г. Под этими благословенными сводами множатся богатства: основой коллекции является собрание предшественника, Сигизмунда Люксембургского, который стал германским императором и лично посещал гуманистов, в том

числе поистине вездесущего Поджо Браччолини. К этим книгам добавляются те, что были конфискованы у попавших в опалу канцлеров, а также библиотека второй супруги Матиаша, Беатрисы Арагонской, принцессы Неаполитанской. Коллекция отличается хорошим вкусом: король пожелал только, чтобы в ней можно было найти главные творения человеческого духа. Библиотекарь Марцио Галеотто отмечает, что треть изданий предшествует 1470 г., страницы украшены на «флорентийский манер» простыми белыми завитушками; остальное, напротив, в высшей степени роскошно — свидетельством тому двести шестнадцать сохранившихся книг. Монарх ценит талант, например, гениального и прославленного иллюстратора Аттаванте дельи Аттаванти, и, поскольку он регулярно переписывается с Марсилио Фичино, греческих изданий не меньше, чем латинских и древнееврейских. Число их не поражает воображения: как полагают сейчас, около трех тысяч, но «сколько томов, столько и сокровищ», кажется, будто находишься «не в библиотеке, но, если можно так выразиться, в лоне Юпитера». Венгрия хорошо управляется; после внезапной смерти короля в 1490 г. подготовленный заранее указ предписывает его сыну Яношу располагать лишь своими личными книгами — в былые времена тот уже начал расхищать библиотеку с целью наживы. Хотя корвиновская библиотека больше не является гуманистическим центром, каким была при жизни своего основателя, ее все же хотят сохранить в целостности: она официально становится национальной библиотекой, первой в Европе. Возможно, таковой она осталась бы навсегда, но турецкие войска уничтожили ее. Дело в том, что отец Матиаша некогда совершал успешные набеги на Османскую империю; за это унижение следовало расплатиться.

Сулейман Великолепный — «Тень Бога на земле», как ему угодно было именовать себя, — расширил владения Константинополя до невиданных прежде пределов: он захватил Белград, Ирак и остров Родос, устрасил Вену, а Венгрию превратил в османскую страну. Едва вступив в Буду и Пешт в 1526 г., он приказал поджечь город, сле-

лав исключение для дворца. «Поскольку ему хотелось там поселиться, он счел неразумным сжигать его», — реалистично замечает один из сопровождавших его официальных летописцев. Остальное было предано солдатами огню и мечу, в частности библиотечное крыло — как все, что «принадлежало жалкому королю»; в общественном мнении и среди интеллектуалов XVI—XVII вв. султан приобрел очень скверную репутацию, от которой долго не мог избавиться. Ибо книги «были турками разорваны в клочки, по словам одних, использованы не по назначению, как говорят другие, после того как с переплетов сорвали серебряные застёжки». Корвиновская библиотека? «Уничтожена азиатским варварством». Вместо экслибрисов король Матиаш повелел украсить корешки своим гербом. Считается, что примерно десятая часть уцелела при катастрофе и через некоторое время всплыла на рынках Константинополя. Эти книги легко было узнать. В настоящее время известно местоположение 216 «корвиновских» изданий, рассеянных по 48 библиотекам в 44 городах 14 стран.

Этой экзотической подлостью завершается сомнительная эпопея крестовых походов. Далее разборки идут уже между собой. На свет появляется Европа социальных, политических и религиозных потрясений. И вот, вместо того чтобы помериться силами с турками, немецко-испанское войско Карла V в мае 1527 г. сворачивает на Рим: в тогдашних дипломатических депешах описываются россыпи архивных документов, которые в конечном счете пойдут на подстилку лошадям; свинцовые печати на папских буллах из апостолической библиотеки расплавлены на пули, а протестантский герой Себастьян Шертлин фон Буртенбах с гордостью признается: «Мы опустошили Рим и сожгли большую часть города... уничтожили всю работу копиистов, все акты, письма и государственные документы».

Крестьянская война — Bauernkrieg — продолжалась всего два года, 1524 и 1525-й. Это восстание немецких мужиков и горожан было настоящей, хотя и преждевре-

менной, революцией; как всегда, она привела к тому, что поверившие в нее бедняки были полностью истреблены, а богачи извлекли выгоду: принцы по этому случаю захватили церковное имущество и еще больше упрочили свою власть. (Во Франции крестьяне в Бове и Суассоне опередили немцев на сто с лишним лет: жаки вели себя, как «бешеные псы», и только «черная смерть» сумела их обуздать.) Несмотря на трагический исход, этот катарсис способствовал мощной чистке страны, параллельно с Реформацией: около тысячи укрепленных замков были сожжены и по меньшей мере столько же монастырей (семьдесят в одной только Тюрингии), многие сотни их библиотек уничтожены, если толпа осаждавших действовала без помех, или выкуплены за горстку монет, если имелось хоть какое-то военное прикрытие. Неграмотные крестьяне знали лишь то, что в этих непонятных книгах записаны их долги. Либо видели в них символ загадочного мира, который никогда не делится привилегиями и доходами. И вот в августинском монастыре Анхаузена они рвут в клочья 1200 томов стоимостью в 300 флоринов, в Сен-Базиене близ Фрайбурга «выбрасывают, раздирают и сжигают» библиотеку, в Эбрахе ущерб оценивается в 500 флоринов. В Кемптене аббат подает жалобу на тех, кто «повредил и вынес все акты, письма, книги и документы». В Майхингене восставшие собрали три груды книг: первую они поджигают, вторую бросают в реку, третья послужит, по их словам, для того чтобы подтирать задницу; то же самое происходит в Райнхардсбруне, где библиотека уничтожена полностью, и в Бамберге, и в Веттенхаузене...

Настроенный вначале к мятежникам скорее благосклонно, Лютер в конечном счете отрезал: «Если не пустить в ход аркебузы, они станут во сто раз хуже». Между тем их бесчинства в монастырских библиотеках должны были бы обрадовать человека, который, в свою очередь, писал, что нет ничего более «безумного, вредного и опасного», чем принадлежащие монахам книги, одним словом, это настоящее «ослиное дерьмо». Что касается его бывшего ученика Томаса Мюнцера, тот пошел еще дальше — превратился в такого радикала, что на-

ставника своего именовал «фрейлейн Мартин» за вялость воззрений, руководил восставшими столь энергично и столь успешно, что кончилось все это для него пытками и отсечением головы. Фридрих Энгельс воспел его деяния в абсолютно пристрастном, но пылком повествовании об этой дикой истории, где Гёте также нашел объект вдохновения в гораздо более приторном «Гёце фон Берлихингене».

Идея носилась в европейском воздухе: библиотека — это власть, это развращение умов. Популисты всегда внушали, внушают и будут внушать «ограниченным» людям (такое определение сам Энгельс дает крестьянам), что вовсе не иметь книг лучше, чем иметь и особенно иметь много. Антиинтеллектуалы с радостью повторяют лейтмотив любой религии: для спасения мира избраны невежды. И узурпируют эпитет «свободомыслящий», как это в большей или меньшей степени делали беггарды, адамиты, табориты, пастушки и флагелланты. «Никто не должен иметь, брать в руки или читать ни одну книгу, кроме Ветхого или Нового Завета: для спасения души только они и нужны» — так изъясняется неграмотный Ян Метхойс, булочник из Гарлема, провозгласивший себя посланцем Бога, ставший пророком и главным вождем анабаптистов, окопавшихся в городе Мюнстере, где они приняли второе крещение, что в других местах каралось смертью. Через два года город захватят посредством измены, и все они будут убиты. Но в 1534 г., в самом начале мятежа, как в свое время в Монсегюре, безумная и дерзкая решимость ослепляет их, эйфория достигает высшей степени, и дикие поступки множатся: «Разгромив собор, они испытали особое наслаждение в том, чтобы топтать, рвать и сжигать книги и рукописи из старой библиотеки». На следующий день уничтожаются городские архивы и счета: вчерашнего дня не существует, рай уже близок. Наконец, в воскресенье 15 марта булочник-пророк, словно добродушный организатор загородных пикников, объявляет, что нужно немедленно отправиться на поиски *всех* находящихся в городе книг, независимо от содержания, даже и особенно из частных

собраний, принести их к собору и обратить в пепел. Это будет целая огненная гора: вокруг нее танцуют, танцуют до одури. Рыночную стоимость этого мероприятия оценят потом в 20 тысяч золотых флоринов. Ландскнехты, осаждавшие город пятнадцать месяцев в надежде сделать состояние, ограбив «жемчужину Вестфалии», получают за всё про всё 18 флоринов — после того как истребят жителей, уже передравшихся между собой.

Пфальцская библиотека в Гейдельбергском университете благополучно пережила все бедствия этой эпохи. Ее судьбу можно считать показательной, хотя и не вполне обычной.

Увеличившись в XIV в. благодаря изданиям, которые завещали ей университетские профессора, она в 1396 г. имела 600 книг. Каталогизацию и рубрикацию произвели в 1466-м, насчитав 1600 названий в 841 томах, но дары из частных собраний в 1566-м довели это число до 6400 названий: 4800 печатных изданий, 500 рукописей на пергаменте и 600 на бумаге. Тогда же курфюрст-лютеранин Оттхайнрих постановляет, что его преемники должны будут ежегодно выделять 50 флоринов для закупки книг на ярмарке во Франкфурте, вследствие чего фонды модернизировались — современная литература в количественном отношении превзошла средневековые и схоластические тексты. В 1584 г. фонды удвоились благодаря баснословным изданиям, полученным в дар от одного из Фуггеров (поскольку первые из них были в XV в. предтечами капитализма, дети и внуки родились с миллионным состоянием в золотых флоринах и в XVI столетии стали просвещенными гуманистами; даритель — Ульрих — был протестантом). Пфальцская библиотека стала крупнейшим книгохранилищем Европы, соперничая с Ватиканской. И вот это было уже слишком.

В какой-то мере можно сказать, что в очередной раз в истории библиотек Рим навязал свою волю: в ходе крайне запутанной Тридцатилетней войны глава Священной лиги опустошает Пфальцскую библиотеку и дарит ее папе в рамках заключенной ими стратегической

сделки. Однако, чтобы пальцы Его святейшества не осквернились прикосновением к переплетам, сделанным протестантскими руками, он приказал ободрать 13 тысяч печатных изданий и 3 тысячи 500 рукописей, а затем наклеить на новые кожаные корешки сей сомнительный экслибрис: «*Sum de bibliotheca quam Heidelbergae capta spoliū fecit et Gregoria XV trophaeum misit Maximilianus dux Bavariae*», «Я из библиотеки, которую Максимилиан, герцог Баварский, захватил как добычу в Гейдельберге и отправил как трофей Григорию XV». Это случилось в 1623 г. Гейдельбергский университет принялся ревностно восстанавливать свои фонды, но они полностью погибли во время войны за Пфальцское наследство, которая стерла город с лица земли. В 1710-м все начинается вновь. В 1826-м Ватикан соглашается даже вернуть 847 изданий, а Париж — ценой тщательно просчитанного обмена — только одно, но первостепенной значимости: «Codex Manesse», поэтический сборник 1300 г., иллюстрированный 137 миниатюрами, который уцелел при грабежах, бомбардировках и конфискациях — погибло всего 40 тысяч экземпляров — гитлеровской эпохи.

Как известно, именно злоупотребления Святого престола за несколько десятилетий до этого открыли дорогу кальвинизму во Франции и способствовали бесконечным жестокостям, репрессиям, насилию и убийствам, совершенным в ходе религиозных войн.

Книги страдали тем больше, что их миниатюры, по-прежнему вездесущие в ту эпоху, как раки с мошами святых и распятия, сразу привлекали внимание гугенотского солдата, видевшего в них арсенал для христианизации неграмотных. Могли ли «бризимажи» не ринуться с неукротимой яростью на аббатство, подобное Кулону, которое хвалилось тем, что обладает одним из препуциев Христа, или монастырь в Суассоне с его пальцем святого Фомы (не к добру захваченным в 1204 г. в Константинополе)? Итак, хватай церковное имущество, громи библиотеки: Сен-Медар, Сен-Жан-де-Винь, Отвилье близ Реймса, Пуатье, Ключи — везде рукописи рвут на куски, поскольку «это все книги для

мессы», с некоторым смущением признает кальвинист Теодор де Без. Катрин Бризак: «Многие библиотеки религиозных учреждений, секулярных и регулярных, были разграблены гугенотами в этой части Франции. Случившееся в Лионе (1562 г.) обрело громкую известность, но было далеко не единственным: множество учреждений потеряли свои манускрипты». Так произошло в 1562 г. в аббатстве Жюмьез, которое опустошила солдатня Монморанси. В Сент-Эверте они «разбили в щепу кафедры и все деревянные предметы, развели костер, куда бросили все книги». То же самое было в 1563 г. в Сен-Жиле, в 1568 г. в Сен-Бенуа-сюр-Луар, где рейтары Колиньи уничтожили три четверти бенедиктинской библиотеки, основанной в 1146 г. Макарием; сам Колиньи, впрочем, сумел в этих крайних обстоятельствах спасти некоторое количество книг, которые вскоре нашли убежище на полках просвещенных и утонченных хозяев, в частности шведской королевы Кристины.

Тщетно Ронсар мягко внушал Теодору де Безу, что Франция «край не готический, не скифский, не татарский, то край тебе родной...», огонь исцеляется только огнем. Но поскольку нигде не было — по вполне понятной причине — великолепных протестантских библиотек или идолов, которые можно было бы сжечь в отместку, настала Варфоломеевская ночь. И адмирал Колиньи, уподобившись бесчисленным статуям, которые он приказывал калечить своим сбирам, «был повешен ногами вверх, за неимением головы».

РЕВОЛЮЦИИ И ЭВОЛЮЦИИ

Монах, показанный со спины, хлещет кнутом альбом с голыми женщинами, слева от него — пузатый графин с вином, а на деревянный книжный шкаф, с которого свисают гирлянды сосисок, пытается вскарабкаться крыса; некоторые полки перегорожены цепями, на других уже не хватает многих томов, оставшиеся же клонятся направо или налево, отчего их корешки начинают трескаться.

Эта ужасная гравюра из альбома «Картины злоупотреблений в монастырях» (1784 г.) служит ярким свидетельством антиклерикального духа, родившегося во времена Вольтера, и общего кризиса веры, который приведет к великому потрясению Европы XVIII в., когда знание, подобно власти, начнет переходить из рук в руки посредством грандиозного перетряхивания библиотек. Где-то это будет сделано довольно мягко, даже с некоторым изяществом, но в основном самым плачевным образом. Во Франции особенно.

Четыре эпизода этого перехода конфессиональных и аристократических собраний к зарождающимся европейским сообществам привлекают наибольшее внимание и иллюстрируют сотрясающие мир перемены: конфискация имущества у иезуитов, поскольку дело это было столь же грандиозным, сколь чреватым последствиями для развития культуры; революция без революционеров в Австрии, которая могла бы стать примером, достойным подражания; великая французская авантюра в качестве модели катастрофической некомпетентности и, наконец, занятная карьера баварца Аретина, действовавшего отчасти по вдохновению свыше.

Сочинение Жана Барбье д'Окура «Бальзам от ожогов, или Секретный способ помешать иезуитам сжигать книги», опубликованное в 1670 г., выдержало шесть изданий в XVII в. и было переиздано в 1826-м. Этот популярный янсенистский памфлет натравливал публику на ненавистных «отцов-поджигателей», на которых стали косо поглядывать в Риме, поскольку они восхваляли глубину и привлекательность конфуцианских обрядов, тогда как христианская стратегия состояла в том, чтобы под корень истреблять везде, где только можно, все местные верования. Итак, не только Португалия и Испания решили избавиться от неудобного Общества Иисуса. В 1761 г. французский парламент постановил сжечь сочинения двадцати трех братьев как противоречащие христианской морали и закрыть школы; через год конгрегацию объявляют вне закона и конфискуют все недвижимое имуще-

ство, включая меблировку. Почти три тысячи братьев теряют, таким образом, чуть ли не хлеб насущный. Тогда генерал Лоренцо Риччи освобождает их от обетов; самые непримиримые ищут убежища под более благоприятными небесами, например в Польше. Но чтобы помешать их возвращению и искам по возмещению ущерба, «семейный союз» Бурбонов хочет добиться от Рима официального запрета ордена. «Пусть лучше мне две руки отрубят», — отвечает папа. На следующий день или чуть позже он умирает вроде бы от сердечного приступа, и его место занимает куда более податливый Климент XIV. И вот 16 августа 1773 г. провозглашается уничтожение Общества Иисуса рескриптом «*Dominus ac Redemptor*» (понятно, что более искренними были бы слова *Dominus ac Predator**), генерала Риччи отправляют на медленную смерть в каземат замка Святого Ангела, а следы двадцати трех тысяч его соратников теряются на пространстве от Сан-Диего до Шанхая. Безропотно: чтобы войти в число братьев, они давали обет подчиняться любым решениям Его святейшества. Единственный протест исходит от Екатерины Великой, которая заявила, что национальное образование в Польше является главной ее заботой и поэтому папский приказ она считает юридически несостоятельным. Никто не посмел с ней связываться.

Ибо Игнатий Лойола знал, что образование важнее всего и что лишь книга способна дать его. Хотя он сам предавал огню сочинения Теренция, Эразма и Лютера, но в своих «Уставах Общества Иисуса» (1540—1556 гг.) провозгласил, что каждый коллеж должен иметь библиотеку и ректор по своему усмотрению может выдавать ключи любому, кто обязан ею пользоваться. Сверх того, преподавателям предписывалось заводить собственное «профессиональное» собрание, невзирая на обет бедности; после их смерти оно включалось в общий фонд. Это породило некоторые проблемы — слишком много оказа-

* Господь и Спаситель — Господь и Предатель (*лат.*).

лось названий, которым не следовало бы фигурировать в иезуитском каталоге.

Итак, в период между 1762 и 1773 г. тысячи библиотек в мире в один прекрасный день оказались без хозяев и обслуживающего персонала, порой даже с настежь распахнутыми дверьми. Не только главам «провинций» пришлось поспешно бросить свои личные собрания, ибо в каждом из семисот учебных заведений, согласно завету святого Игнатия, имелась по меньшей мере одна и весьма крупная библиотека. Многие книги были уничтожены или выброшены — после грабежа, со всем тщанием произведенного самими инициаторами папского послания. Множество библиофильских сокровищ внезапно переместились в крупные европейские собрания. Отметим, что полки францисканских и доминиканских библиотек также значительно пополнились. Невзирая на тайные утечки книг, сопровождавшие каждую инвентаризацию, многие создаваемые в это время университеты, равно как и некоторые муниципальные собрания, воспользовались манной. Обогатились книготорговцы: к примеру, в Руане один из них устроил аукционную распродажу, которая в целом продолжалась двести восемь часов. В Лионе каталог книготорговца Франсуа де Лорьо в 1777 г. начинается следующими словами: «Быть может, многие удивятся [...], что в мои руки за столь короткое время попало столько редких и необычных книг...»

Когда сорок один год спустя папа Пий VII отменил запрет ордена, прошения вновь открыть иезуитские школы посыпались со всего мира (во Франции таковых было восемьдесят шесть). Однако братья, которых реабилитировали, невзирая на воспоминание о «черных обманах», помянутых в свое время Блезом Паскалем*, временно отклонили эти просьбы: они были либо слишком

* Это воспоминание, возможно, объясняет относительно скрытый характер снятия с них опалы и тот факт, что не появилось ни одной аналитической работы об истинной судьбе их имущества. «Перед вами пустота», — отвечают смельчакам в дирекции Иезуитских архивов.

старыми, либо слишком молодыми и не имели больше книг для обучения.

Повозки, прогибающиеся под грузом книг, с трудом ползут по раскисшей дороге в Альпах; время от времени возница сбрасывает какую-нибудь энциклопедию или атлас под копыта вязнувших в грязи лошадей: так на глазах у изумленных крестьян библиотеки австрийских монастырей перевозятся в государственные хранилища. Разумеется, это воображаемая картина, но она обрела необычайную популярность вследствие коллективной травмы, нанесенной стране Иосифом II, который сделал попытку произвести в ней безвременную революцию. «Моя империя не будет больше воплощать собой отвратительную нетерпимость», — пишет он своему главному библиотекарю Ван Свитену. Действительно, устанавливается свобода вероисповедания и прессы, смертная казнь упраздняется, равно как крепостное право и феодальные привилегии: аристократам придется платить поместный налог за неиспользованные земли. Этот человек — нечто большее, чем просвещенный деспот, как принято его называть, он безумец разума, помешавшийся на идее хорошего правительства. Иосиф II отдает венские театры в управление актерам, на столетие раньше других умножает школы, введя обязательное и светское образование. Со всей простотой объявляет, что будет следовать путем, «начертанным многие века назад Заратустрой и Конфуцием, который, к счастью для человеческого рода, становится сейчас путем монархов». Кто из ныне действующих президентов был бы способен произнести такую фразу?

«В эпоху, когда отступников все еще держали под замком, величайшие умы были скованы в монастырских библиотеках. Иосиф освободил всех пленников». Этот анонимный текст, будто бы «переведенный с немецкого», появляется в 1787 г., спустя почти пять лет после того, как император, видя, что церковь завладела едва ли не половиной Австрии, а епископы являются миллионерами, упразднил все ордена, чуждые и науке, и милосердию; таким образом, было распущено 738 конгрегаций, и 36 ты-

сяч монахов разошлись по домам, получив выходное пособие. Здания были переоборудованы под школы или жилые помещения, деньги пошли на создание Религиозного фонда, который со всей серьезностью занялся строительством больниц, сиротских приютов и родильных домов. Что касается библиотек, они были приговорены к рассеянию и для начала подверглись тщательному осмотру с целью отобрать сокровища: манускрипты и старинные кодексы обогатили Императорскую библиотеку, будущую Национальную, где до сих пор могут показать акты перемещений (отметим к слову, что Готфрид Ван Свитен, ее директор с 1777 по 1803 г., учредил важное новшество: каталог на карточках; до этого велись книги записей, вечно неполные и путаные). Изъятия, произведенные этим книгохранилищем, были весьма умеренными, но отбор отличался жесткостью: например, из картезианского аббатства в Гаминге забрали сто пять инкунабул и пятнадцать средневековых рукописей; 12 тысяч книг переехали в Венский университет; оставшихся десятка тысяч хватило на продажу с торгов, и еще несколько сотен украли соседние крестьяне. Несмотря на многочисленные случаи уничтожения книг по невежеству или для практических нужд, великое *renovatio ecclesiae* (церковное обновление) пошло на пользу университетам Линца, Инсбрука, Праги, Граца и другим. В отличие от того, что вскоре произойдет во Франции, здесь не было ни одного монаха, с которым бы плохо обошлись, и ни одна книга не пострадала из-за своего назидательного содержания. Вдобавок император дал монастырским библиотекам возможность избежать государственного изъятия: так, премонстраты в пражском Страхове постановили открыть двери для исследователей, вследствие чего пять тысяч рукописей и сегодня открыты взору на своем священном месте под вычурной лепниной барочных потолков 1727 г.

Авангард не должен слишком вырываться вперед, иначе общество его не примет — это принципиально важный момент. Император Иосиф II навлек на себя ненависть всего континента навязанными сверху новшествами, и, похоже, в конце своего очень короткого царствования он начал слегка сдавать назад под влиянием

парижских событий; ему еще повезло, что он не узнал о казни своей сестры. В 1792 г. все его реформы были резко свернуты преемником, ярким реакционером. За исключением одной, ставшей достоянием страны: перераспределение книг. Историки, изучающие это необычное царствование, размышляют над гипотезой, согласно которой Иосиф II мог бы повлиять своими прогрессивными идеями на зятя — Людовика XVI. Разве не он поддержал недавно женившегося французского короля в одной из самых интимных сфер?

Что бы ни говорили, французская революция была бы, в сущности, не такой уж скверной штукой, если бы она вдобавок отменила смертную казнь и провозгласила неприкосновенность книг. Но общество еще не созрело, чтобы принять эти две добродетели. Только Сад высказался в пользу первого (еще немного, и этот честный человек призвал бы ко второму). Можно подумать, что тогдашние безбожники, один за другим восходящие на эшафот, все-таки немного верили в существование попустороннего мира; сверх того, всеобщий энтузиазм достиг такого пыла, что Вольтера и Руссо, попадись они под руку, тоже гильотинировали бы. В столь накаленной обстановке резкая национализация страны не могла не породить изрядной доли ложного прекраснодушия, мошенничества и непроходимой глупости. Гренобль, переименованный в Грелибр*, входит в число выразительных побочных явлений этой гигантской перетряски, которая «не нуждается в ученых» или считает Сорбонну «коварным и бесполезным институтом, врагом философии и человечества».

Началом книжных гекатомб стал день 2 ноября 1789 г., когда все церковные и монастырские собрания были объявлены «собственностью Нации», которая и в самом деле крайне нуждается в деньгах, но не имеет структур, способных организовать грабеж. Что касается земли, зданий

* Второй слог этого названия означает «знатный», и революционеры заменили его на слово «свободный». (Прим. перев.)

и инкрустированных рубинами дароносиц, это дело простое и наживное. Но библиотеки? Эти залы с пыльными книгами, где там или сям какой-нибудь знаток, быть может, и отыщет действительно ценную вещь; с инкунабулами или богато иллюстрированными рукописями тоже более или менее понятно, но все остальное сравнить нельзя с расшитой золотом ризой — так что же такое библиотеки? Для нации это не поддающийся счету мертвый груз, для чиновников — чреватая трудностями задача, а для горячих голов — прежде всего символ тирании

Охота за короной и лилиями входит в моду, это святое занятие для простецов. Но крушить каменные гербы на арках и сводах не так легко, как срывать с книг переплеты или кромсать иллюстрации. Когда толпа вваливается к букинистам с целью очистить фонды, те могут лишь аплодировать. Еще вчера Национальная библиотека была «королевской»: поскольку все хранимые в ней издания носят эти позорные знаки, некий Лагарп требует полного их уничтожения и создания новых переплетов, что математик Ромм оценивает в три миллиона «только в отношении внешних помет», вдобавок «подготовленной для этого кожи недостаточно»; в силу этого ограничиваются тем, что ставят штамп *RF** везде, где можно, — желательно, красной краской. Зато, поскольку некоторые деятели вполне серьезно предлагают сжечь Национальную библиотеку, вскоре начнутся аутодафе. В Марселе, Тулузе и, к примеру, в Париже: 19 июня 1792 г. один немецкий очевидец отмечает в своем дневнике, что «громадное количество книг было сожжено на Вандомской площади, перед статуей Людовика XIV. Я ходил туда и видел груды еще горячего пепла. Вокруг было множество людей, которые грели над ней руки и ноги, ибо дул холодный северный ветер, и я тоже грелся, как остальные». Временное улучшение личного комфорта обеспечили ему, среди прочего горючего материала в переплетах, 163 папки с описаниями дворянских и рыцарских титулов; 7 августа на том же месте запылали 581 том

* République française — Французская республика (*фр.*).

и папки с эскизами. В целом около 2 тысяч изданий. Кабинет орденов превратился в воспоминание.

Первый декрет о конфискации библиотек не принес большого успеха; монахи упорно сопротивляются, скрывают свои собрания, а муниципалитеты зачастую оказываются на их стороне. С другой стороны, чиновники заранее тоскуют при мысли об этих гудах книг: предполагается, что большую часть их составляют требники, молитвенники, сборники песнопений и жития святых. Они знают, что заплатят им только за хорошую добычу. Тогда провинция, невзирая на запрет, начинает продавать «на вес». Новый декрет в марте 1790 г.: чиновникам дается неделя, чтобы произвести инвентаризацию на местах. Начинаются перемещения. В январе 1791 г. предписания становятся более жесткими, и под страхом наказания «за преступную небрежность» муниципалитеты принимаются с большим рвением изымать книги из монастырей.

Отныне возникает первый большой вопрос: что делать с четырьмя миллионами томов (фактически их окажется в три раза больше)? Уничтожить? Улице такое занятие быстро наскучит. Пустить на торги? В своем «Проекте о возможном использовании национальных книг» бывший аббат Тюэ замечает, что массовая распродажа принесет очень мало, тогда как образование народа принадлежит к числу самых насущных целей; однако по-прежнему встанет вопрос о том, что делать с религиозной литературой, которая по новым канонам гроша ломаного не стоит и количество которой остается загадкой. Вот почему Ормесон, все еще издатель короля и в скором времени казненный, предлагает феноменальную идею «Универсальной библиотеки Франции», которая выглядит научной и полезной, но имеет подспудную цель — принудить департаменты отдать библиофильские сокровища, оставив в их распоряжении благословенную макулатуру. Ибо одним из ключей этого дела является то, что Париж ввязался в тотальную войну со всем миром, начиная с французских провинций, которые считаются оплотом феодализма и, что еще хуже, источником географического индивиду-

лизма, именуемого в те годы «федерализмом», страшнейшим из преступлений. Суть трагедии именно в этом, в новом эдиповом комплексе тогдашних чувств, который материализуется в летящих во всех направлениях почтовых депешах, в шквале холодных и даже презрительных инструкций, порождающих в ответ искусные и порой раздраженные оправдания, — от всего этого за версту несет, словно чесноком, человеческим родом.

Опередивший свое время технократ накрыл таким образом всю подведомственную территорию нормальной карточной инвентаризацией, учитывающей каждую книгу во всех библиотеках. На оборотной стороне карточек следует записывать основные библиографические данные любого издания и не позднее чем за четыре месяца отсылать их в Объединенные комитеты «в каталожных ящиках, тщательно обитых внутри и снаружи вошеной тканью». Однако это мероприятие не принесет ожидаемого успеха, поскольку многие шлют вежливые отписки: «Имеем честь обратить внимание на то, что наши многочисленные обязанности...» — или же: «Мы выражаем живейшее сожаление, господа, что замедлили с отправкой этого описания, но подобная работа представляется столь бесполезной...» Полученные же каталоги отличаются скудостью. В одном «удовлетворительным является только почерк», другой, пришедший из Саргемина и предположительно отражающий фонды бенедиктинской библиотеки в Сент-Аволе, был бы превосходен, если бы в нем наличествовали «дата выхода, имя книготорговца и название города, формат и имя издателя или переводчика». Через пять лет грандиозный проект каталогизации всех существующих во Франции книг будет заброшен, однако он успел показать ужасающую реальность: библиотечное достояние, которое будет быстро возрастать за счет книг эмигрантов, казненных и подозрительных всякого рода, находится во власти малокультурного, если не невежественного и абсолютно лишённого мотивации персонала. Аббат Грегуар обличает «небрежение администраторов, которые, разумеется, жалованьем не пренебрегают, [...] в большинстве своем это тупые копиисты, которые искажают названия книг, путают даты, не различают издания и посылают бесполез-

ные каталоги» с такой, например, заключительной пометой: «Сверх того, имеется триста или четыреста томов английских, немецких, греческих, древнееврейских или же на непонятном языке, они старые и с пергаментными переплетами, поэтому мы не сочли нужным их перечислять, да и описания заняли бы слишком много времени...» Между тем, невзирая на скудость переплетов, это «самые ценные, быть может, книги из этих хранилищ, [...] настоящие санюлоты библиотек». С точки зрения Грегуара, эти издания, вероятно, избежали цензуры «под скромной пергаментной обложкой», тогда как книги, «в которых депотизм выставлял напоказ свои бесчинства и зверства, почти всегда достаивались сафьяна».

Катастрофа инвентаризации совпадает с последствиями — порой маскируя их — аутодафе и всеобщего грабежа, который либо происходит посредством распродажи на вес в округах, либо осуществляется самими чиновниками.

Грегуар обвиняет: «Многое разбазарено. Говорят, что из одной только библиотеки Межана в Эксе исчезло десять тысяч томов; известно также, что мошенники проявляют большую разборчивость». Через несколько месяцев он впадает в ярость: «Грабеж начался с библиотек. [...] Книготорговцы, никогда не забывающие о своих интересах, воспользовались обстоятельствами. [...] Большинство чиновников, которые сами не продавали, оставили библиографические сокровища в жертву насекомым, пыли и дождям. Мы только что узнали, как в Арне книги складывали в бочки... Книги в бочки! [...] Неистовое желание уничтожить и предавать огню. Вы же понимаете, насколько это проще, чем проводить инвентаризацию. Так поступили в Нарбонне, где множество книг отправили в арсенал, и в Фонтен-ле-Дижоне, где библиотеку Фельянов выбросили в хлам и поместили на склад старой бумаги».

Да, «артиллерийские службы демонстрируют не менее пылкую любовь к старым книгам, чем бумажные фабриканты», примером может служить Дидо в Эссоне. «Отправить книги в арсенал» не означает, что военные стремятся к знаниям: они просто вырывают страницы,

чтобы делать зарядные картузы, пакетики для пороха, которые засовывают в ружья; таким образом, посылаемый в лоб врага свинец, быть может, будет приправлен идеями лучших философов. Что до склада старой бумаги, это преддверие резака, иными словами, «переделки», как называли тогда странный обычай, порожденный нехваткой бумаги: повторная переработка.

В сентябре 1791 г. Учредительное собрание было распущено, так и не дав ответа на вопрос: нужно ли использовать бесконечное множество книг для общественного образования, или от них лучше избавиться? Революция колеблется между «обновлением» и мезтью. Буасси д'Англа в «Некоторых мыслях об искусстве» говорит: французов «следует учить не лишениям, а наслаждениям». Ему отвечает Юрбен Домерг, пурист из Обаня, назначенный главой Комитета по библиографии: «Занесем скальпель над нашими обширными книгохранилищами и отсечем пораженные гангреной органы библиографического тела». Этот страстный визионер предлагает не сжигать книги, но продавать их врагам страны, чтобы вызвать у них «головкружение и бред». С самого начала Ромм мудро полагал, что лучше все сохранить, «оставить времени и философии заботу по очистке наших библиотек». Вновь Буасси, в Комитете общественного образования: «Вы обладаете громадной библиотекой [...] многих книг еще не хватает; пусть их как можно скорее поместят туда и пусть во Франции не будет ни одной книги, какую нельзя было бы найти». Что до «очистительного отбора [...], таковая доктрина есть не что иное, как система варварства и мракобесия [...] и не посредством сожжения вы сумеете заменить их лучшими [...]. Но если хоть в одной из них есть хоть одна мысль, могущая стать полезной счастью человека, ускорить развитие его способностей или расширить круг знаний, о! конечно же, предав их огню, вы навлекли бы на себя позор, от которого не отмоют вас целые столетия».

Эти аргументы будут обретать вес и откроют перспективу создания «многочисленных и должным образом укомплектованных» библиотек благодаря, в частности, «преступному дезертирству трусливых врагов нашей сво-

боды». Но поскольку особенностью любой перспективы является то, что конец ее виден не сразу, сначала придется пережить множество трагедий — столь же прогнозируемых, сколь неизбежных, и среди них дело «хранилищ».

29 ноября 1793 г. Ашар, библиотекарь из Марселя, обрушившись на людей, которые «беспрестанно требуют сжечь все книги как вещи бесполезные или вредные», предлагает собрать их в специально учрежденное для этого хранилище. Итак, Домерг отстранен. Конвент переводит Комитет общественного образования в ранг своих первостепенных забот, а через два месяца постановляет, что в каждом из пятиста сорока пяти округов будет библиотека. Те из них, что успели избавиться от своих книг, начинают поглядывать на фонды соседей. Другие, напротив, приходят к убеждению, что отныне могут свободно сбывать по дешевке хлам. Округ Гайяк, преисполненный гордости, рапортует, что нашел «двух умных граждан» с целью отобрать лучшие книги для хранения. Следует громовой ответ Исполнительной комиссии: «Всякий отбор полностью им запрещен, они должны внести в каталог абсолютно все книги». Но комиссия явно недооценивает упрямство, присущее жителям Тарна: когда библиотекаря Блане Лене предписали начать инвентаризацию с левой части хранилища, продвигаясь направо, он вышвыривает на свалку первую же книгу с не понравившимся ему названием, поскольку не хочет выставить себя на посмешище, внося ее в список. Сверх того, по его словам, администрация не предоставила каталожный материал и «тем самым разрешила за неимением карточек использовать поля старого готического часослова, у которого нет ни начала, ни конца. Можно ли это назвать проявлением вандализма? Признаюсь, что я приступил к делу, не дожидаясь ответа. [...] Работа продолжается, и задача будет выполнена наилучшим образом».

Учредительное собрание успело издать четкие инструкции по защите книг от влажности, крыс или огня. «При перемещении следует соблюдать строжайший порядок, с тем чтобы сохранились рубрикации, уже установленные в библиотеках». Сладкие сны: в Ренне, когда перевозят книги из библиотеки замка Пире в специаль-

ное хранилище, солдаты с явной гордостью раздают их людям, собравшимся поглазеть на кортеж; в другом месте, невзирая на охрану из национальных гвардейцев, грабители «захватили и порвали все книги на раскуривание трубок и отопление свих жилых помещений». Как бороться «с теми, кто разбазаривает книги, если это преимущественно жандармы или другие военные и даже возницы»? Есть все основания полагать, что работа будущего библиотекаря не будет слишком трудной: «Если окажется мало хороших книг по причине кражи либо потери или порчи во время перенесенных ими перемещений, [он должен принимать] неполные издания, подгнившие тома и другие, рассыпающиеся на куски».

В большинстве случаев хранилища являют собой «хаос»! Обнаруживается, что в Перигё «все библиотеки из всех хранилищ были перемешаны», в Кале — это «чердак, где книги из различных библиотек свалены кучей», в Ньевре «мне пришлось заняться разборкой, отнявшей много времени [...] один из моих сограждан стал жертвой своего рвения, копаясь в этом нездоровом хранилище». Подобная опасность подстерегает и хранителя в Бельфоре: «Представьте себе бесформенную груду из более чем десяти тысяч томов разного формата, высыпаемых из корзин без разбора посреди голой залы... Большую часть этих книг, возможно, не открывали лет сто, и они источали яд, вынуждавший меня поминутно выходить на свежий воздух и смертельные последствия которого я ощущал очень долго».

Когда 5 жерминаля IX года министр внутренних дел решает доставить в Париж книги из версальского хранилища, иными словами, 127 100 единиц, инспектор д'Эгрёфёй, ответственный за отбор, привозит только 30 тысяч. Остальное — но сколько оставалось на самом деле? — он на месте пустил под нож и продал на вес. В конце 1789 г. парижский библиотекарь Амелон рассчитывал получить книги из ста шестидесяти двух религиозных и духовных учреждений: если монахи не лгали (ибо их часто ловили на лжи: так, картезианцы распределили монастырскую библиотеку по всем кельям и каждый монах утверждал, что эта сотня с лишним томов является

его личной собственностью, однако вскоре обман раскрылся), ему предстояло разместить 808 120 изданий; когда добавились книги эмигрантов, в Париже образовалось девять хранилищ, сведенных в IV году в два, а в начале IX года — в одно, и эта последняя операция заняла два года. На протяжении целого десятилетия каждый месяц повозки с печатными изданиями тряслись по улицам в разных направлениях, — возможно, они встречались со своими законными хозяевами, которых везли на утреннюю экзекуцию. Сколько было потеряно из-за этих беспорядочных перемещений? Хранителям нет до этого дела: сами они, как и все, обладавшие хоть малейшей властью при Директории, начисто лишены совести. Так, некий Дамбревиль, получивший в свое распоряжение хранилище Луи-ла-Кюльтюр, забрал 9595 лучших книг в собственный дом. Это собрание оказалось настолько хорошо подобранным, что, когда его целиком вернули в хранилище Кордельеров, первый консул выразил желание, чтобы оно было передано ему в дар в качестве личной библиотеки.

Если выражаться в стиле того времени, ненависть к книгам соревнуется с коррупцией и небрежением; нельзя сказать, что принесло больше вреда — глупость или подлость. В 1794 г. на повестке дня новое великое начинание: церкви признаны самым подходящим местом для устройства лабораторий по обжигу селитры, и в бывшем аббатстве Сен-Жермен-де-Пре появляется селитряная мастерская Жермен; «большой резервуар помешают прямо посреди нефа, печь — в галерее, угольный склад — в аббатском дворце» (Луи Рео забыл упомянуть груды фуража). Катастрофа была неизбежной, почти запрограммированной. В августе месяце большая часть из 49 387 изданий и 7072 рукописей обращаются в дым. Несколько десятков, вываленных на тротуар в далеко не блестящем состоянии, покупает за пару монет Петр Дубровский, один из секретарей русского посольства, приобретший большой опыт по ходу грабежа книг из Бастилии: инкунабулы и издания на веленовой бумаге, нынешняя цена которых не поддается исчислению (например, «Великие хроники

Сен-Дени», принадлежавшие герцогу Бургундскому Филиппу Доброму или «Послания» святого Иеронима, переложенные во французских стихах и проиллюстрированные в 1509 г. для Людовика XII), — вскоре оказываются у российской императрицы Екатерины Великой, рядышком с библиотеками Дидро и Вольтера и многими другими, почти столь же необыкновенными, наподобие библиотеки Ламуаньона из замка Бавиль. Царица знала толк в управлении и обладала хорошим вкусом, возможно, поэтому якобинцы называли ее «северной шлюхой».

Да, в эти годы Республика ничуть не нуждалась в ученых. Зато ей требовались книги во все больших количествах: война с Европой поглощает зарядные картузы в промышленных масштабах и нехватка бумаги становится хронической. И вот в VI и VII годах из хранилища Кордельеров извлекают 15 тысяч ин-фолио, поскольку большие форматы востребованы пиротехниками. Замок Со, построенный архитектором Перро для Кольбера, по распоряжению Директории снесен с лица земли: свинцовая крыша пошла на отливку пуль, а великолепная библиотека герцога де Пентьевра — на обертку для зарядов. И параллельно с этим, вплоть до Реставрации, продолжится программа Оздоровления книг. В целом в период между 1789 и 1803 г. от десяти до двенадцати миллионов изданий перемещались с места на место, подвергались отбору, портились или уничтожались, зачастую просто терялись. Вооружившись идеями, несомненно, благородными, но нереализуемыми, французская революция привела к уничтожению «сети частных, нередко открытых для публики библиотек, медленно создававшихся на протяжении столетий». Масштабы этого бедствия вызовут в качестве ответной меры культурную интервенцию государства, последствия которой будут сказываться до конца XX в. Но сегодня эта опасность преодолена: разве не видим мы, как на смену этому абсолютизму приходит доступное любому спонсорство?

Фрайхер (барон) Иоганн Кристоф фон Аретин (1772—1824), несомненно, был «одним из самых ненавистных

для мюнхенской интеллигенции людей». Историк, член Академий Мюнхена и Гёттингена, он на протяжении всей своей короткой жизни жадно коллекционировал скандалы, женщин и книги, едва избежал неприятностей после того, как будто бы заколол кинжалом одного из своих хулителей. Фанатичный поклонник Просвещения и французской революции, он провел три волшебных месяца в Национальной библиотеке в Париже, в самый разгар великой истерии свозимых отовсюду книг. Осознав главным образом, как не следует поступать, он старался помнить об этом, когда ему поручили снять сливки с книжных фондов семидесяти трех аббатств Баварии, подвергшихся секуляризации. И вот он, во главе сорока перевозчиков, без особого рвения начинает «извлекать мозг из трупов монастырей» с целью пополнить Хофбиблиотек герцогства и вскоре королевства Виттельбах: Полинг, Шефтларн, Тегернзее (рукописи меровингской эпохи спрятаны под постелями монахов) и т.д. В монастыре Бенедиктбойерн в 1772 г. построили небольшое отдельное и очень красивое здание для того, чтобы предохранить книги от возможного пожара. Аретин, оценив его удобство, размещает там 7231 издание — рукописи, инкунабулы и другие невероятные документы; здесь был обнаружен сборник из 318 слегка неуклюжих стихотворений на кухонной латыни, названный «*Carmina burgana*». Более десятка тысяч томов, не получивших баронского одобрения, пошли с молотка, как в других местах. Полагают, что в реквизированных баварских библиотеках насчитывалось полтора миллиона книг, из которых 200 тысяч обогатили будущую Байерн-Штаатсбиблиотек (Баварскую государственную библиотеку)*. Но хотя множество печатных изданий было передано также и университету в Ландсхуте, больше половины всех этих фондов превратится в бумажную мас-

* Германофон с удовольствием покопается в удобном каталоге выставки, проходившей с ноября 2003 по январь 2004 г. и посвященной всей этой истории, ее участникам и жертвам: «*Lebendiges Büchererbe*».

су, как это произошло с библиотекой в Роттенбухе, полностью пущенной под нож.

Аретин сумел, при всей несоразмерности масштабов, помешать учреждению гнусных хранилищ на французский манер, поскольку он, не щадя собственных сил, лично производил отбор на местах. Но предотвратить мюнхенское бедствие и ему не удалось: город оказался завален книгами, брошенными в кучу без всякой инвентаризации. Ученые враги барона воспользовались этим, чтобы опорочить его. Он закончит свои дни местным судьей в жалком захолустье. Тем временем для наведения порядка призывают бывшего монаха-бенедиктинца: этот Мартин Шреттингер, работавший с Аретином и приложивший руку к его опале, принимается за дело серьезно; в 1809 г. он доказывает, что «память библиотекаря должна быть отделена от рубрикации книг; в противном случае при каждой смене библиотекаря книжное собрание теряет управляемость и даже, именно в силу этого, перестает быть библиотекой». Впервые речь идет о *Bibliothek-Wissenschaft*, иными словами, о «библиотечной науке». Уже недалеко до появления жгучего термина «библиотэкономия». На сей раз мир действительно повернулся.

Один из самых ужасных случаев уничтожения книг произошел в Париже в 1871 г., когда на какое-то время вся нация зашаталась на своем основании. За одну ночь три библиотеки превратились в груды мокрого пепла. Даже понеси они меньший ущерб, событие не утеряло бы первостепенной важности: французское общество — и литературное, в частности, — нашло в нем свое зеркало.

В мае месяце того года парижская беднота, отвергшая позор 1870 г. и создавшая зародыш государства в государстве, была утоплена в крови. За несколько благословенных дней Коммуна с грехом пополам создавала законодательство в революционном духе, хотя была зажата в тиски между прусской армией в Венсене и французской в Версале. Надеялись победить обе, но они вступили в сговор. В этой абсолютно сюрреалистической атмосфере мно-

жаты акты энтузиазма, самый значительный из которых имел место 6 апреля: 137-й батальон национальной гвардии вывез и торжественно сжег гильотину на площади Вольтера, ныне Леона Блюма. 16 мая приходит очередь Вандомской колонны: ее свержают наземь, к чему пророчески призывал Генрих Гейне тридцать лет назад. Эти символические деяния неотвратимо будут приравнены к другим — даже к тем, что были обусловлены паникой. Никто не заметит, что, если бы Коммуна «хулиганов и бродяг» действительно намеревалась уничтожить библиотеки, она занялась бы этим раньше и использовала бы свои основные силы.

Конец мечты не замедлил наступить: город заполняют регулярные войска. Первый пожар 22 мая: «Горит министерство финансов. В течение всего дня оно получало свою порцию версальских снарядов, нацеленных на террасу Тюильри, и хранившиеся в его недрах бумаги воспламенились». В ночь с 23 на 24 мая запылали большие общественные здания в центре: Государственный совет, Дворец правосудия, Тюильри и, наконец, Ратуша. Хотя пожары вызваны главным образом беспрестанным обстрелом из пушек Тьера, последние два объекта, судя по всему, загорелись по вине оставивших свои позиции коммунаров или даже «керосинщиц». Пламя «говорит победителю Парижа, что для него там места не будет и что эти монархические памятники больше не станут прибежищем для монархии». Они не станут больше и прибежищем для своих значительных библиотек. Ибо ничего не осталось от собраний Государственного совета, Ратуши и — в особенности — от восьмидесяти тысяч интересных книг в богатых переплетах, шедевров типографского искусства, копившихся в Лувре на потребу его сменяющих друг друга обитателей, королей и принцесс. «Сколько чудес! самые великолепные издания, самые прекрасные экземпляры хранились здесь со всем тщанием, и их не каждому давали в руки, чтобы даже просто на мгновение взглянуть. Не один прославленный библиофил томился в ожидании служителя, никогда не расстававшегося с ключами, которые преграждали доступ к этим редкостям. Тут были украшенные миниатюрами часо-

слова и рисунки, требовавшие бесконечного таланта и терпения от художников, которые всю жизнь посвящали созданию одного из них, дабы угодить суверену». Но красота этой библиотеки ничего не значила в сравнении с ее бесконечной ценностью: кроме всего прочего, она хранила секреты, часто государственной важности, поскольку в ней находились издания запрещенные или изъятые из обращения. Это относилось, в частности, если ограничиться только одним примером, к полной коллекции «Меркюр де Франс»: семейство д'Эпернон повсюду скупало и уничтожало эти газеты, чтобы стереть память о публичном унижении, перенесенном в XVII в. тогдашним герцогом, губернатором Гиени, который вполне его заслужил, но принял с достоинством; потомки же были не на шутку им расстроены. Свод каталогов Короны занимал шестьдесят томов — все они также погибли. Незадолго до этого было принято решение присоединить к собранию Лувра книги Музея, однако передача происходила с ленцой, что и спасло последнюю коллекцию.

Итак, от трех парижских библиотек ничего не осталось, кроме детальных описаний, которые быстро — *очень* быстро — составили Анри Бодрийар, главный инспектор библиотек, Луи Парис, директор «Исторического кабинета» и Патрис Сален, глава департамента в Государственном совете. Масштабы ущерба были ошеломляющими, негодование проверяющих и общественного мнения — безмерным. Судьба тридцати тысяч мужчин, женщин и детей, убитых на улице или расстрелянных по двадцать человек из митральезы на площади Шатле, не вызовет такого всплеска эмоций.

Сален: «...удручающая картина деяний престонародья [...] его грубые инстинкты [...] тупая ярость [...] идиотическая потребность [...] сжечь библиотеку Лувра, хранилищницу редкостей, отныне потерянных навсегда! Ратуша, эта колыбель наших муниципальных свобод, чьи архивы и библиотека включали исторические сокровища, уникальные оригиналы документов, бесценных для истории нашего города...» По мнению Мишеля Корню-

де, «эти злобные животные [...] были всего лишь орудием; истинные виновники находятся в другом месте, в журналистской и литературной среде, в адвокатуре, быть может, даже в Институте [...] это они своими писаниями и речами развратили душу народа, побудили восстать против Господа и его слугителей, это они внушили ему материализм, проповедующий наслаждение любой ценой [...] именно их нам следует остерегаться и уберечь от них детей народа и наших собственных, если мы не хотим, чтобы те же причины привели к тем же последствиям» (цитата из «Контанпорен»).

Некий аббат Лакруа пробирается из Версаля в поисках своего архиепископа, взятого в заложники и уже расстрелянного. Всячески избегая ведер с опасным «пикратом калия», которым намереваются взорвать город, он ищет также заблудшую душу, чтобы спасти ее. И вот удача: в Пале-Рояле ставят к стенке предполагаемого поджигателя Государственного совета. Молодой, смертельно бледный, он кричит: «Кончайте со мной!» Аббат предлагает ему свое благословение. «Не надо мне этого!» — отвечает он, прежде чем получить пулю в лоб. В Тюильри «догорает то, что было некогда жилищем французских королей... внутренние враги сдержали свое безбожное слово!». От Ратуши «нам остается только громадное пепелище... Сколько богатств, сколько ценных документов уничтожено за несколько часов и какими руками!». В самом деле, вносит свою лепту муниципальный советник Жиль, «негодяи, побуждаемые инстинктом разрушения, за несколько часов уничтожили редчайшее из сокровищ, быть может, самое безупречное в глазах истинных парижан»: 120 тысяч томов, в том числе требник Жювенала дез Юрсена, недавно приобретенный городом за 36 тысяч франков, или три альбома планов, сделанных рукою Леду. Однако библиотекарь Жюль Кузен, получивший назначение в сентябре 1870 г., говорил, что нашел там «больше навоза, чем жемчужин, [...] массу современных книжонок, обыкновенный магазинный товар, скорее обуза, чем польза... все нужно переделывать в этой библиотеке Ожья», совсем не пользующейся уважением, где он вел «гомерические сражения,

чтобы вернуть книги, которые были, словно на рынке, реквизированы крупными шишками, и не думающими отдавать их назад». Этот воистину увлеченный человек, «смещенный коммунарами и отправленный в отпуск националами», в июле предлагает городу в качестве компенсации собственные шесть тысяч томов — дар, который ему удалось навязать с большим трудом, в конечном счете станет зародышем Исторической библиотеки города Парижа.

Один из зевак-туристов, сэр Уильям Эрскин: «Я только что видел лежащую в руинах парижскую Ратушу, которую любовно ласкали лучи великолепного заходящего солнца [...] это изумительно. Коммунары — жуткие мерзавцы, не буду отрицать, но какие художники! И они сами не могли оценить свое творение, они не знали, что делают! Это еще более восхитительно». За исключением этого коварного свидетельства, сделанного с одной целью — воспламенить и без того непростые франко-британские отношения, все остальные являли собой единый вопль негодования.

Лавина ненависти, хлынувшая на коммунаров, выглядит просто поразительной. Нечего удивляться, когда она исходит от стариков, прекрасно устроившихся в механизме власти: это эпопея апогея буржуазии, которая «помышляет лишь о том, чтобы перейти от красного дерева к палисандровому» и больше всего боится малейших потрясений установленного порядка. Однако, кроме немногочисленных бродяг (Рембо, Верлен, Вилье) и Катюля Мендеса, видевшего все своими глазами, ни один из писателей не проявит даже капли сочувствия к горестной судьбе и отчаянию парижан, которое описывает Эли Реклю: «Все горит! Версальцы начали, коммунары продолжили. [...] Пусть горит то, что горит. Сброшенные в пропасть, погруженные в пучину несчастий, когда стольким живым людям пронзают пулями грудь, когда раскалывают столько мыслящих голов, когда мы захлебываемся в море крови, какое нам дело до памятников и статуй, книг и картин, бумаги и ковров?» Напротив, вся пишущая братия вторит самой инфантильной реакции (графиня де Сегюр, Элемир Бурж) или с преувеличенной яростью

опережает ее*. Эрнест Ренан задает тон и научно объясняет: «Громадное большинство человеческих голов не восприимчиво к сколько-нибудь возвышенным истинам». Золя восхваляет семейные ценности и торговлю, Флобер, испуганный мелкий собственник, не скрывает узости мышления и мечтает о том, чтобы Францией правила «железная рука», Жорж Санд все же проявляет некоторую умеренность в словах. Грандиозный ущерб французской словесности, пожар в библиотеке, вот он налицо. Их считали великими писателями, а они оказались всего лишь фразерами в домашних туфлях. Совершенно бесчувственны все эти Готье, Гонкуры, Франсы, от которых ждешь не сострадания, но хотя бы предвидения того, что в дверь их загородных особняков стучится другое будущее. Они не только ни о чем не догадываются — им катастрофически недостает стиля.

Зато Виктор Гюго — снова он, — в очередной раз проявив уникальность, спасает свою репутацию: находясь в Брюсселе, он пишет «Ужасный год», где занимает позицию, прямо противоположную той, которую демонстрирует писательское племя. Это принесет ему дополнительные неприятности, а собраты разразятся оскорблениями в его адрес (Барбе: «Раньше думали, что он француз», Сарсе: «Старый дурак»). В сборнике есть знаменитое стихотворение «Чья вина?», написанное второпях и потрясающее лишь своей концовкой: «— Я не умею читать», — бросает поджигатель, которого поэт упрекает в гибели библиотеки, хотя лишь книги могут вытащить его из социальной ямы, откуда и название. Между тем все тогдашние писатели, кроме Жорж Санд, отвергают всеобщее обязательное, светское и бесплатное образование, что было великой идеей Парижской коммуны, дочери Конвента. Но без него «Госпожа Бовари» осталась бы

* В своем предисловии к «Кровавой неделе» (Женева, 1964 г.) председатель Гонкуровской академии Люсьен Декав все еще упрекает Максима Вюйома за использование бранных народных слов в «Отце Дюшене». Далее он сообщает, что Вюйом «основал» газету («Ла Мизер»), которая — и удивляться этому не приходится — выходила совсем недолго.

книжицей, доступной только выпускникам подготовительных курсов Эколь Нормаль.

К чему, однако, так терзаться из-за избытка или недостатка книг, с иронией вопрошал еще в 1781 году Луи Себастьян Мерсье. «Неутомимая рука бакалейщиков, москательщиков, торговцев маслом и проч. ежедневно уничтожает столько же книг и брошюр, сколько печатается. Не будь этих счастливо разрушительных рук [...] бумажная масса печатной продукции увеличилась бы самым неудобным образом и изгнала бы в конечном счете всех владельцев и съемщиков из их жилищ». Эти поразительные «Картины Парижа» впоследствии вдохновили другого писателя: «Моя «Книга песен» послужит бакалейщику для кульков, в которые он будет насыпать кофе и нюхательный табак для старушек будущего». Так прогнозировал в «Лютении» (1855 г.) Генрих Гейне последствия «победы пролетариата». А Мерсье заключает с присущим ему стихийным даосизмом: «Наблюдается такая же пропорция между производством и разрушением книг, как между жизнью и смертью; это утешение я адресую тем, кого раздражает или печалит множество книг».

8. НОВЫЕ БИБЛИОКЛАСТЫ

Бумага суть, и в бумагу обратитесь.

Вальтер Меринг

Соединенные Штаты утверждают, что никогда до дня «9/11» они не подвергались нападению на собственной территории. Ложь: британцы сделали это в 1812 г. Американский Конгресс и его Библиотека, только что приобретшая в Лондоне первую партию книг (740 названий), устраиваются в Вашингтоне, округ Колумбия. 24 августа 1814 г. британская армия вторжения сжигает Капитолий и 3 тысячи книг юной библиотеки.

Великий московский пожар 15 сентября 1812 г. устроили, говорят, уголовники по наущению городского головы, а это был не кто иной, как Растопчин, отец будущей графини де Сегюр. Эта акция, готовившаяся долго и загодя, призвана была устроить ворчунов* и не оставила ничего от великого, изумительного деревянного города. Вследствие такого радикального образа действий от Наполеона ускользнули многочисленные библиотеки: самая ценная из них принадлежала Дмитрию Бутурлину (1763—1829), которого часто путают с его тезкой и родственником, адъютантом царя. Граф Бутурлин в отчаяние не впал, тем более что состояние его почти не пострадало, и вскоре приобрел во Флоренции второе блестящее собрание с многими итальянскими изданиями большой ценности, которые между 1839 и 1841 г. были приобретены Бодлианской библиотекой.

* Прозвище Старой гвардии. (*Примеч. перев.*)

Успехи науки, достигнутые в XIX в., пошли на пользу артиллерии и авиации. Бомбардировки с большой высоты или со значительного расстояния позволили наконец избежать неоправданного риска поджигать вражеские города собственноручно. Правила игры меняются, мир внезапно обретает величину.

КНИГИ В ВОЙНАХ

Для многих городов, которые имели несчастье — надо признать, довольно обычное — пребывать на одном месте с интервалом в несколько лет, франко-германские войны оказались двойным бедствием. Во всяком случае, именно так думали жители Арраса, Страсбурга, Лувена и многих других населенных пунктов.

Франция Наполеона III могла успокоиться — Страсбург был готов к атаке пруссаков в 1870 г. Город с его красивыми и прочными укреплениями «будет защищаться до последнего солдата, последней галеты, последнего патрона», провозгласил префект и барон Прон 10 августа, в тот день, когда последний поезд отбыл в Париж перед полным закрытием зоны. К несчастью, никто не предвидел дальнобойность вражеской артиллерии, которая начала спокойно разрушать город из Хаусбергена. Обстрел продолжится целый месяц, и, приняв 193 722 снаряда, Страсбург будет вынужден сдаться. Ночью 24 августа, в годовщину Варфоломеевской ночи, бомбардировка не прекратилась. Именно в эту ночь запылала библиотека, насчитывающая 400 тысяч книг. В дымящейся грудке оказывается собрание картезианского монастыря Мольшейм, реквизированное в 1792 г.: 4133 тома, 486 рукописей, в числе которых толстый альбом ин-фолио с 344 картинками, «*Hortus deliciaum*»* аббатисы Геррады Ландсбергской (XII в.); пепел от сотен рукописей смешивается с пеплом от тысяч инкунабул, в частности актов про-

* «Сад утех» (лат.).

цесса Гуттенберга против наследников его бывшего партнера Дритцена: эти документы могли пролить немного света на извилистый жизненный путь отца европейского книгопечатания.

Одна франко-немецкая библиотека ушла в прошлое. Однако в 1943—1944 г. Страсбург вновь подвергается бомбардировке. В предыдущий раз понадобился месяц бесконечных обстрелов днем и ночью, чтобы убить 362 жителя; авиация позволила добиться результата в 1239 человек всего за три налета. Горожане предпочтут забыть об этом великолепном достижении: бомбы были окрашены в цвета наших британских союзников. И едва оккупанты убралась, в регионе поспешили сжечь книги, которыми немцы заменили тысячи французских изданий. Художник Томи Унгерер, в те годы лицеист в Кольмаре, стал одним из немногих, кто об этом говорит: «Словно в некоем дежа-вю все немецкое было с радостью брошено в костер, великолепная библиотека, пополненная еще в эпоху кайзера, обращена в пепел. Гёте, Шиллер, даже гипсовые бюсты греческих и римских философов — все было уничтожено».

Географическое положение Лувена (Лёвена как столицы фламандского Брабанта) в 26 километрах к востоку от Брюсселя сделало его одновременно одним из университетских центров Европы с XV в. и неизбежной целью больших военных конфликтов. Основанный в 1426 г. университет видел в своих стенах Эразма, Юста Липция и Меркатора. Везалий изучает здесь арабскую науку и создает современную медицину, написав свой труд по анатомии. Подобно Эразму, Янсений преподает тут на протяжении двадцати восьми лет, здесь отпечатан и его «Августин», наделавший большого шума. Но по-настоящему библиотека начинает развиваться с 1636 г.: архиепископ Малина Яак Бунен дает ей ежегодное содержание и назначает первого служителя; в 1723 г. она переезжает в новое помещение, примыкающее к Суконному залу; помимо престижных даров, ее фонды будут регулярно пополняться после того, как в 1759 г. она получит привилегию обязательного депонирования книг. Директория

закрывает университет в 1795 г., а Национальная библиотека в Париже без спешки отбирает пять тысяч лучших изданий; в 1798 г. происходит повторный грабеж, в 1807-м происходят публичные продажи. Однако в 1826 г. учебное заведение открывается вновь и, затеяв реорганизацию библиотеки, пополняет ее: в результате обретший в 1835 г. прежнее наименование Католический университет быстро доводит число своих книг от 60 до 250 тысяч. Вследствие чего за несколько часов 25 августа 1914 г. будут разом уничтожены 300 тысяч томов.

Тогда Лувен капитулировал, и немецкая армия под командованием генерала фон Бёна ночью пересекала город: у нее были более важные дела дальше. Из одного окна раздался выстрел. Возможно, это был вовсе не франтирёр, а немецкий резервист, открывший огонь по ошибке, — об этом спорят до сих пор. Но закон войны суров: любой дом, из которого стреляют после капитуляции, должен быть снесен и его обитатели подлежат смерти. Волнение, всеобщая паника: тысяча пятьсот домов сожжены, двести человек расстреляны, остальное население уведено в плен. Город превращен в груды полыхающих углей. С целью преподать урок солдаты начала с залы, в которой хранились около тысячи инкунабул и сотни рукописей. Оригинальный экземпляр «Фабрики» Везалия о структуре человеческого тела теряется под рухнувшими стенами, смешавшись с «огромной кучей сожженной бумаги [...], включая хартию об основании 1426 года [...] мы сумели извлечь из еще теплого пепла только медные застёжки старого издания ин-фолио», рассказывает один из очевидцев. Подобный акт «отражал ярость немцев перед сопротивлением чистой идеи», согласно дерзкому предположению Анри Бергсона, а Вильгельм II, «современный Нерон», по определению одной из почтовых открыток, послал Вудро Вильсону следующую лаконичную телеграмму: «Лувен был справедливо наказан».

Как бы там ни было, учебное заведение начнет восставать из небытия с 1928 г. благодаря новшеству под названием «международная помощь». Серьезные усилия предпринимают немцы, которые в рамках Версальского договора предоставили от 350 до 400 тысяч томов, помощь

оказывают Англия и Япония: например, император Хирохито посылает ценные издания из японских фондов, в частности рукопись XI в. и инкунабулы, отпечатанные задолго до Гуттенберга. Особенно много сделали Соединенные Штаты, подарившие основную часть книг и восстановившие здание. «*Furore teutonico diruta, dono americano restituta*», — приказал выгравировать на балюстраде фасада архитектор-янки Уитни Уоррен: разрушена тевтонским безумием, восстановлена американским даром. Но неужели старый кардинал Мерсье безропотно принял эту чудовищную глупость? Разразился громкий скандал. Добрые чувства смешались с дурными: в самом деле, будущее и неизбежное сотрудничество с университетами Германии весьма затруднительно для учебного заведения, выставившего напоказ столь резкий эпиграф. Но кто же громче всех защищает эту вполне понятную точку зрения? К несчастью, Леон Дегрель, уже рексист* и яростный нацистский коллаборационист в будущем. Певец «Католического действия» к тому же ничего не смыслит в латыни: он клеймит солецизм в надписи (предлагая аблятив «*teutonica*», хотя слово «*furor*» мужского рода) и на основании этого делает вывод, что кардиналу ее не показали, иначе тот внес бы поправку. Тем временем каменную балюстраду ночью разбивают: после ремонта она водружена на свое место без слишком уж простоватой надписи.

Большая библиотека Лувена — умиротворенная, дополненная, благоустроенная — являет собой символ западного братства ученых и насчитывает добрый миллион изданий. Каковые полностью уничтожены в ночь на 16 мая 1940 г. немецкими артиллеристами. Похоже, башня Зала, возвышающаяся над библиотекой и так сильно напоминающая колокольню Гиральду в Севилье, служила им ориентиром для стрельбы. В полшестого утра уже не осталось ни одной целой книги. На сей раз вермахт с поразительным лицемерием снял с себя ответственность: после расследования виновными признаны британцы,

* Рексизм — фашистское движение в Бельгии в 1935—1944 гг. (Примеч. перев.)

как, разумеется, и в 1914 г. Бельгия была нейтральной страной, но располагалась в худшем для нейтралитета месте в мире, поэтому ее собрания понесли ужасающий урон, хотя недавние события в Польше ясно предвещали беду и позволили принять некоторые меры предосторожности; только Королевская библиотека осталась почти нетронутой — в отличие от библиотек в Сен-Троне, Ганде или Турне (из 75 тысяч столетних изданий уничтожены 71 546).

Аррас: бенедиктинцы в Сен-Ваасте роскошным образом разместили свои фонды, дополнив их книгами из других окрестных аббатств — например, августинцев с горы Сент-Элуа, а также Аррасской академии. В июле 1915 г. под бомбардировками погибло 50 тысяч изданий, но большинство рукописей было вовремя эвакуировано. Однако едва восстановленное и реконструированное хранилище вновь пострадало в 1940 г. Список разрушительных для библиотек бомбардировок впечатляет, хотя названия городов сплошь и рядом повторяются: муниципальная библиотека в Туре — 200 тысяч уничтоженных книг, Бове — 42 тысячи, Дуэ — 110 тысяч, Шартр — 23 тысячи и т.д. В последнем из названных городов находилось сокровище из 2 тысяч манускриптов, в том числе «Гепта-тейон», или учебник семи свободных искусств, в котором Тьерри Шартрский (1100—1150) первым ввел в романский мир некое подобие науки (пришедшей из арабского мира); эту библиотеку поместили в надежное убежище, но оккупанты, желая выставить себя в лучшем свете, приказали вернуть ее на привычное место в мэрию; тогда случайная бомба — возможно, английская — 26 мая 1944 г. уничтожила этот архив. Поскольку некоторые страницы только обуглились от пекла, сегодня их пытаются обновить по методике, успешно примененной в Геркулануме, чтобы восстановить тексты, доселе никогда не издававшиеся.

В одной только Франции девятнадцать муниципальных библиотек и две университетские потеряли два миллиона томов. В пустой библиотеке Лана с «обрушенным пор-

талом» 12 июня 1940 г. капитан Эрнст Юнгер среди разбросанных повсюду рукописей и книг с автографами совершает безмятежную прогулку эрудита: «Я копошился в этом спокойном месте, словно пчела на высохшем цветке клевера, пока не стемнело. [...] подобным сокровищам нет цены, их оставляют лишь тогда, когда признают свое полное поражение. Добавлю вот еще что: держа в руках эти листы, я почти не думал о том, что они стоят миллионы, — конечно же, потому, что был в этом городе, наверное, единственным человеком, понимавшим их истинную стоимость». Довольно двусмысленным образом стальной поэт признается, что хотел унести в надежное место «документы и эльзевирь», но все же отказался от своего намерения: «И я оставил их там, где они были, без запоров и замков».

Италии досталась редкая привилегия получать бомбы и от немцев, и от союзников, что, впрочем, нисколько не повлияло на результат: исчезло более двух миллионов печатных изданий и тридцать девять тысяч рукописей. Например, в 1944 г. во Флоренции полностью погибла «Коломбария», библиотека Академии наук и искусств. Но эта гора пепла — ничто в сравнении с Великобританией, где речь идет о двадцати миллионах книг, сожженных во время блицев или уничтоженных водой из пожарных шлангов, причем более четверти приходится на один только декабрь 1940 г. и на книжный квартал Лондона, откуда даже знаменитый пожар 1666 г. не смог изгнать библиотеки: Патерностер-Роу. Сто пятьдесят тысяч томов погибло в Ковентри; ценность этих изданий была столь впечатляющей в глазах общественности, что название красивого исторического города близ Стрэтфорда-на-Эйвоне породило ужасный, хотя и эфемерный, неологизм *coventrated*: тамошнюю библиотеку «ковентрировали». Адольф Гитлер был уверен, что эти ковровые бомбардировки неизбежно принудят англичан к покаянию. Он плохо их знал. Даже в самый разгар блица библиотеки не прекращали работу. Одна старая дама, рассказывает лондонский библиотекарь, приходит вечером в смятении, поскольку не может найти взя-

тую книгу: «Должно быть, я вымела ее с обломками потолка».

Однако несвязные идеи Гитлера вскоре были подхвачены к большому для него ущербу. Черчилль, не зная, что еще сделать, выступает за жестокие и «сверхразрушительные» бомбардировки; его чаяния исполнятся благодаря принятому в феврале 1942 г. решению «подавить моральный дух вражеского гражданского населения, и, в частности, рабочих промышленных предприятий». Пламя горящего Дрездена видно за 70 километров; 10 тысяч тонн зажигательных бомб, сброшенных на Гамбург в час ночи 27 июля 1943 г. до такой степени повысило температуру на высоте в 2 тысячи метров, что через двадцать минут Королевской авиации пришлось завершить налет. Ей уже оказывали помощь американские летчики, чей значительный вклад выразился в том, что рейд впервые получил собственное имя: операция «Гоморра».

На улицах температура превысила тысячу градусов. По Цельсию.

Десять миллионов томов из общественных библиотек сгорели в результате бомбардировок, иными словами, с учетом сопоставимых потерь в частных собраниях, это составляет четверть или треть всех книг, имевшихся в стране. Из ста тридцати одного города, подвергшегося бомбардировке, тридцать являлись особой целью и вынесли двойной удар, в силу чего потеряли целиком или частично свои разнообразные библиотеки двадцать семь из них, в том числе Дрезден, Лейпциг, Дармштадт, Берлин, Франкфурт, Гамбург, Мюнхен, Мюнстер, Штутгарт и Кассель. Составленный ЮНЕСКО список из двадцати четырех городов не полон: нужно добавить Бреслау, Гёттинген и Йену, названные Джонсоном. И еще Баден, где «Бадише Ландесбиблиотек» 3 сентября 1944 г. потеряла триста пятьдесят тысяч своих книг, поскольку бюрократы не разрешили перевезти их в убежище, как сообщает Хильда Штуббингс в эссе, посвященном библиотекам под бомбами. Но говорится ли в этом сочинении о той же стране? Среди уничтоженных книгохранилищ Германии упомянут только Баден (помимо аутодафе в Берлине в 1933 г.), а упор

сделан на чрезвычайно эффективные усилия персонала немецких библиотек по спасению своих коллекций.

Даже самые глубокие подвалы не могут спасти книги, если обстрел ведется зажигательными бомбами. В Дрездене англо-американские бомбардировки 13 и 15 февраля 1945 г. полностью уничтожили центр города, семьдесят процентов его промышленного потенциала и стали причиной гибели тридцати пяти тысяч человек. Не могли спастись и три крупные библиотеки: «Зэксише Ландесбиблиотек» провинции Саксония, муниципальная «Штадтбиблиотек» и библиотека Ферайн фюр Ердкунде, Географического общества. В дыме от сожженных страниц испарились призраки тысяч инкунабул, в том числе одна из первых иллюстрированных книг, отпечатанных в Париже Жеаном Бономом, «Разрушение Трои» Жака Милле (1484 г.). А также единственный уцелевший экземпляр «Пантагрюэля» издания 1533 г., опубликованного Франсуа Жюстом.

Помимо ущерба, нанесенного библиотекам муниципальным и университетской, город Лейпциг потерял также шестьдесят тысяч изданий Музея книги после воздушной атаки в декабре 1943 г. Нет сомнения, что следовало бы посвятить хотя бы один параграф каждому из этих разбомбленных учреждений. Но автоматическая концентрация одних и тех же событий, произошедших за столь малое количество лет, в конечном счете невольно порождает сомнения в их значимости. К чему читать или заниматься самообразованием, если мир летит в пропасть, как показалось многим по ходу этой последней (или Второй) мировой войны? Вот что пишет по этому поводу Клод Симон в «Дорогах Фландрии»: «...я в ответ заметил, что, если содержание тысяч книг этой неопределимой библиотеки оказалось совершенно бессильным помешать той самой бомбардировке, которая ее уничтожила, мне не совсем понятно, какой ущерб наносит человечеству исчезновение под фосфорными бомбами этих тысяч книжонок и бумажонок, не представляющих ни малейшей пользы. Согласно детальному списку надежных ценностей, предметы первой необходимости, которые нужны нам сейчас гораздо больше,

чем вся знаменитая библиотека Лейпцига, суть следующие: носки, кальсоны, шерстяные свитера, мыло, сигареты, колбаса, шоколад, сахар, консервы, гале...» Люсьен Делленбах в послесловии сразу же возражает, что, «если книги оказываются смехотворными перед хаотической силой элементарного, к чему писать «Дороги Фландрии» и рассказывать о них?». Вальтер Меринг также приходит в отчаяние: во время аншлюса, «среди завываний демонов, брызгающих на меня слюной из каждого переулка», он бежал из Вены, бросив свою библиотеку. «И вот я удалился, чтобы не обратиться в соляной столп, оставив за спиной защитную стену из тысячи томов, построенную для меня моим отцом. Каждое из этих сочинений содержало анафему, провозглашенную этой белой магией, благодаря которой он, просвещенный человек, атеист, верующий в прогресс, полагал себя огражденным от возврата к царству демонов и мрака». Зато Юнгер, со своей стороны, демонстрирует непоколебимость: «Киршхорст, 9 апреля 1944 года. Подумал о громадном множестве книг, уничтоженных бомбардировками. Старинные книги станут редкостью. [...] Это могло бы даже иметь свои выгоды — например, возвратить умы к самому существенному. [...] В целом же ход коллективного существования приведет к широкому развитию публичных библиотек».

Лавина железа и огня весом в полтора миллиона тонн, которую союзники обрушили на немецкие города, стала запретной темой для двух последующих поколений. Легко понять, почему так случилось во Франции или в среде британских интеллектуалов, но то же самое произошло в Германии, как подчеркнул незадолго до своей безвременной гибели Винфрид Георг Зебальд в эссе, которое наделало шума за Рейном: «Война в воздухе и литература». Отказ от амнезии ставит проблему и словно бы открывает клапан — к лучшему или к худшему; свидетельством может служить «Пожар» Йорга Фридриха.

Тем временем в Японии Тихоокеанская война (официальное название Второй мировой войны, обретающее прямо-таки бурлескный характер в английском варианте: *Pacific*

war, или «мирная война») превратила в пыль неисчисли-
мое количество библиотек и книг, горящих как пакля, ес-
ли они выпущены до 1800 г. Самолеты свободного мира
совершили четыре тысячи рейдов на Токио за полтора го-
да; восемь публичных библиотек были стерты с лица зем-
ли вместе со своими зданиями, три четверти повреждены,
причем наибольший ущерб понесла самая крупная из
них — «Хибиа Паблик Лайбрери»; расположенная между
дворцом и «Императорским отелом» библиотека, открыв-
шаяся в эпоху Мейдзи, получила привилегию переезда,
который осуществлялся сначала на грузовиках, потом на
тачках и, наконец, в мешках, но этого оказалось недоста-
точно: последние 200 тысяч томов исчезли за несколько
часов. Погибли также 40 тысяч томов в университете Ва-
седа, 69 тысяч в Министерстве иностранных дел, 15 528
в Бюро патентов, 46 695 в библиотеке Кабинета минист-
ров и все книги — в Министерстве сельского хозяйства и
морских угодий. Когда враги-американцы высадились в
1945 г., в стране осталось не более пяти миллионов книг.
Сотрудничая в деле восстановления библиотек и образова-
тельной системы, оккупанты поразились сложности пись-
ма и настоятельно предложили романизировать японский
язык; в конечном счете их попросили убраться.

НАЦИЗМ, ХОЛОКОСТ

Если описанные выше катастрофы можно рассматривать
как побочные явления «главного события» с его некон-
тролируемым потоком бомб и снарядов, которые падали в
конечном счете с анонимных небес, словно подарки Деда
Мороза, то сознательный ущерб, нанесенный нацизмом,
имеет совсем иной масштаб и зловещий смысл.

В количественном отношении можно даже говорить о
равенстве с противоположным лагерем, если принять ци-
фру в семь миллионов томов, погибших в Советском Со-
юзе согласно данным одного исследования 1958 г., однако
к этому пункту еще придется вернуться. Что же касается
качественных показателей уничтожения, его непосредст-
венным источником служат бредни Гитлера 1925 г. и ре-

шения, принятые в 1933-м, когда была объявлена война «интеллектуальному нигилизму» посредством сожжения книг, на основе чего, как предполагалось, возникнет новое человечество. Имелся и прецедент: в 1817 г. в Йене студенты-пангерманисты организовали в замке Вартбург грандиозное книжное аутодафе. Однако было и знаменательное отличие: речь шла о фальшивых книгах, склеенных из старых тетрадей, на первой странице которых опозоренные названия вписывались от руки.

Гитлер назначен канцлером 30 января 1933 г. Начиная со 2 февраля запрещается любая публикация, содержащая неправильную информацию. Нет ничего проще, как вычеркнуть заодно и «неправильных» людей. Немедленно начинается подготовка к сожжению 10 мая; книгами занимаются библиотекари, а «Лига борьбы за немецкую культуру» передает студенческим ассоциациям инструкции, призванные избавить страну от «иудейско-азиатского яда». В доверительных беседах с Германом Раушнингом фюрер подтвердит: «Мы варвары и желаем быть варварами. Это почетное наименование». Гитлер лжет: из всей Европы будут аккуратно вывезены многочисленные библиотеки (352 тысячи тщательно отобранных книг только в еврейской и славянской общинах Парижа) — в полном противоречии с тупой пропагандой, кульминацией которой стали театральные аутодафе.

И вот 10 мая 1933 г. в 22 часа на Оперную площадь Берлина «торжественно вступила делегация студентов, перед которыми шествовал оркестр штурмовиков [...]; студенты были в праздничных одеяниях своих корпораций, с факелами в руках. Пожарные облили дрова керосином и подожгли. Тут стали подвозить книги на грузовиках, и студенты встали в цепь, чтобы бросать их в огонь» («Тан» от 12 мая 1933 г.). «Иллюстрасьон»: «При каждой новой пачке книг, бросаемых в костер, раздается громкий голос, который называет имя осужденного автора и выносит приговор:

Первый герольд:

— Против материализма и классовой борьбы, за единство народа и идеальную концепцию жизни я предаю огню сочинения Маркса и Каутского.

Второй герольд:

— Против морального разложения, за чистоту нравов, семейные и государственные ценности я предаю огню сочинения Генриха Манна, Эрнста Глезера и Эриха Кестнера.

Третий герольд:

— Против мелких чувств и политического предательства по отношению к народу и государству я предаю огню сочинения Фридриха Вильгельма Форстера.

Четвертый герольд:

— Против духовного разложения, преувеличения и нездорового усложнения сексуальной жизни, за облагораживание человеческой души я предаю огню сочинения Зигмунда Фрейда.

Пятый герольд:

— Против фальсификации нашей истории и шельмования великих исторических фигур, за уважение к нашему прошлому я предаю огню сочинения Эмиля Людвига и Вернера Хегемана.

Шестой герольд:

— Против иностранных журналистов и их иудео-демократических устремлений, за созидательную работу и сотрудничество в деле национального возрождения я предаю огню сочинения Теодора Вульфа и Георга Бернхарда.

Седьмой герольд:

— Против предательства литераторов по отношению к солдатам великой войны, за воспитание народа на основе здоровых принципов я предаю огню сочинения Эриха Марии Ремарка.

Восьмой герольд:

— Против уродования немецкого языка, за сохранение этого драгоценного наследия нашего народа я предаю огню сочинения Альфреда Керра.

Девятый герольд:

— Против наглости и высокомерия, за уважение и почитание бессмертного немецкого духа я предаю огню сочинения Тухольского и Осецкого».

В числе 20—25 тысяч книг, брошенных в огонь тем вечером, были произведения некоторых других авторов, в частности Стефана Цвейга. Согласно «Иллюстрасьон»,

этот патетический текст, названный «Feuersgrüße», «Речения огня», был написан самим Геббельсом, который явился на площадь в полночь и под крики «ура» провозгласил, что «прошли те времена, когда еврейская Asphaltliteratur [тротуарная литература] заполняла библиотеки, а наука, найдя укрытие в своих доктринах, была оторвана от жизни!».

Интересно, что «Иллюстрасьон», с одной стороны, начиная с 20 мая посвящала этому событию целую страницу с фотографиями и, подчеркивая, что такие же акции произошли одновременно во многих больших городах, утверждала, что в Германии «отныне не существует свободы мысли», с другой — в номере от 1 июля отвела теме вторую полную страницу с заголовком «Что за книги сжигали в Германии?». В этой гораздо более детальной статье автор, допуская незначительные ошибки, сближает произошедшее с кострами испанской инквизиции и Савонаролы, комментирует с поразительной для простого репортера пронизательностью сочинения осужденных авторов и в завершение впервые цитирует фразу из пьесы «дотационного» театра Ганса Йоста, которой суждено будет прославиться в слегка измененном виде: «Услышав слово культура, я хватаюсь за мой браунинг». Есть тут некая тайна: отчего вдруг в этом дорогом журнале, не отличающемся ни особой левизной, ни чрезмерным интеллектуализмом, публикуется настоящее аналитическое исследование, некое подобие крика тревоги, за подписью Ирен Шеврёз, чье имя — видимо, псевдоним — больше нигде не появится? Сравните для примера «Энтрансижан», который ограничивается вялой карикатурой на Гитлера в тоге и с лирой. «Нерон... из бумаги», — гласит подпись. За исключением таких видных фигур, как Ромен Роллан и Барбюс, немногих французских интеллектуалов в 1933 г. встревожило это движение, которое шумно демонстрировало свою окраску и, самое худшее, угрожало их авторским правам. Несомненно, уже начинало действовать пресловутое обольщение; и находится даже некий малоизвестный барон Робер Фабр-Люс, который с восторгом приветствует эти свежие ветры: «Аутодафе, представлен-

ные смехотворным образом как грех против разума, на мой взгляд, напротив, символизируют духовное возрождение для всего, что есть здорового, благородного и честного». А вот Зигмунд Фрейд позволил себе пошутить: «Только наши книги? Раньше их сожгли бы вместе с нами». Больше горечи в тоне Йозефа Рота: «Мы, немецкие писатели еврейского происхождения, в эти дни, когда дым от наших сожженных книг поднимается к небу, должны прежде всего признать свое поражение [...] Мы были в первых рядах тех, кто защищал Европу, и нас убивают первыми». Ужасная мысль, словно подвешенная в пустоте: через шесть лет Йозеф Рот умрет и не узнает, каким страшным образом исполнилось его предвидение.

Тридцать акций подобного типа проходят одна за другой в период между 10 мая и 21 июня, вследствие чего за границей были изданы три «Библиотеки сожженных книг», посвященные произведениям Вольтера, Эйнштейна, Фрейда, Маркса, Энгельса, Ремарка и т.п., равно как первые исследования гитлеризма и оппозиционные немецкие газеты. Сначала в Лондоне в марте 1934 г., под эгидой графини Оксфорд и Эсквит, затем в Париже, в прелестном квартале художественных мастерских под названием «Цветущий городок», в доме 65 на бульваре Араго. В день годовщины берлинского аутодафе под председательством Генриха Манна, Андре Жида, Ромена Роллана, Г. Дж. Уэллса и Лиона Фейхтвангера была торжественно открыта «Дойче Фрайхайтсбиблиотек» («Немецкая библиотека свободы»). Среди инициаторов мероприятия — блестящий красный пропагандист Вилли Мюнценберг и писатель Альфред Канторович; первый станет миллионером в Москве, второй уедет сражаться в Испанию. Абсурдность этой истории состоит в том, что сразу же по объявлении войны «декрет от 18 ноября 1939 г. о мерах по отношению к опасным личностям во имя национальной обороны» приведет к закрытию библиотеки: французская полиция конфискует 20 тысяч книг, из которых по меньшей мере 1400 всего через два месяца тайно переходят в НБ (остальное все еще разыскивают). Этот «дар префектуры полиции» носит порядковый номер 335052 в каталоге при-

обретенных печатных изданий; похоже, к той же категории относятся и другие, неустановленные собрания, забираемые повсеместно у тех, кто получает общую этикетку «большевик»: это коммунары, революционеры, марксисты, французские коммунисты.

Третья же «Фрайхайдсбиблиотек» находилась в Нью-Йорке, в Бруклинском еврейском центре: пятьсот человек слушают речь Эйнштейна в день открытия в декабре 1934 г., тогда как большая часть американской прессы демонстрирует «*positive thinking*», позитивное мышление: в конечном счете, оказавшись у власти, наци станут вести себя как взрослые люди. Впрочем, десять лет спустя миссия, призванная изучить положение с уничтоженными европейскими библиотеками и возможную роль США в восстановлении образовательной системы («*a new problem for the civilized world*», новая проблема для цивилизованного мира), пришла к выводу, что немцы действовали «в духе подавления и наказания». Слово жизнь — это продолжительный детский сад.

Один раз акт явного возмездия совершился над книгами: в Неаполе, ближе к концу войны. Итальянский партизан убил немецкого солдата на улице, идущей вдоль библиотеки Королевского общества. В следующее воскресенье, 19 сентября 1943 г., приходит несколько грузовиков *Brandkommandos**, груженных бочками с керосином. Расчеты входят в библиотеку, спокойно поливают читальные залы и стеллажи от пола до потолка, затем бросают гранаты, отступая из зала в зал, и тем самым не дают приблизиться пожарным. За три дня двести тысяч сокровищ древней истории страны обращаются в пепел и дым.

Едва погасли костры 1933 г., как Геббельс с великой pompой открывает кампанию «Книга, орудие немецкого духа!». Порабощение публичных библиотек рейха является тем более полным, что многие из их замечательных директоров желают остаться на своем посту, чтобы продол-

* Отряды поджигателей (нем.).

жить дело служения книгам или собственные ученые исследования. Таким образом, самая примитивная пропагандистская литература опирается на прочные и вполне соглашательские структуры: именно она попытается заполнить обширную лакуну, которую оставила систематическая чистка от авторов, предназначенных огню. Лео Лёвенталь в 1983 г. будет иронизировать над тем, как «нацистский феникс возрождается из коммунистического и еврейского пепла».

Изъятия книг в библиотеках на оккупированных территориях начнутся сразу и в самой грубой форме, без всяких праздничных торжеств. В январе 1934 г. Альфреду Розенбергу поручено контролировать публикации, пропаганду и в скором времени грабеж, поскольку одно влечет за собой другое. Несмотря на двойную конкуренцию — с Геббельсом на первом плане в сфере пропаганды, а в сфере наживы с Герингом, который думал только о пополнении своих личных собраний, — эффективность его действий не подлежит сомнению. Einsatzstab Reichleiter Rosenberg (ERR)*, созданный в 1939 г., получает разрешение инспектировать все библиотеки и другие культурные учреждения, проводить все конфискации, необходимые для выполнения планов партии. В отличие от Геринга, Розенберг считал произведения искусства не столь важными и распорядился, чтобы «все архивы и все научное оборудование, принадлежащие нашим идеологическим противникам, были отданы в мое распоряжение». Но эти прекрасные слова служат прикрытием для крайне грязных операций или же просто сумасбродств. Во многих случаях нелегко отделить цензуру от выгоды или зверства.

Тем более что существовал и четвертый мотив: *геницид*, который совершает в отношении гения (духа) народа, то же самое, что геноцид в отношении его плоти. Гитлеровцы осуществляют первый, а не второй, когда им нужна рабочая сила без памяти и без имени; к евреям

* Оперативный штаб рейхсляйтера Розенберга (нем.).

они, как мы увидим, применяют главным образом второй, что дает пищу для размышлений.

В Чехословакии в 1939 г. студенты получают приказ за сорок восемь часов найти постоянную физическую работу. Осенью 1942 г. еще один декрет предписывает университетским библиотекам передать оккупантам все имеющиеся у них старые издания и оригинальные тексты. С особым рвением разыскиваются произведения чешских писателей — как современных, так и прошлых веков, например реформатора XV в. Яна Гуса, Алоизия Ирасека, поэта Виктора Дика. Следует изъять не только произведения чешских и еврейских писателей, но также переводы любых английских, французских или русских авторов — и четыреста одиннадцать пострадавших учреждений внезапно оказываются с пустыми полками. Государственный министр и рейхскомиссар протектората К.Х. Франк сразу объявил: «Чехи пригодны лишь для физического труда на заводах или фермах». Как и поляки.

В Польше 13 декабря 1939 г. гауляйтер Вартгехау издает распоряжение, согласно которому каждая общественная или частная библиотека обязана заявить о своем существовании. Как только они прошли регистрацию, их собрания конфисковали и передали в Buchsammelstelle (пункт по сбору книг), где эксперты в течение дня сняли сливки, отобрав два миллиона изданий, которые предстояло отправить либо в Берлин, либо в Позен (немецкое название Познани), где было решено создать не польскую Государственную библиотеку. Остальное отправили на переработку как макулатуру. Так обстоит дело со 102 библиотеками в Кракове и Варшаве, с 38 тысячами прекрасных книг польского сейма; что же касается архивов епархии Пелилин, включающих в себя манускрипты XII в., они пошли на растопку печей сахарного завода. По сравнению с другими ограбленными странами Польша пострадала больше всех: около шестнадцати миллионов томов, от семидесяти до восьмидесяти процентов, исчезают из общественных библиотек, остальное свезено в одно хранилище, где теряет свою идентичность; половина типографий выведена из строя. В течение пяти лет

запрету подвергается любая публикация (однако был найден способ издать тысячу двести названий подпольно): как с грубым простодушием объясняет «Верорднунгс-блатт» от 5 ноября 1940 г., с целью наилучшим образом «удовлетворить примитивные потребности в развлечении и забавах, чтобы максимально возможно отвлечь внимание интеллектуальных кругов от заговоров и политических дебатов, которые могли бы способствовать развитию антинемецких настроений». Завершается эпоха надругательства еще хуже: варшавское восстание привело в действие Brandkommandos, солдат огня, чье назначение и специализация состояли в сжигании библиотек. Так в октябре 1944 г. уничтожили Красинскую со всеми ее книгами XV—XVIII вв., размещенными на пяти подземных этажах после изъятия из первоначальных хранилищ, а также собрание Рапперсвил, богатейший фонд по истории страны, который эмигранты ревностно собирали в Швейцарии вплоть до благословенного дня 1918 г., когда ставшая независимой Польша смогла дать ему приют на родине. Сходным образом отряды поджигателей в январе 1945 г. сожгли дотла «Библиотеку Публичну» и ее 300 тысяч книг. Тем временем библиотекари «Народовой» (Национальной) трудолюбиво перевезли в надежное место 170 тысяч изданий — по распоряжению и под руководством немецких офицеров, которые перед уходом подожгли ее.

В Словении все библиотеки подвергаются чистке, а использование словенского языка приравнивается к акту саботажа. В Белграде Национальная библиотека снесена с лица земли, сотни тысяч печатных изданий и сербских рукописей обращены в пепел. Афины теряют большую часть книг университета, собрания трех американских колледжей пущены на отопление. Наименьший ущерб понесли Нидерланды: оккупанты ограничились отбором нежелательных книг, которые были заперты в «зале ядов» — невольная дань уважения Шатобриану.

Германизация, организованная столь очевидным образом, напоминает самый грубый вандализм, примером че-

му может служить имение-музей Ясная Поляна, где родился и жил Лев Толстой. Солдаты провели там полтора месяца и, похоже, занимались лишь тем, что уничтожали книги и рукописи: они осквернили даже останки автора «Анны Карениной», вытащив их из могилы. Такой же профанации подверглись дома Пушкина и Чехова, а также многих музыкантов. Когда один из служителей музея Толстого предложил принести дрова для печки, чтобы сберечь несколько книг, некий офицер по имени Шварц ответил ему: «Нам дерево для топки не нужно, мы сожжем все, что имеет отношение к вашему Толстому». Видимо, немцы слишком почитали русские книги, поэтому избавлялись от них сразу. Или посылали их начальству в случае очевидной коммерческой ценности, как свидетельствует оберштурмфюрер доктор Форстер: «В Царском Селе [во дворце] императора Александра [...] изъята библиотека, содержащая от 6 до 7 тысяч изданий на французском и более 5 тысяч русских книг и рукописей [...] Мы собрали богатую жатву в библиотеке Академии наук Украины, где находилось сокровище из редчайших манускриптов персидской, абиссинской и китайской литературы, летописи России и Украины, первые книги, выпущенные первым русским печатником Иваном Федоровым [...] В Харькове несколько тысяч ценных изданий в роскошных переплетах были конфискованы в библиотеке Короленко и отправлены в Берлин. Все прочее уничтожено». Солдатня устилает энциклопедиями в несколько слоев грязную главную улицу, чтобы могли проехать военные машины. Лубочная картинка, место которой между монголами в Багдаде в 1258-м и австрийскими телегами в 1785 г.

646 тысяч томов, сожженных в Смоленске и в других местах, кажутся мелочью в сравнении с четырьмя миллионами в Киеве. Перед угрозой немецкого наступления Сталин решил применить на Украине политику выжженной земли: все, что нельзя вывезти, должно быть уничтожено. Впрочем, быстрое продвижение войск вермахта помешало осуществить эту масштабную задачу. Через два года Гитлер издает точно такой же приказ: и вот вывозят, к примеру, автопортрет Рембрандта, но не 19 200 местных

библиотек. На сей раз распоряжение исполняется с безупречной неукоснительностью. Все-таки 28 апреля 1995 г. Германия вернула около семисот ценных изданий. Вроде бы мало? Однако к концу сороковых годов, возможно, больше и не осталось: помимо дополнительного ущерба от союзнических бомб, следует учитывать уничтожение награбленных книг, которые были привезены в Берлин. В некотором смысле ничто не пропадает.

Нацистский план «Книга» представляет собой машину, от которой ничто не ускользнет. Крупные парижские библиотеки были обобраны в мгновение ока. В 1875 г. русские в Париже собрали значительную коллекцию: Тургенев оказал такую большую помощь, что после смерти писателя библиотека взяла его имя. Разбогатев до сотни тысяч томов, она в 1938-м добилась у города разрешения поместиться в частном особняке — в доме 11 на улице де ла Бюшри. Через два года оккупационная армия предлагает купить эти книги, но получает отказ. В отместку немцы забирают все. В конце войны в Польше обнаружится большая часть коллекции, на которую наложит лапу уже Красная армия. С другой стороны, богатая библиотека, основанная в Париже поляками в 1838 г., премило устроилась пятнадцать лет спустя на Орлеанской набережной. Едва появившись в Париже, этот дом захватило гестапо, и в июне 1940-го ящики с книгами, архивами и картами, собираемыми на протяжении многих лет, отправились в Познань. В пятидесятых годах удалось произвести частичную реституцию — примерно сорок пять тысяч. Одновременно некоторое количество книг, совершивших путешествие из Варшавы в Москву и обратно, с согласия библиотеки на Орлеанской набережной было оставлено в Польше, чтобы вновь заполнить опустошенные библиотеки этой страны.

Наконец, украинское собрание также стало объектом вожделения рейха: Гитлер уже успел составить свой русский план. Симон Петлюра, бывший председатель директории Украинской республики в изгнании, был убит в Париже в 1926 г. евреем-анархистом, вероятно, с целью отомстить за погибших во время погромов на Украине,

быть может, также вследствие некоей темной франко-советской махинации. Эмигранты основали тогда библиотеку, быстро составленную на основе примерно двадцати тысяч рукописей из архивов исчезнувшего государства. Гестапо явилось в этот мировой украинский центр за границей в декабре 1941 г. и взяло его *unter deutschem Schutz*, под немецкую защиту, а в следующем месяце отправило все фонды за Рейн. Однако люди из ERR сочли их лишенными практического интереса, и они, судя по всему, были предоставлены своей судьбе, разрознены, частично складированы в Ратиборе, забыты. Но время от времени кто-нибудь из исследователей находит одно из этих изданий в больших хранилищах Киева, Минска или Москвы. Украинская библиотека Симона Петлюры функционирует по-прежнему на улице Палестин и может показать пятьдесят семь сохранившихся книг. Помимо трех этих крупных собраний парижские русские (Суварин, Буканов, Осоргин и т.д.) потеряли сотни библиотек, чья судьба остается неизвестной, равно как судьба семидесяти одного ящика с книгами из Чешской библиотеки и ста сорока четырех ящиков из International Institute of Social History (Международный институт социальной истории) на улице Мишле.

Поскольку Национальная библиотека Франции отправила большую часть ценнейших своих коллекций в бордоские замки, Париж мог спать спокойно. Немецкое управление по защите библиотек, Bibliotheksschutz, на самый буржуазный манер устроилось в особняке Лувуа, напротив Национальной библиотеки, чтобы наилучшим образом осуществлять возложенную на него задачу цензуры и грабежа, не только на улице Ришелье, но во всех частных и общественных собраниях. Были изданы и навязаны даже букинистам на набережных списки запретных изданий (список Бернхарда, 143 названия и 700 тысяч конфискованных экземпляров, затем 1-й, 2-й и 3-й списки Отто, составленные с помощью — несомненно, вынужденной — издательских домов Ашетт и Филипаччи, около 3 тысяч названий). Попутно выясняется, что среди запрещенных книг фигурируют все переводы «Майн кампф», конечно, с целью побудить читателей к изучению немец-

кого языка. За исключением некоторых знаменитых писателей, погубивших свою репутацию, книжная Франция вышла из периода оккупации относительно невредимой. Для сравнения можно рассмотреть гораздо более бурную историю еврейских библиотек.

Если бы Генрих Гейне родился столетием позже, возможно, он переиначил бы свою знаменитую фразу: «Там, где сжигают людей, в конечном счете сжигают и книги». Тогда бы он избежал превращения своей формулы в общее место. Еврей, распутник, приятель молодого Маркса — у него быстро отняли бы свободу самовыражения. Антологии нацистской эпохи, вынужденные публиковать его сверхпопулярные *lieder* (песни), сопровождали их пометой «сочинение неизвестного автора».

Между тем бросающаяся в глаза параллель между Холокостом и аутодафе в конечном счете будет разомкнута самым любопытным образом.

В первое время, начиная с 1932 г., под зловещим импульсом ползучего расизма люди, ощущая нависшую над ними угрозу, сжигают свои библиотеки до появления соответствующих распоряжений. Впрочем, они почти сразу обнаруживают, какое это тяжелое и медленное занятие — даже при помощи калорифера; некоторые из таких любителей бросают книги с мостов в реку, забывают их в лесу или же отправляют посылки по вымышленному адресу. Еще до начала погромов евреи лучше, чем коммунисты, космополиты и вольнодумцы, сознают, что чтение предает их. Действительно, книгу на иврите относительно легко опознают даже полицейские (хотя в сомнительных случаях они порой прихватывают и Гомера). Библиофильский зуд рейха не замедлит породить саркастические замечания эрудитов: «Наци украли у нас не только материальные ценности, но также нашу репутацию Народа Книги!» — пишет в 1939 г. в своем дневнике некий Хаим Арон Каплан.

До 1939 г. Польша насчитывала 251 еврейскую библиотеку, в которых имелось 1650 тысяч томов, иными словами, больше половины всей европейской иудаики и гебраики.

Наряду с крупными специальными учреждениями, как Большая синагога в Варшаве или два архива в Вильнюсе — Штрашун (по имени основателя) и Идишер, — значительное количество рукописей и печатных изданий на древнееврейском было собрано в Публичной и Национальной библиотеках, в частности в собрании Раппервил. Как мы уже знаем, их сожгли, и пламя уничтожило, разумеется, все книги без разбора. Зато Brandkommandos (пожарные отряды) прекрасно знали, что делают, когда поджигали синагоги в Бедзине и Познани, вместе с их книгами, как в Люблине: «Для нас было особой честью уничтожить талмудическую академию [...] мы выкинули гигантскую библиотеку на улицу и перевезли на рыночную площадь, чтобы развести там костер, который горел двадцать часов. Евреи Люблина окружили его со всех сторон и горько плакали, почти оглушив нас своими воплями. Мы пригласили военный оркестр, и музыка вкупе с радостным гомоном солдат подавила рыдания евреев». В другом месте солдаты с надеждой ждут, когда какой-нибудь раввин попытается спасти свою бессмертную Тору, чтобы застрелить его и бросить их вместе в костер. В вильнюсском Штрашуне хранитель, внук основателя, предпочитает покончить с собой, но не принимать участия в инвентаризации перед вывозом, и приходится извлечь из тюрьмы двух ученых, чтобы заменить его. Критерий отбора очень прост, однако требует подобия экспертизы: все книги на древнееврейском, напечатанные после 1800 г., подлежат переработке — кроме тех, что посвящены истории и сущности иудаизма.

Однако излишняя эффективность ведет к пресыщению. Свитков Торы во Франкфурте слишком много, они достигают высоты трех метров в подвале института; предполагается пустить пергамент на переплеты. Эти инструкции, в свою очередь, не ведут к библиофильству: однажды пять ящиков с редкими книгами были уничтожены, чтобы освободить место в вагоне для свиней, закупленных на черном рынке.

Хотя итальянские фашисты устроили замечательное аутодафе еврейских книг в 1938 г. в Турине, на пьядца

Карлина, антисемитизм не был их сильной стороной. И только после их падения, 16 октября 1943 г., из римского гетто забирают 1041 человека с целью — это распоряжение в первый и последний раз появляется в письменном виде — *ликвидировать* в Освенциме. Папа тем временем закрывает глаза, вероятно, для молитвы.

За два дня до этого ERR завершила работу в синагоге: в библиотеках школы раввинов и, главное, общины, чья репутация порождает самые фантастические ожидания тем сильнее, что сокровища ее не каталогизированы; последовательно сменявшие друг друга хранители едва успевали записывать приобретения. Однако благодаря исследованию, проведенному в 1934 г. Исаией Зонном, все уверены, что этот фонд восходит к первой поре христианства и эпохе цезарей, что он значительно пополнился в Средние века и после изгнания евреев из Испании и Сицилии, что в нем широко представлен золотой век римских и венецианских издателей XVI в., среди прочего — Талмуд в восемнадцати томах Даниеля Бомберга. Мечта любой библиотеки. Впрочем, люди из ERR находятся здесь уже месяц и, судя по всему, пребывают в возбужденном состоянии; есть один лейтенант, который «с осторожностью и тщанием кружевницы осматривает, трогает, ласкает папирус и инкунабулы, перелистывает рукописи и редкие книги, проглядывает пергаментные свитки и палимпсесты. Дозированная легкость прикосновения, выверенная осмотрительность жестов непосредственно связаны с ценностью издания. Большинство этих сочинений созданы на основе алфавитов, рожденных в незапамятные времена. Но едва открывается какая-нибудь страница, взор офицера становится пристальным и воспламеняется, как это случается с особо тренированными читателями, которые умеют сразу найти нужное им место, содержащий некое откровение пассаж. В этих аристократических руках книги заговорили, словно их подвергли жестокой и утонченной, изысканно садистской пытке. Позднее стало известно, что этот офицер СС — выдающийся специалист в сфере семитской палеографии и филологии». 11 октября он открыто звонит во фрагтовую компанию Отто и Розони, затем, повесив трубку, го-

ворит секретарше хранилища, что архив конфискован: если хоть одной книги недосчитаются, она заплатит за это жизнью. Председатель общины Уго Фоа тут же ринулся в министерства, чтобы предотвратить катастрофу. Тщетно. 14 октября два вагона немецких железных дорог подходят по трамвайным путям и увозят все, что можно туда погрузить, а именно: более десяти тысяч изданий, тщательно обернутых и переложенных крафт-бумагой. Пока немцы с бесконечными предосторожностями укладывают книги в вагоны, fascini (грузчики) итальянского предприятия, которым поручено сносить их со второго этажа, выбрасывают некоторое количество в окно заднего фасада людям, собравшимся внизу. «Мы вернемся, чтобы забрать все остальное», — предупреждают офицеры ERR, когда состав трогается. Но они не вернулись. Через двое суток произошла Judenrazzia (облава на евреев), словно бы специально скоординированная во времени, как отмечают историки.

Эти книги станут объектом величайшей заботы, особенно когда на Франкфурт начнут сыпаться бомбы; поэтому добрую половину собрания позднее удастся вернуть в Рим (зато после облавы уцелели только пятнадцать человек). Древнееврейские книги не только перестали уничтожать — они становятся для нацистов лакомой добычей: примерно четыреста тысяч были собраны в новой библиотеке в Познани, где создана кафедра по «еврейскому вопросу». Подчиненная штаб-квартире Рейхбезопасности, или RSHA в Берлине, библиотека украла, свезла в одно место и потеряла почти три миллиона изданий по иудаизму и другим объектам гитлеровских треволнений, тому же франкмасонству. Так произошло, например, с сокровищами каббалистики, которые Адольф Эйхман захватил в 1938 г. в Вене, где Израильское общество культуры (Israelitische Kulturgemeinde) в двадцатые годы собрало треть всех известных инкунабул на древнееврейском: в марте 1939 г. в Берлин перевозят, в частности, 625 бесценных для исследователя, но также и для библиофила рукописей (шесть были найдены и возвращены венской еврейской общине в 1950-м, седьмую сов-

сем недавно конфисковала американская таможня после продажи на аукционе: «Сефер Йецира», или «Книгу обучения» XIV в. Ср. депешу АР 17/11/2003). В 1939 г. все, что не было отправлено в Берлин, пошло на переработку — от 200 до 300 тысяч томов.

Со своей стороны, Розенберг получил 29 января 1940 г. прямое указание фюрера создать после войны поблизости от Шимзее в Баварии нацистский университет, Die Hohe Schule, в котором по зрелом размышлении предполагается создать следующие факультеты: иудаизма, франкмасонства, коммунизма, расовой биологии и проч. Времени все же хватило, чтобы 26 мая 1941 г. во Франкфурте появилось важнейшее подразделение: Институт изучения еврейства, Erforschung der Judenfrage, которому предстояло «провести критическое исследование духовных основ и тактических приемов нашего идеологического противника». Благодаря ERR украденные собрания стали основой его библиотеки, насчитывавшей в 1943 г. 550 тысяч изданий (и это только половина уже захваченного, но еще не привезенного), «которые прежде никогда не были собраны вместе». В частности, семьсот ящиков с книгами конфискованы во Всемирном израильском союзе, расположенном на улице Лабрюйер в Париже; вернется только часть. Пять собраний парижских Ротшильдов* соседствуют с фондами из магазина Липшютца**, раввинических школ и других хранилищ из Амстердама (Розен-

* Коллекция Эдуарда Ротшильда, шесть тысяч томов, Ги — три тысячи; Мориса — шесть тысяч, Робера — десять тысяч; сюда же относятся три тысячи изданий, которые хранились в семейном охотничьем павильоне в Арменвилье. И сверх того семьсот шестьдесят ящиков со столетними архивами банка.

** Двадцать тысяч изданий. Жозе Корти свидетельствует: «Немецкая армия и недели не пробыла в Париже, как ее транспортные службы устремились на площадь Одеон, чтобы забрать все книги, как если бы ограбление этого старинного магазина являлось одной из главных целей затеянной Гитлером войны. Правда, Липшютц был евреем и владел сокровищами гебраики».

тальская и Сефардская, 45 тысяч названий), Салоник, Киева, Вильнюса и Риги.

Виши тоже хочет принять участие в разделе добычи, однако Берлин возражает, что Германия, освободившая Европу от еврейского господства, имеет право на «небольшое возмещение» в форме грабежа; впрочем, имущество евреев и нажито было нечестным путем: «К примеру, немецкое происхождение еврейских богатств неопровержимо доказано историей в том, что касается семейства Ротшильдов».

Это выражено с предельной ясностью: «Следовательно, захват еврейских культурных ценностей представляет собой всего лишь репрессивную и относительно мало-значимую меру против евреев, наших врагов на протяжении многих десятилетий».

ERR работает быстро — всего за две недели опустошает полки парижских библиотек, общественных и частных. Леон Блюм «любит красивые книги, необычные мысли, общество культурных людей, он ведет изысканную жизнь в своей прекрасной квартире»; однако в его «прекрасной библиотеке» вдруг не остается ничего. Как и у Жана Зея, 10 января 1941 г., или Жюля Моша, Жюля Ромена, Марка Блока, Тристана Бернара, Жюльена Бенда и Анри Мاستеро, если ограничиться самыми известными именами. ERR работает хорошо: рубрикация елико возможно сохраняется. Так, в Израильском союзе десятки тысяч изданий, прежде чем оказаться в ящиках, метр за метром фотографируются на полках.

Иоганн Похл оправдал ожидания. Этот эксперт, получивший специальное образование в Иерусалиме, рыщет по Европе, чтобы лично отобрать лучшие книги в еврейских библиотеках для Института изучения еврейства; он плачется, что другие офицеры, стоит ему отвернуться, хватаются лишь за красивые переплеты. Вот он в Вильнюсе, где только 20 тысяч изданий из трехсот синагог привлекают его внимание; остальные 80 тысяч идут на переработку. А вот в Салониках, гнезде библиофилов и издателей с той поры, как дон Гедалия в 1513 г. основал

здесь свой дом по выпуску книг на древнееврейском и на ладино*. Почти пять веков этот город был потаенным Иерусалимом, с согласия османских султанов. Несмотря на семь грандиозных пожаров, уничтоживших легендарные собрания, издатели во множестве имеют древние Пятикнижия, Хаггадот и Махзорим, рукописные свитки с миниатюрами, а также иудео-испанские романы и другие сборники «Комплас»** времен первопечатников. Герр доктор Похл одаряет инструкциями и доверием мудро подобранную команду, куда входят поэт, полицейский и армянский переводчик. Добыча: еще десять тысяч первоклассных экземпляров; направление: Франкфурт.

Похл делает своим лозунгом «Judenforschung ohne Juden» мечту Розенберга: еврейские исследования без евреев. Благодаря их усилиям в Познани, Берлине и Франкфурте собрана самая грандиозная из когда-либо существовавших коллекция древнееврейских текстов и материалов по истории еврейского мира. Созданная посредством конфискаций и истребления владельцев, не каталогизированная должным образом и толком не размещенная, эта нечеловеческая библиотека окажется совершенно бесполезной и вскоре будет частично уничтожена бомбардировками, заново разграблена. Какую философскую тайну, чуть ли не философский камень, надеялись обнаружить ее ревностные организаторы? Похоже, никто не изучал двусмысленный аспект библиофильских устремлений национал-социализма, возможно основанных на некоей игре воображения и, конечно, на недоразумении, которое чувствуется в словах Розенберга о «нашем идеологическом противнике». С другой стороны, разве нельзя представить, как столь систематическое погружение в богатую еврейскую культуру в конечном счете приводит к прямо противоположному эффекту — перелому в настроениях изначально враждебного к ней «студента»?

* Испанский еврейский. (*Примеч. перев.*)

** Сефардские стихи и песни, приуроченные к праздникам. (*Примеч. перев.*)

Когда OMGUS*, иными словами, Эйзенхауэр и его солдаты заняли Франкфурт, три миллиона украденных нацистами книг были собраны в Оффенбахе, на складах компании «Фарбен», знаменитого концерна, который не только изобрел газ циклон Б, но также окрылил начинающего канцлера Гитлера. Капитан Сеймур Дж. Помренс и его команда отменно справились с реституцией: к концу 1946 г. две трети изданий вернулись к владельцам. Остальное принадлежало библиотекам, включенным в Институт Розенберга, и вокруг этих книг стали кружить многочисленные американские делегации: все знали, что претензий никто не предъявит. Некий профессор Джером Майкл без околичностей писал в Государственный департамент: «Европа перестала быть центром еврейской культуры и духовности, и маловероятно, чтобы она когда-либо вернула себе эту роль». JCRF, Американский фонд восстановления еврейской культуры, оказывал умеренное сопротивление. «Каждый раз, когда нам встречается владелец хотя бы шести книг, — пишет генеральный секретарь фонда Ханна Арендт, — мы делаем все возможное, чтобы найти либо его самого, либо наследников». В целом сто пятьдесят тысяч осиротевших изданий направились в американские библиотеки, главным образом в Библиотеку Конгресса, которая уже в начале 1946 г. прислала одного из своих сотрудников со специальным заданием во Франкфурт.

Но отрешимся от этой гонки за еврейскими библиотеками во имя некоего непостижимого озарения. В Париже действительность выглядела куда более грязной, и Жан Кассу писал: «Еврей — это наименование, которое дают объекту агрессии и грабежа. Еврей тот, кому предназначено быть обворованным, растерзанным, поджаренным. У нас бандиты называют таких лохами или фрайерами. Но нашим бандитам никогда не приходило в голову создавать огромную идеологическую систему и определять

* Office of Military Government for Germany (US) — Управление Военного командования для Германии (США).

ею судьбу целой нации». Известен факт, что параллельно с грандиозными изъятиями ERR, которая в конечном счете превратилась в своеобразный пылесос произведений искусства для Геринга, в январе 1942 г. создано подразделение, грабящее даже бедняков: М-Акция, или «Мебель-Акция», призванная забирать имущество «евреев, которые уже бежали или собираются уезжать», в Голландии, Бельгии, Люксембурге и Франции. Руководит всем этим некий барон Курт фон Бер, который очень рано стал позором семьи; он держал антикварный магазин на проспекте Токио, а теперь носит фантастические мундиры и на два года бронирует каждый вечер столик «У Максима». Настоящий «военный мародер», по свидетельству узника Марсея Лоба, которого заставили сортировать книги; барон хвастался, что опустошил 69 619 квартир (38 тысяч в Париже), в которых не осталось даже листка бумаги или начатой бутылки молока.

В Париже это имущество свозилось в «лагерь Аустерлиц», пятиэтажное здание, расположенное по адресу: набережная Гар, 43 — четыреста узников из лагеря Дранси сортировали здесь рояли, драгоценности, посуду, игрушки и т.п. Здесь были «стенды всякого сорта, казалось, что находишься в Галери Лафайет»; время от времени «эти господа заходили выбрать подарок для любовницы, просили его красиво упаковать или же оставляли адрес для доставки. И часто случалось, что узники сгружали из грузовиков собственные вещи, как рассказывал один свидетель на процессе Эйхмана. Там, по всей вероятности, находились книжные собрания немецкого политика Норберта Маркса, Марка Блока и сына Эмиля Дюркхейма, возможно, рядом с «469 килограммами» из библиотеки Вальтера Беньямина, захваченной на улице Домбаль, когда писатель устремился в бегство навстречу смерти. Актер Робер Манюэль, который также был «библиотекарем» в Аустерлице, видел, как пришла и исчезла его замечательная коллекция театральных брошюр XIX в., наряду с библиотеками Гюстава Коэна, Фернана Вормса (весь каталог Лемера) и Рене Блюма; ему приходилось сортировать до 15 999 книг за неделю: самые красивые свозились в большой гараж по адресу:

улица Ришелье, 104; там свой отбор производил издательский дом Вердье-Дюфур, все прочее отправлялось на переработку. Узники также прибегали к актам систематического саботажа: одна женщина рассказывает, что она разбивала молотком деку, чтобы навсегда испортить звучание рояля или фортепьяно; Робер Манюэль уничтожал по тому в каждом полном собрании сочинений и вырывал страницы в отдельных ценных книгах. Марсель Лоб, в свою очередь, крадет и прячет все, что кажется ему интересным с библиофильской или научной точки зрения, например важные бумаги из коллекции Кра (издателя), заметки и карточки профессора Асколи. Однако свое свидетельство он завершает тем, что все исчезло в огне, который положил конец «этому оригинальному предприятию», хотя и «до пожара наши склады [...] были ограблены сначала нацистами, а потом жителями квартала».

Бедные, большей частью ни на что не пригодные богатства, которые собрала «Мебель-Акция», в 26 984 вагонах, образовавших 674 состава, отправились на обустройство оккупированных районов на востоке Германии. Зато культурным наследием по приказу фюрера целиком и полностью занималась ERR. Известно, что 12 февраля 1943 г. в Бельгии двадцать ящиков с книгами прибыли из сортировочного центра в Антверпене на специальный склад на улице Ливурн в Брюсселе. Из еврейских библиотек Парижа четыреста сорок два ящика были отправлены в рейх 8 августа 1944 г., согласно самому последнему рапорту фон Бера. Но всех поездов мира оказалось бы недостаточно: сотни тысяч изданий остались на перроне.

Едва закончилась война, как временное правительство Франции принимает в качестве одного из приоритетов решение вопроса об украденных книгах. «Подкомиссия» книги в Комиссии по возврату художественных ценностей (SCL) создана в ноябре 1944 г.; указ от 11 апреля 1945 г. устанавливает правила возмещения: вернуть наследникам ограбленных людей идентифицированные книги, остальное передать библиотекам, пострадавшим от войны и ок-

купации, особенно издания «профессионального» назначения. Быстрейшее восстановление фондов по видимости является благородной целью, однако принятые чиновниками меры выглядят торопливыми и довольно циничными. Все прекрасно знают, что владельцы в подавляющем большинстве не имели экслибрисов и, главное, что они не вернутся. Поэтому Управление по конфискованному имуществу в Страсбурге, например, которому досталось от немцев около миллиона изданий, «чьих владельцев никогда не удастся установить», запрашивает на столь же неуклюжем, сколь подобострастном французском, «каковы практические правила распределения или продажи этих книг?». Случай объективен: в одной папке Национального архива находят затесавшиеся туда показания о консьержке с улицы Эскуф в Париже, которая, подобно сотням других, забирает себе мебель из спальни жильцов, недавно арестованных гестапо. Соседке, которая считает, что нельзя так спешить, она отвечает: «Их судьба решена» (какой-то чиновник сделал помету синим карандашом на полученном им рапорте: «Проверить, не она ли донесла на них»).

«Полных собраний мало. Немцы произвели первый отбор на набережной Гар, второй — на улице Ришелье. Кроме того, эти издания скупали некоторые книжные магазины. Не следует предаваться иллюзиям относительно качества книг. Нет сомнения, что самые ценные были увезены в Германию. То, что мы делаем, имеет прежде всего нравственное значение», — сказал один из членов комиссии в сентябре 1945-го. Тем временем SCL сумела найти во Франкфурте украденные коллекции, но привозит лишь жалкий миллион изданий — по причине сложной сети складов, потерь при бомбардировках и обструкции советских властей. Из этого миллиона 700 тысяч владельцев уже не имеют. Их присоединяют к тем 300 тысячам, которые Камиль Блок, член института и глава Комиссии по возмещению, обнаружил в гараже на улице Ришелье. Сортировка почти невозможна: убежденные в том, что собрания не будут разрознены и помещены под охрану, «ограбленные люди ставили свое имя лишь на

первом томе и оставляли неподписанными все остальные»; впрочем, для сортировки нет и персонала.

Отметим по этому поводу, что французская администрация не смогла отрешиться от принципа нравственности, который всегда норовит соприкоснуться с абсурдом: «Издания аморального или порнографического характера будут переданы Взаимопомощи [тогдашнее общество народной защиты], которая продаст их в пользу ограбленных лиц с условием, что эти книги должны пойти на переработку». И действительно, ни одно название, противоречащее нормам буржуазной морали, не появится в подробнейших и бесчисленных протоколах о реституции библиотек или, точнее, возврате горстки книг их правообладателям. Тут начинается балет призраков, немного сходный с раздачей призов, если не с лотереей: Владимир Янкелевич уносит сорок пять изданий по философии, несколько русских томов и книг о музыке; Жюль Ромен, конечно же, радуется обретению личного архива, но не количеству возвращенных книг: всего восемнадцать; Библиотека имени Тургенева получает 2682 тома стоимостью в 390 100 франков, Израильская консистория — только несколько сотен. Очевидно, что легче опознаются коллекции официальных учреждений, чем имущество таких скромных людей, как г-н Лазар, который уходит с двухтомной Библией и шестью молитвенниками, или г-н Блок из Лиона: за все про все четыре романа Киплинга, «Потерянный рай» Мильтона и тома 1, 2, 4-й из полного собрания Шекспира 1908 г. издательства Кассель, «в сильно поврежденных переплетах красной кожи».

В опустевшем лагере Аустерлиц, в помещении склада на берегу Сены, покрываются плесенью штабеля не поддающихся опознанию и не имеющих будущего книг, которые были украдены самым подлым образом у людей, посылаемых на смерть или бежавших с пустыми руками. Непроницаемая тайна покрыла это место. Из-за бомбардировки 23 августа 1944 г. — да, это возможно — вспыхивает пламя, и вскоре ничего не остается от плюшевых мишек, угловых диванчиков и романов Делли. И от самого

здания, где все находилось, которое владелец реконструирует с быстротой молнии. И даже от набережной Гар, называемой сегодня Панар-э-Левассор, ибо в Париже автомобиль всегда берет верх над железной дорогой. Итак, можно констатировать, что теперь нет ни малейших следов того, что «само по себе являлось операцией по забвению». И поскольку государство обязано помнить, лишь когда его заставляет общественное мнение, именно данный участок с поразительным легкомыслием был отведен для строительства новой Национальной библиотеки. Суеверные люди сказали бы, что это не принесет ей счастья*.

Понадобилось тринадцать месяцев титанических усилий, чтобы поднять по специально проложенным тропам, где грузовики буксовали настолько, что пришлось использовать быков, сокровища Адольфа Гитлера в избранный им тайник, покрытый снегом: старую солевую шахту на вершине Альт-Аусзее в Австрии. Недалеко находится его родной город Линц, в котором он намеревался создать музей самого себя, с Великой Библиотекой, чтобы отомстить Вене, где ему пришлось перенести унижения. Поскольку персонал, которому поручено было все взорвать при подходе союзных войск, разбежался, американцы обнаружили в галереях, помимо 6755 картин известных мастеров, 119 ящиков с личными книгами фюрера (то есть от 3 до 4 тысяч томов из тех 16 тысяч, которыми, как полагают, он владел; из них 1200 редких книг окажутся в Библиотеке Конгресса, как всегда, опередившей всех) и 237 ящиков с изданиями, собранными Розенбергом для пополнения предполагаемого хранилища в Линце. Достойны упоминания два обстоятельства. Во-первых, эти собрания в большинстве своем принадлежали Ротшильдам, что, естественно, облегчило реституцию и отразило любопытный феномен: отчего, подобно выскочке-гангстеру, кото-

* Эта парижская фривольность привела в такое смятение Винфрида Г. Зебальда, что он решил поместить участок склада под зданием самой НБ в своей последней книге, так и названной «Аустерлиц».

рый ревностно копирует буржуазный стиль, антисемита всегда тянет к еврейским вещам? Во-вторых, рапорты, заметки и письма, прочитанные Гитлером в последний год жизни, отпечатаны на специальной машинке с буквами в 25 миллиметров, поскольку он был на грани слепоты. Итак, все эти книги путешествовали по Европе во всех направлениях, чтобы их с упорством слепого скарабея запрятали в тайник как совершенно бесполезную добычу.

В то самое время, когда вздернули Альфреда Розенберга, в октябре 1946 г., три миллиона уцелевших изданий были собраны в пригороде Франкфурта, где их рассортировали и с грехом пополам раздали правообладателям. Розенберг был родом из Риги в Латвии. Сама фамилия его была сомнительной, а в кулуарах рейха шептались, что его прапрапрабабушка — еврейка. Быть может, именно это и побудило теоретика нацизма усилить антисемитскую направленность своих писаний и речей, предназначенных для фюрера, несомненно крайне этим довольного. Через несколько лет библиотекари вздохнут при мысли, что навязчивые идеи этого в высшей степени организованного человека способствовали сохранению бесчисленного множества книг, соприкоснувшихся с апокалипсисом.

ВОКРУГ СВЕТА В КОНЦЕ ВЕКА

СССР

Прежде чем бомбардировки превратили в дымящуюся грудку здание и часть книг, прусская Национальная библиотека сумела разместить две трети своих фондов на тридцати двух складах. Кусок пирога, доставшийся в Берлине Красной армии, включал в себя четырнадцать, где в большей или меньшей сохранности находилось около 800 тысяч изданий (поляки получили столько же, зато американцы отхватили вдвое больше), на протяжении нескольких месяцев страдавших от непогоды и других опасностей. Ибо «книжные бригады», созданные с

целью снять сливки с немецких стеллажей, в первую очередь искали то, что гитлеровцы именовали «идеологически опасным», потом все, что имело близкое или отдаленное отношение к нацизму. Многие другие немецкие учреждения попали в советскую зону: в результате 80 тысяч старинных книг из библиотеки Мартина Лютера сочли «лишенными интереса», тогда как архив Ницше подвергся яростному опустошению — все было отправлено на переработку, за исключением работ по античной Греции, которые, разумеется, казались безобидным коньком «заклятого врага рабочего класса». Мадам генерал-лейтенант Маргарита Рудомино, глава этих бригад, в сущности, была неплохой женщиной: она ликовала, когда ей в руки попало оригинальное издание «Посмертных записок Пиквикского клуба» вкуче с собственноручным письмом автора. Впоследствии ее имя присвоили Библиотеке иностранной литературы в Москве, предназначенной нести культуру в массы, затем, уже в наши дни, заняться — возможно — реституцией некоторой части из одиннадцати-двенадцати миллионов книг, которые были доставлены из Германии, а происходили большей частью из Франции. К несчастью, от силы треть из них идентифицирована и локализована; да и для этого понадобились невероятно упорные и хитроумные исследователи, подобные Патрисии Гримстед, «шпионке архивов», как в раздражении прозвали ее многочисленные ответственные лица, которых она подвергала допросу с пристрастием. На протяжении жизни двух или трех поколений не удалось получить никакой информации на эту тему; даже и сейчас на набережной Орсе* отделяются вежливыми отказами принять жалобу, когда речь заходит о состоянии франко-русских переговоров о реституции библиотек или хотя бы о реальных цифрах и попытках инвентаризации с обеих сторон; очевидно, что никакого официального запроса так и не сформулировали. Несомненно, в первую очередь следовало бы добиться возвращения ар-

* Местоположение Министерства иностранных дел. (Примеч. перев.)

живов Второго бюро, Сюрте Насьональ (Национальной безопасности) и масонских лож.

Как и библиотеку Симона Петлюры, Москва распределила по многим учреждениям, вплоть до острова Сахалин, фонды Тургеневской, которая досталась ей в полном комплекте, через Польшу. Последние лет десять Россия уже не отказывается обсуждать возможность переуступки какой-нибудь малости этой парижской библиотеке, которая теперь находится на улице Валанс. Посредством непростых переговоров и взаимных уступок сто восемнадцать книг обрели свое место на полках: это маленькая победа над нацизмом и сталинизмом одновременно, говорят организовавшие эту сделку энтузиасты. Но большая часть коллекций не вернется никогда: «пришедшие в негодность» издания были по приказу сожжены в 1955 г. офицерами, которые только сейчас начинают давать свидетельские показания; несомненно, та же судьба постигла и фонд Петлюры. Нынче время признаний. Руководитель библиотек Министерства культуры России не скрывает, что миллионы изданий «трофейной литературы» гниют сейчас под голубиным пометом в заброшенной церкви в Узком, недалеко от Москвы. А Патрисия Гримстед добавляет, что фонды Леона Блюма, Эммануэля Берля и других обретаются попросту в президентской библиотеке в Минске.

Величие сталинских свершений превосходит всякое воображение, и как раз сейчас начинают появляться свидетели. Многие предполагали, что такие средства, как концлагеря, чистки, процессы, расстрельные взводы и массовые депортации, сопровождались систематическим изъятием книг, поскольку чтение является способом самоидентификации или источником потенциального диссидентства. Никто не знал, до какой степени это верно.

Татары, вышедшие из Золотой Орды, основали Крымское ханство в XIII в. Это государство, аннексированное Россией в 1783 г., стало ареной постоянных утеснений вплоть до депортации в 1945-м его жителей, обвиненных в симпатиях к врагу во время войны. Сталин приказал

выслать их в Узбекистан, полностью запретив пользоваться родным языком, тогда как на родине систематически уничтожались памятники, библиотеки и архивы. Им разрешили вернуться на это лишенное памяти место только после 1990 г.

Хотя Эстония находилась под властью различных иностранных держав с 1220 г., ее жители сумели сохранить свой язык и культуру. Литература на эстонском появилась в XIX в. Массовые депортации, организованные СССР, привели к замещению более половины жителей другими вынужденными эмигрантами. В 1940 г. существовало семьсот шестьдесят девять общественных библиотек: вне закона объявлялись книги из их фондов, способные вызвать социальные потрясения или провокации, оправдывающие эксплуатацию человека человеком и разжигающие ненависть или шовинизм, а также конфессиональную рознь. В результате было сожжено 2,6 миллиона изданий, и со стеллажей полностью исчезла древняя литература.

Национальная библиотека Литвы была основана в 1919 г. и в 1941-м насчитывала 200 тысяч томов. Немецкая армия уничтожает 19 175 изданий. СССР вновь занимает страну и в ходе операции «по очистке библиотек от идеологически опасных публикаций» производит опустошения. Тридцать тонн изданий отправлены на бумажный комбинат в Петрашюнае в одном только 1950 г. В обычное время книги отправляются прямым в главную котельную учреждения — на благо сотрудников. Зато им не приходится возиться с каталогами: все, что не сожжено, запирается в хранилища, именуемые специальными (спецхраны): десятки тысяч названий. Следует отметить, что параллельно с этим на протяжении всех свинцовых десятилетий в Литве на каждого жителя приходилось больше публикаций самиздата, чем в любой другой советской республике.

Говорят, Сталин собирался депортировать всех оставшихся в живых евреев, проживающих в европейской ча-

сти СССР, на самый край Сибири, но смерть помешала ему осуществить этот план. С 1936 г. государственный антисемитизм настолько усиливается, что русские евреи почувствовали себя относительно спокойными лишь в годы войны, когда их использовали, чтобы получить мандат всемирного антифашизма. Однако с 1943 г. преследования возобновляются с прежней силой, одновременно с искоренением самой идеи еврейства: в СССР было слишком много евреев, но не могло существовать никакого еврейского вопроса. С целью не допустить этого были уничтожены все книги, содержавшие хотя бы косвенное упоминание об их культуре, речи Ленина в их защиту подверглись чистке, изъят даже учебник геометрии с рисунком двух наложенных друг на друга треугольников — очевидным символом сионистской пропаганды. Использование иврита было запрещено в двадцатых годах, затем наступила очередь идиша. В это время произошли массовые аресты еврейских писателей, журналистов и художников. Плоды их творчества исчезли из книжных магазинов и библиотек, а в прессе развернулась кампания против «безродных космополитов» — вероятно, в рамках подготовки к высылке. Но 5 марта 1953 г. напряжение внезапно спало. Пока с трупа вождя наконец-то стягивали сапоги, большинство видных деятелей режима, таких, как Хрущев или Андропов, будущий глава КГБ, торопливо сжигали компрометирующие документы. Впоследствии не будет найдено практически ничего на тему о книгах, «отживших свой век и не подлежащих дальнейшему применению».

«Величайшая катастрофа века в мире библиотек» (неизвестно, какое жюри присуждает пальму первенства) произошла в Академии наук СССР в 1988 г.

Случилось это в воскресенье, в 8 вечера, 14 февраля. Пожар начался на четвертом этаже, в зале периодики. Когда его удалось потушить ближе к ночи на следующий день, четыреста тысяч изданий превратились в пепел, три миллиона шестьсот тысяч других были безнадежно повреждены водой, чрезмерно высокой температурой и дымом. Очень скоро библиотекари выяснили, что фонд Ба-

ер (коллекция зарубежных научных трудов) большей частью погиб; остальное состояло в основном из изданий, восходящих часто к XVII в. На русских, великих любителей книги, все это подействовало ужасающим образом. Но еще больше событие травмировало тех, кто сохранял иллюзию совершенства государства.

Первым откликом была краткая заметка, появившаяся три дня спустя на четвертой полосе газеты «Советская Россия», которая упоминала в связи с этим аномальное количество пожаров на Васильевском острове, где сосредоточены университетские здания и государственные учреждения, заполненные безалаберными чиновниками. В солидной статье, появившейся на следующий день, директор библиотеки Владимир Филов вполне по-советски заявил, что сгорело лишь несколько журнальных подшивок и, быть может, малая часть книг, преимущественно тридцатых годов. Времена менялись, деревянный язык дал трещину: через несколько часов одновременно распространились известия, что этот человек внезапно оказался в больнице по состоянию здоровья и что его подчиненные не сочли нужным попросить помощи или совета у находившейся рядом Национальной библиотеки — зато они успели заказать бульдозер, чтобы выгрести остатки книг вместе со строительным мусором. Сбежавшаяся толпа полезла через решетки, чтобы помешать этому, невзирая на заверения перетрусивших организаторов, что ничего спасать не нужно. Тогда водитель бульдозера выдернул ключ зажигания и перешел на сторону народа, словно восставший броненосец «Потемкин».

Затем последовал переданный по радио призыв: все жители будущего экс-Ленинграда приглашались к сотрудничеству — сушить книги у себя дома на бельевых веревках; 800 тысяч изданий (согласно другой версии, только 600 тысяч) были таким образом возвращены библиотеке, а один из вице-президентов Академии наук проявил неслыханную инициативу, предложив обратиться за помощью к американским библиотекарям, которые двумя годами ранее пережили сходное бедствие в Лос-Анджелесе. Однако понадобилось вмешательство знаменитого Арманда Хаммера, магната «Оксиденшнл

Петролеум», озолотившегося на марксизме-ленинизме, чтобы через девять дней приехали три эксперта — и ни одним больше. Тем временем двести пятьдесят тысяч книг отправили в холодильные камеры расположенного поблизости рыбозавода.

КИТАЙ

В XX в. вновь Китай бьет рекорд по количеству потрясенных и драм в истории книги, что будет иметь долговременные последствия.

Бомбардировки, пожары, грабежи и конфискации, происходившие во время японской агрессии, в значительной мере опустошили северо-восточную часть страны: в зоне конфликта были сосредоточены три четверти больших публичных, университетских и частных библиотек. Больше половины книг региона были уничтожены или увезены, например четыреста тысяч томов Дунфан Тушугуань, учрежденной организацией коммерческой прессы в Шанхае и сожженной вместе с Ханьфэньлоу, собранием редких книг династий Сун и Юань, включавшей в себя уцелевшие издания Тяньбигэ. Или бесценные книги синологической библиотеки Цзянсу во время разорения Нанкина: солдаты выносили их в течение нескольких дней, прежде чем взорвать здание. С 1925 по 1936 г. число публичных библиотек возросло с 502 до 4041, однако последующие три года войны разом уничтожили 2500. Бомбардировки столь же эффективно истребляли частные собрания.

Но винить во всем только снаряды и грабежи нельзя: многие личные библиотеки были сожжены, иногда даже самими владельцами, поскольку обладание книгой на английском или «антияпонского содержания», что означало одно и то же, считалось преступлением, караемым смертью. Разве Шекспир или Библия не были написаны на вражеских языках? Было известно, каким ужасающим упорством отличаются японские полицейские на оккупированных территориях: они бы стали «искать черную кошку в темной комнате, зная, что ее там нет». Этот ма-

разм вынуждал также владельцев книг продавать их с целью превратить в *хуаньхунь чжи*, «возвращенную к жизни бумагу»; впрочем, книжные магазины уже торговали книгами только на вес. Такой переработке подверглись «тонны хороших печатных изданий, классики, энциклопедии, поэтические сборники и т.д.; в результате этой «реинкарнации» сочинения конца Маньчжурской династии и первых лет республики, некогда очень распространенные, стали редкостью. [...] Хотелось бы узнать, в какую книгу перевоплотились, например, «Беседы и суждения» Конфуция». Во время панического отступления японцы слишком поздно задумались о том, как увезти большие книжные собрания Китая: у них уже не было достаточных транспортных средств; тем не менее они сумели забрать с собой еще две тысячи ящиков с манускриптами Запретного города и сто семь ценных изданий из Национальной библиотеки Нанкина. Именно с целью избежать этого принадлежащие библиотеке справочные издания и книги на иностранных языках в 1937 г. пересекли Китай вслед за правительством в Чонкине (Сычуань), а через три года вернулись на свое место. Первым директором стал Цзян Фуцун: после поражения гоминьдана он отправился на Тайвань, прихватив большую часть фондов. Этот человек символизировал культурную универсальность, редчайший для Китая случай: напомнив, что знание может быть названо по-китайски *шу сян*, «аромат книг», он сближает эту мысль с фразой Ричарда Онджервилла Бери в XIV в., которую тот произнес по поводу парижских книжных магазинов, «более ароматных, чем лавки пряностей». Цзяню нравилось насыщать свои речи латинскими или французскими цитатами; понятно, что он нашел убежище в Тайбэе, где стал директором музея: в новом Китае он бы долго не протянул.

Несмотря на значительное число изданий, подаренных Соединенными Штатами, в середине 40-х гг. в континентальном Китае остается всего девятьсот сорок публичных и университетских библиотек и еще меньше книг в 1949-м в силу изъятий, произведенных националистами. Однако через тридцать лет после завершения конфлик-

тов ситуация становится прямо-таки плачевной: в промежутке имела место маоистская сага с ее авантюрными решениями и катастрофическими деяниями.

В 1949 г. Китай приступил к «освобождению» Тибета на совершенно классический манер. Восстание в Лхасе завершилось в 1959 г. свирепыми репрессиями, погубившими 87 тысяч тибетцев. За этим последовала операция геницида: были разрушены примерно 6 тысяч монастырей, в большинстве своем обладавших библиотеками, которые уничтожались немедленно. Как в других своих колониях (Синьцзяне и Внутренней Монголии), Пекин недавно прибег к менее шумному средству подавления: на каждого коренного жителя отныне приходится около десяти китайцев (хань). Вот почему *Гсун-‘бум*, собрания книг на тибетском языке, следует скорее искать в Индии.

«Из великого беспорядка извлечь столь же великий порядок», — сентенциозно провозглашает изворотливый Мао Цзэдун, бросая в августе 1966 г. на улицы молодежь с целью избавиться чужими руками от Лю Шаоци. Сначала лицеисты и студенты прогнали своих преподавателей, затем университетские власти; этим дело могло бы и завершиться, но 18 августа Мао, в свою очередь, надевает повязку красных охранников, а 23-го числа газета «Женьминь Жибао» в передовой статье поздравляет их с тем, что они вымели «пыль старых идей и культурные привычки эксплуататоров». Зеленый свет для анархии: через два месяца осквернены 4922 из 6843 исторических памятных мест Пекина, 33 695 домов захвачены и обысканы в поисках того, что свидетельствует о буржуазном образе жизни: книг в первую очередь, старинных картин — во вторую. Провинция следует примеру столицы. Заставив искупить свои преступления слои, названные «черными» (богатые крестьяне, контрреволюционеры), принимаются за «серые зоны», интеллектуалов: пострадают 140 тысяч пекинцев, 7682 умрут. Поскольку красные охранники путешествовали за государственный счет, они вскоре объездили весь Китай с целью утвердить силой идеи Мао Цзэдуна, «высшие указания»; а тот со сво-

его балкона на площади Тяньаньмэнь за три месяца приветствовал прошедших маршем тринадцать миллионов хунвейбинов. Он хотел всего лишь устранить политического противника — понадобится армия, чтобы уничтожить вызванный им новый национальный катаклизм. Поскольку этот политический шабаш продолжался много лет, китайская культура истреблялась в огне и крови гораздо дольше, чем обычно полагают.

В 1919 г. Мао работал в одной из пекинских библиотек. Где и познакомился с Марксом, как с гордостью рассказывают его апологетические биографы. Именно там, возможно, зародилась в нем ненависть к книгам и образованным людям — несомненно, вследствие какой-то до сих пор неведомой обиды или унижения. В 1950 г. впервые состоялось сожжение книг, объявленных реакционными и враждебными народу. «Свидетельство слабости», — благородно негодует «Нью-Йорк таймс». Но пока эти аутодафе отличаются робостью и не слишком афишируются. С 1963 г. Мао обретает мощную поддержку со стороны своей супруги Цзян Цин, которой он доверил руководство культурой, поскольку в свое время она была актрисой: научные периодические издания и прочие университетские публикации последовательно уничтожаются. Лейтмотив ее выступлений: «Лучше неграмотные трудящиеся, чем образованные эксплуататоры». На одном из собраний библиотекарей она утверждает: «Культуру периода между Возрождением и культурной революцией в Китае следует признать абсолютно негодной». Ее опасный приспешник Чжан Чуньцяо провозглашает в библиотеке Шанхая: «Из миллионов находящихся здесь книг нужно сохранить только две полки». Яо Вэньюань, еще один незабвенный член «четверки»: «Получающий знания превращается в буржуа!» И вот обладателя книжного собрания в ослином колпаке волокут на улицу, где осыпают оскорблениями, избивают на глазах у зевак, пока он не кается в своих преступлениях, и посылают на самую черную работу к ликующим крестьянам, перед которыми он должен каждое утро объявлять себя преступником, если хочет получить еду. На этой стадии возможно лишь полное самоотречение;

после десяти лет своего крестного пути Ба Цзинь открыто написал, насколько повредился его рассудок, а ведь на одного Ба Цзиня приходится множество других, которые обезумели, так и не успев ничего рассказать*.

Как говаривали в старину, счастлив тот, у кого нет детей — по крайней мере, он может покончить с собой.

«От режима, столь враждебного к знаниям, нельзя ждать пощады библиотекам»: если интеллеktуал, даже благосклонно принятый при дворе, низводится до уровня жестянщика слова на службе масс, то есть партии, статус библиотеки приравнивается к рабочему инструменту. Резюмируем суждение Чжан Чуньцяо: до 1949 г. все китайские книги, за исключением марксистских, являются феодальными, с 49-го по 66-й большинство относится к ревизионистским, тогда как опубликованные за границей — неизбежно капиталистические или опять же ревизионистские. И вот из публичных или академических библиотек изымаются миллионы редких или не столь редких книг, которые больше не нужны и отправляются на переработку: в то время никто, кажется, не задавался вопросом, откуда берется бумага для маленьких красных книжечек, отпечатанных по меньшей мере в таком же количестве экземпляров, сколько насчитывается жителей — молодых и старых — в стране, где даже риса не хватает. Вдали от крупных городов послание властей реализуется

* Его признание можно прочесть в сборнике документальных свидетельств «На кончике пера»; и тысячу прочих ужасающих подробностей этого периода, который уже покрывается дымкой забвения в сочинениях Янь Цзяци или Барбары Барнуэн. Ба Цзиню хотелось создать музей. К нему в конце концов прислушались, но самым постыдным образом: в одном из пекинских переулков прелестный старинный дом приглашает богатых иностранцев выпить коктейль в кресле, в котором восседал, скажут вам, мало симпатичный Линь Бяо, или же отведать блюдо (увы, превосходное), поданное восхитительными барышнями в одеянии хунвейбинов. Верхом сомнительного юмора является название ресторана: «Синь хун цзы», «новое красное поведение». Не стоит и говорить, что такого рода заведение не могло бы открыться и успешно функционировать без разрешения, полученного на самом высоком административном уровне.

еще более радикальным образом — здесь сжигают все и сразу. Так поступают в Юннани, то же самое происходит с публичными библиотеками в Фунцзяне: в этом регионе из 464 964 томов спалили 224 023; и в Хубэе, в округе Цзинчжоу, к западу от Ухани (400 тысяч уничтоженных книг и периодических изданий). Провинция Ляонин потеряла два с половиной миллиона книг в мае 1966 г., «согласно еще неполным статистическим данным». В Лушани, в Цзянси, красные охранники устраивают свою казарму в библиотеке: служащие меняют профессию, книги складываются в сырых сараях, где ими начинают лакомиться разные насекомые; когда запах плесени станет невыносимым, их сожгут. Равным образом, вполне можно прочесть свидетельства бывших красных охранников, например, такое: «Имелись там в основном идолы и книги; все книги — желтые, черные, вредоносные — были конфискованы в городских библиотеках в начале июля и сложены во Дворце культуры трудящихся. В большинстве своем это были старые, переплетенные вручную книги. «Золотой лотос», «Сон в красном тереме», «Речные заводы», «Троецарствие», «Истории, рассказанные в рабочем кабинете» — все подлежали сожжению. В седьмом часу на эту груду вылили пятьдесят литров керосина, а затем подожгли. Пламя поднялось до высоты второго этажа. [...] Пламя классовой борьбы никогда не погаснет». Вполне официальные фотографии Ли Чженьшэна в Хэйлунцзяне долгое время оставались секретными, равно как и другие, которые в конце концов будут опубликованы и откроют миру лицо этого «народа, состоящего из сообщников и безмолвных жертв». Они покажут тупую ненависть, общее желание унижать и портить: «сеансы борьбы», чередующиеся с сожжением буддистских книг, которые «не более, чем собачье дерьмо», и разгромленные библиотеки: видны лишь тканые золотом книги, остальные послужили метательными снарядами.

Хотя солдатам Мао было разрешено уничтожать любые издания, попавшиеся им под руку — архивы, древние или иностранные книги, каллиграфические шедевры и прочие, все-таки под руку им попало не все. С одной сторо-

ны, эти оболваненные толпы иногда позволяли вовлечь себя в идеологическую дискуссию, которая мешала им сразу приступить к делу, как это произошло однажды в Пекине; библиотекари, полностью одоблив их намерения, начали скандировать лозунги, радостно повторяя «Да, мы выявим все скверные издания!», что дало время для сокрытия книг. В другой раз одному хранителю пришла в голову мысль направить эту буйную энергию в иное русло: он предложил создать зал «Документальных свидетельств культурной революции», куда молодые люди ревностно натащили двести тридцать ящиков брошюр, изданных между сентябрем 1966-го и августом 1968 г. Сходным образом, когда знаменитая библиотека в Сюйцзяхуэ (на шанхайском диалекте произносится Цзыкавэй) с ее двухсоттысячным фондом иезуитских изданий была в 1966 г. атакована злобной бандой, которая перед этим разграбила соседнюю школу, затем церковь и сожгла все найденные там книги, персонал встал в дверях и перед окнами, защищая свое заведение казуистическими доводами (эти служащие потом подверглись преследованиям, некоторые были убиты, однако в промежутке собрание удалось поместить в надежное место*).

Наконец, библиотекарям не всегда приходилось защищать себя самим, и у них находились покровители в

* С июля 2003 г. эта библиотека с красиво отреставрированными хранилищами и обширным читальным залом, созданным на верхнем этаже, где были квартиры, становится отделением Шанхайской, которая изъела 20 тысяч изданий из китайского фонда (каталог, сделанный в тридцатые годы, очень кстати исчез), но оставила в распоряжении читателей около 80 тысяч томов на иностранных языках, дополненных книгами из «Королевского Азиатского общества», своего британского аналога (чье здание, отнесенное к разряду исторических памятников, должно открыться, в свою очередь, как хранилище великих китайских рукописей). Копаясь на полках времен Цзыкавэй, можно обнаружить «Dictionnaire chinois, français et latin, publié d'après l'ordre de sa majesté l'empereur et roi Napoléon le grand», Paris, Imprimerie impériale, 1813, столь объемистый, что в Гонконге отпечатали сокращенное французское издание, но тираж сгорел почти целиком в 1863 г.:

высших сферах власти, которые вынуждены были как-то управлять хаосом Мао. Говорит Тань Сяньцзинь, руководивший Пекинской библиотекой: «Если бы Чжоу Эньлай не приказал армии защитить библиотеку от нападения красных охранников... мне страшно представить, что могло бы произойти». Это было 7 декабря 1967 г. Гарнизон останется на месте весь следующий год, пока его не заменят *цзюньгун сюаньдуй*; эти «бригады рабочей и солдатской пропаганды» были созданы с целью обуздать молодых красных охранников, не желавших возвращаться к учебе. Впрочем, большую часть коллекций сложили в ящики по приказу Министерства культуры в мае 1966 г., задолго до начала волнений, а затем перевезли в Ганьсу и Внутреннюю Монголию — либо потому, что ожидали войны с СССР, либо наверху знали о том, что произойдет. По общим оценкам, примерно половина библиотек в больших городах оставались закрытыми от трех до шести лет, будучи недоступны как читателям, так и хулиганам. Некоторые продолжали работать, как говорят, в виде приманки: департамент западных печатных изданий поджидал неосторожного человека, пожелавшего заказать иностранную книгу, чтобы немедленно донести на него. Но здесь точные данные отсутствуют: этот период китайской истории является запретной темой, и по-прежнему невозможно разговорить последних его свидетелей.

Quartum Scriptum Oxoniense Doctoris subtilis Joanis Duns Scotis, Venetiis, 1515; а также «Письмо из Пекина о духе китайского языка» Пьера Марсьяла Сибо, который пытается установить не больше не меньше, как родство между идеограммами и иероглифами. Утонувшие в километровых рядах проповедей и других столь же душеспасительных, сколь бесполезных изданий, возникают первые альбомы Бенжамена Рабье, бесчисленные названия, прославившиеся благодаря внесению в Индекс, а также целый стеллаж ежегодников Китая первой половины XX в., бесценное пособие для историка. Вот такой парадокс: именно коммунистическому Китаю принадлежит честь сберечь и предоставить в распоряжение исследователей единственную в мире иезуитскую библиотеку, сохранившуюся почти нетронутой в своих собственных стенах.

лей, которых с каждым днем становится все меньше и меньше. Поэтому достойно сожаления, что никто так и не записал признания исключительного человека Гу Тинлуна, руководившего Шанхайской библиотекой и умершего в 1998 г. почти столетним старцем: в пятидесятых годах он вместе со своими помощниками обходил заводы по производству бумаги с целью спасти хотя бы родословные десятков тысяч китайских семей (они составляют сегодня сорок семь томов, неоценимых для исследователя); преподавал своим сотрудникам каллиграфию в обеденный перерыв и, несомненно, был более чем неприятным свидетелем фантастической чистки учреждения, которую произвел Чжан Чуньцяо, получивший неограниченную власть во время культурной революции и устранивший пятьдесят из трехсот шестидесяти библиотекарей за то, что они знали антикоммунистический текст, написанный им некогда под псевдонимом Ди Кэ.

В 1976 г. одновременно не стало Мао Цзэдуна и «банды четырех». Пока власти демонстрировали всей остальной планете китайца, горько оплакивающего первого, страна исступленно праздновала тюремное заключение вторых: через неделю в Пекине нельзя было найти ни капли спиртного. Официальные похороны культурной революции сопровождались, однако, долгой и мерзкой отрыжкой обскурантизма: в 1979 г. Китай переходит от «борьбы с четырьмя видами старья» к «борьбе за четыре модернизации». Быстро забытый председатель Хуа Гофэн вполне серьезно заявляет, что библиотеки будут создаваться «для научного творчества масс», а пропаганда идет своим ходом, оперируя все теми же недостоверными сведениями: «Администрация музеев и памятников культуры вернула два миллиона книг их бывшим владельцам».

Несмотря на восторг от прихода новых времен, которые породили новый лозунг партийных бонз, придуманный после бойни на Тяньаньмэнь в 1989 г.: «Обогащайтесь» (подразумевается «и отстаньте от нас»), Китай испил до дна чашу бедствий.

За десять лет страна лишилась частных и публичных библиотек, образования и чтения. Для восстановления эффективной работы системы понадобилось еще десять лет; в наибольшей степени пострадали в этот период без публикаций, приобретения книг и связей с заграницей публичные и научные библиотеки. Вдобавок, если можно так выразиться, нацию оболванивали на примере унижения всех интеллектуалов, которым оставалось только умереть или смириться со своим скотским положением. Среди других последствий этого неслыханного периода сегодня особенно поражает колоссальное снижение культурного уровня китайской молодежи, которая — впервые в истории страны — в значительной мере отсечена от своего прошлого, так что даже студенты с большим трудом могут прочесть литературное эссе тридцатых годов. «Наши родители ничему не способны нас научить», — перешептываются они.

Через двадцать два столетия Цинь Ши Хуаньди успешно завершил операцию «табула раса».

КАМБОДЖА

Хотя неумолимая логика *хун сяо бин*, красных солдатиков Мао, во многом способствовала национальной катастрофе, сложность традиционного китайского общества и обширность территории не позволили им достичь столь ужасного предела, который превзошли их последователи из страны Ангкора*.

В Камбодже, где власть разлагалась вследствие американских махинаций и своей собственной некомпетентности, банды красных кхмеров в 1975 г. в одночасье установили кровавый авторитарный режим, который продержался три года: за это время треть населения погибла в атмосфере самого настоящего безумия, когда дети были возведены в ранг «инструментов диктатуры Партии». Только

* Знаменитый храмовый комплекс в Камбодже. (Примеч. перев.)

учителя, прикинувшиеся тупицами, смогли уцелеть — другие закончили жизнь в пластиковых мешках. Стратегия Салот Сара, иначе говоря Пол Пота, или Кхиеу Тхирита, его «министра социального действия», состояла в том, чтобы выдрессировать армию подростков в духе ненависти ко всем опорам старого общества: предкам, буддистам, преподавателям и даже собственным родителям. Во исполнение этих принципов были уничтожены 5857 школ, 1987 пагод, 108 мечетей и церквей, 796 больниц. Бумаге объявили войну: деньги отменили, равно как и удостоверения личности; наличие фотографии каралось смертью. Разумеется, книга была объявлена смертельным врагом, легко узнаваемым в облике принадлежащих старой культуре рукописей на листьях веерных пальм или пришедших из-за границы печатных изданий, и с первых дней такого чудовищного, неслыханного в мировой истории события, как насильственная эвакуация Пномпеня, молодые люди в черном ринулись в библиотеки. Первым делом в Национальную. «Во дворе гора сожженной бумаги, из которой выглядывают красные, зеленые или белые переплеты, сгоревшие не полностью. Оторванные листы усеивали лестницы и полы в разных комнатах. Ценные документы, привлекавшие эрудитов со всех концов света, валялись в садах и на улице перед фасадом — затоптанные, вымоченные прошедшими недавно дождями, заляпанные грязью, разорванные [...] В Буддистском институте, одном из самых крупных исследовательских центров страны, 70 тысяч томов архивов на кхмерском и на пали превратились в пепел и бумажную труху. То же самое происходило на филологическом, естественно-научном, педагогическом факультетах: гигантские собрания книг послужили материалом для аутодафе перед конференц-залом Шакдомук».

Это рассказ о совсем недавнем времени, не позднее 1976 г. Когда мировое общественное мнение поймет, что эти омерзительные деяния выходят за пределы реальности, Камбоджу уже начнут забывать.

ШРИ-ЛАНКА

Колониализм всегда оставляет после себя бомбы замедленного действия. Так, британцы в XIX в. в массовом порядке завозили на Цейлон тамильских рабочих для своих кофейных и чайных плантаций.

31 мая и 1 июня 1981 г. полицейские во главе с двумя министрами, по словам одних, или толпа безымянных проходимцев, согласно правительственной версии, нападает на библиотеку в Яффне и поджигает это трехэтажное здание. В пламени исчезают 97 тысяч томов на бумаге и пальмовых листьях, в том числе 150 древних рукописных трактатов о лекарственных травах и единственный экземпляр «Ялпанам Вайпавама», история Яффны, а также офисы и материалы ратующей за независимость газеты «Тамил Оеламаду».

Через двадцать лет власти провозгласили национальную кампанию «Одна книга, один кирпич», благодаря которой удалось реконструировать здание и восстановить библиотеку, однако «тигры» противятся ее новому открытию, требуя сделать штурм 1981 г. объектом постоянной экспозиции. Следствием чего стала отставка муниципального совета тамиллов (умеренных).

В марте месяце 2003 г. армия по-прежнему охраняла библиотеку, которая благоразумно остается закрытой на неопределенный срок.

КАШМИР

Изумительная горная долина, название которой всегда напоминает нам о роскоши и элегантности, долго считалась самым вероятным воплощением рая на земле. Зажатая между Пакистаном и Индией, под настороженным взглядом Китая, чей нейтралитет состоит в массивированных поставках вооружения Исламабаду, она и в самом деле стала раем кровавого насилия, уличных убийств и разрушения библиотек — последний феномен обладает здесь такой особенностью, как постоянство.

Расположенный на «крыше мира», в западной части Гималаев, Кашмир отличается этническим своеобразием, к

которому арабские завоеватели долгое время относились с почтением — вплоть до поздней исламизации, произошедшей в эпоху мистика Али Хамадани, в 1372 г. Террор же начался в XV в. с приходом к власти султана Сикандара (1394—1416) и насильственного обращения индуистов с целью искоренить влияние кашмирских пандитов, ученых и эрудитов древней санскритской культуры Шарда Питс (или «тигель познания», священное название Кашмира).

Поэт Шривар говорит, что Сикандар «сжигал книги, *саклан пустакан*, как огонь пожирает сено [...] Сияющие хранилища знаний обрели свой конец, как цветки лотоса под натиском зимних морозов». Было запрещено пользоваться санскритом, а затем персидским, которым пандиты владели в качестве второго языка. Возникли и украсились яркими деталями легенды: так, рассказывают, что причалы на озере Анчар стоят на штабелях осужденных книг.

Здесь рубеж веков не сыграл обычной смягчающей роли: под непрерывным давлением пакистанских агентов исламисты по-прежнему нападают на библиотеки. Но их интеллектуальный кругозор значительно расширился: сочинения Дж. Б. Шоу, Мильтона, Шекспира и самого ненавистного из всех — Дарвина — в последнее время летят в тот же костер, что и произведения национальных писателей — Йонрая, Сомананда, Утпальдева, Кшемендры...

С 1998 г. Джамаат-и-Ислами творит свои злодеяния по большей части в университетах или же в книжных магазинах. Так был уничтожен магазин в Батамолоо, который специализировался на трудах Маркса и Энгельса; Жан-Поль Сартр тоже был там неплохо представлен.

Уже само новое официальное название страны — «Джамму и Кашмир» — показывает, что мира не будет никогда. Ее следовало бы переименовать в «тигель безумия». Даже в Шринагаре некий Абдур Рахман Кондоо недавно основал центр изучения ислама и подарил ему собственные книги, чтобы компенсировать уничтожение библиотек «Мадинат аль-Улум» в Хазратбале и Ислам-

ского колледжа в Сринагаре. Похоже, об этих фактах сообщает только он один.

Казалось бы, столкновение Корана и «Капитала» принадлежит прошлому. Отнюдь.

КУБА

Летом 2001 г. небольшая группа библиотекарей обратилась с злокозненной просьбой дать почитать хоть какую-нибудь книгу Джорджа Оруэлла. Единственные три экземпляра трех разных изданий находились в Национальной библиотеке, где им ответили, что это невозможно: поскольку директор собирается написать статью об этом писателе, он держит его произведения в своем кабинете. Куба находится на вершине прогресса: единственным сервером Интернета является государство.

Более сорока лет назад Фидель Кастро уже высказал интеллектуалам то, что им следует знать: «Внутри революции — всё. За пределами революции — ничего!» О результатах можно судить по книжным магазинам и трем миллионам томов в библиотеках: известная вселенная ограничивается в основном жизнью и деятельностью Эрнесто Гевары, а также его политических сподвижников. В ноябре 1999 г., шепотом рассказывает один из местных журналистов, сотни изданий, подаренных Испанией, были уничтожены сразу по прибытии.

Нынешняя власть в начале правления совершила очень серьезную ошибку, научив всех кубинцев читать и писать. Вот они и пользуются этим. Как следствие, возникла целая сеть любительских библиотек, которые неведомо каким образом ухитряются доставать и втихомолку выдавать книги на дом — с большим риском для собственной безопасности. Несмотря на преследования, изъятия и тюремные сроки, таких несознательных людей было восемнадцать в 1999-м и около шестидесяти в 2003 г. Европейские туристы также могут быть уверены, что обнаружат экземпляр «Фермы зверей» на бортике бассейна.

Зуавы Ламорисьера никогда не слышали о бесчинствах крестоносцев в Триполи в 1109 г. Тем не менее в Константинополе в 1837 г. они действовали точно так же: «Книги из частных библиотек выкидывали на улицу, их топтала, рвала и пачкала озверевшая от ненависти солдатня, которая видела «Алькоран» в любом издании на арабском языке, например в драгоценном переводе одного из трудов Галиена [...] Несколько книг, спасенных одним просвещенным офицером, который отправил их под охраной в Алжир, были в дороге сожжены солдатами, страдавшими от холода той суровой зимой!» Так рассказывает бывший лидер компартии Садек Хаджерес и добавляет, что все это соответствует мудрым наставлениям Токвиля: завоеванная страна должна быть разграблена.

Коммандос из отряда «Дельта» ОАС, напротив, прекрасно помнили подвиги Ламорисьера и прочих аристократов-завоевателей, когда взрывали университетскую библиотеку в Алжире и муниципальную в Оране на следующий день (6 июня 1962 г.) после того, как Жуо приказал Салану прекратить бесчинства, словно смерть книг была для них довеском к убийству людей или же последней схваткой перед уходом из страны. Самир Хашани, преподаватель-ассистент на факультете экономики библиотечного дела Алжирского университета, оценивает потери при пожаре в 252 258 изданий, т.е. половину фондов (пресса называла цифру только в 60 тысяч). Пассивность в сражении с огнем кажется ему не менее преступной, чем само злодеяние; улица тогда рассуждала так: «Мы не уйдем, оставив здесь то, что создали наши отцы». Однако он добавляет мимоходом, что несколько тысяч редких книг, по его данным, были скрытно переправлены в метрополию, как только начался обратный отсчет движения к независимости. Эти издания будто бы оказались в Центре заморских архивов в Экс-ан-Провансе, руководители которого заявляют, что им об этом ничего не известно и что они совершенно к этому не причастны.

Через тридцать лет после того алжирского лета партия под названием Национальный фронт завоевала большинство в целом ряде южных муниципальных советов и приступила к чистке публичных библиотек, упраздняя «тропическую литературу», «мономаниакальные» тенденции и подшивки «Либерасьон». «Пора хорошенько вымести библиотеки», — провозглашает мэр ставшего коричневым Оранжа, где, как по мановению волшебной палочки, на полках появляются издания, которых прежде чурались, словно чумы. Как свидетельствует Жиль Лакруа, внешне демократический «свихнувшийся плюрализм» оправдывал риторику Фронта, согласно которой «каждую антифашистскую книгу должна *уравновешивать* книга расистская».

Пришлось спешным порядком послать инспекторов, и Министерство культуры разродилось двумя рапортами чисто теоретического свойства, предлагая профессионалам устроить экуменическую дискуссию на тему: включает ли свобода слова право на подлость? Восемнадцать процентов дали правильный ответ «да», но только в 2002 г., когда после краха левых партий один француз из пяти выразил полное доверие крайне правым. И вновь прожектор был наведен на три города, продавшихся дьяволу. Выяснилось, что в муниципальных библиотеках Оранжа, Витроля и Мариньяна «почти полностью исчез квалифицированный персонал», резко снизились финансирование и уровень посещаемости (восемь процентов населения Оранжа против шестидесяти в Кавайоне, если ограничиться только одним примером), стал применяться принцип «нравственного отбора»: Уэльбек — да, Катрин Милле — нет, согласно оценке одного из библиотекарей в Витроле. Но хотя почетное место на стеллажах занимают теперь теоретики и издатели, дорогие сердцу FN-MNR*, их совсем не забавные писания привлекают меньше читателей, чем можно было подумать. Впрочем, библиотеки-

* Front National—Mouvement National Républicain: крайне правые организации Национальный фронт и Национальное Республиканское движение. (Примеч. перев.)

сателлиты знают, что этот электорат не слишком привержен чтению, и с большей охотой устраивают «анимационные мероприятия» на умело выбранную тему, как замечает Жиль Эболи: «Атлантида, софрология, памятники мегалита, золотое число, символика Грааля» — и еще язык эльфов. Именно систематическое использование этих погрешек «представляет собой главную угрозу самой миссии публичных библиотек».

В результате ассоциация профессионалов создала досье «Ресурсы Свободы» на своем сайте abf.asso.fr; он должен ускорить и усилить мобилизацию после того, как опустели библиотеки в трех городах. И ситуация застыла на этой точке: служители книги вынуждены уходить, а ратуши жалуются на некомпетентность персонала. Достигнута одна из целей тоталитаризма: вовлечь противника в неразрешимое противоречие.

АФРИКА

Пришла пора разобраться с неосторожной фразой, которую некогда произнес Амаду Ампате Ба, слишком часто повторявший, что в Африке умирающий старик подобен полыхающей библиотеке. Прежде всего, потому, что континент имеет свою долю пожилых невежд, но, главное, потому, что создается иллюзия, будто в этой сфере все обстоит прекрасно и хорошему негру библиотека не нужна. Однако как раз ему она необходима больше, чем всем остальным жителям планеты, ибо инфраструктура здесь либо недостаточно развита, либо вообще отсутствует, а существовавшая еще недавно уничтожена из-за этнических конфликтов, грязной борьбы за власть и экономического кризиса: Ангола в период жизни одного поколения потеряла от восьмидесяти до девяноста публичных библиотек со всем их содержимым; негативные показатели зафиксированы также в Руанде, Конго, Судане... Исключая ЮАР, в Африке, как правило, только школьники знают, что такое библиотека, — и лишь они в нее ходят.

Хотите услышать голос, хотя бы один голос той вселенной, которую Запад обычно полностью игнорирует?

«Дом настолько обветшал, что можно без преувеличения говорить о бедствии», — рассказывал в 2000 г. Тибюрс Коффи, новый директор Национальной библиотеки Кот-д'Ивуара, а ведь это одна из самых благополучных стран. От кого можно ожидать помощи, как не от правительства? «Тибюрс, кончай ты свою песню о нехватке книг. Если их нет в библиотеке, какое до этого дело Кот-д'Ивуару?» — изрек министр коммуникации и культуры, капитан второго ранга Анри-Сезар Сама Дамалан; однако его пресс-служба, когда поднялась волна негодования, поспешила заявить, что он пошутил.

Действительно, что может сделать библиотечная книга в странах настолько обездоленных, что «дождевой водой», к примеру, могут назвать национальную денежную единицу?*

Ответ очевиден: всё. От реализации личной мечты до социального единства. Вот почему библиотеки в первую очередь страдают во время государственных переворотов. Поскольку на этих страницах и так слишком много говорилось о многочисленных попытках реконструкции**, прочтем с пользой для себя берущий за душу, но не безнадежный доклад о бедственном положении библиотек, автором которого является Ассия Исаак из Мапуту; одним из самых интересных примеров для подражания здесь назван опыт Кахамарки в Перу, места совершенно нищего, где публичная библиотека существует за счет самих жителей, обходясь без помещения, расписания, каталога и заработной платы служащим; в этом досье на английском языке, которое можно найти в магазине и в Сети, рассказывается об инициативах различных фондов и ассоциаций, способных более практичным способом заметить «полыхающих стариков».

* «Пула» в Ботсване.

** Среди них выделяются спасательные работы в Шингетти и Уадане, где отличился Жан-Мари Арно. Однако публика гораздо больше увлекается историями о потерянных и особенно найденных рукописях периода первых столетий хиджры, чем проблемами библиотеки, выдающей книги на дом в какой-нибудь деревушке Зимбабве.

Эрцгерцога Франца-Фердинанда убили, как только он покинул живописную неомавританскую резиденцию парламента. Тем самым город Сараево обрел мировую славу. С X в. известно, что этот регион представляет собой одну из пороховых бочек мира, однако в наше время никто не хочет признать, что таковым он останется всегда.

Здание было воздвигнуто в 1896 г. в центре старинного турецкого квартала в стиле, гораздо более близком к венскому ориентализму конца века, чем к мусульманской архитектуре. После Первой мировой войны здесь располагалась ратуша, и простые люди продолжали называть ее Виечница даже после того, как Тито разместил в ней Национальную библиотеку. Под этим двойным наименованием она стала международным, популярным символом города Сараево.

Пять этажей, 6 тысяч квадратных метров, 420 посадочных мест, 108 служащих, 2 миллиона книг и периодических изданий. Цифры ничего не говорят о другом феномене — смешении языков и культур, осуществившемся в этом месте. Действительно, инкунабулы и манускрипты — книгопечатание началось в Боснии только в 1866 г., поэтому рукописные копии и каллиграфия оставались здесь обычным делом до конца XIX в., — написаны на латинском, английском, русском, арабском, немецком, итальянском, испанском, турецком, древнееврейском и персидском. Алфавит латинский и кириллический, арабский и древнееврейский, естественно, глаголический; многие книги также на аламихадю, или аджамисском, варианте арабского для передачи местных языков: сербского, хорватского и боснийского. Мозаика — оборотная сторона пороховой бочки.

Осадившие город сербы расположили свои артиллерийские позиции на четырех холмах. 25 августа 1992 г. именно отсюда они методично засыпали фосфорными бомбами Виечницу. На следующий день обстрел возобновился — еще около сорока снарядов упали в пригородах. Военной необходимости в этом не было: сербы попросту разрушили водопровод.

Библиотека горела три дня. Люди, невзирая на опасность, выходили из домов, чтобы не оставаться в стороне от трагедии, помочь и спасти, выхватить из огня хоть какое-нибудь издание. Тогда-то и была убита снайпером библиотекарь по имени Аида.

«Солнце потускнело от дыма сожженных книг; над всем городом валил снег из хрупких страниц, превращавшихся в серый пепел. Вы могли поймать одну из них и ощутить ожог, в течение секунды прочесть текст, странный серый негатив на черном фоне, который вдруг остывал, и страница обращалась в пепел в ваших пальцах». В пепел обратились лексикографические труды и личные бумаги Любушека, архив поэта Кранчевича и литературного критика Кржича, дипломатические материалы конца XIX в., когда самые разнообразные канцелярии теснились в Сараеве; исчезли в одной топке сербские и хорватские стеллажи: очевидно, агрессорам было плевать на собственные книги. Вовсе нет, с обезоруживающим юмором заявил сербский националист Радован Караджич, утверждавший, что библиотеку подожгли сами мусульмане, «которые не любят свою архитектуру». Его войска обстреливали город с прицельной, отнюдь не случайной точностью: 17 мая они сровняли с землей Восточный институт, где находились 5475 исламских и древнееврейских рукописей, сотни тысяч документов, иллюстрирующих пять веков османского господства, 10 тысяч турецких, персидских, еврейских и арабских печатных изданий. За что же? А за то, что эти шкафы хранили не только последствия оккупации и символ сосуществования, но и свидетельства того, что на протяжении веков бесчисленные славяне выбрали обращение в ислам и мирную жизнь в Боснии.

Именно поэтому сербы-федералисты столь систематично и столь злобно уничтожали собрания книг в стране, которую они намеревались «очистить». Таким образом, были полностью или частично сожжены сотни муниципальных, университетских, музейных, мемориальных или монастырских библиотек. Не будем перечислять их, это стало бы слишком монотонным. Число настолько феноменальное, что можно утверждать: именно

сербы выиграли эту войну. Почему ООН помогала им, мешая их противникам защищаться, — загадка, которой пусть забавляются дети. С другой стороны, имеется множество фактов столь же масштабного, методичного и идеологически мотивированного уничтожения библиотек в Косове и Албании. Ограничимся лишь одним примером: когда в сентябре 1991 г. сербская армия уходила из города Задар в Далмации, ей надо было решить, что делать с книгами, которые не пострадали, поскольку бомбардировок не было. И офицеры приказали развести большой костер, куда полетели десятки тысяч печатных изданий и рукописей на языке латинского происхождения — критерием отбора служил уровень понимания. Дым был виден в течение двадцати дней за много километров. Шестьдесят компьютеров библиотеки солдаты разбили топорами.

Едва ветер унес пепел Виечницы, как в Сараево во множестве ринулись друзья книг, которые дружно осудили лицемерие мирового сообщества и все причины случившегося. Несчастье ближних можно продать, и, на радость тем, кто умеет тянуть медийное одеяло на себя, всегда где-нибудь происходит драма. Увы, как только камеры исчезают, пережившие бедствие редко привлекают внимание даже официальных организаций. Так и библиотека в Сараево была вторично приговорена к смерти. После того как Австрия оплатила реконструкцию крыши, без чего просто рухнули бы стены, оставшиеся на месте служители и библиотекари вынуждены были признать очевидное: обещанная помощь не пришла или почти не пришла. Объяснения самые разные: другие конфликты оттянули средства, а деньги лучше потратить на приемлемый для всех проект (в данном случае — мост в Мостаре), ибо внезапно обнаружилось, что речь идет о восстановлении не столько здания, сколько символа. Журналистка Эллен Берри сразу выявила суть проблемы в великолепном архитектурном журнале «Метрополис». В 1991 г. в Сараево насчитывалось 501 тысяча жителей: половина мусульман, 28% сербов, 7% хорватов и 15% «других», иными словами, десят-

ки тысяч евреев. Из проживающих сегодня 360 тысяч 87% исповедуют ислам, а евреев нет вовсе. Как возродить ту универсальность, которую накопила великая библиотека за столетия рутинной жизни, примирявшей колонизаторов и иммигрантов?

И вот десять лет спустя выясняется, что заменен только купол, тогда как стены насквозь вымокли и стали хрупкими за четыре зимы со снегом и дождями. Будущее библиотеки остается неопределенным. Впрочем, бюджет ее был сокращен на сорок процентов, а в правительстве больше нет министерства культуры.

Предками боснийских иудеев были евреи, изгнанные из Испании в 1492 г. Одна из таких семей пронесла через всю Европу манускрипт агады 1314 г., сто девять каллиграфически выписанных страниц с поразительными и наивными миниатюрами — книга, чей след обнаружился в 1510 г. в Италии и которая в конечном счете осела в Сараеве. В 1894-м некий малыш Коэн отдал ее своей школьной учительнице за несколько монет, чтобы прокормить родителей. Сегодня она оценивается в «почти миллиард долларов». Поскольку агада является обрядовой книгой библейских историй и молитв, связанных с праздником Песах, этот экземпляр несет отметины непринужденного пользования в ходе ежегодно повторяющихся пирушек; в частности, есть пятно от вина. Книга попала в Национальный музей и стала настолько знаменитой, что, когда войска вермахта вошли в город в апреле 1941-го, командовавший ими генерал лично отправился за драгоценным изданием. Тогдашний служитель, хорват Йоздо Петричевич, ответил ему: «Вчера мы отдали книгу одному из ваших полковников». — «Его имя?» — «Нам запретили спрашивать». Генерал приказал обыскать хранилище, но ему пришлось удовлетвориться сефардской хроникой за пять столетий, которую он конфисковал, как уже сделал в Дубровнике. Хитроумный Йоздо втихомолку доверил агаду другу-мусульманину, имаму провинции, который спрятал ее под камнем на пороге своей мечети, где книга пролежала до конца войны. В конце 1991 г. Кемаль

Бакарсич — также мусульманин, но, по его собственным словам, атеист, — тогдашний директор библиотеки Национального музея Боснии, проявил благую инициативу и перенес в надежное место двести пятьдесят тысяч книг — пешим ходом, вместе с коллегами, походившими на «безмолвные тени». Таким образом, сараевская агада оказалась в бронированном подземном сейфе Банка Боснии до первых бомбардировок. Наконец десять лет спустя Национальный музей объявил, что готовится выставить эту чудесную Вечную Книгу, прекрасную эмблему этнического смешения, но также, возможно, детонатор грядущих столкновений: как только вступили в силу Дейтонские соглашения, боснийские сербы заявили свои права на треть этого ценного достояния. Они не требуют, правда, разрубить книгу на три равные части, но хотят, чтобы выставка ежегодно перемещалась в другие этнические столицы: сербскую Баня-Луку и хорватский Мостар.

В результате агада упрятана в Сараеве в специально построенной для нее бронированной камере и доступна взглядам лишь того, кто получит разрешение от трех властей и будет находиться под присмотром трех представителей общины, каждый из которых имеет свой ключ.

АФГАНИСТАН

Поскольку эта страна не подписала соглашения об охране авторских прав, здесь можно издавать в неограниченных количествах любые книги, что способствовало подъему библиотек в Афганистане в 70-х гг.

В период советской оккупации каждый переводчик был писателем, и наоборот. Чистка «буржуазной» литературы и внедрение пролеткульта продолжались не слишком долго, поэтому они не успели отупеть. Талибан* из-

* Вопреки распространившейся в печати версии, это слово пишется не во множественном, а в единственном числе и происходит от *талиб*, т.е. «некий студент».

менил все. Для талибов любая книга, кроме Корана, стоила даже меньше музыки, которая находилась крайне низко в иерархии ценностей. В Герате, интеллектуальной столице страны, было уничтожено обширное собрание бывшего поэта, ставшего министром культуры, — одновременно с библиотекой университета. В 1996 г. настал черед публичной библиотеки Кабула.

Саид Мансур Надери, отец которого был поэтом-мистиком и написал десятки книг, создал в 1986 г. в Кабуле измаилитский культурный центр под названием «Хаким Насер Хосров Балхи». Деятельность его была разнообразной, там издавались журналы, и каждый год ремесленникам, исследователям или художникам вручалась какая-нибудь премия. Место это особо славилось своей большой библиотекой, превосходящей по количеству и качеству книг любую из тех, что когда-либо существовали в стране. С приходом моджахедов квартал Таймани, который Надери избрал для своего центра, поскольку измаилиты составляли там большинство, оказался в эпицентре внезапно вспыхнувшей гражданской войны. Надери тут же принял решение перебраться в Пул-и-Кумри. В то время этот промышленный город с населением в 300 тысяч человек, поставлявший в казну государства сорок процентов всех налогов, называли «маленькой Москвой». Здесь можно было встретить юношей и девушек, одетых по-европейски и спешащих в университет. Именно сюда устремилось большинство интеллектуалов, оставшихся в стране после того, как талибы в 1996 г. захватили Кабул.

Когда в следующем году последние подошли к Мазар-и-Шарифу, Надери, который уже выступил с первым международным обращением против них и против пакистанцев, еще раз перевез библиотеку с целью укрыть ее в горах. Она насчитывала тогда пятьдесят пять тысяч изданий. Талибы встретили серьезное сопротивление под Мазаром, и только маленькая группа проникла в Пул-и-Кумри. Потом она ушла. Все поверили, что дело завершилось — книги были привезены обратно. Тем временем Надери официально подарил свое собра-

ние стране, чтобы наследники не смогли разбазарить его*. Центр обладал тогда своей типографией и телестудией, имел скульптурную мастерскую и цех для производства ковров. Он занимал большой красивый дом, где некогда располагалась мэрия, в обширном парке на берегу реки.

По приказу Омара талибы в черных тюрбанах захватили город 12 августа 1998 г., в 10.30 утра, после ночного боя с союзными силами Масуда. Они направились прямо в центр «Хаким», расстреляли из пулеметов наглухо запертые двери и уничтожили все, что было внутри: скульптуры выбрасывали из окон, книги швыряли в воду; пожар начался с типографии, и через три часа не осталось ничего. Так рассказывает Латиф Педрам, заместитель директора библиотеки: он укрылся в ближайшем доме и оттуда наблюдал за поэтапным разорением центра.

Место было тихое, пришельцы устроили свою штабквартиру в парке и с удовольствием расхаживали по нему. Никто не знает, почему они решили расправиться и с деревьями.

В этот день погибли полные подшивки афганских и иранских газет и периодических изданий, публикуемых с XIX в. Книги относились к разным отраслям знания: история, философия, литература, религия. Здесь было много древних рукописей исламского и светского содержания (в том числе произведения поэтов XVII в. и редкие версии «Шахнаме», «Книги царей»), все указы Ага-хана и переписка измаилитских лидеров. Итак, можно с уверенностью утверждать, что весьма значительная часть истории страны никогда уже не будет написана.

В этом следует видеть настоящую победу тех, кто хотел положить конец преобладанию персидского (дари) в

* В то время сын Надери Джеф получил известность в Калифорнии как большой любитель аудио- и DVD-дисков, пива и мотоциклов «Харлей-Дэвидсон»; после падения талибов он вернулся в страну, где начал карьеру полевого командира и вернул себе прежнее имя Саид Джаффар.

культуре Афганистана (пушту — язык бедный, почти не имеющий древней литературы; что породило, по словам Латифа Педрама, определенный комплекс неполноценности); это также успех суннитов, желавших покончить с шиизмом региона. Как и прочие иконоборцы до них, та либы стремятся «стереть в порошок прошлое», дабы ничто не угрожало их убогой «риторике» и не могло конкурировать с ней. Они начали менять географические названия, но это дело поправимое. А вот статуи Будды в Бамиане*, сокровища Кабульского музея и библиотека в Пул-и-Кумри уничтожены бесповоротно.

Говорят, что при известии об уничтоженных книгах одна старая иранка со вздохом произнесла: «Такое с нами уже случалось, сынок». Ибо в Персии еще помнят легенду о халифе Омаре, который приказывал сжигать библиотеки с нежелательными рукописями. И возникает лишь один вопрос: думал ли маленький мулла — его тезка — об этой исторической параллели?

ИРАК

«Наследие, приговоренное ООН» — с таким заголовком на первой странице вышел в 2001 г. январский номер журнала «Археология», из которого можно узнать, что в период эмбарго из страны каждый день вывозили сто клинописных таблиц. Уже война 1991 г. нанесла ущерб многим историческим объектам, затем побудила — после введения санкций — голодных жителей заниматься самодеятельными раскопками и воровать, что породило так называемый «золотой век» для западных коллекционеров. Об этом рассказала в «Бостон глоб» 24 января 2003 г., за два месяца с небольшим до начала нового вторжения, Элизабет Нейфер, весьма осведомленная

* Их поминали гораздо чаще, чем афганские библиотеки, едва не договорившись до того, что они не такие уж и красивые, особенно по сравнению с другими — например, в китайском Фенцяне.

журналистка*»; в ее статье дается детальное описание хаоса и разрушений, последовавших за американской военной акцией десятилетней давности (4 тысячи похищенных книг, в том числе 2 тысячи бесценных, из которых удалось найти 12): это описание позволяет предсказать, что произойдет, если опять ничего не будет сделано. Мировое сообщество археологов, исследователей и хранителей, другие организации — даже пользующиеся благоволением властей, как Голубой щит (эквивалент Красного Креста в сфере культуры) — выступают тогда с многочисленными призывами, но единственным результатом этой кампании становится ожесточенная полемика между учеными «патриотами», группирующимися вокруг Белого дома, и противниками уже объявленной войны. Полузакрытые «группы» Интернета, где эрудиты обычно обмениваются информацией по инкунабулах или управлению музеями, внезапно взрываются градом оскорблений и показывают, до какой степени нетерпимость проникла даже туда, где ее меньше всего ожидаешь встретить: большая часть американских подписчиков проявляет крайнюю враждебность к любым попыткам обсудить эту тему и шумно покидает портал. Не вызывает удивления и лоббистская деятельность АССР**, ассоциации миллиардеров и крупных покупателей произведений искусства, которые поддерживают Белый дом в надежде отменить или смягчить очень эффективные иракские законы, запрещающие экспорт античных реликвий. Все знают, что было дальше. Поскольку Соединенные Штаты и Великобритания не ратифицировали Гаагскую конвенцию 1954 г. по защите культурных ценностей в странах, подвергшихся нападению, их лидеры несут полную ответственность за случившееся. Что же касается военных...

Разгром музеев в апреле 2003 г. в Багдаде и Мосуле на глазах у более чем инертных морских пехотинцев привел

* Элизабет Нейфер погибла в Ираке 9 мая следующего года.

** American Council for Cultural Policy — Американский совет по культурной политике (англ.).

к потере многих тысяч глиняных книг, в том числе библиотеки Сипара, обнаруженной в 1986 г. и почти не уступающей в древности собранию Ашшурбанипала: так недавно, что лишь две дюжины из этих восьмисот табличек были изучены, переведены и опубликованы (например, Джереми Блеком в Оксфорде)*. Крах режима породил множество всякого рода злоупотреблений: десять тысяч исторических объектов оказались заброшенными, Ниппур** и храм Энила или Изин опустошены за один месяц. Ирак был разграблен.

Национальная библиотека была основана в 1961 г. Будучи легальным хранилищем, она насчитывала в восьмидесятих годах 417 тысяч томов, 2618 собраний газет и периодических изданий, 4412 редких книг; накануне вторжения ее фонды оценивались в 2 миллиона единиц хранения, в том числе «самая большая в мире коллекция газет на арабском языке». Национальный архив, созданный через одиннадцать лет, находился в том же здании, в Баб-аль-Муаззам; здесь хранились документы хашимитских (1921—1958 гг.) и османских (1534—1918 гг.) правителей, равно как еврейской общины, очень важной в историческом плане. Ветер безумия и тайны, поднявшийся в Багдаде между 14 и 21 апреля, казалось, породил или раздул два пожара, сопровождавших грабеж, хотя квартал окружали войска, которые блокировали все подходы к нему***, а накануне, вечером 14-го, был объявлен комендантский час. Будет достаточно домыслов о том, что исчезновение всех документов 80-х гг. многим

* Пропали они из-за некомпетентности и эмбарго или же были разбиты и унесены ворами, следующими по пятам за местными ассирологами, — какая разница?

** Современный Ниффер или Нуффар. (*Примеч. перев.*)

*** Согласно наблюдениям, сделанным на месте Эдуаром Метенье из Французского института Ближнего Востока, докладу Набила аль-Тикрити из Ассоциации ближневосточных библиотекарей (см. сайт www.oi.uchicago.edu/OI/IRAQ/docs/nat.html) и докладу Жана-Мари Арну (Генеральная инспекция библиотек), побывавшего с миссией в Багдаде (см. сайт <http://www.cfifla.asso.fr/conferences/berlin/irakarnoult.htm>).

было на руку, кстати, «Уолл-стрит джорнел» от 28 апреля отмечает, что использовались фосфорные бомбы. За несколько дней до катастрофы библиотекари вынесли от 150 до 200 тысяч изданий с текстами на древнееврейском языке и спрятали их в мечети аль-Хак. Но переезд всей библиотеки в два миллиона томов и двадцать миллионов архивных документов представлял операцию такого масштаба, которую иракцы не смогли бы осуществить; если бы они предприняли такую попытку, бесчисленные наблюдатели 2002 г. наверняка бы это заметили. Итак, от большинства книг Национальной библиотеки «не осталось ничего, кроме толстых слоев пепла, куда можно погрузить руку, не встретив никакого сопротивления» (Арну).

Библиотека Авкаф*, которая располагалась в пятистах метрах и насчитывала, помимо печатных изданий, 7500 рукописей, отбираемых с 1920 г. в мечетях Багдада, была разграблена и сожжена одновременно с Национальной. Правда, две трети наиболее ценных ее фондов успели вывезти, остальное же поместили в тридцать два металлических контейнера, приставив к ним одного вооруженного охранника, которого американские солдаты поспешили убить, из-за чего сразу возник слух, что в этих запертых железных ящиках спрятаны доллары, и двадцать два из них были похищены людьми с эмблемой «ТВ» на груди и на спине. Десять оставшихся контейнеров сожгли вместе со всем содержимым.

В том же квартале тем же вечером была разрушена баит-аль-хикма, унаследовавшая прославленное название эпохи Аббасидов. Основали ее в восьмидесятых годах в помощь изучающим социально-экономические науки. Как только здание сгорело, в саду напротив стали бесстыдно продавать многие книги, уцелевшие при пожаре. Хотя Центральную межуниверситетскую библиотеку (*аль-мактабат аль-марказийа*) пощадили, но библиотеку Академии наук разграбили и сожгли после того,

* Букв. «пожертвование» (*араб.*).

как американский танк вышиб ворота, чтобы сорвать флаг; когда он исчез, толпы зевак получили возможность поживиться. Нет определенных данных о судьбе других архивов, числом около двадцати. Зато «дар Саддам ли-ль-макхтутат», Дом Саддама для манускриптов, куда власть собрала примерно сорок семь тысяч старинных документов, большей частью конфискованных или украденных (например, в священных шиитских городах Наджафе и Кербеле), был закрыт в январе 2003 г., а его коллекцию энергичный диктатор переправил в атомное бомбоубежище. Название теперь другое: «дар аль-макхтутат аль-иракийя» — Дом манускриптов Ирака.

Сейчас иракские библиотеки восстановлены, но есть все шансы, что правитель, куда более приверженный фундаментализму, чем омерзительный раис Хусейн, сочтет своей прерогативой решать, какими книгами их заполнить. На одного диктатора диктатор вдвойне?

Таким образом, после многих месяцев подготовки, угроз и предостережений сначала прессы, потом специалистов — столь же уважаемых, сколь робких — хватило всего пяти дней, чтобы оправдались все опасения, ибо в Мосуле и Багдаде практически исчезли тексты и памятные вехи целой цивилизации: от ассирийских табличек до османских рукописей. «Для Ирака начинается нулевой год», — сказал по горячим следам один британский журналист. Затем случился большой переполох, в котором трудно отделить эмоции от дезинформации (ничего не было уничтожено и почти ничего не разворовано — так орал полковник, путавший манускрипты «Дар Саддама» с обычными музейными справочниками), деревянный язык ЮНЕСКО — от предписаний по реконструкции. Не услышан был только голос местных интеллектуалов, которые задолго до падения Хусейна и даже на протяжении многих веков (вспомните Лейерда) обличали сугубо колониальный характер археологии на Ближнем Востоке и концепции *Месопотамии* как колыбели человечества, иными словами, Европы, а затем Соединенных Штатов. Зато СМИ охотно давали слово

привычной стае однодневок, слетающихся на свет. Они порхают от Сараева до Кабула и высиживают коммюнике в триста строк, в которых единственной новой информацией является фраза: «А я там был». Это мировая элита вестников несчастья.

Нужно сказать, что праздник удался на славу: он обошелся в сто миллиардов долларов*.

Но обратите внимание, когда это случится вновь: в первые часы вся поступающая информация сводится к двум словам, от которых содрогается планета: «Библиотека горит». На следующий день прибывают специальные посланники, и депеши с места событий пополняются сведениями о количестве погибших книг, об ответственных за разорение, о плачущих ученых и проч. Через неделю появляются эксперты, щедро оплаченные какими-то загадочными фондами, и, параллельно разбуханию подробных отчетов, все чаще поднимается проблема инвентаризации, помощи и реконструкции; вина размазывается, пустопорожние обещания множатся, и уже в следующем месяце начинает казаться, что библиотека *вроде бы* и не горела. Через год она словно бы и не существовала. Можно переходить к следующей драме.

Я утверждаю, что книга эта не имеет конца. В марте 2001 г. члены конгрегации «Harvest Assembly of God» сжигают в одной библиотеке близ Питтсбурга все книги, в которых видят оскорбление своему богу: Хемингуэй, Халиль Джигбран... («Бизнес джорнел», 23 апреля). 28 марта наступает очередь библиотеки Свидетелей Иеговы в Грузии, затем в России, а 15 марта 2001 г. в Джакарте националисты и мусульмане сжигают издания, признанные коммунистическими... Ad libitum** сайт Ас-

* И еще несколько миллиардов, чтобы создать сеть гостиниц, достойных принять туристов, которые уже изнывают от нетерпения: Багдад, город тысячи и одной войны, — бешено популярное направление.

** По желанию, на выбор (*лат.*).

социации американских библиотек в конце концов завел рубрику, где ежедневно обновляется хроника этого планетарного костра.

Однако в июле 2003 г. Ирака там по-прежнему нет.

Это исследование было начато сразу после сожжения библиотеки в Сараеве, заканчивается оно — поскольку нужно отдавать рукопись в печать — пожаром в библиотеке Багдада. Десяти лет вполне хватило, чтобы убедиться, насколько ухудшились условия для честлюбового и невинного поиска знаний в начале XXI в., когда громадная власть достается все более и более инфантильным лидерам, а те окружают себя экспертами, которые всю жизнь обходятся тридцатью словами и маскируют посредством простейших аргументов очевидные географические и экономические интересы. «Мы ведем мировую войну с терроризмом, и кто не согласен с этим, тот, скорее всего, сам террорист»; по такому случаю можно разрешить аншлюс даже с соседями по лестничной клетке и одновременно принять нелепые меры, вроде предписания библиотекарям доносить на читателей подозрительного вида, заказывающих сомнительные книги. Все это было бы очень тревожным знаком, если бы одновременно не происходило общее снижение уровня культуры. Начавшийся полвека назад процесс оскудения словаря и мыслей, который вряд ли повернет вспять в ближайшее время, опирается на упрощение и даже вульгаризацию самых респектабельных некогда средств массовой информации. Отсутствие юмора и чувства дистанции, ставшее повсеместным издательским правилом, равно как и той интеллектуальной легкости, которую создает хорошо подобранная умственная библиотека, означает, что сегодня какому-нибудь Франсуа Мориаку вряд ли удалось бы опубликовать свои «Блокноты» — если ограничиться лишь одним примером во Франции, в довершение всего еще и экуменической. Неужели подлинная жизнь найдет убежище только в академических журналах? В воздухе словно бы витает некая всемирная организация ничтожества, которой

каждый с восторгом спешит принести свою ежедневную скромную лепту, стараясь выглядеть как можно менее глубоким, тонким или ученым. Недавно был Дональд, теперь это Симпсоны.

Жизнь, основанная на относительности всех понятий и исключительном значении идиотских товаров, способствует выходу на сцену того, что всегда укрывалось за кулисами, готовясь заполнить пустоту умов: религии, которая также стала игрушечной в своих внешних проявлениях и получила от маркетинга новое прозвище «духовность». Мы увидим (в главе одиннадцатой, не раньше), как вероятное будущее крупных энциклопедических библиотек может сыграть на руку этому детскому утреннику.

9. ПОТЕРИ В МИРНОЕ ВРЕМЯ

Ты будешь мила Риму, пока молода; но когда тебя хорошенько истрепят, засалят и изомнут, ты будешь валяться где попало, и, в конце концов, тебя сожрут черви: они-то читать не умеют.

*Гораций**

Корнелиус Уолфорд родился в Лондоне 2 апреля 1827 г. Он был страховщиком, эрудитом-самоучкой и соответственно автором истории страхового дела. Когда в 1885 г. он скончался от малярии, подцепленной в Америке, где Уолфорд участвовал в работе Международного съезда стенографов, библиотека его — тридцать тысяч томов — разбрелась по свету. Он пробудил любопытство библиофила Фернана Дрюжона названием доклада, с которым был приглашен на второй ежегодный конгресс Библиотечной ассоциации Объединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, проходивший в Манчестере в 1879 г. Доклад назывался «Практическое и историческое рассмотрение гибели библиотек при пожаре». Дрюжон унес с собой в могилу неудовлетворенность тем, что так и не познакомился с текстом, целью которого были в равной мере стремление продать как можно больше страховых полисов и желание развлечь библиофилов. Если коротко, то там говорилось следующее: «Книга — предмет, который очень трудно сжечь или разрушить иным способом, это требует времени и терпения; книги, собранные вместе, в коллекции, переносят пожар легче или тяжелее в зависимости от того, насколько компактную массу они собой представляют. Настоящая опасность для книг исходит от окружающей обстановки: их слишком часто держат в помещениях, совершенно для

* Из «Посланий» (I, XX) — сочинения, которое, находясь в кармане Кондорсе, стало причиной его гибели.

хранения книг не приспособленных». Новые библиотеки должны размещаться лишь в зданиях нового типа, построенных из кирпича, шифера и эмалированного железа, с «утопленными» в стенах стеллажами, кроме того, необходимо тщательно продумать, где будут размещены камин и дымоходы, потому что именно они «всегда представляют собой серьезную опасность». Что же касается жилых домов, как бы хорошо они ни были спланированы и построены — тут речь идет о деревенских домах, — «есть риск, что проявят небрежность люди — слуги и работники, есть риск при курении, выпивке, чтении в постели и множестве других занятий повседневной жизни. [...] Наличие в каждом большом доме одного или двух *огнетушителей**, к счастью, начинает становиться правилом, а не исключением. [...] Возможно даже, что химии удастся сделать книги несгораемыми», впрочем, уже существует аналогичный рецепт для дерева, разработанный неким профессором Фольбарром: «сульфат цинка, 55 фунтов; поташ американский, 22 фунта; квасцы американские, 44 фунта; окись марганца, 22 фунта; раствор серной кислоты 60%, 22 фунта; вода, 55 фунтов». Корнелиус Уолфорд присовокупил к печатному варианту своего доклада тщательно составленный список погибших европейских библиотек — за всю историю континента — и сделал такой жизнерадостный вывод: раз уж ассирийские библиотеки так хорошо сохранились, почему бы нам не вернуться к стойкому материалу — давайте писать книги на глиняных табличках, ведь глина к тому же «в высшей степени доступна»!

Прекрасную библиотеку давних времен освещали факелы, отапливали открытые камин, тысячи легко воспламеняющихся страниц хранились в помещениях, обшитых красивыми панелями из хорошо просушенного дерева. Карл V, прозванный Мудрым (1338—1380), основатель Бастии, восстановивший во время Столетней войны

* Это слово у Уолфорда написано по-французски. (Примеч. перев.)

королевскую власть, создал и королевскую библиотеку в Лувре. Шел 1367 г. А поскольку Карлу V если чего и не доставало, то именно мудрости, он приказал также, чтобы в университете, помимо центральной серебряной люстры, библиотеку освещали всю ночь еще и тридцать переносных канделябров — благодаря такой хитрости, считал король, студенты не смогут бросать занятия, ссылаясь на то, что вечерами становится темно. Хранителей бросало в дрожь от мысли о том, какой опасности подвергаются книги при этом способе освещения; в большинстве известных нам публичных библиотек было официально запрещено приносить в зал какие бы то ни было осветительные или отопительные устройства, и в течение долгого времени библиотека закрывалась очень рано.

Меры мерами, однако огонь, казалось, не был обезкуражен изобретением бетона и металлических стеллажей. В прошлом веке страховые компании изучили триста пятьдесят девять случаев крупных пожаров, произошедших в Соединенных Штатах с 1911 по 1961 г. Среди причин возгорания статистика на первое место ставит небрежность в содержании помещений и электропроводки, обращает серьезное внимание на мусор в подвалах и в качестве рекордсмена по опасности называет обогреватель, который сотрудники устанавливают возле рабочего места в кабинетах, чтобы работать в более комфортабельных условиях. Частота очагов возгорания в американских библиотеках по-прежнему ошеломляет, следствием этого стало появление в английском языке красивого словца, не имеющего аналогов во французском: «arson». Происходит оно непосредственно от латинского глагола «ardere», «жечь», и обозначает сознательный поджог чужой собственности без согласия собственника, как утверждают британские словари, или ради получения страховки, как уточняют словари американские.

И все-таки вода разрушает книги еще вернее, чем огонь: со времен Ноя паводки и половодья то и дело уносят с собой и размывают знание. А завершают дело брандспойты пожарных — так говорит статистика. Мы легко

забываем об этом, потому что вода для нас — символ довольно слабый, и образ «книги в огне», конечно же, куда больше действует на воображение, чем образ «промокнутой страницы», но случаются обстоятельства, при которых вода берет реванш и бьет по чувствам сильнее некуда: например, кораблекрушение. Мы еще увидим, что и библиотекам не удалось избежать этого бедствия.

Все, чем обладает публичная библиотека, принадлежит обществу, потому всякий читатель с полным основанием считает себя законным владельцем этих богатств. Проблема возникает там, где некоторые «законные владельцы» полагают, что им пользоваться библиотечными фондами гораздо нужнее и важнее, чем соседям, и потому позволяют себе уносить книги безвозвратно или портить их. Надо заметить, что борьба с воровством приносит куда более ощутимые результаты, чем борьба с пожарами: до сих пор единственным способом борьбы с огнем остается вода, ничего другого не придумали (одно время думали о применении распылителей углекислого газа, двуокиси углерода, — это вещество гасит огонь, — но, поскольку из-за него случаются остановки дыхания у живых существ, выбор был сделан в пользу традиционных огнетушителей).

В мирное время главные враги библиотек — стихии, воровство и море. Но в тех случаях, когда речь идет о частной коллекции, самым страшным и непобедимым врагом становится смерть владельца. Вот несколько примеров истинных катастроф.

СТИХИИ

— Грандиозный лондонский пожар 1666 г. быстро расправился с библиотеками, вставшими на его пути. «*Flame, where are you going, quo vadis?*»* Книжники Патер-

* «Пламя, куда ты движешься, камо грядеши?» (Англ. + лат. библ.)

Ностер-Роу предусмотрительно упрятали свои сокровища в крипте собора Святого Павла, но огонь нашел их и там, нашел и не оставил от них и следа. Местонахождение Патер-Ностер-Роу было между Амен-Корнер и Аве-Мария-Лейн, где с давних времен успешно вытачивали бусины для четок: корпорация продавцов бумаги, переписчиков и книготорговцев обосновалась здесь еще в 1403 г. Несмотря на часто повторяющиеся возгорания, здесь и в 1838 г. находился самый большой книжный рынок мира.

— Исландец Арне Магнуссон родился в 1663 г. В шесть лет он уже знал латынь, в десять — греческий. Несомненно, к 1683 г., когда он приехал в Копенгагенский университет, им была уже собрана прекрасная библиотека, и король Дании возложил на Арне миссию: вернуться на родину, чтобы затем «пополнить Нашу Личную Библиотеку редкими и старинными манускриптами», но океан на обратном пути поглотил результаты этой первой миссии. Надо сказать, что для библиофилов XVII в. Исландия была кладезем средневековых манускриптов, вот только находились они после Реформы и начала книгопечатания в ужасающем состоянии. Вырванные из них страницы использовались как стельки в обуви, как детали одежды, как бумага для портновских выкроек, а украшенный миниатюрами пергамент брали для обложек современных печатных книжек. И все-таки Арне Магнуссону удалось по крохам восстановить все книги и привезти десять лет спустя в Копенгаген внушительную коллекцию, которую он сохранил для себя. Когда вспыхнул пожар 1728 г., спаливший полгорода, его дом, как и многие, сгорел, естественно, с большей частью великолепной библиотеки. Магнуссон был так уверен, что будет защищен мерами, принятыми муниципалитетом, что сам не предпринял ровно ничего. И хватило тридцати минут, чтобы уничтожить «книги, которых уже не найти нигде в мире». Хозяин сгоревшей сокровищницы заболел и вскоре умер...

— Эшбернхем-Хаус, само имя которого говорит о проклятии*, служил в Вестминстерском аббатстве помещением для книг английского короля, когда из-за неисправности в каминной трубе дом загорелся. Огонь перекинулся из камина на деревянные панели обшивки. Случилось это в два часа ночи. Попечители метались по комнатам, полным дыма, и выкидывали в окна все, что могли, до тех пор, пока самим не пришлось бежать. Сэр Генри Коттон в 1700 г. принес в дар роскошную библиотеку, собранную его дедом Робертом, который скончался, лишившись возможности ею пользоваться, — таков был приказ Карла I, видевшего в этом собрании подрывной элемент. Коллекция была довольно небрежно принята от имени нации королем Уильямом III, и никто никогда ею не воспользовался. Между тем в коллекции находилась богато украшенная — двести пятьдесят знаменитых миниатюр, сделанных в Александрии и датированных V или VI в.! — Книга Бытия, от которой сегодня сохранилось несколько обугленных фрагментов. Зато прославленное «Лиднисфарнское Евангелие»** избежало этой участи. Девятьсот пятьдесят восемь манускриптов, потеря которых была бы невосполнима, были размещены в четырнадцати шкафах, увенчанных бюстами двенадцати цезарей, Клеопатры и Фаустины, несговорчивой супруги Марка Аврелия. Так, рукопись «Беовульфа», первой написанной по-английски поэмы, не погибшей при «чистках» Генриха VIII, была обозначена шифром «Vitellius A-XV», что означало «пятнадцатая книга первого стеллажа под бюстом Вителлия». Эта история битвы с чудовищами, переплетенная в кожу, вышла из огня с обугленными обрезками и была присоединена к жалким останкам коллекции, размещенным в Британском музее в 1753 г., что не помешало ей медленно разрушаться и

* Ashburnham House: ash — пепел, burn — гореть (англ.). (Примеч. перев.)

** Рукопись, приблизительно датированная 698 г. и созданная в монастыре Линдисфарн (Lindisfarne), расположенном на Святом острове у побережья Нортумберленда. Хранится в Британской библиотеке в Лондоне. (Примеч. перев.)

дальше, вплоть до 1845 г., в конце концов две тысячи букв из текста «Беовульфа» оказались безвозвратно утрачены.

— Кампания «по рорегу» — «нет папизму» — предала Лондон огню и мечу на целую неделю в июне 1870 г., и чернь сожгла тогда богатую библиотеку лорда Мэнсфилда, того самого, который считал, что каждый раб, достигающий берегов Англии, становится свободным человеком (это не касалось берегов колоний).

— Томас Джефферсон (1743—1826) стал в 1800 г. третьим президентом Соединенных Штатов Америки и оставался им до 1809-го. По его собственному признанию, Джефферсон был «жаден, как собака» до книг и с рождения до смерти был окружен книгами всегда. Для него это был способ не терять ни минуты на безделье — например, ожидая гостей к ужину. У Джефферсона было поочередно три библиотеки. Первая — он собирал эту библиотеку с детства — сгорела в 1770 г. вместе с родительским домом, Шедуэллом. Следующую по счету этот дальновидный человек, не проявляя излишней деликатности, продал в 1815 г. правительству (6487 томов за 23 940 долларов), и она стала основой восстанавливающейся после уничтожения англичанами Библиотеки Конгресса*. Однако нет добра без худа: многих членов Конгресса на смерть испугало «радикальное» содержание некоторых полученных от бывшего президента текстов — скажем, трудов Вольтера. Третья, последняя, библиотека относится уже к тем годам, когда Джефферсон вышел в отставку. Он предпочитал «деликатесы математических истин» романам, которые называл «горами отбросов». Книжные стеллажи, изготовленные для его маленького дворца в Монтичелло краснодеревщиком, состояли из отдельных полок, которые можно было ставить друг на друга хоть до

* В 1814 г. британская армия захватила Вашингтон и сожгла Капитолий, где располагалась созданная в 1800 г. библиотека. Тогда пострадали 3000 томов, и Джефферсон предложил Конгрессу продать свою личную библиотеку, самую большую в стране, для возобновления фондов.

потолка и каждая из которых — на случай переезда — закрывалась крышкой, как гроб.

— Библиотека Конгресса, едва оправившись от пожара войны 1814 г., снова сгорела в 1825-м, правда, пожар на этот раз был не столь разрушительным. А в 1851 г. случилось и третье возгорание — уничтожившее две трети фондов, достигших к тому времени пятидесяти пяти тысяч томов. После этого построили наконец здание с каменными полами и металлическими стеллажами.

— Город Турку, первая столица Финляндии, одно время, когда страна перешла под власть шведов, назывался Або. Но как бы там ни было — академическая библиотека этого города, основанная в 1640 г. в замке, сгорела 4 сентября 1827 г. — сгорела вместе со всем этим красивым городом, оставшимся в истории двуязычным.

— Когда в 1865 г. библиотека Offog была выставлена на аукцион Sotheby&Wilkinson, в доме, куда ее поместили, начался пожар. Строение выгорело, от тесно составленных на полках книг остались только страницы овальной формы в рамке из угля. Тем не менее нашелся человек, который приобрел выдержавшие тяжкое испытание страницы за несколько гиней, и годом позже тысяча книг из этой коллекции, обрезанных и переплетенных у господ Puttick&Simpson, была предложена любителям на торгах. В том же пожаре полностью погибли семнадцать тысяч томов коллекции Хумбольдта, срок страхового полиса на которую истек в полдень того рокового дня (Walford).

— Эндрю Уайли, президент университета американского штата Индиана, в 1828 г. основал университетскую библиотеку и лично следил за пополнением фондов. Здесь был каталог, напечатанный в 1854 г. — незадолго до того, как 11 апреля все сгинуло в пламени. Что ж поделаешь, библиотеку стали восстанавливать — и собрали тринадцать тысяч томов, конец которых был столь же печален: они сгорели в 1883-м. Не все: две из них удалось спасти.

— В ночь на 24 января 1904 г. огонь уничтожил Национальную и Университетскую библиотеку Турина.

Причину пожара выяснить так и не удалось: «снова обвиняли электропроводку, говоря об очередном коротком замыкании», но похоже, что все выключатели находились в нерабочем положении. Знаменитый архив уже пострадал от бедствия в 1659 г., но с тех пор он сказочно разбогател. Тем не менее «каталоги [...] вели недобросовестно». И все же мы знаем, что накануне трагедии в библиотеке насчитывалось 38 залов; 1095 инкунабул, в числе которых «Роман о Ланселоте Озерном» в трех ин-фолио на пергаментной бумаге, выпущенный одним из первых французских издателей Антуаном Вераром (Париж, 1491); 10 321 гравюра; 1500 альдин*; 621 гебраика, 4138 манускриптов, включая четыре «Романа о розе» XIV в. и один XV в. — «Бродячий рыцарь» маркиза де Салюса, украшенный миниатюрами, которые приписываются Пизанелло; а главное — часослов Жана, герцога Беррийского, книга большого формата, предназначенная для чтения на клиросе, с семью цветными иллюстрациями работы, скорее всего, братьев Ван Эйков, и превратившаяся теперь «в три закопченных корочки». То, что спасли, принялись реставрировать: кожа начала гнить и работа с применением желатина предстояла тонкая. Она продолжилась бы лечением с помощью пара и коллодия, но при следующем пожаре манускрипты стали «просто массой клетчатки». В то же время появились сообщения, что в Ватикане используют «весьма чуткие электрические приборы, которые звонком могут предупредить самого префекта о ма-

* Альдины — издания фирмы венецианских типографов Мануциев, в особенности Альда Мануция-старшего (около 1450—1515). Издания эти отличаются особыми достоинствами, в том числе необыкновенной чистотой печати. Мануций открыл свое издательство в 1490 г. и совершил революцию, изобретя убористый шрифт курсив (по-латыни *italico*), карманный формат *in octavo*, а также остроумный метод получения бесплатного труда: авторов, зашедших по делу, заставляли помогать в редакции (не избежал этого и Эразм Роттердамский); многие из альдин — первые издания греческих и римских классиков, а также проверенные по рукописям произведения Данте, Петрарки, Боккаччо. (*Примеч. перев.*)

лейшем подъеме температуры на полках». Пример, достойный подражания.

— Землетрясение 18 апреля 1906 г. полностью уничтожило новую библиотеку новенького и очень красивого Стэнфордского университета, выстроенную «без спросу», то есть ее проект не был показан ни основателю университета, ни главному библиотекарю, ни главному хранителю. Сразу после этого несчастья в Сан-Франциско случился быстро распространившийся пожар, который прозвали «*ham end eggs fire*»*, потому что он застиг население за завтраком. Жертвой пламени тогда стали двести тысяч книг публичной библиотеки. Но три четверти подземных толчков приводят лишь к тому, что книги, на беду служащих, пулей вылетают с полок. Так, например, после такого толчка 1971 г. в Сан-Фернандо в Калифорнийском университете (Нортридж) пришлось расставлять по местам шестьсот тысяч томов, а двадцать тысяч — заново переплетать. А некоторые землетрясения упорно разрушают здания, выстроенные, казалось бы, с таким расчетом, чтобы устоять.

— 1 сентября 1923 г., за две минуты до полудня, в то самое время, когда пора было готовить обед и люди подбросили в печи древесного угля, в Токио произошло одно из самых грандиозных землетрясений в истории (7,9 по шкале Рихтера, 140 000 погибших только в Канто), за ним последовал трехдневный пожар, уничтоживший семьдесят процентов города — и, естественно, множество библиотек. Национальная библиотека (DNL) хранит в своих фондах 248 000 докторских диссертаций, посвященных землетрясениям, — они написаны после 1923 г., когда сгорели все труды, предшествовавшие этой дате.

— После того бедствия, каким стала для библиофилов чилийская оккупация (1881—1883 гг.), в Перу была восстановлена Национальная библиотека, но, увы, по-

* Огонь яичницы с беконом (англ.).

жар 10 мая 1943 г. вновь ее уничтожил. А затем... затем Чили превратилось в одно из тех восхитительных государств, где служащие таможи изымают сочинения, посвященные кубизму, считая, что они представляют собой апологию Фиделя Кастро.

— Пожар уничтожил тысячи книг, хранившихся в Библиотеке Национального собрания Франции, которую можно назвать подлинным воплощением духа энциклопедизма. Это произошло 25 августа 1944 г. при осаде дивизией Леклера Бурбонского дворца*, в котором разместились в период оккупации немецкие власти. Полный список погибших изданий можно найти в Национальной библиотеке Франции. Были спасены мудрым решением отправить их в Либурн восемьдесят инкунабул, а главное — сотни манускриптов, среди которых «Исповедь» Руссо, а также «Codex borbonicus», ацтекский календарь, купленный за 1300 франков в 1826 г. — в период, когда наполеонизация Испании привела к тому, что был покинут Эскориал. Сегодня в фондах библиотеки содержится примерно 1900 манускриптов, но главный интерес представляет собой история парламентаризма, которая встает из полных подшивок «Gazette nationale» или «Moniteur universel» — журнала, основанного 24 ноября 1789 г. знаменитым лильским издателем Шарлем Панкуком.

— 8 февраля 1951 г. один студент, которому ужасно не хотелось идти в армию, дождался обеденного часа и бросил горящую спичку в корзину с бумагами одного из помещений административного здания в столице штата Мичиган, Лансинге. Комната, где был совершен поджог, находилась на седьмом этаже, в ней был собран архив, состоявший из папок с документами. Пожар вспыхнул сразу и длился пятнадцать часов, чтобы его усмирить пожарные выливали по 6000 галлонов воды в минуту. Мичиганская библиотека была расположена на первом этаже горевшего здания, ее хранилище — в подвале. Было уничтожено 22 400 книг, для которых до того не существовало ни малейшей угрозы огня.

* Резиденция Национального собрания. (Примеч. перев.)

— Конец шестидесятых годов XX в. ознаменован пожарами в университетских библиотеках Соединенных Штатов, особенно в Нью-Йорке и Вашингтоне. Некоторые книгохранилища горели несколько раз за год — например, в штате Индиана. В то время был весьма популярен «коктейль Молотова».

— Причины пожара, обратившего апрельским днем 1966 г. в пепел 70 000 книг, принадлежавших еврейской теологической семинарии, так и остались неизвестны. Есть интересные фотографии с десятками тысяч томов, вымокших в процессе тушения огня: на следующей неделе они были разложены во дворе сушиться под солнышком.

— 4 ноября 1966 г. река Арно вышла из берегов, поднялась на шесть метров и понеслась по Флоренции со скоростью 80 километров в час, сметая все на своем пути и оставив позади себя 500 миллионов тонн смешанной с мазутом и содержимым сточных канав грязи, в которой потонули трупы животных и автомобили. Все это вливалось в подвалы и первые этажи зданий. Во Флоренции, этой колыбели культуры, довольно много библиотек, в том числе и «Коломбария», уже пострадавшая в 1944 г., их тоже постигла печальная участь. В частности, Центральная национальная библиотека хранила в своих подвалах 1 200 000 книг — инкунабулы и манускрипты, к счастью, находились на верхних этажах. Доктор Эммануэле Кассамассима, директор библиотеки, в течение месяца не покидал ее стен. Вместе с тысячами добровольных помощников, питавшихся, как и он сам, все это время только кофе с бутербродами и хорошим вином, он занимался очисткой и сушкой не только библиотечных фондов, но и восьми миллионов каталожных карточек (это заняло целый год, но зато, воспользовавшись случаем, их микрофильмировали). Библиотекарям факультетов литературы и философии не хватило ни терпения, ни самоотверженности: они быстренько избавились от 35 000 грязных и дурно пахнущих книг. Через сорок или без малого сорок лет после наводнения от команды из ста двадцати человек, трудившихся в центре реставрации Национальной биб-

лиотеки, осталось пятнадцать, а «вылечить» предстояло еще 35 500 томов, иными словами, работы осталось на добрых десять лет.

— Ураганам и торнадо, регулярно опустошающим значительную часть американской территории, упорно присваивают девичьи имена, что дает повод газетчикам впоследствии писать примерно так: «Селия с библиотекой обошлась сурово». Правда, и название «Унесенные ветром» тоже повторяется довольно часто.

— В 1986 г. двумя пожарами, последовавшими один за другим с интервалом в четыре месяца, было уничтожено 400 000 книг из Публичной библиотеки Лос-Анджелеса, а еще 700 000 пострадали от воды из брандспойтов. Вот вам доказательство того, что профилактика подобных катастроф остается прекрасной мечтой. В обоих случаях (29 апреля и 3 сентября) имел место криминальный поджог, но больше об этом ничего не известно.

— Утечка газа, затем служащий включает свет — и 100 000 книг вместе с архивами графства превращаются в дым. Дело было 1 августа 1994 г. в Норвиче на востоке Англии. Несколько манускриптов XI в., хранившиеся в подвале, пострадали только от воды, которой залили их пожарные, и были отправлены на вакуумную сушку.

— 28 июля 1997 г. в Форт-Коллинзе (штат Колорадо) за считанные часы с неба пролилось столько воды, что она стояла на высоте семи дюймов над уровнем мостовых. Университетская Библиотека Моргана была только что отреставрирована и расширена. Одна стена оказалась не слишком прочной, она обрушилась, и полмиллиона научных работ, помещенных на время ремонта в подвал, были затоплены. Ущерб оценили по разным источникам в 22,5 или в 36 миллионов долларов. Эту библиотеку уже затапливало в 1938 и 1951 гг. Оба раза говорили о «сделанных выводах». Сейчас довольно большая часть поврежденных книг «вылечена» вакуумной сушкой, сотня тысяч работ заменена дарами различных американских организаций и примерно столько же оцифровано и доступно лишь с монитора.

— 16 августа 1998 г. закончилась обошедшаяся в 65 миллионов долларов реставрация Публичной библиоте-

ки Бостона с ее знаменитыми фресками работы Пюви де Шаванна и Сарджента. Подумали обо всем, кроме труб водоснабжения и канализации в подвале. В час ночи столетнюю чугунную трубу прорвало, и в подвалы, заливая их содержимое, хлынули тонны воды подозрительного цвета и запаха.

— О лионском пожаре, случившемся 12 июня 1999 г., чуть дальше.

— 21 мая 2001 г. в Сиэтле загорелся Центр городского садоводства и цветоводства, Институт биогенетических исследований был охвачен огнем, и погибло на два миллиона долларов научных книг. В поджоге подозревались «зеленые», активисты ELF (Earth Liberation Front — Фронта освобождения Земли). «Но ведь наша цель — лишь улучшение окружающей среды!» — жаловался один из ученых, специалистов по генетической модификации органических веществ.

— 29 мая 2002 г. совершенно необъяснимым образом загорелся склад издателя и книготорговца «Ле Бель Леттр», где хранилось три тысячи экземпляров, в том числе французская университетская серия, более известная как «серия Бюде», классические работы греческих и латинских авторов, равно как и другие научные раритеты, посвященные Китаю, Индии, арабским странам... Вот уж поистине беллетристика! В контексте общего упадка знаний, пусть даже речь идет не о библиотеке — а некоторые книги лежали на складе с 1960 года, — этот пожар можно считать настоящей драмой, потому что, в соответствии с логикой менеджмента, тиражи были микроскопическими и переиздания некоторых книг ждать нечего. Все, что образцовый издатель классических произведений в минувшем веке (минувшем вместе с культурой?) был обязан иметь в своем каталоге, даже если торговля этими трудами нерентабельна, сейчас обречено на забвение, прибыв в будущее лишь в качестве названий книг, которые в больших библиотеках обрекаются на физическую гибель из-за того, что к ним редко обращаются посетители. Хотя избавление от свалки не находящей сбыта продукции можно рассматривать как удачу для всякого издателя, в данном случае речь идет о весь-

ма ошутимом пробеле в панораме французских текстов. Захотят ли снова открыть потрясающие сплетни Прокопа о Теодоре или «Эроса-подростка»? Вам скажут: репринты без даты... Да, репринты, и что с того? Из приблизительно 1600 названий 1200 возродятся из пепла, приняв куда более скромное обличье: цифровая печать, обложки, лишь ярко-розовым цветом напоминающие старинные переплеты. А работы менее соблазнительные — такие, скажем, как письма византийского историка Никифора Грегораса, или даже такие глупости, как «Отношения между Китаем и Индией» — труд, написанный по рассказам путешественников Абу Заидом аль-Хазаном в 851 г.? Остается надеяться, что их можно будет найти хоть в каких-то библиотеках.

— В сентябре 2002 г. половина Европы была затоплена грязной водой*, и лимонно-желтые непромокаемые накидки туристов, у которых пропал отпуск, смешивались с точно такими же, но принадлежащими удрученными библиотекарям. Бесчисленное множество книг уплыло неведомо куда во время необъяснимого события, последствия которого оцениваются до сих пор и практически повсюду (см., к примеру: www.unesco.org/web-world/floods5Feurope/).

— Замок Люневиль (департамент Мерт-и-Мозель), который принадлежит ведомству национальной обороны, в четверг 2 января 2003 г. был уничтожен пожаром. Поскольку телевидение обожает показывать шедевры лишь в бедственном положении, этот «лотарингский

* В августе 2002 г. за несколько дней под водой оказались значительные территории Чехии, Словакии, Германии, Австрии, Франции, Швейцарии, Польши, Италии, Испании, Румынии, Молдавии, Венгрии и Сербии. Это было самое большое наводнение в Европе за столетие, оно унесло жизни 230 человек. Ущерб от него оценивается примерно в 18,5 миллиона долларов. В сентябре число жертв сильнейшего наводнения в юго-восточных департаментах Франции составило 27 человек, 12 пропали без вести. Более 2000 жителей городов Ним и Авиньон были эвакуированы. В ряде мест за один-два дня выпало годовое количество осадков. (*Примеч. перев.*)

Версаль» стал «горячей темой» для всей страны на целый уик-энд. Библиотека замка лишилась восьми тысяч трудов на военные темы.

— 3 февраля 2003 г. всего за сорок минут погибли в пламени шестьсот стендов Книжной ярмарки в Калькутте. Две трети участников были мелкими издателями, которые, взяв денег в долг, приехали в Калькутту со всей своей продукцией, потому что ярмарка давала надежду реализовать здесь половину торгового оборота, чего в иных условиях было не сделать, ибо в стране плохо с книжными магазинами. Из всех, кто участвовал в ярмарке, только двадцать два британских издателя позаботились о страховке от пожара. Они создали фонд, чтобы прийти на помощь другим.

То, что мы сегодня имеем право называть «Лионским делом», заслуживает отдельного рассмотрения, потому что город, правду сказать, никогда не жил совершенно мирной жизнью, но никогда и не был целиком вовлечен в войну. Например, в воскресенье 16 февраля 1997 г. пожар, признанный криминальным, полностью уничтожил анархистский книжный магазин «Черное перо» вместе со всем, что хранилось на его складах. С другой стороны, пусть даже явной связи между этими событиями нет, у всех на памяти действия машин-таранов и поджоги синагог Мингетт в Венисье (14 октября 2000 г.) и в Ла-Дюшер (23 марта 2002 г.). А еще до того, в июне 1999 г., в то самое время, когда общество было в особенном возбуждении в связи с делом Плантена, благодаря которому открылась неизменная снисходительность к негационизму в университетах Лион-II и Лион-III, внезапно разразился пожар в университетской библиотеке на набережной Клода Бернара. В этом крупном архиве, основанном в 1886 г., уже при создании были собраны многие фонды, изъятые при разделении церкви и государства (в частности, документы турнонских ораторианцев, семинарии и архиепископства), в число которых входили и 17 000 томов, изданных до 1800 г., манускрипты и инкунабулы. Здания, построенные когда-то Абрахамом Хиршем, в

1930 г. были переданы во владение филологическому и юридическому факультетам. В дальнейшем фонды пополнялись, богатели, и к ночи на субботу 12 июня, когда в 1.30 вспыхнул огонь, насчитывали уже 460 000 единиц хранения. Пожар такого масштаба, считает подполковник Серж Делег, должен был исподволь тлеть долго, иначе не могли бы так внезапно загореться сразу все крыши. Город до сих пор не забыл пламя, в котором вместе с кровлями строений унеслись в ночную тьму 300 000 книг. Месяцем позже в двух точках возгорания обнаружили следы углерода — и сразу же было возбуждено уголовное дело. Пресса вскользь упоминала, что в пожаре были уничтожены десятки тысяч старинных диссертаций, собранных в университетах Лион-II и Лион-III. «Это научное наследие прошлого, по мнению экспертов, если и можно будет восстановить, то с большим трудом», — писали журналисты. Уцелевшие книги были отправлены на реставрацию, различные организации занялись их «лечением» и восстановлением купола Хирша, расследование топталось на месте. Между тем время шло... 31 июля 2000 г. загорелся архив Дворца правосудия. Пожарным не удалось проникнуть в хранилища, защищенные бронированной дверью, замки которой пострадали от огня, и, пока дверь пытались вскрыть газовой горелкой, тысячи документов обратились в пепел. Любопытно, что в их числе были листовки с обвинениями в адрес «еврейского лобби, которое подожгло университетскую библиотеку» и документы, на основании которых можно было бы в случае необходимости привлечь к ответственности именно тех ученых, чьи диссертации сгорели годом раньше. Прошло еще немного времени. И вот в понедельник 3 декабря 2001 г. выносится постановление о прекращении дела: хотя очевиден криминальный поджог, прокуратура отказалась продолжать расследование ввиду полного отсутствия результатов. И к декабрю 2001 г. даже те, кто мог бы интересоваться этим делом, о нем забыли. Все, за исключением нескольких человек, ближе других с ним соприкоснувшихся. К этому политическому преступлению «было проявлено редкостное безразличие. [...] Нельзя, чтобы постановление о прекращении дела означало, что не было

драмы, не было преступных действий, не было самого события. Ведь покушение на мысль стало одновременно покушением на память».

Лионцы отметили, что ни министр культуры, ни министр народного образования не появились в городе и не проявили обычной словоохотливости в отношении глубинного смысла этой драмы. Теперь и их имена забыты. Мораль истории ярче всего выражает сегодня одна из сетевых энциклопедий, которая не постеснялась высказать суждение о пожарах в лионских библиотеках так: «Это была чистая случайность».

Суждение, которое не предвещает ничего хорошего.

БИБЛИОТЕКА В МОРЕ

«В высоких шкафах из черного палисандрового дерева с бронзовыми инкрустациями на широких полках стояли рядами книги в одинаковых переплетах. Шкафы тянулись вдоль стен, занимая все пространство от пола до потолка. Несколько отступя от шкафов, шли сплошные широкие диваны, обитые коричневой кожей. Легкие передвижные подставки для книг расставлены были близ диванов. Посредине библиотеки стоял большой стол, заваленный журналами, среди которых я заметил несколько старых газет. С лепного потолка, завершая весь этот гармонический ансамбль, четыре полушария из матового стекла изливали электрический свет. С восхищением осматривал я этот покой, обставленный с таким вкусом, и глазам своим не верил.

— Капитан Немо, — сказал я хозяину, расположившемуся на диване, — ваша библиотека сделала бы честь любому дворцу на континенте; и я диву даюсь при мысли, что такая сокровищница сопутствует вам в морские глубины!»*

* Жюль Верн. Двадцать тысяч лье под водой. Глава 11. Перевод Н.Яковлевой, Е.Корш. Цит. по: Собрание сочинений, т.4. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956.

На самом деле роскошества открывшейся взору Аро-накса залы, где были собраны двенадцать тысяч томов, были пустяком по сравнению с возможностью читать, погрузившись в океанскую бездну. Вот хрупкое собрание бумаг, инструмент платонического обладания миром, разместившийся, словно бы у себя дома, в сердце сумерек. В этом образе, представляющем собой вывернутый наизнанку портрет легендарной крепости ассасинов Аламут, Жюль Верн отразил один из самых могучих фантазмов, какие когда-либо существовали: власть над океаном. Он побеждает тревогу, которую возбуждает сама мысль о том, что пучина способна поглотить человека, а одновременно — посмеивается над конкретными и весьма существенными потерями книг, унесенных волнами.

А ущерб на самом деле велик и болезнен: достаточно вспомнить мгновенно ставшую седой шевелюру купца Гуарино Веронезе, когда он увидел, как погружается на дно Средиземного моря корабль со всеми уникальными манускриптами, которые он только что приобрел после взятия Константинополя в 1453 г. Или — богатейшую библиотеку Джан-Винченцо Пинелли, затребованную после его смерти в 1601 г. неаполитанскими наследниками усопшего. Поскольку библиотека находилась в Падуе, ее вместе с остатками имущества погрузили на три, как минимум, корабля. Два из них благополучно достигли места назначения, а на третий напали турецкие пираты. Взбешенные тем, что на судне, кроме ученых трудов, нечем поживиться, пираты выбросили тридцать три ящика в море. Как писал гуманист Пейреск: «Эта несчастная библиотека оказалась особенно несчастной, ибо потеряла даже не знаю сколько ящиков в Адриатическом море, совершая, по приказу наследников, переход из Венеции в Анкону». На самом деле пропало не все. Как сообщает Уолфорд, ссылаясь на Тирабоски, книги были разложены по песку прибрежной полосы, и ими пользовались, чтобы затыкать дыры в кораблях. Зато о тех манускриптах, которые все-таки оказались спасены или прибывших на двух других судах, известно, что некоторые из них были приобретены в 1609 г. для миланской библиотеки Ам-

брозиана. Море проявило себя более жестоко по отношению к голландцу по фамилии Худде, о котором Уолфорд рассказывает, что он был богат, увлеченно изучал Китай, его язык и литературу и так преуспел в этом, что стал мандарином. Когда он возвращался после тридцатилетнего пребывания в любимой стране на родину, всю собранную им китайскую библиотеку на его глазах поглотили воды. Кораблекрушения — явление нередкое: из истории Объединенной Ост-Индской компании мы видим, что ею была потеряна треть кораблей со всем, что было у них на борту.

Почтовый корабль «Альбион» стал в 1819 г. «первым торговым судном, располагавшим библиотекой». Значит, это и была первая погибшая в море библиотека (в апреле 1822 г. во время шторма у берегов Ирландии). Библиотека Лаперуза на борту «Буссоли» насчитывала сто девятнадцать названий: здесь имелись описания путешествий Кука, Джона Хаукесворта, научные труды, — и все это вдруг «исчезло без следа в синей бездне». Это кораблекрушение долго оставалось настолько таинственным, что еще много лет будоражило умы в XIX в. Вспоминают и происшествие с «Пикоком», шлюпом, разломившимся надвое 18 июля 1841 г. и имевшим на борту, кроме экипажа, коллекцию из ста пятидесяти научных трудов, «могилой которым, словно морякам, стала пучина».

Первыми публичными библиотеками на пассажирских судах пользовались как офицеры, служившие на судне, так и пассажиры первого класса. Компания «Гамбург—Америка» прославилась в 1860-х гг. тем, что каждый ее пакетбот обладал «маленькой библиотекой на борту». Когда корабли стали преображаться в плавучие дворцы, переоборудование начали с увеличения площади салонов, в том числе и читальных залов: площадь библиотеки на корабле Кьюнарда* «Сампаня» равнялась в 1891 г. 65 ква-

* Самуэль Кьюнард (1787—1865) основал в 1840 г. трансатлантическое судовое пароходство «Кьюнард Лайн».

дратным метрам, потолок был богато декорирован, в каждом его кессоне светила электрическая лампочка, колонны, поддерживавшие потолок, были обиты голубым бархатом, стены, обшитые панелями красного дерева, украшали инкрустации; книги находились в нишах со стеклянными дверцами, способными уберечь их при шторме. Тем не менее и «Сити оф Нью-Йорк» («Инман Лайн»), и «Тевтоник» — «прекрасно обустроенный и с хорошими книгами» близ прогулочной палубы, и «Мавритания» Кьюнарда, «один из самых богатых кораблей», по словам Колвина Уинтера, проиграли в соревновании с гамбургскими судами, на которых были собраны «самые большие и лучше всех укомплектованные» корабельные библиотеки: по одной для каждого класса, с книгами на четырех языках, в целом по 1600—1700 томов на корабле. То же можно сказать о «Куин Мэри» в 1936 г.: «2000 томов, четверть из которых составляла лучшая современная литература, только для класса с каютами, 1600 для второго класса и 1000 для третьего».

Собрания книг, заботливо расставленных на полках дорогостоящих шкафов, непременно в ту лишенную кинематографа эпоху развлечение и прочный социальный символ, были частью этого плавучего мира, всякий раз содрогавшегося при отплытии и временами величественно погружавшегося в неизменно ледяные волны. На «Титанике», скажем, было две библиотеки. Библиотека первого класса располагалась на палубе «А», оформили ее в стиле Людовика XV, в соответствии с деталями, позаимствованными в Версальском дворце. Книги были взяты на борт в Саутгемптоне, и известно, что в их число входило собрание книжного клуба «Тайм Лайбрери». Именно среди этих книг находилась работа Мэри Джонстон 1899 г. «The Old Dominion», в которой содержались истории совершенных в Лондоне побегов — уцелевший при столкновении с айсбергом полковник рассказывал, что прочел ее и вернул в библиотеку за несколько часов до катастрофы. Во втором классе, на палубе «С» тоже была библиотека площадью двенадцать на восемнадцать метров, обшитая кленом и оформленная в колониаль-

ном стиле. Мебель была красного дерева, книги стояли в шкафах со стеклянными дверцами вдоль одной из стен. Что же до пассажиров третьего класса, которых на ночь запирали, «Интернэшонал Меркантайл Марин Компани» явно сочла излишним предоставлять им в пользование библиотеку.

«Наконец мощный блеск электричества угас, и вскоре «Наутилус», ставший гробом капитана Немо, уже покоился в глубине океана»*.

ВОРОВСТВО

История библиотек, открытых для всех и каждого, неотделима от истории преступлений или, по крайней мере, истории хищений, разворовывания, которое, увы, довольно часто ведет и к худшему — к вандализму. Видит ли книжный вор в библиотечной книге инструмент познания, которого ему никаким другим способом не раздобыть (как средневековый студент), или возможность пусть даже и греховным путем пополнить свое личное собрание, или средство обеспечить себе хлеб насущный, перепродав эту книгу, — в любом случае издание, стоящее на полке публичной библиотеки, представляет собой самую легкую в мире добычу: в некоторых странах Латинской Америки сегодня можно просто войти и взять любую книгу без лишних формальностей. Десять веков существования библиотеки собора Парижской Богоматери — это покупки новых оградительных цепей, это ошеломляющие результаты инвентаризаций, это расследования, клятвы, санкции, примененные к недобросовестным читателям или небрежно относящемуся к порученному делу примицерия, старшему священнослужителю, исполнявшему и обязанности библиотекаря.

* Жюль Верн. Таинственный остров. Перевод Михаила Салье. Глава XVII.

Тем не менее по части патологической библиофилии Франция, судя по всему, находится еще на стадии любительства.

Джон Бэгфорд (1650—1716), обувщик, библиофил, основатель Общества антикваров, всю жизнь провел, рыская по библиотекам Англии и вырывая из старинных книг титульные страницы. Всего таким образом было изуродовано 3355 изданий. Он намеревался издать ученый труд, но так и не сделал этого, успел только изготовить проспект под названием «Искусство книгопечатания», который и распространял в 1707 г. В его коллекции были собраны фронтисписы всех изданий Цицерона, опубликованных в 1606 г., Овидия, Боккаччо, Свифта и Пипса, интригующего труда под названием «A Speedy Remedy Against Spiritual Incontinencie»*, датированного 1646 г., «The Antipathy Betweene the French and Spaniard»** Роберта Джентили и так далее. Этот концентрат собрания редких книг был переплетен в сотню инфолио, которые, несмотря ни на что, составляют теперь предмет гордости Британской библиотеки и одновременно предмет серьезных научных исследований. Хауард сделал портрет Бэгфорда, впоследствии выгравированный Джорджем Вертью.

Такая огромная любовь к книге быстро снискала Бэгфорду толпу конкурентов. Один из них, Джозеф Эймс (1689—1759) опубликовал в 1749 г. труд под названием «Типографские редкости», в котором с гордостью сообщил: «Готовя сию работу, я предпочел пользоваться не каталогами, а самими изданиями» — и действительно, им было изъято из томов до 10 428 особенно понравившихся ему фрагментов книг, опубликованных между 1474 и 1700 г.

Хотя книжное воровство так же старо, как библиотеки и книжные магазины, последние еще в большей степени,

* «Быстрое средство избавления от духовной невоздержанности» (староангл.).

** «Вражда между французом и испанцем» (староангл.).

чем первые, не терпят разговоров об этом, ибо не хотят признавать своей уязвимости и привлекать к себе новых дерзких расхитителей. Национальная библиотека Франции любому, кто спросит, воруют ли книги в ее залах, отвечает, что нет, никакого книжного воровства не существует, а редкие ответы «нет на месте» или «инвентаризация показала отсутствие» означают всего лишь, что книга на полке, только изменились либо ее шифр, либо место на стеллаже, и она непременно в конце концов возникнет снова — через одно или два поколения, пусть спрашивающий тогда и придет за ней. Два экземпляра книги «Воздушная война и литература» Зебальда отсутствуют на полках студенческого и научного залов библиотеки в течение года только потому, что их решили заново переплести? В течение шести месяцев было сделано два запроса на этот счет — сначала в инстанции среднего уровня, затем в самые высокие — и что вы думаете: оба экземпляра тут же появились, причем в прежних обложках. Скорее всего, были заново куплены... И все-таки существует несколько исследований по проблемам хищений в библиотеках с точными цифрами, словно бы случайно — все по англосаксонским источникам. Отважится ли кто-нибудь поговорить об этом в НБФ? Все равно ведь ответят, что этим людям важнее быстро закончить работу, чем сделать ее хорошо, статистика, приведенная ими, весьма сомнительна и уж во всяком случае — ее нельзя экстраполировать... В общем, одна лишь Франция знает, а Франция предпочитает туман. В НБФ расходуются миллионы на предотвращение краж, но принятые меры, раздражая многочисленных читателей, только смещают немногочисленных воров.

Одно из исследований книжного воровства, причем довольно живописное, датируется 1935 г.: Ральф Манн, директор питтсбургской Библиотеки Карнеги возмущается доказанной кражей 134 книг за один только 1933 г. Он поставил у выхода из библиотеки контролера, и число украденных книг было сокращено до 43, но, поскольку тому же или другому контролеру за семнадцать месяцев удалось 291 раз поймать за руку книжных воров и предотвратить таким образом хищения, проблема, по мнению

Манна, куда серьезнее, чем кажется. Манн считает корнем зла потерю моральной ориентации, связанную с экономической депрессией: эти условия способствуют «популяризации идеи о том, что можно брать все, что плохо лежит, иными словами, не прибито к полу или к стене». Другое, менее забавное исследование, было проведено в 1992 г. специализированным отделом британской полиции. В то время считалось, что в публичных библиотеках королевства хранится двести миллионов экземпляров книг. Единственной возможностью узнать точно, существует ли на самом деле книга, «отсутствующая на месте», не поставили ли ее случайно на другую полку, была бы полная инвентаризация фондов, однако у трети библиотек не оказалось средств на такую проверку. Отсутствие книг в тех библиотеках, которые могли удовлетворить нужды расследования, подтверждено в 4,4% случаев: это 8 800 000 изданий, что в денежном выражении составляет 185 000 000 фунтов стерлингов. Отмечено тем не менее, что в библиотеках с количеством книг менее 10 000 томов цифра потерь ниже — 1,9%, что тенденция в целом усиливается, если речь идет об изданиях, приобретенных в течение последнего года, и что чаще воруют литературу, которая относится к категории non-fiction. Список предпочтений книжных воров в Объединенном Королевстве выглядит так: на первом месте — работы, посвященные сексу, далее идут по нисходящей телепатия, иностранные языки, черная магия, музыка, литература и искусство. В отличие от больших городов, где вперед выходит секс, в маленьких больше всего интереса проявляется к черной магии. Были подтверждены явные преимущества от использования «тэгов», или электронных меток на книгах, но только 36% английских библиотек в состоянии приобрести нужные для этого устройства. Везде запрещено входить в читальные залы с рюкзаками и портфелями, но, кроме 8% специализированных и 4% академических библиотек, нигде никто не мешает посетителям оставаться в пальто.

Хорошо организованные профессионалы используют доступные посетителям библиотек собрания редких книг

для удовлетворения постоянно возрастающего спроса на них. Спрос этот все меньше и меньше подавляется стыдом, а развитие коммуникаций способствует его удовлетворению: двум испанцам, священнику и преподавателю, удалось похитить у епархии Заморы четыреста шестьдесят шесть ценных изданий и всего за два года (1994—1996 гг.) перепродать их организациям и коллекционерам из Сан-Франциско, Милана, Боготы и Парижа, а из мантуанской «Терезианы» во время ремонтных работ 2001 г. пропало полтысячи старинных изданий. Из двухсот шестидесяти известных на сегодня экземпляров книги Коперника «*De revolutionibus orbium celestium*» многие постоянно разыскиваются Интерполом (в 2002 г., скажем, таких было семь), а у Федерального бюро расследований США точно так же находятся в розыске сорок девять древних китайских книг (иные старше тысячи лет), украденных неизвестно когда одним или несколькими знатоками в Гарвардской библиотеке. Знаменитый труд Везалия «*De humani corporis fabrica*» (издание 1552 г.), похищенный из Колледжа Церкви Христовой в 1995 г., внезапно всплыл, причем совсем недавно, в библиотеке стоматологического факультета в Ниигате (Япония), будучи принесен в дар этому хранилищу. Оксфорд поднял скандал, требуя вернуть книгу, но, поскольку она за прошедшее время успела пройти через руки пяти или шести почтеннейших книготорговцев Англии и Америки, в том числе через аукционный дом «Сотби», дело было отнесено к категории особых случаев. Вор оказался специалистом по музыке барокко, работавшим на BBC и регулярно читавшим лекции в университете, два года он провел в тюрьме — может быть, совершенствуя там свою латынь.

Те, кому посчастливилось посетить Лондонскую библиотеку, конечно, не могут забыть неповторимое ощущение, когда на несколько минут или часов становишься сам себе библиотекарем в этом роскошном особняке на Сент-Джеймс-сквер: читатель бродит один по узким галереям на семи уровнях в поисках желаемой книги... или, еще лучше, любой другой вдобавок... Это основанное в

1841 г. Диккенсом и несколькими его знакомыми книгохранилище насчитывает более миллиона томов, и оно стало одной из крупнейших в мире библиотек с выдачей книг на дом частным лицам. Годовой абонемент здесь стоит до 150 фунтов стерлингов. Попечительницей этой библиотеки была королева-мать, что не помешало поставить здесь на полки сорок изданий, посвященных Льву Троцкому или имеющих к нему отношение, в том числе и две его биографии по-французски. Таким образом, мы с вами попадаем тут в хорошую компанию, и целостность собрания поддерживалась главным образом безупречным воспитанием восьми с половиной тысяч читателей. Однако в 2002 г. был пойман некий Уильям Джек, который благополучнейшим образом расхищал фонды в течение четырех лет, повторив подвиг, совершенный им в не менее восхитительной библиотеке Кембриджского университета, где он учился. С его помощью нашли дорогу в аукционные залы сотни тщательно отобранных изданий XVII в.: «Sidereus Nuncius» и «Dialogo»* Галилея, «An Essay on the principle of population»** Мальтуса, первые издания Коперника и Ньютона... Говорят, что судьи вынесли молодому человеку особенно суровый приговор потому, что он не читал ни одной из украденных им книг.

Вот еще похожий случай, героем которого был тридцатидвухлетний преподаватель механики, латинист-самоучка и грабитель. Почему его влекло к старинным книгам — неизвестно. В 2002 г. он был замешан в поистине детективную историю в духе Гастона Леру. Из библиотеки основанного в VIII в. на горе Сент-Одиль монастыря, где, между прочим, был написан «Hortus deliciarum», сгоревший, как мы уже знаем, в 1870 г., стали регулярно пропадать самые ценные книги. Ни молитвы, ни новые запоры не помогали. Кражи отличались циничным изяществом: вор всякий раз оставлял на ме-

* «Звездный вестник», «Диалоги» (лат.).

** «Опыт о народонаселении» (англ.).

сте преступления розу. Пораженные такой наглостью жандармы устроили западню. Они переоделись, смешались с обитателями монастыря, установили повсюду видеокамеры и вели наблюдение до тех пор, пока не увидели наконец темный силуэт человека, выскользнувшего из одного из шкафов. Выяснилось, что за подвижной задней стенкой этого шкафа находится потайная дверь, ведущая в комнату, не имевшую выхода, с потолка которой свисала веревочная лестница... Любитель средневековой истории наткнулся на описание этого потайного хода в одном из археологических журналов. Просмотрев с десятков таких, он возвратил тысячу томов, включая десять инкунабул и два манускрипта, которые выносил чемоданами по двести штук разом. Раньше газетчики написали бы: «“До каких крайностей способно довести общение со старинными книгами!” — вздыхал молодой человек в своей камере». Но судья оказался весьма чувствителен к ребяческой радости преступника при виде книг, а главное, к тому факту, что он все вернул, — и грабитель не попал за решетку. Великодушные царит по эту сторону Ла-Манша, суровость — на другом берегу.

При всем своем хитроумии, этот любитель — бледная тень такого упрянца, как Стивен Блумберг, который за двадцать лет сумел украсить свой интерьер 23 600 томами, нанеся ущерб 286 публичным, частным и университетским хранилищам документов 45 американских штатов и двух провинций Канады. На промысел он чаще всего выходил ночью, как обычный вор, впрочем, именно этим промыслом он и жил, — хотя порой не гнушался и рабочими часами, тратя их на замену библиотечных штампов своими. Вот почему он в день ареста проглотил свою резиновую печать. Имущество возвращали владельцам, если его удавалось опознать, но в большинстве случаев грабитель успевал вытравить или выскрести экслибрисы, и в конце концов его удивительные трофеи были проданы на крупном аукционе, проведенном под покровительством ФБР в начале 90-х гг.

Дело в том, что в большей части хранилищ даже не знают, что у них украдены книги, точно так же, как имущество американских государственных учреждений, где то и дело вспыхивают пожары, становится легкой добычей для профессионалов. Проверка, проведенная в 1998 г. в Библиотеке Конгресса, показала, что в фондах не хватает по меньшей мере трехсот тысяч томов, которые могли бы сами по себе стать очень приличной библиотекой в каком-нибудь небольшом городке. Считается, что из книг о путешествиях и по ботанике XIX в. вырезано и украдено двадцать семь тысяч иллюстраций.

Для того чтобы обнаружить, что как минимум двести двадцать бесценных документов XVII—XX вв. безвозвратно утрачены, Национальной библиотеке Аргентины потребовалось поймать на месте преступления (он только что вырезал из «Theatrum orbis terrarum»* восемь карт) некоего Луиса Альберто Виделу — до того никому и в голову не приходило беспокоиться. Обвиняли мафию, но дело было исключительно в некомпетентности персонала. Тут вообще можно говорить, скорее, о призрачной библиотеке: на сорок тысяч метров площади — всего четырнадцать охранников, да и то в три смены, то есть одновременно на работе находилось всего четверо! Это громкое дело открыло ужаснувшемуся Буэнос-Айресу, что два миллиона томов Национальной библиотеки не учтены в каталогах и не застрахованы, иными словами, что в действительности никому никогда не узнать, насколько велики здесь потери.

Скотленд-Ярд, со своей стороны, выяснил цифру ставших добычей воров древних карт и планов из европейских хранилищ: четыре с половиной тысячи! Между тем один-единственный лист из подобной коллекции «хорошего происхождения» может стоить до 10 000 фунтов стерлингов. Похитители карт, или «map girpers», маскируются под чудаков-профессоров, немного нелепых в

* Первый в истории географический атлас — сводный комплект карт, изданный в 1570 г. фламандским географом Абрахамом Эртелем. (*Примеч. перев.*)

своих чересчур просторных плащах, но любой такой «ученый» ловко управляется с резаком, по частям расширяя национальное достояние, — как, например, Питер Беллвуд из Лидса. Или, того хуже, торговец старинными картами Джилберт Блэнд, который усовершенствовал искусство декупажа, доведя его до степени конвейерного производства, трудясь в библиотеках Соединенных Штатов, Канады и, по всей вероятности, Европы, — его постыдную историю рассказал Майлс Харвей.

Особенно жалкими выглядят преступления, совершенные в скромных, небольших библиотеках. Полное собрание карт, выпущенное всего несколько десятилетий тому назад, попадает в число бестселлеров, фигурируя одновременно в стольких лотах, сколько в нем карт, затем выставляется на сетевом аукционе вместе с клинописными табличками из Моссула или миниатюрными квадратиками пергамента с древней каллиграфией, превращенными в украшения: такие сайты поистине стали укрывателями краденого во всемирном масштабе. Странички из средневековых атласов высоко ценятся дизайнерами интерьеров, их продают по 50 долларов минимум. В общем, если так пойдет и дальше, хорошо изданные типографским способом книги на настоящей (читай: ручного изготовления) бумаге постигнет та же судьба и в конце концов все они будут разодраны на отдельные страницы, вывешенные потом на стенах квартир в рамочках, как если бы это были манускрипты. Возможно даже, что в мире, где знание дематериализуется, со временем для страниц из *любой* «бумажной» книги наступит черед превратиться в чисто фетишистское развлечение.

СМЕРТЬ

Если Бог был создан человеком по его подобию, то философ вполне имеет право спросить: «А может быть, рай — это просто гигантская библиотека?»

Очевидное преимущество этого суждения в том, что создать у себя подобный Эдем раньше срока доступно

всем и каждому. Кто же не мечтал о таком гареме без евнухов, комнате, целиком заполненной книгами, где можно в кресле у камина глотать страницу за страницей всякой милой дребедени, пока бесшумные тени пламени нежно ласкают корешки?

Венгерский король Матьяш Корвини, Вальтер Беньямин, равно как Энвер Ходжа или Чаушеску — каждый из них имел право не только покупать те книги, какие хотел, но — главное — хранить их в том порядке или беспорядке, какой ему был угоден. Разве моя жизнь не есть всего лишь черновик моей библиотеки? Да, наверное, так, потому что она погибнет вместе со мной, если только не случится, что все книги останутся на своих местах навсегда. «Как говорил Гегель: только с наступлением ночи сова Минервы начинает свой полет. Только в час, когда угаснет жизнь коллекционера, его поймут», — писал Вальтер Беньямин. Этого не случилось с Монтенем: его книги были отданы дочерью священнику города Оша, а тот поспешил на них нажиться. И пропало все разом: книги, каталог, атмосфера башни, где автор «чувствовал себя королем»...

Нетрудно догадаться, что выбор книг о многом говорит. Но еще больше говорит их расстановка.

Коллекционер может сохранять здесь самый отменный нейтралитет: господин Германт у Пруста велел все свои книги переплести одинаково, так что он, должно быть, находил куда более близким родство между «Евгенией Гранде» и «Герцогиней морей»*, чем между той же «Евгенией Гранде» и другим романом Бальзака в дешевом издании.

Лучший пример противоположного отношения — Библиотека Варбурга, описания которой зачастую граничат с фантастикой.

* Маленький томик (in-18) на 278 страниц — роман графини Лионель де Шабрийан, изданный в 1881 г. Calmann-Lévy. Мы знали бы о нем больше, если бы эта книга не была пленницей микроформы в Национальной библиотеке Франции.

Аби Варбург был старшим сыном крупного гамбургского банкира. Он утверждал, что, открыв для себя на месте в 1895—1896 гг. культуру индейцев хопи, смог лучше понять и прокомментировать Кватроченто, к тому времени уже достаточно хорошо ему знакомое*. Что же до одержимости книгами, то она, видимо, была присуща Аби с рождения, потому что уже в тринадцать лет он предложил брату Максу своеобразную сделку: право старшинства за оплату его счетов в книжных магазинах. Макс отказался — он сильно бы на этом проиграл. А в 1889 г., едва достигнув совершеннолетия, Аби Варбург получил от отца средства, которых хватило, чтобы создать научную библиотеку, которую затем он всю жизнь пополнял. И классифицировал.

В 1911 г. в Библиотеке Варбурга насчитывалось пятнадцать тысяч работ, и Варбург неустанно «все их переставлял с места на место. Каждый новый шаг в системе его мышления, каждая новая идея по поводу взаимодействия событий и фактов заставляли его менять расположение книг, относящихся к данной теме». Для него «книга, которую он искал, не обязательно была той, которая нужна». До тех пор библиографические системы основывались на классификации, предложенной Бэконом (1605 г.), переработанной «этим скопидомом» Габриэлем Ноде и изложенной в его знаменитой книге «Advis», затем, в XVIII в., энциклопедистом д'Аламбером и в 1810 г. — Брюне. Или, наоборот, на десятичной (децимальной) системе Мелвила Дьюи, появившейся в конце XIX в. (согласно ей, все многообразие книг делится на десять классов по тематике: общественные науки, языки, математика и естественные науки, техника, искусство, художественная литература, история, литература общеинформационного рода, философия и религия; каждый класс разбивается более подробно еще на 10 тем и так далее: философии, скажем, присвоен индекс 100, религии — 200, социальным наукам — 300) и

* См. его «Rituel de serpent». («Rituel de serpent» — здесь: «Лекции о ритуале Змея» (1923 г.) — *Примеч. перев.*)

являющей собой систему Бэкона шиворот-навыворот, но принятую сегодня во всем мире потому, что она дает возможность понять сразу и что это за книга, и где ее место на стеллажах*. Но Аби Варбург, послав к чертям все резоны, превратил свою жизнь в произведение искусства, смысл которого заключался в том, чтобы сделать каждую книгу более *значимой* благодаря тем, что с нею соседствуют. «Книги по философии — рядом с книгами по астрологии, магии, фольклору, полки с трудами по искусству поблизости от стеллажей с литературой, религией, философией. Для Варбурга изучение философии неотделимо от изучения так называемого первобытного мышления: в исследовании образного языка религии, литературы и искусства одно неотделимо от другого», — говорит первый директор Библиотеки Варбурга Фриц Закслъ. А философ Эрнст Кассирер развивает его мысль: «Из ритма, в каком книги расставлены на стеллажах, все четче возникает череда образов, тем, оригинальных идей, а за их сплетением я в конце концов ясно различаю возвышающуюся над всем этим фи-

* В предназначенной для книголюбов гостинице «Библиотека», недавно открывшейся в Нью-Йорке при Нью-Йоркской публичной библиотеке, десять этажей и шестьдесят битком набитых книгами номеров классифицируются в соответствии именно с этой системой. К примеру, в комнате 800 002 вы найдете классических авторов и так далее (не ошибитесь дверью: в номере 800 001 на полках стоят непристойные книги, должно быть, для того, чтобы проводить адские ночи в этой библиотечной преисподней). Прелестная выдумка, роскошное заведение. Очаровательная идея, элегантно воплощение, но в мире копирайта короли — наследники правообладателя. Online Computer Library Center, который объявил о своем праве на систему Дьюи и собирает ежегодно по 500 долларов с каждой библиотеки, использующей эту классификацию (то есть получает сто миллионов долларов только за то, что время от времени добавляет номер, чтобы идея не оказалась в общественном пользовании), подал в суд на отель «Библиотека» и потребовал часть его прибыли, придав тем самым новый смысл понятию «библиотечная крыса». («Преисподней» (*enfer*) называют закрытые фонды в библиотеке. — *Примеч. перев.*)

гуру человека, который построил библиотеку, его личность как исследователя, призванного оказывать глубокое влияние на других».

В двадцатых годах большой дом Варбурга превратился в лабиринт, где книги можно было найти в любом уголке. Это означало, что пришло время строить для библиотеки специальное здание, задуманное так, чтобы сделать более очевидными новый умственный строй и путь, воплощением которых она была. В 1926 г. исследователи получили доступ к этой библиотеке, состоявшей тогда из 100 000 томов, распределенных по четырем отраслям: действие, слово, образ, ориентация. Но три года спустя Аби Варбург умер. Прошло еще три года — и Берлин запылялся. Решительность и расторопность директора библиотеки и членов его семьи (семья была еврейская) помогли коллекции избежать, казалось бы, неизбежной участи: из собрания были выбраны 60 000 книг, их упаковали в 531 ящик, погрузили на судно и быстро переправили в Лондон, где для начала (на время войны) поместили в более или менее приспособленный для хранения библиотеки склад, а затем еще несколько раз перевозили. Существующий в наши дни Институт Варбурга на Уоберн-сквер считается «отражением живой мысли» создателя по той, вероятно, причине, что 350 000 названий хранящихся здесь книг распределены в каталоге по четырем определенным еще Аби секциям, а дом на Хельвиштрассе, куда Аби Варбург не только поместил свое брэнное тело, но вложил, по его же свидетельству в «Великой Свободе», всю свою фантазию, — этот дом после долгих размышлений купил и разукрасил город Гамбург, теперь там работает Институт истории искусств.

Распыление коллекций нарушает целостность библиотек и уменьшает их ценность: когда Саладин* распродал в

* Саладин — переименованное на европейский лад имя Салахад-Дина, или Юсуфа ибн Айюба (1138—1193), правителя Египта с 1171 г. (Примеч. перев.)

Каире библиотеку Фатимидов, один из современников заметил, что ее ценность составлял безупречный порядок, в каком она содержалась, но он был уничтожен первым. Или вспомним разрушенную библиотеку Андре Бретона, которому удавалось расположить по соседству несовместимое: например, Жюльена Грака и Горького. Здесь опять-таки дело не только в алфавитном порядке: у знаменитого писателя архаика всегда сближалась с тем возвышенным, что кроется за текстом, и наоборот. К тому же на знаменитых торгах 2003 г. была заметна лишь позолоченная верхушка айсберга, поскольку неисчислимое множество незначительных произведений образовало на улице Фонтен пустую породу, говорящую оболочку для того лакомого, что выбрали на свой вкус эксперты. И вполне возможно, что еще до проведенной ими с бухгалтерской сноровкой инвентаризации дочь писателя, сотрудница социальной службы, если верить газетам, разрушила целое, подарив кому-то несколько ящиков карманных изданий, среди которых был и «Синий путеводитель по Бретани» без экслибриса. Кому он нужен сейчас — дважды устарелый? Кто его читает? Рене Шар в несколько комичной манере утверждает, будто «живет там, где окажется его окоченевшая книга». Но идет ли тут речь о его книге или о его книге (ср. досье Аристотеля)?

Национальная библиотека Египта — может быть, единственная в мире — предлагает исследователю «мактабат ал-мухда», библиотеку даров: вместо того чтобы присоединить завещанные хранилищу великими писателями труды к магме общих фондов, каждая из тридцати трех коллекций здесь предстает глазам исследователя такой, какая есть, на стеллажах, расположенных буквой «U», в которых столько отделов, сколько было авторов-завещателей, и на каждом отсеке — карточка с именем дарителя. Благодаря этому мы приходим не просто в библиотеку, а в библиотеку библиотек, где вслед за строем книг в роскошных переплетах увидим простые черные молескиновые корешки без названий, зато со строгой нумерацией или целое собрание работ, всего-навсего сброшюрованных, потрепан-

ных от постоянного перелистывания, пожелтевших от табачного дыма... Каждая из них представляет собой портрет своего бывшего владельца в полный рост. Часто одни и те же книги встречаются в разных коллекциях, но ведь это не совсем одни и те же книги: их читали и понимали по-разному, в этом нет ни малейших сомнений.

Полная противоположность этому — коллекционер, чьи атомы завтра смешаются с другими атомами космоса, и он способен приказать, чтобы книги, которыми он владеет, были без малейших опознавательных знаков включены в собрание крупнейшей библиотеки страны, подобно тому как прах покойного удобрит огородную землю. В этом духе действует герой «Книги песка»: желая освободиться от мешающей ему книги, он идет в Национальную библиотеку, где работал до ухода на пенсию и «знал справа от вестибюля крутую лестницу в подвал, где сложены газеты и карты; воспользовавшись невнимательностью сотрудников», оставляет там эту книгу на одной из полок и старается «забыть, как далеко от двери и на какой высоте»*. А параллельно, если верить одному из многочисленных слухов о нем, сам автор «Книги песка», Хорхе Луис Борхес, отдал нотариусу распоряжение поступить точно так же со своими разрозненными и небогатыми книжными собраниями.

И вот, наконец, совершенно противоположный всему остальному пример — Абу Хайана аль-Таухиди.

Он родился в Багдаде, а умер в 1023 г. почти столетним, возможно, в Ширазе, проведя всю жизнь с пером в руке: за переписку десяти листков ему платили десять дирхемов — достаточно, чтобы прокормиться еще один день. Визири звали его к себе, сами посещали его, но в конце концов прогоняли. Надо сказать, что беседы с ним отличались глубиной, но с первых же фраз начинали явно пахнуть крамолой. Дело в том, что аль-Тау-

* Хорхе Луис Борхес. «Книга песка», перевод В.Кулагиной-Ярцевой.

хиди в равной степени изучил исмаилизм, суфийские идеи и «фалсафу»*, в результате — стал «диссидентом», зиндиком, в ту эпоху, когда принадлежность к стану инакомыслящих означала верную смерть. Тем не менее красота его речей надолго отодвинула наступление ночи, «когда солнце моих лет закатится». Между делом аль-Таухиди написал довольно много книг, среди которых можно назвать «Книгу услады и развлечения», «Вопросы и ответы», «Божественные указания», «Извлечения», «О друге и дружбе», «О науках»... Ему нравилось эпатировать, и книгу «О друге и дружбе» он начал так: «Прежде всего условимся, что не существует ни друга, ни того, кто напоминал бы друга...» Пережив всех близких, он сжег свою библиотеку и объяснил это следующими причинами: «Мне тяжело оставлять мои книги людям, которые могли бы посмеяться над ними, запятнать мою честь, изучая их, и радоваться, листая их и замечая в них упущения или ошибки».

* В отличие от богословия — калама, философия, точнее, учение арабоязычных перипатетиков, у исламистов называется фалсафой. (Примеч. перев.)

10. СОВРЕМЕННЫЕ ТРУДНОСТИ

В идеале читатель не должен иметь права входить в библиотеку.

Умберто Эко

Окровавленный клюв вороны терзает внутренности трепещущего голубя. Не в силах ничего предпринять, за этой жестокой сценой из-за громадных окон галереи, выходящих во внутренний двор, наблюдают ее узники: две мертвенно-бледные японки, старик американец в желтых пластиковых очках, закрывающих пол-лица, два или три озадаченных студента, из которых один с бородой... Это посетители Национальной библиотеки Франции, которых отвлекло от их ученых занятий происшествие с птицей*, разбившейся о стекло, за которым видны деревья рощицы в центре двора, пришвартованные здесь, как велосипеды на площади предместья. Поняв, что птицы, которые летят в открытое, как им кажется, пространство среди стволов, попадают в ловушку мнимой прозрачности, здесь в конце концов наклеили на стекло синие силуэты чаек. Но догадается ли следующий голубь, какая страшная опасность подстерегает его непосредственно перед крайней из приморских сосен? Может быть, больше подошли бы изображения золотых рыбок?

К несчастью, а иногда к счастью, в Александрии и Монреале, в Париже и Сан-Франциско архитектор везде и всегда старается поразить. Любой исследователь, занимающийся историей зодчества, скажет, что архитектур-

* По сведениям администрации библиотеки, двести случаев в год. Рассматривается вопрос о том, чтобы поместить на верхушках башен соколов-сапсанов, которых вроде бы боятся вороны, голуби и скворцы... Ну а потом — кто их напугает?

ные изыски зачастую идут в ущерб назначению здания и могут обернуться преступлением, когда речь идет о библиотеке. Если читатель забывает о своем физическом существовании, читая или размышляя над книгой, не должна ли окружающая его среда создаваться с помощью скорее ластика, чем карандаша: видимость духа убивает дух. Новое здание в Тольбиаке, в Париже, было задумано и построено без учета нужд не только исследователей, читателей и хранителей, но и без экспертизы Министерства культуры или совета хотя бы какого-нибудь умного и знающего человека. В результате проект с первых же штрихов оказался полон провинциальных штучек. Ну может ли быть, чтобы даже самый угодливый из льстецов не заметил, что один вид поставленной на попа раскрытой книги — а именно ее призваны напоминать все четыре башни — истинная Мекка для библиофила? Давайте представим себе порочный и отягощенный всяческими недоразумениями диалог между Большим Принцем, которого потрясло чтение «Горы Аналог» Рене Домая, и Архитектором, чувствующим, что такого случая блеснуть больше не представится, ибо флюгер власти переменчив. Все, кажется, сошлись в мнениях по одному пункту: кто мечтает о познании, приходит сюда, чтобы трудиться. А значит, давайте устроим ему тюрьму*, да еще затрудним к ней доступ. И устроим ее как можно дальше от всего: до ближайшей станции метро, новехонькой, с названием, граничащим с наказуемо лживой рекламой, семьсот семьдесят два шага — для длинноногого человека в отличную погоду и с шагомером в руке.

Однако эта давняя трагическая история уже не раз пересказывалась, среди прочих — и Жаном Марком Мандолио, часто не добивавшимся, несмотря на личную и

* Человек рано или поздно покоряет враждебную среду, и ни один, даже самый лучший архитектор ничего не может с этим поделать. Такая естественная мутация уже происходит в Тольбиаке, начинаясь снизу, исподтишка: все дорогостоящие унитазы из нержавеющей стали, напоминавшие обстановку тюрьмы строгого режима, только что заменили добротными обывательскими белыми фаянсовыми изделиями.

временами чуть-чуть подозрительную враждебность, до худшего в ней, и, в обратном или почти обратном ключе, Франсуа Стасом.

Будущее Тольбиака очевидно: просторный читальный зал с дневным освещением, в полном соответствии с чаяниями Жака Франсуа Блонделя и его ученика Булле, займет место давно вымерших деревьев на уровне, названном в стиле *Grand Siècle** «верхним садом», и юные студенты вернутся в университетские библиотеки вместо того, чтобы самовольно занимать пустующие помещения созданного, согласно мифу, для народа места, где они никогда не откроют ни одной книги. Восхитительный купол слоновой кости, спроектированный учеником Нормана Фостера, спасет положение, сделав более гармоничной неразбериху параллелепипедов между башнями и смягчив силуэт. Станет немножко похоже на Стамбул. Решенный в неолабрустианском стиле фараоновский зал со звукоизоляцией и с тремя тысячами ниш примет читателя, который на самом деле дорожит книгой или жаждет обнаружить редкую мысль. Десятки миллионов томов Национальной библиотеки собраны теперь на нескольких гектарах двухуровневого хранилища, расположенного под читальным залом, как и должно быть. Благодаря этому книги подаются читателю за четыре минуты через центральную шахту. Внутри теперь можно попасть с улицы через нормальные двери по обе стороны от цоколя и через парадный подъезд, обращенный к набережной и предназначенный изначально для автомобилей сотрудников. Башни снова станут прозрачными, потому что там разместятся служебные помещения, в частности — информационные службы монументальной *VnF-on-line*. Иногда на красивых деревянных ступенях фасада, обращенного к Сене, будут устраиваться выставки гераней. Европа разинет рот.

Пальма первенства за самое вопиющее безобразие в истории публичных библиотек сегодня принадлежит городу

* Великий век (*фр.*) — под этим именем вошло в историю царствование Людовика XIV Бурбона. (*Примеч. перев.*)

Сан-Франциско, далеко опередившему Национальную библиотеку Франции. Новое здание, выстроенное в 1996 г. в подражание тяжелому помпезному стилю, называемому по-английски «beaux-arts», и стоившее 126 миллионов долларов, воистину стало новым словом в истории чтения. Поскольку оно не могло вместить три миллиона книг, дирекция потихоньку распорядилась избавиться от всех изданий, на которые не поступало требований за последние шесть лет, и снять где-нибудь подвальный склад, чтобы свалить там треть остального фонда в ожидании лучших времен. Согласно источникам, количество книг, уничтоженных накануне торжественного открытия библиотеки, колеблется между 200 000 и 500 000 томов. Здесь восхищает грозный союз двух молодых сил: полета архитектурной мысли и любви к дематериализованной книге. Когда весь мир в полной растерянности узнал, что Британская библиотека поступает так же, стало ясно, что мы присутствуем при начале великого истребления библиотек.

В том, что город Сан-Франциско не устоял перед искушением заполучить дорогую игрушку, выплясывая под дудочку гуру научной фантастики (Кеннет Доулин, автор выпущенного в 1984 г. и к нашим дням более чем устаревшего труда «Электронная библиотека»), тогда как перестройка старого здания обошлась бы раз в десять дешевле, несомненно, отражение голливудского стремления «выглядеть». Но не только. На самом деле глубинная причина тут в рутинном для Америки, но еще плохо знакомом остальной планете (или тщательно скрываемом остальной планетой) способе, который можно было бы назвать «deaccession», или «избавление от книг».

Если английское слово «accession» означает и «приобретение книги для библиотеки», и «внесение книги в каталог», то есть в любом случае пополнение фондов книгой, а отсюда — и саму книгу («новое поступление»), «deaccession» соответственно означает выемку книги из фондов, изъятие книги из каталога и опять-таки ее самое, только в другом качестве. В каталогах американских букинистов теперь уже обычным делом стала пометка, что та или иная книга представляет собой «deaccession»,

мало того, существует даже специализированная торговля книгами, купленными у организаций, и штемпели на этих книгах свидетельствуют об их родословной. Поскольку французский эквивалент слова «accession» — «acquisition», то есть «приобретение», можно предложить в качестве эквивалента противоположного понятия если не «désaccès», «лишение доступа», то, по крайней мере, «desacquis», нечто вроде «отобретения», хотя некоторые библиотекари предпочитают употреблять такие странные термины, как «разымушествование» или «упразднение в связи с неиспользованием»... Колебания сами по себе — свидетельство признания в том, что это делается.

Библиотеки Соединенных Штатов — это организации, которые находятся в постоянном поиске субсидий и финансирования. Одна из их главных забот — пополнение фондов, другая, не менее важная, — нехватка места для хранения «избытка» книг, и забота эта тем серьезнее, чем выше становится цена квадратного метра площади. Если свести все это вместе, на ум приходит простое заключение: нужно продать или выбросить «лишние» тома. Казнь производится посредством «shredding»'а, что в переводе с английского означает «измельчение», это термин времен производства бумаги из тряпок, поэтому по-французски он так и выглядит — «effilochage», то есть «раздергивание тряпок на волокна» или, как говорили раньше, «défilage», «резка тряпья». Многим организациям претит упоминание об этой процедуре, тем не менее следы ее можно отыскать в годовых отчетах: в дополненных каталогах числится не столько книг, сколько приобретено за двенадцать месяцев, — разницу и составляют ликвидированные. Весьма могущественная ALA (Американская ассоциация библиотек) признает, что никому не известно ни место, ни время возникновения этого явления и что, хотя никакой статистики здесь нет, зато у библиотек существует достаточное количество предназначенных для новичков методик «десе-лекции» — отбора для уничтожения. В архивах Исторического общества Гленгэрри можно найти документ, написанный неким Дэвидом Дж.Андерсоном. Здесь признается чрезвычайно удобным «способ очищения своего имущества от второстепенных или попросту лишних его частей и

вторичного использования образовавшихся таким образом фондов для развития или поддержания коллекции в полученном виде», а далее говорится, что «для каждой организации (или каждого коллекционера) должна быть разработана политика разгрузки фонда: именно она — свидетельство умелого управления им...». Нет никакой необходимости долго шарить по Интернету, чтобы обнаружить, например, что в конце октября университеты штата Иллинойс, или Бирмингема в штате Алабама, или Публичная библиотека Сиэтла (всякий раз выставляется от 75 до 100 000 экземпляров), равно как и — нет сомнений! — многие другие, объявляют об очередной ежегодной распродаже книг, которые либо устарели, либо имеются в двух экземплярах*. Однако комментарии американских налогоплательщиков позволяют заметить, что они не слишком этим довольны. И действительно — кто же станет завещать дорогую сердцу библиотеку подобным учреждениям?

Литературный кумир Китая Ба Чжинь передал свою библиотеку, так же как свои рукописи, Музею современной литературы, Шанхайской библиотеке и находящейся в Пекине Национальной библиотеке Китайской Народной Республики. С 1980 по 1982 г. дочь этого легендарного писателя, всякий раз битком набивая свою машину, в несколько приемов развезла по местам около тридцати тысяч томов. На каждом экземпляре — личная подпись Ба Чжиня: покупая книгу, он неизменно доставал из кармана чернильную палочку и кисточку и, смочив последнюю слюной, «окунал в чернила» и расписывался. Как-то, осенним днем 2002 г., корреспондент «Женьминь Жибао» обнаружил в продаже давний номер этого журнала и узнал на нем каллиграфически выведенный автограф. Он позвонил дочери Ба Чжиня — выяснилось, что все подшивки «Женьминь Жибао» она отвезла в Национальную библиотеку. Журналист опубликовал реплику о своей находке. На нее тут же откликнулись десять читателей: оказалось, что они тоже покупали книги из библиотеки Ба Чжиня. Наци-

* На сайте www.librarybooksales.org придумали даже для этого дела слоган: «Здесь все в выигрыше!»

ональная библиотека получила от него книги 3274 названий (среди которых была, к примеру, уникальная коллекция произведений Льва Толстого, полное собрание сочинений писателя) и некоторое количество рукописей, в том числе — знаменитые хроники «Suixianglu» — «На кончике пера». Возмущенные дети писателя потребовали, чтобы все было им возвращено, — они решили передать это в Шанхайскую библиотеку. Ба Чжинь, тогда почти столетний, находился в это время в больнице с онкологическим заболеванием, и никто не осмелился ему сказать о том, что произошло. А с декабря 2002 г. раскрывший «дело о распродаже» журналист, его имя Ли Хуи, ведет осаду директора Национальной библиотеки, вынуждая того высказаться, но воз и ныне там... Вовремя подоспевшая эпидемия птичьего гриппа лишила нас возможности закончить этот рассказ, дав ужасающий урок китайским властям, для которых тайна всегда была элементом *sine qua non** отличного управления.

А что делают со своими книгами французские библиотеки — продают или выбрасывают? Национальная библиотека, по крайней мере, клянется и божится, что ничего подобного не делает: зажатая между своим назначением — сохранять наследие, с одной стороны, а с другой — обязательностью депонирования экземпляров произведений литературы и искусства, а также официальных юридических актов, она только и может, что хранить поступления, раздуваясь до отказа, или передавать дубликаты провинциальным партнерам. Есть еще хорошенькое словечко «прополка» (или «weeding» по ту сторону Ла-Манша и океана) — термин, в котором с удивительной непосредственностью звучит признание: щедро подаренные книги — все равно что сорняки на грядке. Но это в Национальной библиотеке. Зато другие библиотечные учреждения страны обладают правом заработать немножко денег после тщательно обдуманного местным комитетом и надлежащим образом проведенного «разымушествования» с обсуждением каждо-

* Непременным (*лат.*).

го названия. Во всяком случае, этот принцип соблюдается в Гренобле, но не соблюдается ни в Пуатье, ни в Бресте, ни в Шамбери... хотя — молчок! — на самом деле все это лишь слухи... «Прополка» стала темой рассмотрения на четырех страницах убористого текста годового (за 2000 г.) отчета о деятельности Генеральной инспекции библиотек, составитель которого, вероятно, теперь страдает вполне объяснимой аллергией на книги, ибо признается, что «достаточно часто [...] бывал поражен производившей гнетущее впечатление теснотой на полках» в тех библиотеках, которые посещал лично. Еще тут можно прочесть следующее: «Юридические формальности, связанные с необходимостью уничтожения изъятой документации, в целом продолжают выполняться достаточно плохо», а также можно найти сведения о том, что из всех возможных способов избавиться от лишних книг — отправить на склад, пустить под нож, передать в дар или продать — последний, «вероятно, наименее популярен». Однако уверенности в этом нет.

Редко встретишь библиотеку с выдачей книг на дом, хоть сколько-нибудь соблюдающую установленный порядок (университетские библиотеки первые им пренебрегают) и — подобно библиотеке города Гренобля — не отказывающуюся говорить об этом, но предлагающую на рассмотрение муниципального совета списки признанных устаревшими или изношенными от употребления книг, прежде чем приступить к ежегодной распродаже, кому-то подарить (например, ассоциации культурного развития той или иной бедной страны) или пустить под нож. Публике такие книги отдаются по фиксированным ценам от 0,15 евро за небольшой по объему научный или литературный труд до 7 евро за энциклопедический словарь; гонкуровские лауреаты идут здесь по 0,80 евро. Клиенты выстраиваются с утра в длинные очереди, комиксов — дабы не соблазнить букинистов — покупателям достается не больше четырех в одни руки, а фетишем на таких распродажах обычно становится серия «Que sais-je»*. Этот вид

* Что я знаю? (*фр.*) — названием для научно-популярной серии послужила цитата из Монтеня. (*Примеч. перев.*)

распродаж оборачивается скандалом, если торги проводятся в помещениях самих библиотек, в других местах они проходят намного спокойнее. Но надо ведь еще наводнить город листовками и брошюрками — не столько ради выгоды, сколько ради объяснения смысла мероприятия. Вот почему, скорее всего, большая часть библиотек нашей страны, храня глухое и словно бы стыдливое молчание, явно предпочитает отправить ненужные им книги прямо под нож — работы все-таки во сто раз меньше.

О скандале в Пуатье можно упоминать свободно: его «показывали по телевизору». В разгар августа 1989 г. мусорный бак, стоявший во дворе между муниципальной библиотекой и юридическим факультетом, внезапно оказался заполнен несчетным количеством книг, изданных в XVIII и XIX вв. Студенты с восторгом набросились на находку. Дело тем бы и закончилось, если бы один книготорговец, враждебно относившийся к тогдашнему мэру, не оповестил все местные газеты о том, что городские власти избавляются от книг в связи с предстоящим переездом хранилища. Шуму было много. Срочно вернули из отпуска несчастную директрису библиотеки, которой оставалось всего несколько недель до пенсии, ей пришлось противостоять напору журналистов и ревизоров, назначенных попечительским советом, а главный хранитель, бросив все дела, поспешно прибыл в Пуатье, чтобы навести порядок. Понадобился целый год, в частности, на то, чтобы разыскать и водворить по местам издания, «приблудившиеся» в личные библиотеки профессоров права, которые довольно легко признали, что держать у себя в доме книги со штампами «Библиотека города Пуатье» и «Собственность города» — все равно что укрывать краденое. Тогда же Жан-Мари Конт, тот самый срочно присланный из Парижа главный хранитель, сказал: «Если вы обнаружите у букиниста помеченную такими печатями книгу и на ней, кроме того, не будет *также* стоять пометка, свидетельствующая о том, что эта книга официально исключена из каталога, в принципе, вы можете спокойно взять ее и унести, ничего не заплатив». Так что же произошло в Пуатье? Может быть, у по-

мощника директрисы, заменившего ее на время отпуска, случилось что-то вроде солнечного удара, как часто бывает в августе с государственными служащими? Хотелось ли ему все сделать наилучшим образом и облегчить казавшуюся ему нечеловечески трудной задачу будущего перемещения фондов? Этого человека не любили. Его коллеги молча следили за тем, как он путается в объяснениях. В отчетах экспертов подчеркивается большое количество нарушений как с точки зрения соблюдения правил, так и с точки зрения психологии. В частности, сообщение Юше полностью обеляет мэра, якобы не имевшего никаких дурных намерений. Как известно, все хорошо, что хорошо кончается: в Пуатье не существует больше муниципальной библиотеки, есть только медиатека имени Франсуа Миттерана, ничего общего с той, прежней, не имеющая. Впрочем, дирекция медиатеки и не отвечает на запросы о том деле.

Итак, библиотеки осознали, что они смертны. Но чего же они больше всего боятся? Лопнуть!

Мы здесь вплотную сталкиваемся с новым бедствием, которое можно себе представить в виде постоянно растущей, как живот при беременности, горы новых изданий. По сравнению с предыдущим отчетным периодом* каждый год прибавляются сотни тысяч названий, степень интереса и необходимости которых очевидна лишь издателю,

* В отчете Франсуа Стасса можно найти сведения о том, что Национальная библиотека Франции ежегодно получает в качестве обязательных экземпляров пятьдесят тысяч томов и примерно столько же закупает за границей. Между прочим, эти последние, по всей вероятности, отбираются очень тщательно, потому как за них следует платить, и простая логика позволяет вообразить, что в один прекрасный, хотя и далекий день коллекция книг на французском языке станет большей частью синонимом скудости по сравнению с куда как более полезным и интеллектуально глубоким фондом изданий на других языках... В Лондоне или где-нибудь еще проблема может представать в зеркальном отражении, но это утешение слабое.

чуть-чуть распространителю, а иногда лишь самому автору. Помочь горю можно, но какой ценой? Если верить исследованию 1982 г., американские издатели ежегодно уничтожали сто миллионов экземпляров изданий карманного формата — «мало найдется других отраслей промышленности, покоящихся на рутинном уничтожении доброй половины своей продукции ради освобождения рынка». Появление новых названий на полках книжных магазинов, в газетных колонках и библиотечных каталогах возможно лишь за счет избавления от других книг, которые, между прочим, иногда высказываются на ту же тему куда лучше. Эта перегруженная библиотека питается, таким образом, библиотекой убывающей, составленной из книг, прочесть которые куда полезнее и приятнее, чем, скажем, вот эту, удостоенную громкой литературной премии, или вон то эссе-однодневку. На сайте Национальной библиотеки Франции, набрав в поиске слово «буря», мы получим список из более чем ста двадцати документов, относящихся к этому явлению природы, до того как наконец-то выловим из этой кучи Шекспира. Есть над чем посмеяться Калибану.

Теряются ли, впадают ли в безумие библиотеки перед лицом подобного катаклизма — а как назвать его иначе? Особенно тревожным кажется дело Британской библиотеки, громкий скандал, начавшийся летом 2000 г., когда прессой было раскрыто исчезновение из фондов по меньшей мере 80 000 книг, которые были попросту выброшены. Учреждение, которому больше трехсот сорока лет, уже имело массу неприятностей, когда согласилось перебраться из романтической ротонды Британского музея в новое, ничем не славное помещение. Это вызвало массу нареканий, и одна из газет сравнила событие с пошлой ночевкой вне дома загулявшей королевской особы. Одновременно с переездом заменили прежнего директора директрисой, все это происходило на фоне слухов о приватизации и не могло не подлить масла в огонь. Любой британский подданный, даже совершенно безграмотный, несомненно, считал, что миссия подобного заведения — быть «библиотекой последней инстанции», а потому в

ней не может отсутствовать ни одна работа, когда-либо существовавшая в Объединенном Королевстве. И тут один упрямец-исследователь, широко известный писатель, натолкнулся на пять названий, помеченных как «забракованные», иными словами, книги были выброшены на свалку; ему объяснили, что сделано это в соответствии с новой инструкцией под названием «Selection for survival», то есть «Отбор ради выживания» — так назывался сделанный еще в 1989 г. доклад одного библиотекаря из Ньюкаслского университета. Волна негодования, поднявшаяся после этой новости, набрала силу, когда стало известно, что «прополка» была доверена начинающим хранителям, и превратилась в девятый вал в результате непонятного поведения нового руководства, распустившего слухи о том, что от этой практики все равно уже отказались из-за нехватки персонала. Этого оказалось явно недостаточно. Директор хранилища, наверное сожалевавший, что носит имя Ричард Брэдбери, в конце концов сделал сухое, в три фразы, заявление, откуда стало, как минимум, понятно: ни одна редкая книга и ни одна книга из обязательных экземпляров выброшена не была. Со временем возмущение, рожденное старыми химерами, утихло.

Но уже в 2001 г. разразился скандал, спровоцированный Соединенными Штатами, из-за коллекций иностранных газет начала XX в., от которых Британская библиотека без лишнего шума избавилась в 1997 г. Это неприятное открытие сделал Николсон Бейкер, писатель, прославившийся своими резкими выступлениями по поводу необоснованных и знаменательных, пусть даже и микроскопических, современных изобретений — таких, к примеру, как пластиковые соломинки для питья, более легкие, чем настоящие, и, следовательно, всплывающие при погружении в кока-колу, — но не только этим, а еще и другими трудами, в частности весьма смелой книгой, сделавшей его богатым и знаменитым. Бейкер обнаружил, что Лондон пренебрег шестьюдесятью тысячами «толстых, как кирпичи» томов подшивок ежедневных и еженедельных газет — богатейшего собрания русских предреволюционных изданий, немецких — 20-х гг., фран-

цузских — периода оккупации; мало того, ему показались ненужными американские газеты 1900 г. с воскресными приложениями в четыре краски, такие, как «Уорлд» или, скажем, «Чикаго трибюн» времен Аль Капоне... Проведенное американским писателем расследование показало, что все американские архивы, сняв эти издания на черно-белую пленку, также избавились от громадных, в лист, томов, и тогда он приобрел их и создал у себя в Нью-Хемпшире собственное хранилище, назвав его «Американ Ньюспейпер Репозитори». Подшивки «Чикаго трибюн» за семьдесят лет стоили 63 000 долларов, а полный комплект микрофильмов обошелся в 177 000. Бейкер пишет: «Мы переживаем странный момент истории, когда вы можете купить реальный предмет куда дешевле, чем серию дрянных черно-белых фотокадров, которые его представляют, причем посмотреть эти кадры без помощи специального аппарата невозможно». Или: «Библиотекари убрали с полок газеты, поскольку помешаны на экономии места. Они убедили себя, что при этом ничего не пропало, ведь вместо газет у них имеются микрофильмы. А между тем микрофильм — замена газете неадекватная, неполная и несовершенная, да к тому же часто его и прочесть затруднительно. Более того, никакой особенной нужды в нем нет, поскольку, вопреки другому распространенному заблуждению, газеты вовсе не разлагаются на библиотечных полках. Несмотря на то что способ их изготовления после 1870 г. состоит в нанесении кислотных соединений на древесную пульпу, они живут долго и почти не портятся. И вот теперь наступление на бумагу распространилось на книги, которые тоже распродают, выбрасывают и портят в ходе узколобых экспериментов, имеющих целью сохранить их для истории. Стражи нашей культуры уничтожают эту культуру»*. Дальнейшее

* Цит. по рецензии Роберта Дарнтонна на книгу Николсона Бейкера «Double Fold: Libraries and the Assault on Paper», «Сгибание-разгибание: библиотеки и наступление на бумагу», Random House, 2001, адрес рецензии: http://if.russ.ru/issue/10/20020909_dar-pr.html. (Примеч. перев.)

ясно: «Все, что не находит потребителя, будет *pulped*», а перевод этого выделенного курсивом короткого словечка такой: отправить под нож, чтобы сделать из книг или газет бумажную массу... Впрочем, похоже, ни одна библиотека мира не захотела взять себе эти альбомы даже бесплатно.

Достоевский видел в разнообразии и мешанине на газетной странице лучшее отображение полифонической природы жизни. И в самом деле, изучение подшивки «Нью-Йорк таймс» за 1945 г. на микропленках в Национальной библиотеке Франции наводит на мысль об аутопсии, проведенной вслепую.

Между 1850 и 1960 г., в пору наибольшего роста мировой литературной продукции, миллиарды книг были напечатаны на отвратительной бумаге, кислый клей, входящий в ее состав, в конце концов стал разъедать древесный лигнин, который в то время не умели удалять. Химическая реакция приводит естественным путем не только к изменению цвета — что можно рассматривать даже как улучшение изначального слишком белого оттенка, — но и к ослаблению волокон и к затвердеванию страниц, отчего они могут сделаться ломкими. И потому среди хранителей преобладает убеждение: если бумага обладает способностью саморазрушаться, значит, нужно ее либо нейтрализовать, устранив кислоту, либо перевести производство на микропленку, а в иных случаях сделать и то и другое. Нейтрализация — процедура трудоемкая и дорогостоящая, да и долговременные последствия ее неизвестны. Некоторые крупные библиотеки уже начали проводить широкомасштабную кампанию по нейтрализации бумаги, чтобы остановить процесс ее порчи, — так, новая установка, принадлежащая Национальной библиотеке Франции, теоретически позволяет обработать триста тысяч томов в год. Только как не сказать, что эффективность ее все-таки смехотворна, ибо ни одно правительство никогда не пойдет на то, чтобы сделать обязательным для издательского мира применение

«вечной бумаги»*, а потому проблема продолжает беспрепятственно разрастаться. Что же до переноса изображения содержимого книги на пленку, то создается впечатление, будто некоторые хранилища пользуются этим средством, чтобы избавиться от оригиналов, тем более что процесс часто требует обрезать на машине корешки — по крайней мере, для подшивок газет. И они из-за этого гибнут.

Эта «война с бумагой», как удачно определил нынешнюю ситуацию Бейкер, основывается на заблуждении: неправда, что страница продолжает разрушаться после того, как пожелтеет из-за наличия лигнина, и только сомнительные личности, а вернее — кем-то купленные еще осмеливаются утверждать, что в конце концов каждая книга обратится в прах. Здесь речь идет о продолжении старой молвы, пущенной в обиход производителями микрофильмов, от природы склонными к дезинформации. Bell&Hawell, Xerox, Kodak, Microcard и прочие в начале своей деятельности и впрямь довольно легко добивались своего, поскольку родились в мире шпионажа, а во время «холодной войны» крупные американские библиотечные деятели были тесно связаны с ЦРУ, если только сами оттуда не вышли.

Библиотека Конгресса — среди прочих — вложила в 1973 г. немалые деньги в покупку двадцати четырех ка-

Нормы Международной организации по стандартизации: ISO 9076; ISO 11108:1996 (и ANSI/NISO Z39 48-1997 в США) определяют качество бумаги, сделанной так, чтобы служить долго, и, казалось бы, как всякий стандарт, эти нормы должны были бы быть обязательными для каждого издания, поступающего для хранения и использования в библиотеки, равно как и для каждого документа, подлежащего архивированию. Но для этого потребовалось бы заставить предприятия на предшествующем этапе производить бумагу, не содержащую ни малейшей примеси хлора (TSF), чего нет и в помине (ESF). Злые языки пустили такую шуточку: книжный мир Франции предпочитает главным образом стандарт под названием ANLD — «après nous le déluge», «после нас хоть потоп».

мер, способных ежедневно производить 2,5 километра микрофильмов. Существование камер надо было оправдывать, иными словами, постоянно подкидывать им работу. Вот и накинулись хранители книжных сокровищ всей страны на вверенные им тома, подвергая их испытанию на «сгибание-разгибание», заключающееся в том, что угол страницы много раз подряд резко сгибается и расправляется: если бумага ломалась, это означало, что книга созрела для перевода в микроформу... и читателю ее больше никогда не увидеть.

Современный рынок воспроизведения книг, объявленных принадлежащими к «группе риска», в крупных библиотеках одних лишь Соединенных Штатов Америки оценивается в 385 000 000 долларов. Библиотекари Вашингтона, Парижа и Лондона все как один отказываются признавать, хотя не хуже читателей знают, что за гадость эти микроформы (не важно, будут ли это микрофильмы или микрокарты): чтение их требует специальных аппаратов, порой чрезвычайно шумных, аппараты эти практически всегда заняты, экраны их загрязнены... Можно еще добавить, что, если текст с микрокарты и пригоден для прочтения в течение нескольких мгновений, достаточных для того чтобы свериться с ним или выписать цитату, в целом он становится полностью нечитаемым из-за утомительного контраста черного и белого или из-за того, что изображение расплывчато или скрывается за чередованием полос. Каждый том «Colección de documentos para la historia de México»* представляет собой восемь микрокарт, но оглавление, содержащее названия тридцати семи глав, находится на последней карточке последнего из комплектов: приходится без конца тасовать карточки, и они быстро перепутываются, не говоря уж о том, что изображение этого оглавления получилось совершенно мутным, и в результате 1200 страниц текста нечитаемы. Эту книгу можно считать потерянной, точно так же, как «Социалистическую империю инков» Луи Бодена вместе со сделанными по ней «пятью микрокартами на ацетатной

* «Сборник документов по истории Мексики» (исп.).

киноплёнке, содержащими шестьдесят диазотистых изображений 105 x 148 мм»: в книге вообще отсутствует указатель, это вынуждает читать всю её целиком, а в том состоянии, в каком она находится, требование бесчеловечно. Национальная библиотека Франции «Тольбиак» располагает 76 000 микрофильмов и почти миллионом других микроформ, которыми исследователь воспользуется лишь вынужденно, в том случае, если доступ к бумажному оригиналу будет ему запрещен правилами. «Главное назначение этого учреждения — хранить книги, — осмелится сказать юная сотрудница библиотеки, недружелюбно поглядев на вас. — И, согласитесь, большинство людей приходят сюда работать с недавними изданиями...»

И тем не менее если ценой всевозможных ухищрений и проявив незаурядное терпение вы получите на руки два или три издания в оригинале (если они сохранились в фондах!) — вы обнаружите, что, хоть цвет страниц и изменился, перейдя к оттенкам бледно-оранжевого или охры, краешки кое-где немножко истончились, истрепались, однако же, бережно, осторожно держа и перелистывая книгу (под подозрительным оком хранителя в той части зала, которая предназначена для выдачи таких изданий и в память о былых временах прозвана «амфитеатром»), убедитесь, что она вовсе не разрушилась от времени. Вам скажут, что при частом использовании это неизбежно случится? Аргумент надуманный и несерьезный: скольким читателям в год может понадобиться, к примеру, труд Эдуарда Шаванна «Китайские книги до изобретения бумаги»? Какое там «в год» — за век, хорошо если десяти! И уж точно среди них будет очень мало регбистов... А эта выборка из «Азиатского журнала, или Сборника докладов, фрагментов и заметок, относящихся к истории, философии, языкам и литературе народов Востока» — название нормальное для давней эпохи, когда было время такое писать и читать, но сегодня не слишком обычное — была напечатана в 1905 г. на семидесяти пяти страницах in-octavo, то есть в восьмую долю листа, на толстой и прочной атласной веленевой бумаге. Она и сегодня находится в превосходном состоянии, и останется в таком же на века, разве что обрез кое-где чуть потемнел от пы-

ли и от чудовищного загрязнения, наблюдаемого здесь, рядом с шоссе, именуемым «улица Ришелье». Каждая страница — образец прекрасной полиграфии, на каждой изящно вплетены в текст знаменитые китайские иероглифы — фирменное отличие Национальной типографии, во всяком случае, в былые времена. Напечатанная, вероятнее всего, очень маленьким тиражом за счет автора маленькая книжечка (обязательный экземпляр Seine № 2022 за 1905 г.) была «одета» при изготовлении во временный переплет, который хранители Национальной библиотеки Франции не сочли необходимым заменить более крепким, потому он окончательно развалился, когда томик микрофильмировали. Вот и попала к вам книга совершенно больной...

Самая неприятная информация, связанная с таким лжепрекрасным способом хранения коллекций, заключается в том, что пластмассовые носители, несмотря на все лживые заверения, сопровождавшие рекомендации по их использованию, тоже более чем уязвимы, если не сказать — уже разрушаются. Да не переживайте, подсуетится сын торговца микрофильмами, вот вам уже есть CD, скоро изобретут еще что получше и так далее... Сказать можно что угодно, но на сегодняшний день не используется и не рассматривается ни единого надежного, способного устоять против времени способа хранения книг. С другой стороны, современный метод переноса данных на диски не мешает появлению все новых и новых носителей информации, развитие здесь неукротимо, и нет никаких оснований надеяться, что в будущем всегда найдется читающее устройство для той системы сохранения данных, которая сегодня считается наилучшей. Помните бытовавшие совсем недавно, всего несколько лет назад, неудобные и ненадежные устройства под названием «дискета»? Сейчас их уже не увидишь. Так что же? Придется при каждом изменении технологии за немалые деньги переносить данные на новый носитель и даже, не дожидаясь этого, регулярно проводить проверки сохранности информации на том или ином носителе? Но ведь уже сейчас известно, что срок службы обычно-

го компакт-диска, предназначенного для распространения книг, — пять лет и двадцать лет — для «century disk», где гравировка осуществляется плазменным методом на стеклянном с примесью нитрида титана или латуни носителе, призванном сохранить оригинал. Государственным учреждениям, которые, как известно, никогда не получают средств на содержание в исправности и ремонтное обслуживание зданий, в которых они располагаются, скорее всего, придется пережить несколько глобальных катастроф, прежде чем начнется вложение средств в неосязаемое.

Таким образом, мы пришли к величайшему парадоксу. Он заключается в том, что решение заменить бумажную книгу ее копией, сделанной из чего-то другого, ввергает в бесконечную цепь расходов, несоизмеримых со стоимостью оригинала, а ненадежность сохранности при этом постоянно увеличивается.

Однако перевод нашего существования в байты начался, идет полным ходом, и его уже не остановить.

«Наши милые предки читали романы в шестнадцати томах, и романы эти, заполнявшие их вечера, не казались им слишком длинными. Они с увлечением изучали нравы и добродетели, следили за битвами старинного рыцарства, а вот мы вскоре всё это прочтем лишь на экране», — написал славный малый Мерсье* в 1771 г.

* Мерсье Луи-Себастьян (1740—1814) — французский писатель, автор утопии «2440 год».

11. ОГНЕСТОЙКОЕ ЗНАНИЕ

Трудно совершить что-нибудь великое, если просто сидишь и спокойно читаешь книги.

Олдос Хаксли

Библиотеки американских университетов избавляются от книг, чтобы меньше покупать, предпочитая тратить бюджетные деньги на электронику. Вот вам одно из последствий: «*At Colorado College Special Collections, we call the small books «Small». They used to be called «Octavo», for reasons still not clear to me».*

Что означает: «В отделе специальных собраний Колорадского колледжа мы называем маленькие книги «малышами». Раньше их называли «in-octavo», по причинам, которые мне пока не до конца ясны». Особа, так простодушно задающаяся этим вопросом в Интернете в 2002 г., хранитель и дипломированный архивист. Неужели самой уместной скоро будет выглядеть библиотека без прошлого?

Собрание виртуальных, то есть дематериализованных и видимых на терминале компьютера до распечатки, книг, кажется, стократно подтверждает головокружительные перспективы собрания печатных собратьев, например «Я утверждаю, что Библиотека нескончаема» Борхеса. Чтобы было легче лететь навстречу дивной бесконечности, в которой книга больше не одинока — вместе с ней кружатся в танце карты, планы, картинки и музыка, — она питается всем тем, что существовало до нее, поглощая все больше текстов: «Галлика» во Франции скоро будет иметь на своем счету 100 000 наименований, «Проект Гуттенберга» в Англии — 6267 книг на конец 2002 г., так же богата Американская мемориальная библиотека

(Библиотека Конгресса), не говоря уж о «Библиотека универсалис» (Ассоциация Национальных библиотек самых богатых стран мира) и «Габриэль» (объединение Национальных библиотек Европы).

Само собой разумеется, что бесплатным является чтение только на общественном домене, однако, поскольку разграничение определено недостаточно четко, маленькие мышки легко добиваются до сыра. Многие студенты поют осанну франкофонии, позволяющей им загружать самые свежие исследования на университетские сайты на краю света.

Вторым источником обогащения гигантской развивающейся библиотеки становятся тексты, звуки, картинки, ежесекундно в великом множестве выходящие из-под пальцев пользователей, опытных профессионалов и любителей; зародившись в отдаленных закоулках (впрочем, закоулков больше нет — глобализация!) планетарного мозга, они тут же легко и радостно сливаются воедино, и ни тебе самокритики, ни болтовни об авторском праве. Упоение «электронным ресурсом» — так называли будущую библиотеку — происходит от того, что, дав команду «выложить» и привычно щелкнув клавишей, получаешь все, чем этот самый «ресурс» богат. Киберкаталог, безусловно, заменит большинству людей дорогостоящую традиционную библиотеку — и гораздо скорее, чем предполагалось. Но будет ли замещение полным? Интернет подобен расширяющейся галактике, он — не поддающееся количественному определению будущее. Профессионал, который каждый день, как шахтер с онемевшими от тяжести кирки пальцами, ищет сокровища, воспринимает Сеть со всеми ее заморочками, плагиатом, шелухой «сменивших окрас» сайтов как проявление головокружительной глупости и вульгарности. Сам по себе этот факт совершенно не важен, поскольку за одну человеческую жизнь невозможно переварить даже ту серьезную научную информацию, на долю которой приходится всего пять процентов общего объема, но он доказывает, что новая графическая галактика не перекрывает старую добрую энциклопедически универсаль-

ную библиотеку, где можно найти применение даже самым пустым изданиям.

Проблема, связанная с вводом астрономического количества документов в запоминающее устройство, будет решена. Может быть. И стоить это будет невероятно дорого: себестоимость вряд ли снизится, поскольку для работы с «бумажными носителями» необходимы специалисты экстра-класса. Немедленно возникает проблема точности копирования. Очень часто данные переносятся на электронные носители с микрофильмов: стоит это дорого, а результат оставляет желать лучшего, хотя ни одно слово не пропадает. А вот если человек хочет поработать с текстом, например сделать выписки, необходимо устройство распознавания букв, иначе трудно поручиться за точность цитирования. Конечно, можно нанять корректора, и он проведет постраничное сравнение копии с оригиналом: путаница всегда обходится дороже. Когда Национальная библиотека Франции в 1992 г. приступила к оцифровыванию, было решено, что на первом этапе, за три года, будут обработаны 100 000 томов, то есть тридцать миллионов страниц. Однако к 1998 г. удалось проделать всего 80% работы. Страница стоит около 0,12 евро с бумажного носителя, 0,20 — с микроформа и в 10—20 раз дороже в текстовом режиме, единственном удобном для пользователя. 350-страничная книга обходится в среднем в 42—70 евро до выкладки в Сеть, и это не считая транспортных расходов, сортировки и отдельной записи на диск; не известно, во что обходится постоянное присутствие в Сети. Даже если предположить, что хранители — во всяком случае, те, кто работает сегодня, — не станут возражать против машинного обрезания корешков книг и порчи переплетов, НБФ понадобится миллиард евро только для того, чтобы ее богатства можно было прочесть на расстоянии, и услуга эта, само собой разумеется (хотя ни в одной стране об этом не принято говорить вслух!), будет платной. Впрочем, хотя бы проблемы с авторскими правами отпадут.

То, что произошло потом, в истории уже бывало. Афинский тиран Писистрат (560—527 до н.э.) объявил, что бу-

дет покупать стихотворные сочинения Гомера и платить за них построчно. Легко себе представить, как много их внезапно обнаружилось. Грамматисты Аристарх и Зенон попытались улучшить хранившиеся в Александрии древние тексты, используя всю мощь филологической науки, как они ее понимали. «Они взяли «Илиаду», — пишет Евстафий, — и исправили ее по своему вкусу, а поскольку она была длинна и скучновата для чтения, разделили ее на множество частей». Еще Демокрит осознал необходимость составить гомеровский глоссарий редких и старинных слов, чтобы облегчить чтение. Тимон вовсе не иронизировал, ответив на вопрос, можно ли найти достойную доверия версию Гомера, датируемую III в. до Рождества Христова: «Можно, если найдешь один из давних, не исправленных ныне списков».

Возможно, превращение совокупности знаний в воздушный поток есть не более чем перевоплощение средств коммуникации. Письменные источники пережили массу перипетий, и не всегда безобидных. Так случилось, когда на смену свитку пришла рукописная книга. Расчленение документа на прямоугольники одинакового размера позволяет с легкостью их перелистывать: идею подсказали двойные восковые таблички с текстом.

Вначале новая книга была олицетворением тайны: христиане ценили ее, так сказать, за плоскую форму (толстый свиток под туникой не спрячешь!). Когда в 306 г., при императоре Константине, христианство стало государственной религией, рукописная книга перестала быть редкостью: в IV в. на смену папирусу приходит кожа, сделанные из этого материала страницы больше по размеру и прочнее. Тут и началась настоящая «чистка» (хотя никто, конечно, так ее не называл!): скопировано было далеко не все. Несколькими столетиями раньше так поступили в Александрии. История повторилась в XVIII в. в Китае, а в 1934 г. Эмиль Гаспардон, составлявший аннамитскую библиографию, написал: «Безжалостная рукописная традиция, вдохновляясь безграничным конфуцианством, постоянно ухудшала чудом уцелевшие книги». В помете «Больше не существует» — Гаспардон делает ее о каждой пятой книге — звучат уныние и пе-

чаль. Пекинские и римские пуристы «наводили порядок» на страницах книг, руководствуясь не только филологическими, конфессиональными и политическими мотивами, но в первую очередь — материалом. Чисто теоретически свиток папируса в длину мог быть бесконечным, для книги же листы требовалось обрезать с четырех сторон. Это объясняет, почему при перенесении с «носителя» на «носитель» потерялась большая часть античных иллюстраций: переписчик — не миниатюрист. Пострадал и объем, ограниченный двумя, максимум — четырьмя колонками. Тексты «подрезались», появлялись сжатые версии. Мы склонны предполагать, что одна из граней жизни в эпоху Античности была перетолкована — из лучших побуждений, чтобы сделать ее понятнее для окружающих. «Повезло лишь тем произведениям, которые в IV и V вв. считались не устаревшими и потому достойными прочтения: их переписали, и они выжили [...] Наш собственный культурный горизонт определялся тем, насколько широк или узок был вкус эпохи». Кроме того, слабость западных империй и вторжение мусульман прервали спасательную операцию: пришлось ждать Возрождения, чтобы восстановить то, что уцелело от эпохи Античности.

Главный, если не единственный, наряду с гипертекстом, козырь Интернета заключается в непрерывном режиме выкладывания информации. Первыми это оценили газетчики: они так широко внедрились в Сеть, что конкурируют сами с собой, готовя собственное исчезновение и наживаясь на рекламе и предоставлении услуг разного рода: торгуют всяким хламом, начиная с архивных статей (к счастью, до этого опускаются не все!) и кончая театральными билетами. Таковую же ретивость должны проявить профессиональные сайты, связанные с культурой и информацией. Бог с ними, с многочисленными органами, организациями, управлениями и департаментами и их тяжеловесным электронным имиджем, но такие источники информации, как энциклопедии всеобщих знаний, должны находиться на острие прогресса. Двадцативосьми- или тридцатидвухтомные энциклопедии при

печатании или записи на сидиром, естественно, сокращаются, но информация, за которую пользователь платит, должна постоянно обновляться и уточняться. Увы, так бывает далеко не всегда: Организация исламской конференции (ООН мусульманских стран) объединяет 57, а не 45 государств: онлайн-статья в «Британике» устарела в 1984 г. Французская «Универсалис» просто-напросто «вывалила» на сайт весь объем бумажного издания, не подумав о том, что экран высветит все огрехи: устаревшие данные, предвзятые мнения, пустые фразы, тенденциозные комментарии (например, о пожаре, уничтожившем Лионскую библиотеку). Постоянное профессиональное обновление могло бы освежить все это, несмотря на открывающийся простор для дезинформации.

Если ошибки свойственны подобному предприятию, что уж говорить о других промышленниках, умеющих общаться с акционерами, но не производить и не делиться знаниями? Допустимо, хоть и не слишком красиво, покупать уважаемых издателей словарей, энциклопедий, справочных изданий, чтобы удесятерить их прибыль, но мы можем спросить себя, будет ли сохранена научная строгость и точность в оцифрованных изданиях, наполнятся ли они новым содержанием, или мы придем к интеллектуальному упрощению через сокращение параграфов, фраз и слов. Кончится все тем, что, как делал некогда Фотий людям, у которых нет ни времени, ни возможности прочесть и понять книгу, будут предлагать ее краткое изложение. Луи-Себастьян Мерсье описал, как это будет делаться и к чему приведет в XXV в. Уинстон в романе «1984» подгоняет прошлые предвидения Большого Брата под имеющиеся результаты. До чего легко будет изменить смысл и значение некоторых исторических событий, когда комментарий или резюме заменят то, что называлось документом, как ловко можно будет искажать факты. Значение слова «дигитализация», все чаще заменяющего во французских СМИ термин «оцифровывание», более чем красноречиво тому подтверждение: *капельное вливание ядовитой вытяжки из растения под названием дигиталис (наперстянка).*

Компьютерный язык подпитывается, по сути дела, собственным невежеством. Все происходит так, как будто неосознанные искажения и неточности помогают господствовать на завоеванной территории. Икона разорвала свои связи с Россией, термин «виртуальный» заменил прилагательное «нематериальный», а ведь прежде был простым синонимом слова «потенциальный». Смысл некоторых — самых банальных — текстов нашего времени читателям послезавтрашнего дня понять будет куда сложнее, чем нам. Работы лексикографам хватит, если только они не решат «отменить» первоначальные значения.

Три или четыре неосязаемых информконгломерата в скором времени поделят между собой права на все основные труды по образованию и развлечениям, а добрые старые каменные мастодонты будут поставлять материалы для передовых исследований. Забудем о противоречивых высказываниях, дубовом языке и чудовищно медлительном формате PDF некоторых поставщиков, из-за которого читатель успеваеt выпить кофе в перерыве между прочтением двух страниц оцифрованной пятисотстраничной книги: все эти недостатки будут вскоре устранены, уже изобретен *ebook*. В 2000 г. мир восторгался цифровым редактированием и считыванием, но теперь от Интернета несет падалью, в Сети витает печаль из-за разорванных связей и закрывшихся магазинчиков. Это доказывает, что весь мир может ошибаться, особенно если к ошибке его подталкивают такие монстры, как «Microsoft» и «Adobe Systems». Впрочем, кое-кто все еще трепыхается: активность двух-трех издателей, выпускавших техническую документацию для сотрудников финансовых органов или хирургов-стоматологов, а паче того — исследования об НЛО для уфологов и «подлинные» катрены Нострадамуса для его почитателей, что подтверждает естественную тенденцию к загниванию самой идеи, которая была интересна только на бумаге. Предлагаем вернуться к проблеме лет этак через двадцать: время все расставит по местам.

Выкладывание едва ли не всей совокупности книжных собраний в Сеть выглядит единственной задачей бу-

душего — так, во всяком случае, думают англичане. Сегодняшняя Британская библиотека жаждет превратить свинец прошлого в золото будущего благодаря введению нового ключевого поста: шефа по маркетингу. Управляя командой из сотни человек, он должен создавать имидж современного продукта и делать рекламу, чтобы ускорить доступ к виртуальным фондам максимальному числу пользователей во всем мире. Встретить будущее «с открытым забралом» можно, только приняв ряд радикальных решений: книги и газеты «дематериализуются» вагонетками, а IBM готовится получить десятки миллионов столь же нематериальных фунтов стерлингов.

Архитектурная сдержанность новой Британской библиотеки предвещает, что работать в читальных залах с верхним светом, замечательными, хоть и не дизайнерскими стульями-креслами и компетентными сотрудниками будет очень комфортно и спокойно. Национальные библиотеки всех стран будут открыты (по предварительной записи, поскольку только компьютерщик может быть тьма, а на выдаче в зале всегда стоит один человек) для тех, кто интересуется какой-то узкой областью той или иной науки или пытается разгадать секрет текста, который сочли недостаточно интересным для «распыления» по миру, а также для всех тех, кто мечтает прикоснуться к старым книгам, перелистать их страницы, вдохнуть аромат бумаги. Это будут, скажем так, *бумажные библиотеки*.

Как показывает судьба мелкой торговли во всем мире, выживут и будут процветать только специализированные учреждения; исчезнет «посредник», который сейчас удовлетворяет — и самым достойным образом — нужды и вкусы «широкой публики». Франция как никто умеет пользоваться своим языком: муниципальные библиотеки теперь называются «медiateками», а ведь корень «медиа» или «медиа» говорит об усредненном предназначении.

Легко предсказать, у которого из двух читателей — книжного «пешехода» или того, кто пополняет свою библиотеку, как и свою кредитную карту, не вставая с дивана, — еще может вспыхнуть искра. Но разумеется, другая литература не замедлит появиться на свет: она покажется

новой, хотя на самом деле будет всего лишь перекодированной.

Печатные книги исчезнут в силу всеобщей десубстанциализации торговли: наличных денег скоро не станет вовсе. Газеты уже начинают исчезать. В 2100 г. студентам будут рассказывать — если кого-то это заинтересует! — о чудовищном процессе сведения леса, сначала в Морване*, потом в Амазонии (только представьте, как прекрасны были эти места, когда там росли деревья!), о том, как суперсовременные заводы отравляли атмосферу диоксином ради производства бумаги, состоящей больше из клея и мела, чем из бумажной массы, о типографиях, откуда тонны книг отправляли на склады, а оттуда — к оптовикам, которые рассылали новинки в книжные лавки, каковая, в свою очередь, могла сделать возврат либо переадресовать книги в другой магазин, где их кто-то покупал, а если не покупал, они шли под нож. Быть того не может! Все эти заморочки из-за десяти — ну ладно, из-за тридцати! — монет?! Молодые люди недоверчиво хихикают. Они конспектируют лекцию в «голосовом режиме», загружают на гибкий диск в непрерывном режиме все произведения мировой литературы вперемежку с музыкой, фильмами, ощущениями, запахами и звуками, холодом и жаром. Иногда какой-нибудь отщепенец обращается к печатному тексту, но очень быстро отказывается от своей затеи. К чему расшифровывать бесчисленные значки, которые когда-то называли буквами, если от попытки понять, какое отношение они имеют к идеям и фактам, начинает болеть голова?

* Лесистый район во Франции, на северо-западе Центрального массива.

12. ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ: ВОЗВРАЩЕНИЕ В АЛЕКСАНДРИЮ

Благодаря писателю Лоренсу Дарреллу и его «Александрийскому квартету» Александрия навсегда останется символом учености и широкого взгляда на вещи.

Из современного путеводителя

Принимая посетителей, профессор Эль-Аббади как бы невзначай выводит их на балкон: отсюда открывается вид на гавань, куда приплыли корабли Цезаря. Здесь он отдал приказ сжечь город, в котором погибла Великая Библиотека. За несколько минут беседы на балконе любой гость неизбежно подхватывает «александрийский вирус».

Историк-энтузиаст Эль-Аббади посвятил легендарной библиотеке всю жизнь: в ноябре 1972 г., на международном симпозиуме, он как бы между делом «бросил» идею о том, что библиотеку необходимо воссоздать. Ректор университета Лотфи Деvidар поймал его на слове, и проект, с помощью третьего участника этой истории, Фуада Эльми, был запущен. Хорошо зная, как чудовищно некомпетентно египетское правительство, троица решила обойтись без помощи Каира. Дело казалось им совсем простым: университет владел дорогим участком земли, на котором «бездельничали» военные, Эльми назначили управляющим, научный мир был в восторге.

К несчастью, судьба не благоволила к проекту. Новый ректор университета переориентировал его на создание культурного центра, Эльми схлестнулся с президентом Садатом из-за строительства АЭС, лишился места и умер, разочарованный и опечаленный доктор Эль-Аббади отправился преподавать в Бейрут. В 1984 г. вновь назначенный ректор Каирского университета предложил Эль-Аббади реформировать комитет, и при «платоническом», но весьма активном содействии тогдашнего директора ЮНЕСКО Мохтара Мбою (организация всячески поощ-

рляла проекты в странах «третьего мира», потому-то ей всегда катастрофически не хватало средств) в 1988 г. был объявлен конкурс архитектурных проектов и запущен сбор средств в международном масштабе, для чего будущую библиотеку назвали «государственной». И вот тут-то под не самую реалистичную, но благородную идею была заложена мина замедленного действия.

Первым чек на 20 миллионов долларов прислал правитель из Арабских Эмиратов принц Фейсал. Узнав об этом, Саддам Хусейн немедленно подписал чек на 21 миллион. Их примеру последовали другие, деньги потекли рекой, был выбран роскошный, грандиозный проект, и затея приобрела слишком серьезный оборот для утонченных эллинистов. Один из членов комитета Мохсен Захран стал реальным руководителем и «закрыл крышкой» строительный объект, ставший к тому времени национальным, да что там — международным. В 1993 г. случилось непоправимое: в одну злосчастную ночь бульдозер начал сбрасывать руины дворца Птолемеев в озеро Мареотис*. Французский археолог Жан-Ив Амперёр и архитектор и меценат Мохаммед Авад сделали все, чтобы взбудоражить общественное мнение, но святотатство свершилось: огромный читальный зал будущей библиотеки должен был находиться на пятнадцать метров ниже уровня моря, так что все постройки былых времен погибли. В последний момент польские археологи наспех провели раскопки и достали два великолепных мозаичных фрагмента. Теперь они выставлены в цокольном этаже библиотеки, в специально оборудованном для них музее.

Александрия всегда была и остается неисчерпаемым источником самых фантастических домыслов. Многие свято верят, что новая библиотека питается телом древней. Прелестная идея, но большинство исторических домыслов помещает Мусейон западнее, недалеко от пересечения улиц Наби Даниеля и Хорейи. Имей археологи

* Мареотис, или Мариут, — маленькое озеро в Египте, отделенное от Средиземного моря полоской суши, на которой стоит Александрия. (*Примеч. перев.*)

нормальные условия для работы, они раскрыли бы тайну. Увы: любой руководитель вынужден проводить массу времени в чиновничьих кабинетах, пытаюсь добиться права спокойно работать на раскопе. С какой стати печально знаменитые египетские бюрократы и подрядчики стали бы делать то, на что оказался не способен центр науки и истории? Впрочем, Розеттский камень* нашли не ученые, а наполеоновские саперы, нашли — и остановили строительство военного объекта.

Этот базальтовый монолит так и остался бы еще одним примером всеобщего раболепства перед «кусающимся» подоходным налогом**, если бы не знаменовал собой зловещую судьбу зарождающегося архива.

Проблема книг более чем естественна для любой библиотеки. На первых порах она решалась худшим из всех — поточным — методом: принимались любые дары. Саудовская Аравия от чистого сердца преподнесла в дар восемьсот экземпляров Корана. В тот же самый период произошла совершенно немыслимая вещь — было распродано почти десять тысяч принадлежавших университету книг. В тридцатых годах библиотека располагалась в Литтории, старинном итальянском колледже: ректор 90-х захотел разместить там своих сотрудников, число которых росло с невероятной скоростью. По Александрии мгновенно разнесся слух о тоннах разнообразнейших изданий, продающихся по 3 фунта за штуку (1 доллар), вне зависимости от формата, года издания и состояния. Библиотека Центра александрийских исследований обогатилась некоторым количеством книг XVIII и XIX вв. о путешествиях с экслибрисом основателя университета

* Базальтовая плита с параллельным текстом 196 г. до н.э. на греческом и древнеегипетском языках. Найдена в 1799 г. близ города Розетта (ныне г. Рашид, Египет). Дешифровка Ф. Шампольоном иероглифического текста Розеттского камня положила начало чтению древнеегипетских иероглифов. (*Примеч. перев.*)

** Франции в этом плане нечем похвалиться после неожиданного сокращения кредитов на археологию и охрану памятников в 2002 г.

короля Фуада I — и это при том, что они последними узнали о неожиданной удаче и другие заграбастали куда более редкие издания. Мы не поместили этот случай полного «выпалывания» в соответствующую главу только потому, что университет предложил новой Александрийской библиотеке деньги, которые та отвергла.

Оставим в покое все эти почти забытые перипетии, тем более что неприятные последствия без труда может разъяснить бывший вице-президент Всемирного банка Исмаил Серагельдин, являвшийся в 2003 г. директором Александрийской библиотеки. У Исмаила Серагельдина были умные квалифицированные советники, он искусно совмещал несовместимое и избегал ненужных случайностей. Его упрекали за то, что в каталоге библиотеки не было ни «Сатанинских стихов», ни «Магомета» Максима Родинсона, ни «*Awlad haratina*» (за эту оригинальную версию «Сына Медины» Нагиб Махфруз получил удар кинжалом в шею; правда, ее переводы на английский и французский имеются), ни «Улемы» Хайдара Хайдара, ни «Пира для морских водорослей». Эта книга в семьсот страниц увидела свет в 1983 г. и была переиздана в 1992-м, а в 2000-м какой-то имам проклял ее — даже не читая! — что вызвало массовые уличные выступления студентов Аль-Азхара. Проблема для библиотеки состояла в том, что министр культуры и президент республики проявили в этом деле (так посчитали в Париже) чудовищную трусость*. Этот случай напоминает события тысячелетней давности в Кордове и поведение тамошних улемов. Порой возникает ощущение, что древние бесчинства могут со дня на день повториться в Европе. Достаточно, чтобы один из священников объявил Махфуза отступником, и тогда каждый верующий обязан будет

* Новым примером такого поведения стал запрет, наложенный министром культуры на дюжину книг, и арест и помещение в тюрьму одного из авторов в день открытия Международной книжной ярмарки в Каире 24 января 2001 г. Тарик Хасан Гордон, «*Right group upset over banned books*». Middle-East Jimes, vol. XIX, № 7, 17—23 февраля 2001.

предать его смерти. Весьма интересное подробное исследование, осуществленное под руководством Мустафы аль-Ахнафа, объясняет, как пережить все это, по крайней мере в каирском обществе.

Не все подобные сочинения одинаково интересны, но они стали фактом жизни мусульманского мира и даже ислама. Доктор Серагельдин признает, что всемирная библиотека не имеет права отвергнуть ни одну книгу; как опровергнуть положения какого-то труда или исследования, если нет возможности прочесть его в подлиннике? Исмаил Серагельдин объясняет, что единицы хранения, способные вызвать неадекватную реакцию, выдаются только в особом хранилище по специальному запросу и после предъявления удостоверения личности. За исключением рукописей и редких книг (6500 экземпляров перекочевали в новую библиотеку из муниципальной), все остальные книги находятся в свободном доступе: читальный зал здесь огромный, фонды пока немногочисленны (250 000 томов и 8 миллионов единиц иностранной прессы). Исмаил Серагельдин — тонкий, прелестный и честнейший человек, так что в его словах сомневаться не приходится. Его назначение на должность совпало с выходом специального закона «№ 1 от 2001 г.», за которым последовал указ № 76, подчиняющий Александрийскую библиотеку непосредственно главе государства, что защищает ее от всех министров и чиновников и позволяет беспрепятственно исполнять роль очага интеллектуального, культурного и многоязычного влияния. Замечательный факт, но как быть с угрозой, исходящей от улицы?

Автор «Пирамид» и «Эпистолы судеб» Гамаль Гитани «купается» в цензуре: по его собственным словам, он, с одной стороны, открыто борется с ней в своем литературном журнале, а с другой, отвечает за нее как назначенный главный редактор. Не слишком ревностный мусульманин, Гамаль Гитани повесил у себя в кабинете яркое олеографическое изображение Хусейна, сына Али, дважды нарушив запрет. Он с безмятежным спокойствием разоблачает обскурантизм, проникший во все сферы жизни страны: власть коррумпирована на всех уровнях,

начиная с самого верха (2 миллиарда долларов американской ренты ежегодно достаются Египту, чтобы он держался в стороне от региональных усобиц), она щедро подкармливает средства массовой информации (издатель, очень быстро став богатым, ради сохранения теплого местечка не задумываясь «придержит» развитие собственной газеты) и манипулирует простыми людьми, насаждая повсеместную «духовную цензуру». В хвалебной статье о новой Александрийской библиотеке, создание которой стало «назидательным образцом успеха», Гитани утверждает, что она способна помочь стране положительным примером открытости ко всем идеям и учениям. Несколько обезоруживающий оптимизм Гитани идет еще дальше: он утверждает, что Интернет контролировать никому не под силу и Сеть за десять лет уничтожит цензуру.

Нужно ли видеть в этом какой-то знак? Квартал по соседству с Александрийской библиотекой называется Рушди*.

Новая Александрийская библиотека избавилась от гнета управленцев, руководствовавшихся сталинскими методами работы. Теперь здесь царит дух Возрождения, так удастся ли ей выполнить свое предназначение, несмотря на тяжелые вериги на ногах? В силу целого ряда обстоятельств, библиотека стоимостью в двести миллионов евро не обременена книгами и читателями, что вполне естественно для такого молодого учреждения. Возможно ли было построить библиотеку за меньшие деньги ради того, чтобы сразу приобрести собрание полезных книг? Пример Национальной библиотеки Франции доказывает, что недостаточно четко проработанный культурный проект неизбежно превращается в систему, для которой рационально лишь движение вперед. Супруга главы египетского государства, от которой целиком и полностью

* Речь идет о Рушди Баше (или Рошди Баше), бывшем премьер-министре страны. Его имя происходит от слова *rashada*, что означает «быть на верном пути». В самом корне этого слова заложена идея безмятежной беспристрастности.

зависит Александрийская библиотека, считает более разумным тратить денежные гранты на издание книг для детей и создание десяти тысяч небольших библиотек в деревнях, где уровень неграмотности достигает пятидесяти процентов. Для воссоздания легендарного Мусейона необходимо не только заставить полки книгами, вместо того чтобы устраивать концерты и выставки, но и определить, какие ученые должны здесь работать. Большинству сегодняшних (да и завтрашних) исследователей нет нужды ходить в библиотеку: у них есть компьютеры.

Конечно, многие филологи с превеликим удовольствием провели бы месяц-другой в этом изысканном месте с великолепной акустикой* и безупречным светом за изучением трудов по египтологии, папирологии, истории средиземноморских цивилизаций, истории философии и истории вероучений, в том числе — ислама**. Множество документов тихо ждут своего часа в пыли мечетей и монастырей по соседству с бесценными рукописями эпохи всех династий. Нужно только, чтобы нашелся Иосиф II и забрал их. В муниципальной библиотеке насчитывается 400 000 печатных изданий, из которых — 55 490 томов на французском, английском, греческом и итальянском языках: все эти книги в космополитический период жизни города были частью научных собраний. До 1950 г. переплеты были кожаными, позже на смену пришел молескин. Хранящееся здесь знаменитое «Описание Египта» находится далеко не в лучшем состоянии, как и множество других изданий: большая часть государственных субсидий достается новорожденному мастодонту, а сотрудники муниципальной библиотеки вынуждены держать окна залов и хранилищ постоянно открытыми из-за отсутствия кондиционеров. 5000 манускриптов уже обрели пристанище в новой библиотеке и содержатся там при

* Проблема одна — две тысячи стульев: скрип почти невыносим, но, думается, выход можно найти.

** Необходимо будет нанять высокопрофессионального хранителя. Престижный пост поможет побороть искушение деньгами: на Западе люди получают в тысячу раз больше своих египетских коллег.

должном атмосферном и температурном режиме. Теперь нужно переместить оставшееся, в том числе весьма значительную подборку иностранных газет XIX и XX вв. Не стоит забывать, что старая муниципальная библиотека располагалась в резиденции еврейского барона Элая де Меначе.

Этот город «близ Египта» когда-то был средоточием знания: нет места лучше, чтобы переосмыслить историю и попытаться понять, куда движется человечество. Остается желать одного — чтобы Александрийская библиотека преодолела все трудности и однажды снова стала маяком для всех библиотек мира. А для этого пусть под ее сводами прозвучит диалог из «Письма Аристея*», написанного во II в. до н. э.:

«— Я слышал, что книги иудеев тоже достойны стать частью вашего собрания, — сказал директор библиотеки.

— И что же вам мешает их туда поместить? — ответил глава государства».

* Библиотекарь Птолемея Филандора, правившего в Египте в середине III в. до н.э. (*Примеч. перев.*)

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Великие писатели единокорны: *delenda est bibliotheca!*

Знание, которое я приобрел,
Всего лишь сухой трут.
Приди, огонь,
Пожри весь этот хлам.

Фридрих Георг Юнгер

Библиокластический настрой возник на заре письменности, и высказывали его сами сочинители. Платон, Сенека и Луций не скрывали недоверия к собирателям, Эразм, Корнелий Агриппа, Рабле и Монтень тоже не одобряли пагубной страсти. Лабрюйер насмешничает над выскочками, любителями богатых переплетов, один из которых устроил ему посещение «кожевенного цеха, которое он называет свой библиотекой».

С точки зрения философской многие литераторы были готовы аплодировать александрийскому пожару: забытые — такие, как Луи Леруа, написавший в 1575 г. трактат «О непостоянстве, или О переменчивости вещей», выдающиеся, вроде наших «просветителей», и Томас Браун, высказавший в своем «Эссе о повторяющихся ошибках» («Pseudodoxia Epidemica», 1646 г.) множество прелестных и весьма разнообразных идей: «Царство истины не знает границ, оно простирается до самого ада, и демоны вынуждены поклоняться ему».

По степени искренности и убежденности они делятся на поджигателей и иерофантов, жрецов. Первые, и в их числе Сервантес, свято верят, что героем можно стать, только не читая книг, вторые хитрят и играют с огнем.

Поджигатели

Не заводите ни духовника, ни цирюльника, ни племянницы, ни экономки, а иначе проститесь с независимостью. Если же, не приведи Господь, в вашем доме нашлось

место для всех для них, тщательно скрывайте место, где держите свои книги. Великий роман «Дон Кихот» увидел свет четыре столетия назад, но и сегодня сердце обливается кровью, когда читаешь главу VI, где вышеперечисленные персонажи устраивают подобие судилища, вероломно воспользовавшись заслуженным отдыхом идадьго. «Священник попросил у племянницы ключи от комнаты, где хранились книги — виновники всего несчастья. В сопровождении экономки все направились в эту комнату. Там лежало на полках около сотни толстых и еще много маленьких томов в отличных переплетах»*. Мастер Николас передает священнику каждый том, и тот комментирует, прикидывает и решает, племянница восклицает, что нужно сжечь все книги, а экономка швыряет их в окно. Пройдоха-священник не забывает о своих интересах, прибирая к рукам лучшие творения. «Отдайте-ка мне, кум, она радует мое сердце больше саржевой флорентийской сутаны». «В эту ночь экономка сожгла все выброшенные во двор книги, а также и те, что оставались в доме». Причем последние — не известно даже и сколько — без суда и следствия, поскольку «часто, очень часто доброе страдает из-за злого». На следующий день дверь в библиотеку заложили кирпичом и тщательно замуровали. А Дон Кихоту злые женщины сказали, что ночью прилетел волшебник на драконе и все унес — и комнату, и книги. Странствующему рыцарю оставалось одно — отправиться в странствие.

«Все книги убили меня, но одна позволит жить. Я был Призраком при жизни и обрел плоть в смерти».

Александр Арну (1884—1973)
«Песнь о смерти Дон Кихота»

XVIII в. «воспламенил» Жан-Жак Руссо в «Рассуждении о науках и искусствах», порадовавшись огню, сгубившему легендарную Александрийскую библиотеку,

* Цит. по: Мигель де Сервантес Сааведра. Хитроумный идадьго Дон Кихот Ламанчский. В переводе Н. Любимова. Л., 1962. (Примеч. перев.)

ибо «печатание книг привело к ужасным беспорядкам в Европе, и зло с каждым днем только усугубляется». Друг Руссо Дени Дидро идет по его стопам, оправдывая «китайских императоров». Великий мечтатель Луи-Себастьян Мерсье, лучше других ощутивший утопичность идеи, ринулся в пробитую культурную брешь. Сказочник, автор шестидесяти пьес для театра, сегодня Мерсье больше всего известен своими «Сценами парижской жизни» (1781 г.), где он выносит приговор королевскому собранию книг, ибо «разум здесь теряется среди множества никчемных книг, которые занимают столько места, что путают память Библиотекаря и тот не может расставить их по порядку. Каталог составляется вот уже скоро тридцать пять лет и лишь усиливает хаос». А вот еще цитата: «Устрица в раковине, мирно покоящаяся на своем камне, разумнее этого *Доктора*, который насочинял шесть тысяч страниц вздора и бахвалится тем, что объял *всемирную науку*. [...] Хочется «принять» противоядие — почитать Монтеня — и бежать со всех ног». Десятью годами раньше Мерсье — ему тогда не было и тридцати — описал в книге «2440 год» скромный царский архив как «маленький кабинет, в котором было лишь несколько книг, показавшихся мне не очень толстыми». «Дело в том, — объясняют герою библиотекари будущего, — что мы собрали в долине все книги, которые сочли легкомысленными, или бесполезными, или опасными [...] получилась новая Вавилонская башня [...] из пятисот или шестисот тысяч словарей, ста тысяч томов книг по юриспруденции, ста тысяч стихотворных сборников, полутора миллионов путевых заметок и миллиарда романов. Мы предали огню всю эту ужасную массу, принеся искупительную жертву во имя истины, здравого смысла и безупречного вкуса». XXV в. удовольствуется исключительно «нужными» авторами — Гомером, Платоном, Вергилием, Плинием, Саллюстием, Шекспиром, Торквато Тассо и, конечно, Монтенем. Ну и Руссо, очищенным от поэтических благоглупостей.

Так родился жанр.

ИЕРОФАНТЫ

Спустившись на одно деление на шкале Абсолютного, скажем, что философская идея уничтожения библиотеки сводится к литературному наслаждению.

Гастон Башляр справедливо замечает: «Чтобы вернуться к *поэтической изначальности*, нужно избавиться от книг и собирателей». Все поэты-символисты получили классическое образование. Они были провозвестниками морального раскрепощения, но сегодняшней фетишизм умалает эмоциональную силу идеи, превращая ее в штамп и выхощивая смысл, как это случилось с Монтальбаном.

Самые знаменитые иерофанты — Борхес, Брэдбери, Канетти, Кортасар, Эко, Франс, Жид, Гюго, Хаксли, Оруэлл, Швоб, Шекспир и Шоу. Приведем несколько отрывков в хронологическом порядке их выхода в свет.

Шекспир, наполнявший свои пьесы шумом и яростью, не был чужд риторики о сожженной библиотеке. Единственный способ разрушить дом Просперо, решает он, это уничтожить его бумажную стену.

КАЛИБАН

...Но помни — книги!
Их захвати! Без книг
Он глуп, как я,
И духи слушаться его не будут:
Ведь им он ненавистен, как и мне.
Сожги все книги.

(Перев. Мих. Донского)*

Последний роман Виктора Гюго «Девяносто третий год» увидел свет в 1874 г., его написание сопровождалось горестными событиями в личной жизни автора (смерть дочери Адели и двух сыновей) и национальными трагедиями («Страшный год»). Это беспорядочный, бессвязный рассказ о событиях 1793 г., в котором Вандея противопоставляется Парижской коммуне, он написан в

* «Буря». Акт III, сц. 2. Цит. по: В. Шекспир. Полн. собр. соч. Т. 8.

судорожной манере, интрига его схематична, но образы несравненны: пушка, перекатывающаяся по трюму «Клеймора», невероятный разговор Марата с Робеспьером и Дантоном в бистро, длинное описание сеанса библиокластии, совершаемого тремя ребяташками, запертыми в библиотеке и обреченными сгореть вместе с ней. Они играючи уничтожают «...великолепное и редчайшее in quarto. «Евангелие от Варфоломея» вышло в 1682 году в Кёльне в типографии славного Блева, по-латыни Цезиуса, издателя Библии. «Варфоломей» появился на свет с помощью деревянных прессов и воловьих жил, отпечатали его не на голландской, а на чудесной арабской бумаге, которой так восхищался Эдризиди и которая делается из шелка и хлопка и никогда не желтеет; переплели его в золоченую кожу и украсили серебряными застежками»*.

Подобный образчик дурного вкуса заслуживает наказания, но думать так — значит предавать автора. Дети видят первый эстамп лежащей на аналое книги: святой мученик несет в руках содранную с него кожу. «Первая вырванная страница подобна первой капле пролитой крови. Истребление уже неминуемо». Получив пинок ногой, огромный том упал с аналая: «...безжалостная расправа так увлекла их внимание, что они даже не заметили прошмыгнувшей мимо мышки». Виктор Гюго свято верит: необходимо всегда защищать «часть против целого», в данном случае — Вандею против бесчеловечной Республики, обскурантизм должен быть уничтожен. Большой эстамп с изображением святого Варфоломея — предмет культа, столь противный сердцам протестантов, — становится для писателя символом. Картинка превращается в рой маленьких белых бумажек («— Бабоцьки!» — восклицает маленькая Жоржетта), которые кружатся в воздухе и улетают, подхваченные ветром. Гибель «Евангелия от Варфоломея» становится прологом к уничтожению в самоубийственном пожаре всей библиотеки заброшенного замка Ла-Турга: книг и самого зала, где в простенках меж-

* Цит по: В. Гюго. Полн. собр. соч. Т. 11. Перев. Н.М. Жарковой.

ду окнами на дубовых консолях стоят бюсты забытых ныне персонажей, отличившихся в изучении потерянных творений. «Огонь по своей природе расточитель: любой костер беспечно пускает на ветер целые алмазные россыпи [...] Потрескивание горящих балок сопровождалось гудением огня. Стекла в библиотечных шкафах лопались и со звоном падали на пол. Было ясно, что перекрытия замка сдают. Не в силах человека было предотвратить катастрофу»*. Дети рвут жизнеописание святых, огонь шуанов уничтожает бесполезный храм эрудиции — библиотеку, у которой нет читателя. Виктор Гюго удаляется «на высокой ноте», поприветствовав становление нового мира.

«До чего ужасно было наблюдать за этим в замочную скважину! Большие, средние, совсем маленькие, всех форм и цветов, они громоздились у четырех стен, от плинтуса до карниза, на каминной полке, столах и даже на полу!..» На двери этой библиотеки крупными буквами написано: «Вход воспрещен!» Библиотека в «Аббате Жюле» — «святая святых», закрытая на ключ, где хранится «Тот» сундук. И стул. Умирая, Жюль передает состояние главе епархии, тот слагает с себя сан и приказывает тому, кто унаследовал библиотеку, сжечь сундук. На похоронах не произошло ничего «сверхъестественного и комичного», все родственники и друзья сходятся вокруг костра. Не известно, предвидел аббат Жюль, что произойдет или нет. Роман Октава Мирбо увидел свет в 1888 г., но актуальности не утратил и доныне, хотя священников стало меньше.

Если Борхес пусть запоздало и в «завуалированной» форме, но все-таки заявил, что стал новеллистом после прочтения «Мнимых жизней» Марсея Швоба, то Андре Жид так никогда и не признал, что его неудобоваримые «Яства земные» — беззастенчивый плагиат тонкой «Книги Монеля».

Сочинение Швоба, вышедшее в 1894 г., призывало читателя (читательницу) забыть знания и правила: «Построй дом своими руками и сам же его и сожги [...] предай свои

* Там же.

писания муке страстей [...]. Ты сотрешь левой ногой след правой». Тремя годами позже Жид приказывает: «Ты должен сжечь в себе все книги, Натаниэль». И добавляет *in fine*: «А теперь выбрось мою книгу». Потенциальные покупатели приняли эту фразу за руководство к действию: за десять лет было продано всего пятьсот экземпляров «Яств», да и то с трудом, а книги Марселя Швоба шли нарасхват. Потом все изменилось. И может измениться снова.

В 1901 г. в пьесе «Цезарь и Клеопатра» Джордж Бернард Шоу раскрыл александрийскую тайну, получив наконец «признание» Юлия Цезаря:

«ЦЕЗАРЬ. — Теодот, я и сам писатель. И я скажу тебе: пусть лучше египтяне живут, а не отрешаются от жизни, зарывшись в книги. [...]

ТЕОДОТ (*Потину*). — Я должен идти спасать библиотеку. (*Поспешно выходит.*)»*

В 1924 г. сюрреалисты опубликовали свой первый групповой манифест. Назывался он «Труп» и был, по сути дела, страстным панегириком на смерть Анатоля Франса. Они упрекали члена Французской академии не столько в его эстетской снисходительности к левому центру, сколько в том, что он тратил свой талант на пошлые сюжеты. Родившийся в семье книготорговца будущий нобелевский лауреат жил жизнью библиотечного ребенка; библиотека была, по сути, главной темой многих его произведений, от «Преступления Сильвестра Боннара» до «Восстания ангелов». Герой «Харчевни Королевы Гусиные Лапы» (1893 г.) алхимик Астарак собрал библиотеку, «в сравнении с которой королевская библиотека — лавчонка с книжным хламом...». «Ежели все эти строчки, выведенные на бесчисленных листах бумаги и пергамента, вошли бы нерушимым строем в ваш мозг, сударь, вы узнали бы все, все бы могли, стали бы повелителем природы и гончаром вещей; вы держали бы весь мир у себя в щепоти, как держу я между большим и указательным пальцами понюшку табаку.

* Цит по: Б. Шоу. Избранное в 2 т. М.: Художественная литература, 1956. Перев. М. Богословской и Св. Боброва.

С этими словами он протянул табакерку доброму моему наставнику.

— Вы весьма любезны, — промолвил аббат Куаньяр»*.

На последней странице этой поучительной сказки большой ребенок Анатоль Франс сводит счеты с матерью-кормилицей своего воображения:

«Густой дым столбом поднимался над замком. Дождь искр и пепла обрушился на меня, и я вскоре заметил, что одежда моя и руки покрылись копотью. С горестью подумал я о том, что сажа, наполнявшая воздух, — это все, что осталось от множества великолепных книг и бесценных манускриптов, доставлявших радость доброму моему наставнику. [...] Я понял, что в эти минуты умерла и часть моего существа. Поднявшийся ветер раздувал пожарище, и пламя завывало, словно пасть прожорливого зверя. [...] И тогда я с ужасом различил высокую темную фигуру г-на Астарака: пробираясь по краю крыши, алхимик кричал громовым голосом:

— Возношусь на крыльях огня в пределы божественной жизни!

Едва произнес он эти слова, как кровля рухнула с ужасающим грохотом, и гигантские языки пламени поглотили верного почитателя саламандр»**.

Мы часто забываем, что получивший известность в 1970 г. великолепный роман «Ауто-да-фе» был написан в конце 20-х совсем молодым человеком и назывался «Die Blendung» — «Ослепление» или «Помрачение». Время появления и название подчеркивают пронизывающий его насквозь экспрессионизм. Роман Элиаса Канетти входит в число самых страшных литературных вымыслов. Герой романа китаист Кен живет в Вене, у него так много книг, что он закладывает окна кирпичами, чтобы поставить дополнительные стеллажи. По мере того как вокруг Кена смыкается библиотека, растет и пу-

* Цит. по: Анатоль Франс. Собрание сочинений в 8 т. Т.2. М., 1958. Перев. Н.М. Жарковой.

** Там же.

гающая власть над ним его экономки Терезы, на которой он по непонятной причине женился. Роман тяготеет к гротеску, действие разворачивается медленно, а ледяной юмор автора так зыбок, что кончится все может только убийством, безумием, пожаром. Название книги содержит намек на разгадку, процитируем же три последние строчки романа: «Он устанавливает стремянку в центре комнаты, там, где она когда-то находилась. Вздвигается на шестую ступеньку, наблюдает за огнем и ждет. Когда языки пламени наконец добираются до него, он начинает смеяться в полный голос, как никогда прежде не смеялся».

«Книга о будущем интересует нас в одном случае — если изложенные в ней пророчества выглядят осуществимыми». Так в 1946 г. высказался в своем романе «О дивный новый мир» Олдос Хаксли. Книга была издана в 1932-м, и жизнь успела подтвердить некоторые высказанные в ней рассуждения о тоталитаризме. Другие описанные в романе методы и события, конечно, абсолютно нереальны: никому не придет в голову, показывая детям книги, подвергать их электрошоку или травить «две тысячи фанатиков культуры серным дихлорэтилом».

Немыслим был бы и такой диалог:

«— А почему запрещен? — спросил Дикарь. Он так обрадовался человеку, читавшему Шекспира, что на время забыл обо всем прочем.

Главноуправитель пожал плечами.

— Потому что он — старье; вот главная причина. Старье нам не нужно.

— Но старое ведь бывает прекрасно.

— Тем более. Красота притягательна, и мы не хотим, чтобы людей притягивало старье. Надо, чтобы им нравилось новое»*.

Одного из учеников Хаксли в Итоне звали Блэр. Он не слишком усердствовал в учебе, уехал в Бирму, служил

* Цит по: Антиутопия XX века. М.: Книжная палата, 1989. О. Хаксли. О дивный новый мир. Пер. О. Сороки.

там в полиции, был клошаром в Париже, сражался на стороне республиканцев во время Гражданской войны в Испании, отличился в сражении при Теруэле и в конце концов стал литературным критиком в маленькой левой газетенке. Выбрав в качестве псевдонима название любимой реки — Оруэлл, — он начал зарабатывать деньги сатирой на коммунистическое государство. В 1944 г. вышел его роман «Скотный двор» («Ферма животных»). Пятью годами позже увидела свет знаменитая антиутопия «1984». В 1950 г. Джордж Оруэлл умер от туберкулеза. Роман-антиутопия «1984», разоблачающий атмосферу всеобщего страха и духовного подавления, царившую при нацистах в Германии и в сталинском СССР, пользовался неизменным успехом у многих поколений читателей, выражения «Большой Брат» и «новояз» вошли в обиходный язык. Герой романа живет в мире, где «охота на книги и их уничтожение весьма тщательно велись не только в пролетарских кварталах, но и повсюду в городе. Маловероятно, что где-нибудь, например в Океании, мог существовать хоть один экземпляр книги, отпечатанной до 1960 года». Его задача — открывать архивы по мере «надобностей момента. Вся История была подчищенным палимпсестом, который неоднократно переписывали, а потом переиздавали, даже не упоминая внесенные изменения». Очень жаль, что Джордж Оруэлл не дожил до девяноста лет и не написал послесловия к своему бестселлеру, учитывая потрясающие возможности, привнесенные в мир оцифровыванием и Интернетом.

«Сегодня книги не сжигают», — неосторожно восхищается автор предисловия к «451° по Фаренгейту». Конечно, сжигают повсюду в мире, и современное состояние знаний наводит на мысль, что пожары разгораются все чаще. Незамысловатый роман сделал Рея Брэдбери знаменитым и уже в 1953 г. стал культовой книгой интеллектуалов, задыхавшихся в реакционном пуританском воздухе Америки тех лет. «Жечь было наслаждением. Какое-то особое наслаждение видеть, как огонь пожирает

вещи, как они чернеют и *меняются*». Так начинается роман Брэдбери. Станет ли пожарный-пироман Монга мыслить иначе? «Зачем мне читать?» Многие наверняка знают наизусть отдельные куски этой книги:

« — Я — «*Республика*» Платона. Хотите прочесть Марка Аврелия? Мистер Симмонс — Марк Аврелий.

— Рад знакомству, — сказал мистер Симмонс»*.

Рассуждая о библиотеках, было бы странно не упомянуть имя Борхеса и не процитировать ни одной фразы из его произведений. Какой-нибудь шутник наверняка учудил бы забавную эскападу. Так произошло с «Библиотекой Робинзона» — неизданной рукописью, проданной в 2001 г. за 300 000 франков и украшающей ныне собрание одной из южноафриканских библиотек. Эксперт датировал текст 1930 г., вдова писателя утверждает, что это фальшивка, а Жан-Пьер Бернес считает его подлинным. Там есть такие строки о Коране: «Обещанный на его страницах ад не так жесток, как маленький островок, где из всех книг в библиотеке есть только Коран». Не слишком тонкая провокация для человека, считавшего, что в его жилах течет арабская кровь, раз уж не повезло родиться евреем. Будущие Робинзоны должны взять на заметку, что Полное собрание сочинений Борхеса в великолепном издании «Плеяд» составляет два тома и очень подходит для чтения на пустынном острове, вот только издатель не имеет права продажи из-за запрета, наложенного правообладателем. Думается, нашего героя эта ситуация развеселила бы...**

Каждая фраза «Вавилонской библиотеки» кажется созданной для того, чтобы следующие поколения литера-

* Р. Брэдбери. «451° по Фаренгейту». Перев. Т. Шинкарь, Э. Баштлова, Л. Жданова. М.: Терра. Собр. соч. в 2 т. Т. 2.

** Все любители книг, и особенно дожившие до старости писатели, с изумлением и ужасом прочтут короткое исследование Анатоля де Монзи «Вдовы, живущие славой покойных мужей», конечно, если его переиздадут (сейчас оно доступно на микрофильме в НБФ или в Сети).

торов могли использовать ее в качестве эпиграфа, а в «Конгрессе» автор переходит к сути: логика действий бесконечной Вселенной такова, что она готовит собственное исчезновение. Дон Алехандро приказывает сжечь библиотеку Мирового Совета: «В разрушении есть загадочное наслаждение; сияющие языки огня потрескивают и рвутся вверх. [...] Во дворе остались лишь ночь, зола и запах горелого». Этот рассказ 1955 г. — не лучшее произведение автора, но Борхес через 20 лет настаивал на его включении в двухтомник, называя «самым автобиографичным»: «...это описание мистического опыта, которого у меня не было, но который я пытался вообразить». Объяснение странное, даже абсурдное, но такое «борхесовское»...

Богумил Грабал, живший в 1968 г. в Праге, хорошо знал, что такое советское давление на библиотеки. Он написал роман «Слишком шумное одиночество», увидевший свет в 1976 г. Действие происходит во время Второй мировой войны. Главный герой — рабочий Ганта, он прикован к гидравлическому прессу, уничтожающему тонны замечательных и вполне заурядных книг, которые товарищи в течение тридцати пяти лет день за днем вываливают ему на голову. В таких условиях начинается перекрестный разговор между Иисусом, Лао-цзы, Кантом и Ван Гогом. «Я никогда не чувствую себя покинутым, я один и могу жить в одиночестве, населенном мыслями, я — Дон Кихот бесконечности и вечности, а бесконечность и вечность имеют слабость к подобным мне людям». Пытаясь покормить голубя, чешский король многословия в 1997 г. выпал из окна шестого этажа больницы, откуда его должны были наутро выписать. Вся жизнь Грабал говорил, что боится упасть или ощутить желание выброситься из окна собственной квартиры: он жил на шестом этаже.

«Фантомас против вампиров мультикорпораций» — этот коллаж из комиксов и рассказа от первого лица расстроенный Хулио Кортасар опубликовал после трибунала «Рассел-II», где судили южноамериканских дик-

таторов (на первом заседании, по инициативе Бертрана Рассела и Жан-Поля Сартра, судили США за Вьетнам, но вряд ли сегодня найдется человек, который рискнет созвать «Рассел-III»). Этот путанный текст сначала вышел в Мексике; он был переведен на французский язык и издан только в 1991 г. Некая мультинациональная суперкорпорация, желающая контролировать весь мир, таинственным образом лишает библиотеки всего мира миллиардов книг. На помощь им приходит единственная сила, способная бороться с корпорацией (и заинтересовать рядового латиноамериканского читателя): Фантомас. Не известно, удастся ли сверхчеловеку вновь заполнить книгами библиотечные стеллажи, но по телевизору зачитывают обвинительный приговор расселовского трибунала Никсону и Киссинджеру... из рассказа Кортасара.

«Так, значит, библиотека служит не для распространения истины, а для ее сокрытия? — с изумлением спросил я». Конечно, сын мой, ведь каждая книга подобна глухонемому, она до последнего хранит свои тайны, и, чтобы их узнать, нужно научиться выпытывать их страница за страницей. Когда Умберто Эко описал в «Имени розы» эталон преданной огню библиотеки, он и представить себе не мог, какой успех уготован этой замечательной сказке: двадцать лет спустя двое из троих опрошенных на улице людей назовут ее «Романом о розе». Популярность «Имени розы» может быть признанием растерявшегося, утратившего культурные ориентиры мира, не знающего, что с собой делать. Позже исследователи напишут, что к 2000 г. сожжение библиотек станет навязчивой идеей, как миф о Франкенштейне при смене богов. Медиевисты, оскорбленные размером потиражных, неустанно уличают Эко в «ереси»: он пишет, что в старинном монастыре якобы хранилось восемьдесят семь тысяч томов, а нормой для 1327 г. было штук двадцать старинных рукописей плюс триста манускриптов, так что на переплеты для «эковских» 87 тысяч пошла бы кожа восьми миллионов волов, а переписывать их пришлось бы аж двум поколениям всех живших на све-

те переписчиков. Все так, но мечтатели и фантазеры смеются над бухгалтерами.

В 1995 г. профессор сравнительного анализа Йон Тим затрагивает тему глобального оцифровывания и предсказывает его будущее. Год 2039-й: Всемирная библиотека выложена в Сеть; двадцать лет спустя она возводится на уровень мифа. Это «сфера, центр которой находится повсюду, а окружность найти невозможно». Автор проводит параллель с птолемеевским архивом, или с «вавилонским», проклятым. К 2060 г. стали ясны две вещи: «предсказания о потоке многословных, плохо сформулированных, мошеннических и заимствованных сообщений оправдались», кроме того, появилось множество культов и сект, для которых электронная реальность стала либо новым Богом, либо Зверем на заклятие: Анонимисты, Апокрифисты, Борхесианцы, Луддиты, Ньюзеры... Во вполне предсказуемом посткриптуме автор сообщает читателям, что вирус, запущенный семьдесят лет назад обожателями книги, навсегда уничтожил все мировое Знание. И человечество охватывает легкая эйфория.

В своего рода пародии на научно-фантастический роман с апокалиптическим уклоном Пол Остер описывает город саморазрушения («In the Country of Last Things»*, 1987 г.), где тотальная нехватка превращает людей в стервятников. Невыносимо холодной и голодной зимой, «когда солнце задерживалось на небе всего на несколько жалких часов», героине случайно удается укрыться в Национальной библиотеке, и книги служат ей топливом. «Возможно, это высвобождало во мне какую-то скрытую ярость или просто было способом показать, что происходящее не имеет никакого значения. Мир, к которому они принадлежали, исчез, так пусть принесут хоть какую-то пользу. Большинство не стоило и открывать: сентиментальные романы, сборники

* «В краю последних вещей» (англ.).

политических речей, устаревшие учебники». Впрочем, иногда героиня все-таки читает, но без особой пользы (иначе роман стал бы назидательным), «куски из Геродота» и «забавную книжонку» Сирано де Бержерака. «Но в конце концов все отправлялось в печку, все обращалось в дым».

Все эти горы книг вкупе с читательской любовью — сущий обман, полагает Жан Рудо («Зубы Береники», 1996 г.). Для него «библиотека — это потайная комната: все, что находится на виду, таится, то, чем овладеваешь, уводит в сторону, то, что запоминаешь, понуждает продолжать. Ты чувствуешь непреодолимую тягу иходишь в заполненную книгами комнату и понимаешь, что никогда не прочтешь все, что стоит на полках, но угнетает не это, а мысль о том, что любая библиотека есть препятствие на пути к другой и ничто не способно утолить желание».

«Фиктивные дипломы, профессора на замену, надувательские конкурсы, неонацисты-негационисты...»*

Дидье Дэнинкс, как всегда милосердный к тем, кто ленится читать между строк, опубликовал исследование о Мафии, вдохновляясь рецептом приготовления лионского салата и — главное — пожаром строившейся библиотеки университета Лион-II (2000 г.). Дэнинкс не боится «смешивать приправы» (Калюир**, Алжир, Пномпень...), и некоторые охранители здравого смысла — прочти они этот текст! — не преминули бы упрекнуть его в преувеличении. Однако недосказанность, насквозь пропитавшая «лионское дело», абсолютно реальна, а новые данные, открывшиеся в 2003 г., могли бы лечь в основу небольшого по объему, но занимательно-

* Люди, полностью или частично отрицающие геноцид, которому подвергались евреи во время Второй мировой войны, и существование газовых камер. (*Примеч. перев.*)

** Округ Лиона, где 21 июня 1943 г. был арестован Жан Мулен, политический деятель, участник Сопротивления и сторонник генерала де Голля. (*Примеч. перев.*)

го научного труда. Как бы там ни было, библиотеку действительно сожгли.

Все литераторы сходятся на том, что собирание книг превращает человека в пленника пагубной страсти, а если библиоман и заговаривает о том, чтобы избавиться от книг, он заведомо убежден, что сделать это невозможно.

«Напрасно Анри-Матье открывает выходящие на бульвар окна: всякий раз, когда он заводит мотор, комната наполняется едким дымом. Синеватое облачко загрязняет воздух, от него желтеют стены, потолок, деревянные панели. Необходим техосмотр, но механика на четвертый этаж привести невозможно. Хуже всего то, что выхлопные газы вредят книгам, пачкают переплеты. Рано или поздно ему придется выбирать между библиотекой и грузовиком». (Жан-Клод Бирабан, 2003 г.)

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Краткая история описи утерянных книг с легендой напоследок

Они насыпали песка в квадратную коробку и начертили линии; произвели расчеты с помощью пергаментных талисманов и сотворили черное зеркало, смешав воду с дымом.

Марсель Швоб

Афиней Навкратийский* был первым (впрочем, мы вполне можем допустить, что *самый первый* человек, составивший реестр утраченных книг, был несправедливо забыт, а следы его работы — безвозвратно утрачены), кого заворожила проблема исчезнувших литератур. В 228 г. он описывает в своем «Deipnosophistai» пир философов, упоминает почти восемьсот имен писателей и полторы тысячи названий литературных произведений, о большинстве которых практически ничего не известно. Добавим, что до нас дошло всего десять томов творения греческого ритора из пятнадцати (некоторые исследователи полагают, что их было тридцать). «Свид» или «Лексика Свида» — еще один перечень утраченных имен и текстов, предположительно составленный одним греком из Константинополя в X или XI в. Бюсты Афиней и Свида украшали ставшую ненужной библиотеку, которую Виктор Гюго «предал огню» в романе «Девяносто третий год».

Живший в XVIII в. Шарль Нодье тоже хотел стать собирателем мертвых листков, но поостерегся; ибо дело это требует абсолютной *праздности*.

А между тем страсть эта породила литературный квазижанр, этакое смешение болтовни у камелька и иссушающего умственного сосредоточения. Первым его представителем был коллекционер Уильям Блейд, оплакивавший

* Греческий ритор из древнегреческой колонии в дельте Нила, автор «Пира философов». (*Примеч. перев.*)

утрату пергаментов первой Александрийской библиотеки. Сам он находил источник вдохновения в Дизраэли.

Исаак д'Израэли, позже его фамилия стала писаться Дизраэли (1766—1848), разочаровал отца, выходца из семьи венецианских купцов, который к восемнадцати годам составил весьма значительный капитал и немедленно перебрался в Лондон. Молодой Исаак в том же возрасте написал обличающую торговцев поэму и стал ярким приверженцем Руссо. Через какое-то время он рассорился с синагогой и крестил своих детей, что позволило его сыну Бенджамину стать членом парламента и сделать блестящую карьеру.

Самое «читабельное», хоть и перегруженное неточностями, произведение Исаака «Литературные диковины» — это смесь литературных очерков, анекдотов, критических статей и всяческой любопытной информации в трех томах. Первая из сотен статей посвящена библиотекам. В первом томе Дизраэли на десяти страницах описывает уничтожение книг.

Других, более профессиональных, исследователей не остановил тот факт, что работа по описи утраченных книг скучна, однообразна и почти бесполезна.

Они упорствуют в осуществлении задачи, воображая себе гипотетического читателя множества давно забытых или вовсе никому не известных книг.

«Да неужто найдутся, — скажут они, — вредители или безумцы, способные покуситься на такую бесценную и почитаемую вещь, как *книга*?» Так деланно возмущается в 1889 г. библиофил и собиратель Фернан Дрюжон в эссе «О Библиолитии». В этом «скорее научном, чем художественном» труде он перечисляет двести семьдесят восемь произведений, уничтоженных *не* по настоянию церковников, *не* по постановлению властей и *не* волею случая. Авторы и издатели каются в совершённом святотатстве: одни прикрываются обстоятельствами — мол, «ветер переменился» (царственные особы призвали присоединиться к Непобедимой армаде или произнести страстную речь против гильотинирования Людовика XVI), другие объясняют, что, достигнув почтенного возраста и положения, пожалели о написанных когда-то фривольных, революционных

или просто глупых стишках (эротические преобладают), но отдельные истории изумляют даже циников (весь тираж «Китайской экспедиции» графа д'Эриссона, написанной на материале личной переписки генерала Кузена де Монтобана, был куплен военным министерством, чтобы скрыть факт разграбления Летнего дворца). «Библиографическое эссе о преднамеренном уничтожении книги, или Библиолития» было издано в Париже в 1889 г., а в 1893-м автор выпустил в свет перечисление* сотни случайно утерянных книг: «*Destructarum edditionum Centuria*» (доступен на сайте textesrares.com).

Фернан Дрюжон был подражателем Поля Лакруа (библиофила Якоба), включившего в 1880 г. в свой реестр пятьсот названий, и Гюстава Брюне. Эти «так сказать» потери небольших по размеру литературных произведений представляют интерес в основном для любителей диковинок или хитрецов-собираателей, а поиск раритетов требует скорее склонности к игре «по маленькой» на бирже, чем любви к «оскорбленной» в своем достоинстве литературе. Заметим, кстати, что более чем приблизительная достоверность подобных исследований сопровождается подчас невежественным и закоснелым умом отдельных составителей. Так, Брюне в одной из своих работ называет в числе литературных безумцев «Сократа, Уолта Уитмена, Мишле и, само собой разумеется, Жерара де Нерваля и маркиза де Сада». Это «само собой разумеется» несказанно возмутило Реймона Кено, о чем он не преминул заявить в предисловии к своему тонкому и серьезному исследованию о «литературных безумцах» (кстати, издатель для этой книги нашелся далеко не сразу и сравнительно недавно).

В конечном итоге, если бы десятки тысяч книг не были утрачены, сегодня нечего было бы комментировать. Возможно, кого-нибудь заинтересует дополненная следую-

* «История сожженных библиотек и книжных лавок, — со вздохом комментирует он, — предоставляет обширнейший материал для исследований».

щими названиями библиография Дрюжона: Шельхорн, «*Amoenitatis litterariae, passim*». Габриель Пеньо, «Словарь главных книг, преданных огню», 1806. Гюстав Брюне, Дополнение к вышеназванному изданию, «Бельгийский библиофил», 1848 и 1850. Г. Брюне, «Библиологический словарь». Корнелий Уолфорд, «*Destruction of Libraries by fire, etc.*», Лондон, 1880, «к сожалению, эта книга известна мне лишь по названию» (Дрюжон). Октав Дельпьер, «Библиография». Морис Турно, «Книги, уничтоженные авторами», «Французский библиофил», 1873. т. VII, с. 246—250. Эльрих, «*Dissertatio de Bibliothecarum ac librorum fati, imprimis libris comestis*», Беролини, 1756. А.А. Ренуар, «Каталог», т. 1, с. 286—291. Жозеф Мари Керар, «Книги утерянные и существующие в единственном экземпляре», Бордо, 1872. Последнее исследование в авторской редакции называлось «Книги, которые невозможно отыскать», в факсимильном переиздании 1984 г. его изменили на «Утраченные книги», и в этом есть забавный парадокс: благодаря современным воспроизведениям то, что нельзя прочесть в оригинале, не утрачено для прочтения (и наоборот).

Присовокупим, как говорят оценщики на аукционах, каталоги того, что было уничтожено в Париже 23 мая 1871 г.: они доступны для прочтения на сайте gallica.fr: Луи Пари, «Рукописи Библиотеки Лувра, сожженные в ночь с 23 на 24 мая 1871 года», Париж, 1972. Анри Бодрийяр, «Отчет о потерях публичных библиотек Парижа в 1870—1871 гг.», Париж, 1872. Патрис Салин, «Уголок картины, май 1871. Комментированный каталог собрания редких и забавных, старинных и современных изданий, уничтоженных во дворце Государственного совета в ночь с 23 на 24 мая 1871 года», Париж, 1872.

Первооснова этой странной легенды столь реальна, что многие потеряли из-за нее здоровье, состояние и репутацию. Она всегда публиковалась только в научных изданиях, а нам известна в изложении историка Давида Аранса.

Итак, все началось на рубеже XV и XVI вв., когда великий князь Московский Василий III (1505—1533) повелел прислать ко двору греческих ученых, чтобы те внесли изменения в переводы старинных манускриптов, хранившихся в его библиотеке. Правитель хотел обновить культурную жизнь и укрепить свою власть. Михаил Триволис по прозвищу Максим Грек, или Максим Философ, поделился с государем своим изумлением: никогда в жизни он не видел таких древних книг. Больше об отношениях монаха и суверена история нам ничего не поведала. В конце XVI в. царь Иван Васильевич Грозный выписывает к себе немецкого пастора Иоганна Веттермана для осмотра долго томившихся в «заточении» старых книг. Явившемуся ко двору Веттерману предоставили для изучения несколько стопок манускриптов, и он обнаружил, что на многие из них часто ссылались в древние времена, но они считались утраченными из-за войн и пожаров. Некоторые экземпляры датировались эпохой Птолемея. Веттерман признался, что он беден, но не пожалел бы наследства своих детей за право обладать таким сокровищем. Улыбнувшись в ответ, книжники царя Ивана IV попросили пастора пе-

ревести хотя бы один манускрипт, но он отказался, не желая окончить свои дни в чужой стране. Через два столетия профессор Дабелов находит в архивах Пярнуской ратуши документ, озаглавленный «Манускрипты, находящиеся в собственности царя». Скопировав одну страницу, он показал ее профессору Клоссиусу, тот ринулся в Пярну, но чудо испарилось. Дабелов припомнил только, что, по словам протестантского пастора, из восьми сотен манускриптов, которыми владел царь, «некоторые были куплены, а другие — подарены византийским императором». Поиски возобновились только в 1890 г., когда профессор Трэмер наткнулся в Страсбурге на фрагмент из Гомера, имевший, по его мнению, «московское происхождение». Трэмер полагал, что манускрипт был частью приданого Софьи Палеолог*. Профессор едет в Москву, составляет описи всех московских библиотек и приходит к выводу, что искать нужно в кремлевских подземельях. Два года спустя выходит знаменитая статья историка и археолога Ивана Егоровича Забелина «Кремлевские подземелья», где он утверждает, что мифическая библиотека действительно существовала, но была уничтожена в XVII в., когда поляки предали Москву огню и мечу. По свидетельству некоего Конона Осипова, в 1724 г. он видел бесценное византийское сокровище: манускрипты хранились в сундуках, стоявших в тайных палатах.

Ученые яростно спорят, одни верят Забелину, другие называют его лжецом, фальсификатором, продажным негодяем... А потом начинается настоящая лихорадка: все, кому не лень, ищут, роют, копают и разрушают. Подземные палаты находятся — но они пусты. В 1898 г. появляется книга А. Белокурова «О библиотеке московских государей в XVI столетии», где Дабелов назван лжецом и невеждой, а следом за ней — другая работа, опровергающая мнение Белокурова... В двадцатых, тридцатых

* Палеологи — династия византийских императоров в 1261—1453 гг., основанная Михаилом VIII. Последний император — Константин XI, племянница которого Зоя (Софья) была замужем за Иваном III Васильевичем. (*Примеч. перев.*)

и шестидесятых картина практически не меняется, но в наши дни поиски идут уже не столь активно: если эта потрясающая библиотека и существовала, она вряд ли пережила бы века заточения в сырых подземельях. Когда манускрипты освидетельствовали в последний раз, некоторым экземплярам было никак не меньше четырех веков, даже если их изготовили не в Александрии, а на Востоке, в Византии. Впрочем, недавно в Дуньхуане были обнаружены столь же древние, но вполне читаемые рукописи на бумаге, так что...

Библиотека царя Ивана Грозного подобна Граалю или сокровищу тамплиеров. Даже если их найдут, искать все равно не перестанут.

ВЫБОРОЧНАЯ ХРОНОЛОГИЯ

- 1358 г. до н.э.: уничтожение библиотек в Фивах.
- 1336 г. до н.э.: уничтожение библиотеки Эхнатона (Амарна).
- 525 г. до н.э.: уничтожение египетских библиотек персами.
- 450—410 гг. до н.э.: основатель Сабейского царства приказывает написать «трактат о победе» над племенем усан. В нем говорилось: «Я, Карибиил Ватар, убил моих врагов, осквернил их богов и уничтожил все следы их писаний». Он называл себя «мукаррибом», объединителем.
- 411 г. до н.э.: на агоре в Афинах сжигают все экземпляры книг софиста Протагора, поскольку он говорил: «Что до богов, то мы не можем утверждать ни что они существуют, ни что они не существуют. Множество причин мешают нам это постичь. Первая из них — неясность этого вопроса, вторая — краткость человеческой жизни».
- 330 г. до н.э.: Александр Великий разрушает дворец в Персеполесе вместе, по всей вероятности, с содержавшимися там книгами, возможно, с оригиналами Зороастра.
- 213 г. до н.э.: император-объединитель Китая приказывает уничтожить все написанное.
- 207 г. до н.э.: пожар в китайской столице и утрата императорского книжного собрания.
- 186 г. до н.э.: Тит Ливий сообщает, что Сенат неоднократно приказывал собрать и сжечь все «*vaticini libri*» — пророческие книги.
- 181 г. до н.э.: в Риме находят закопанный в землю сундук с библиотекой Нума и сжигают ее за то, что в ней содержатся книги по греческой философии.
- 167 г. до н.э.: Антиох Епифаний приказывает бросить в огонь все еврейские манускрипты в Палестине.
- 146 г. до н.э.: гибель Карфагена и его библиотек.
- 83 г. до н.э.: пожар в Риме и утрата книг сивилл.

- 48 г. до н.э.: пожар в Александрии, при котором, как предполагается, Цезарь уничтожает ее библиотеку.
- 12 г. до н.э.: Август, став понтификом, приказывает сжечь 2000 «суеверных» книг.
- 23 г.: пожар в Шангане и гибель императорской библиотеки.
- 57 г.: уничтожение книг в Эфесе.
- 64 г.: большой пожар в Риме, приписываемый Нерону.
- 79 г.: извержение Везувия и погребение Виллы папирусов.
- 80 г.: пожар в библиотеке портика Октавия в Риме.
- 188 г.: пожар в библиотеке храма Юпитера в Риме.
- 190 г.: расхищение библиотеки в китайском Лояне и императорской библиотеки.
- 191 г.: пожары в нескольких библиотеках Рима.
- 208 г.: пожар в библиотеке во время беспорядков в Шангане.
- 212 г.: Каракалла решает бросить в огонь все книги перипатетиков; Дион Кассий, сообщая об этом, не говорит, совершил ли он это на самом деле.
- 213 г.: Каракалла, возможно, уничтожил часть Александрийской библиотеки.
- 273 г.: Аурелиан, возможно, уничтожил часть Александрийской библиотеки.
- 296, 297 или 298 г.: Диоклетиан, возможно, уничтожил часть Александрийской библиотеки.
- начало IV в.: епископ Македоний сжигает книги епископа Павлина.
- 303 г.: Диоклетиан приказывает сжечь Писание.
- 311 г.: разграбление Лояна.
- 363 или 364 г.: по приказу императора Ювиана сожжена библиотека Антиохии, основанная Юлианом.
- 371 г.: Валент приказывает опустошить библиотеки жителей Антиохии и предать огню или закопать нехристианские книги. Аммиан Марцеллин сообщает, что жители этой провинции в то время так боялись, что к ним придут, что делали это сами по себе.
- 391 г.: уничтожение второй Александрийской библиотеки епископом Феофилом.
- 398 г.: император Аркадий предает огню писания Евномия и его конкурентов.
- V в.: разрушение Таксилы в Гандхаре белыми гуннами.
- 416 г.: пелагиане сжигают монастырь Вифлеема, в котором в 385 г. поселился Иероним со своей значительной библиотекой.

- 435, 448 гг.: Феодосий и Валентиниан отправляют на костер сочинения несторианцев, а также и философа-неоплатоника Порфирия.
- 455 г.: наследник Феодосия Маркиан приказывает сжечь книги нескольких авторов, объявленных еретиками.
- 475 г.: государственный переворот в Константинополе, гибель императорской библиотеки.
- 546 г.: разграбление Рима остготами и разрушение библиотек.
- 554 г.: император Юань приказывает сжечь свою библиотеку.
- ок. 590 г.: папа Григорий I приказывает сжечь все книги, оставшиеся от античного Рима.
- 614 г.: разрушение Иерусалимской библиотеки персами.
- 637 г.: опустошение арабами библиотеки Ктесифона.
- 638 г.: уничтожение арабами библиотеки Гондешапура.
- 640 г.: уничтожение арабами библиотеки Кесарии.
- 642 г.: в этом году арабы предположительно разрушили Александрийскую библиотеку.
- 644—656 гг.: уничтожение Усманом всех Коранов.
- 726 г.: начало иконоборческих кампаний в Константинополе и уничтожение многочисленных книжных собраний, в том числе и библиотеки Академии.
- 814 г.: уничтожение библиотеки Карла Великого.
- 867 г.: сожжение библиотеки Фотия.
- 905 г.: пожар в библиотеке аббатства Сен-Мартен-де-Тур — если упомянуть только одно подобное происшествие.
- 960 г.: император Худжу сжигает свою библиотеку.
- ок. 980 г.: сожжение халифской библиотеки в Кордове Альмансором.
- 1059 г.: уничтожение «дар аль-ильма» в Багдаде.
- 1068 г.: расхищение халифских библиотек в Каире.
- 1109 г.: разрушение «дар аль-ильма» в Триполи крестоносцами.
- 1174 г.: роспуск библиотеки Фатимидов в Каире Саладином.
- 1199 г.: уничтожение Наланды в Индии.
- 1204: разрушение Византийской библиотеки крестоносцами.
- 1233 г.: аутодафе еврейских книг в Монпелье.
- 1242 и 1244 гг.: сожжение Талмудов в Париже.
- 1255 г.: разрушение библиотеки ассасинов монголами.
- 1258 г.: уничтожение тридцати шести багдадских библиотек монголами.
- 1281 г.: сожжение даосских библиотек ханом Хубилаем.
- 1294 г.: гибель библиотеки аль-Фадила в Каире.
- 1298 г.: уничтожение шотландских книг Эдуардом I.

- 1309 г.: сожжение принадлежащих евреям библиотек в Париже.
- 1453 г.: захват Константинополя турками и уничтожение библиотек.
- 1490 г.: сожжение книг в Саламанке Торквемадой.
- 1494 г.: разграбление библиотеки Медичи.
- 1497—1498 гг.: аутодафе Савонаролы.
- 1499 г.: огромное аутодафе мусульманских книг в Гренаде.
- 1515 г.: Латеранский церковный собор провозглашает сожжение всех еретических книг.
- 1520 г.: наложение запрета на Лютера.
- 1524—1525 гг.: гибель сотен библиотек в Германии во время Крестьянской войны.
- 1526 г.: разорение Будапешта Сулейманом и уничтожение библиотеки короля Корвина.
- 1527 г.: разграбление Рима Карлом V.
- 1529 г.: уничтожение всех ацтекских книг в Мексике.
- 1534 г.: сожжение всех книг в Мюнстере.
- 1535 г.: захват Туниса Карлом V и разрушение библиотек.
- 1536—1550 гг.: уничтожение сотен тысяч книг Генрихом VIII, а затем Эдуардом VI во время церковных потрясений.
- 1559—1560 г.: сожжение протестантских книг.
- 1561 г.: уничтожение всех книг майя в Юкатане.
- 1562 г.: высшая точка иконоборчества, сожжение многочисленных библиотек реформаторами.
- 1568 г.: сожжение древнееврейских Библий в Венеции.
- 1583 г.: уничтожение архивов письменности кипу церковным собором в Лиме.
- 1666 г.: большой пожар в Лондоне.
- 1671 г.: пожар в Эскориале.
- 1727 г.: пожар в Копенгагене.
- 1731 г.: пожар в Эшбернхем-Хаусе в Вестминстере.
- 1757 г.: сожжение милленариями всех книг в Подолье.
- 1759—1773 гг.: повреждение большого количества книг при захвате библиотек иезуитов народом.
- 1778—1782 гг.: сожжение всех нежелательных книг в Китае.
- 1782 г.: конфискация библиотек австрийских конгрегаций.
- 1789 г.: захват библиотеки Бастилии, начало массового истребления книг.
- 1812 г.: гибель значительных библиотек при пожаре Москвы.
- 1814 г.: поджог Библиотеки Конгресса англичанами.
- 1837 г.: захват Константины.
- 1860 г.: разграбление Летнего дворца.
- 1870 г.: гибель библиотеки Страсбурга при бомбардировке.

- 1871 г.: гибель трех великих парижских библиотек во время Кровавой недели.
- 1881 г.: оккупационная чилийская армия расквартирована в Национальной библиотеке Перу.
- 1900 г.: пожар в библиотеке академии Ханьлинь в Пекине.
- 1914 г.: поджог немецкими солдатами библиотеки в Лёвене.
- 1923 г.: сильное землетрясение в Японии.
- 1932 г.: бомбардировка и гибель библиотеки Донфан в Шанхае, вместе с хранилищем редких книг Ханфенлу.
- 1933 г.: сожжение книг нацистами в Берлине, первое из нескольких подобных.
- 1939 г.: начало расхищений и уничтожений публичных и частных библиотек в захватываемых Германией странах.
- 1940 г.: гибель под немецкими бомбами новой библиотеки в Лёвене.
- 1940—1944 г.: в Европе несколько сотен библиотек гибнут или несут урон от бомбардировок.
- 1943 г.: пожар в Библиотеке Королевской академии в Неаполе.
- 1945 г.: согласно оценкам, советские войска захватили в Германии двенадцать миллионов книг, преимущественно французских; многие из них погибли впоследствии при чистках пятидесятых годов.
- 1962 г.: подрыв при помощи пластиковой бомбы Университетской библиотеки в Алжире.
- 1966 г.: начало культурной революции в Китае.
- 1966 г.: разлив р. Арно во Флоренции.
- 1975 г.: установление господства красных кхмеров в Камбодже.
- 1981 г.: пожар в Библиотеке Джафны, Шри-Ланка.
- 1986 г.: пожар в Публичной библиотеке Лос-Анджелеса.
- 1988 г.: пожар в Библиотеке Академии наук в Ленинграде.
- 1992 г.: поджог сербами библиотеки в Сараеве.
- 1998 г.: разорение библиотеки в Пули-Хумри Талибаном.
- 1999 г.: пожар в библиотеке в Лионе-II.
- 2003 г.: поджог, разорение и разграбление практически всех иракских библиотек в результате американской «освободительной операции».

БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Cavallo, Guglielmo et Chartier, Roger*, Histoire de la lecture dans le monde occidental, *Paris*, 1997.
- Delon, Michel*, La bibliothèque est en feu, *Nanterre*, 1991.
- Disraeli (d'Israeli), Isaac*, Curiosities of Literature, 3e éd., *Londres*, 1793. (Curiosités de la littérature, *Paris*, 1809.)
- Drogin, Marc*, Biblioclasm: the Mythical Origins, Magic Powers, and Perishability of the Written World, *Savage, Md.*, 1989.
- Edwards, Edward*, Libraries and Founders of Libraries, *Amsterdam*, 1968.
- Edwards, Edward*, Memoirs of Library, *Londres*, 1859.
- Franklin, Alfred*, Les Anciennes Bibliothèques de Paris, *Paris*, 1873.
- Hessel, Alfred*, A History of Libraries, translated, with supplementary material, by *Reuben Peiss*, *New Brunswick*, 1955.
- Hoeven, Hans van der (éd.)*, Mémoire du monde: Mémoire perdue. Bibliothèques et archives détruites au XXe siècle, *Paris (Unesco)*, 1996.
- Johnson, Elmer D., et Harris, Michael H.*, History of Libraries in the Western World, *Metuchen*, 1976.
- Löwenthal, Leo*, «Calibans Erbe», *Schriften, Band 4, Seite 136150*, *Francfort*, 1984. (Traduction en italien: *J Roghi dei libri, Genova*, 1991.)
- «L'univers des bibliothèques d'Alexandrie à Internet», Magazine littéraire n° 349, décembre 1996.
- Poulain, Martine (éd.)*, Histoire des bibliothèques françaises, 4 vol., *Paris*, 1992.
- Wiegand, Wayne A., et Donald, G. Davis, Jr. eds*, Encyclopedia of Library History, *New York*, 1994.

Exlibris, <http://palimpsest.stanford.edu/byform/mailling-lists/exlibris/>
Librarian, <http://www.librarian.net/>

IFLA, <http://www.ifla.org/search/search.htm> (*conférences en archive et au moins trente «listes»*)

ALA, <http://www.ala.org/bbooks/bookburning21.html>. (*actualité mondiale de l'autodafé*)

Bulletin des Bibliothèques de France, <http://bbf.enssib.fr/>

ПРЕДИСЛОВИЕ

Richardson, Ernest C, The Beginnings of Libraries, Princeton, 1914.

МЕСОПОТАМИЯ

Cameron, George Glenn, Persepolis Treasury Tablets, Chicago, 1948.

Fergusson, James, The Palaces of Niniveh and Persepolis Restored, an Essay on Ancient Assyrian and Persian Architecture, Londres, 1851.

Layard, Henry Austen, Les Ruines de Ninive, Paris, 1999.

Maul, Stefan M., Tracing Assyrian Scholarship, <http://prelectur.stanford.edu/lecturers/maul/tracing.html>

Menant, Joachim, La Bibliothèque du palais de Ninive, Paris, 1880 (ce livre est disponible en ligne sur gallica. fr).

Meskell, Lynn (éd.), Archeology Under Pire, Londres, 1998.

Potts, Daniel T., Mesopotamian Civilization: the Material Foundations, Londres, 1997.

Schmidt, Erich F., Persepolis... 2, Contents of the Treasury and Other Discoveries, Chicago, 1957.

ЕГИПЕТ

Andreu, Guillemette, L'Égypte au temps des pyramides, Paris, 1994. Cerny, Jaroslav, Paper and Books in Ancient Egypt, Londres, 1952.

Hussein, Mohamed A., Origins of the Books. Egypt's contribution to the Development of the Book from Papyrus to Codex, Leipzig, 1972.

Lichtheim, Miriam, Ancient Egyptian Literature, Berkeley, 1980.

Montet, Pierre, L'Égypte au temps des Ramsès, 1300—1100 avant J.-C., Paris, 1946.

Nichols, Charles L., The Library of Rameses the Great, Berkeley, 1964.

Parkinson, Richard, et Quirke, Stephen, Papyrus, Londres, 1995.

Putnam, George Haven, Authors and Their Public in Ancient Times, New York, 1894.

Richardson, Ernest C., Some old Egyptian Librarians, *Berkeley*, 1964.

Turner, Eric Gardner, Greek Papyri. An Introduction, *Oxford*, 1968.

АЛЕКСАНДРИЯ

El-Abbadi, Mostafa, Vie et destin de l'ancienne Bibliothèque d'Alexandrie, *Paris*, 1992.

Bernand, André, Alexandrie la Grande, *Paris*, 1998.

Blum, Rudolf, Kallimachos. The Alexandrian Library and the Origins of Bibliography, *Madison*, 1991.

Botti, Giuseppe, L'Acropole d'Alexandrie et le Serapeum d'après Aphantonius et les fouilles, *Alexandrie*, 1895.

Canfora, Luciano, La Véritable Histoire de la bibliothèque d'Alexandrie, *Paris*, 1988.

Casanova, Paul, L'Incendie de la bibliothèque d'Alexandrie par les Arabes, *Paris*, 1923.

César, Jules, Guerre d'Alexandrie, *Paris*, 1983.

Diringer, David, The Book Before Printing. Ancient, Medieval and Oriental, *New York*, 1982.

Empereur, Jean-Yves, Alexandrie, redécouverte, *Paris*, 1998.

Forster, Edward M., Alexandrie, *Paris*, 1990.

Fraser, Peter Marshall, Ptolemaic Alexandria, *Oxford*, 1972.

Georgiadès, Patrice, L'Étrange Destin de la bibliothèque d'Alexandrie, *Alexandrie*, 1982.

Jochum, Uwe, «The Alexandrian library and its aftermath», *Library History*, vol. 15, n° 1, p. 5—13, *Londres*, 1999.

Parsons, E.A., The Alexandrian Library: Glory of the Hellenistic World, *New York*, 1952.

АФИНЫ

Drossaart Lulofs et Henrik Joan, «Neleus of Scepsis and the fate of the library of the Peripatos», Tradition et traduction. Les textes philosophiques et scientifiques grecs au Moyen Âge latin. *Hommage à Fernand Bossier édité par Rita Beyers*, *Louvain*, 1999.

Irigoin, Jean, Le Livre grec des origines à la Renaissance (*conférences Léopold Delisle*), *Paris*, 2001.

Pfeiffer, Rudolf, History of Classical Scholarship, *Oxford*, 1968.

Platthy, Jenö, Sources on the Earliest Greek Libraries, with the Testimonia, *Amsterdam*, 1968.

Reynolds, Leighton D., et *Wilson, Nigel G.*, D'Homère à Érasme: la transmission de la littérature grecque et latine, *Paris*, 1991.

РИМ

- Aulu-Gelle*, *Noctium Atticarum VII, XVII, 1—2*. (Les Nuits uniques, Paris, 1978.)
- Beaujeu, Jean*, L'Incendie de Rome en 64 et les Chrétiens, *Bruxelles*, 1960.
- Berthaud (Abbé-)*. L'Incendie de Rome sous Néron et la critique contemporaine, *Toulouse*, 1901.
- Delarue, Jacques*, La Mort comme spectacle. *Suivi de: Les chrétiens ont-ils été les victimes expiatoires de l'incendie de Rome?*, s.1, 1957.
- Fantar, M'hamed Hassine*, Carthage, approche d'une civilisation, *Tunis*, 1993.
- Forbes, Clarence A.*, «Books for the burning», Transactions of the American Philological Association, 67 (1936), *Haverford*, 1936.
- Gibbon, Edward*, Histoire du déclin et de la chute de l'Empire romain, tome I, *Paris*, 1983.
- Gigante, Marcello*, Philodemus in Italy, the Books from Herculaneum, *Ann Harbor*, 1995.
- Gilberg, Mark*, «Antonio Piaggio and the conservation of the Herculaneum Papyri» in *Daniels, V.*, Early Advances in Conservation, *Londres*, 1988.
- Gregorovius, Ferdinando*, Storia della città di Roma nel Medio-evo, *Rome*, 1900.
- Hacquard, Georges*, Guide romain antique, *Paris*, 1952.
- Homo, Léon*, Vespasien, l'empereur du bon sens, *Paris*, 1949.
- Pétrone*, Le Satiricon, *Paris*, 1993.
- Sablayrolles, Robert*, Libertinus Miles. Les Cohortes de vigiles, *Rome*, 1996.
- Salles, Catherine*, Lire à Rome, *Paris*, 1992.
- Suétone (trad. Henri Ailloud)*, Vie des douze Césars, *Paris*, 1996.
- Tanner, Thomas N.*, «A history of early Christian libraries from Jesus to Jerome», The Journal of Library History, vol. 14, n° 4, *Austin*, automne 1979.
- Vitruve*, Les Dix Livres d'architecture de Vitruve corrigés et traduits en 1684 par Claude Perrault, *Liège*, 1986.

ВИЗАНТИЯ

- Canfora, Luciano*, La Bibliothèque du patriarche. Photius censuré dans la France de Mazarin, *Paris*, 2003.
- Ducas, Michael (ou Doukas, «Michel»)*, Historia Byzantina, *Bonn*, 1834. (Traduction: Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks, *Detroit*, 1975.)

- Gibbon, Edward*, Histoire du déclin et de la chute de l'Empire romain, tome II, Paris, 1983.
- Irigoin, Jean*, «*Survie et renouveau de la littérature antique à Constantinople (IXe siècle)*», Griechische Kodikologie und Textüberlieferung, Darmstadt, 1980.
- Procopé de Césarée*, Histoire secrète, Paris, 1990.
- Reynolds, Leighton D., et Wilson, Nigel G.*, D'Homère à Érasme: la transmission des classiques grecs et latins, Paris, 1991. (Traduction par C. Bertrand de Scribes and Scholars, a Guide to the Transmission of Greek and Latin Literature, Oxford, 1968, et New York, 1991.)
- Schlumberger, Gustave*, Le Siège, la prise et le sac de Constantinople par les Turcs en 1453, Paris, 1914.
- Tafur, Pero*, Andanças e viajes de Pero Tafur por diversas partes del mundo avidos (1435—1439), Madrid, 1874. (Pero Tafur, travels and adventures 1435—1439; Londres, 1926.)
- Thompson, James W.*, The Medieval Library, New York, 1957.
- Treadgold, Warren T.*, The Nature of the Bibliotheca of Photius, Washington, 1980.
- Vast, Henri*, Le Siège et la prise de Constantinople par les Turcs d'après des documents nouveaux, Paris, 1880.
- Villehardouin, Geoffroy de*, La Conquête de Constantinople, Paris, 1061.
- Wilson, Nigel G.*, «*The libraries of the Byzantine world*», Griechische Kodikologie und Textüberlieferung, Darmstadt, 1980.

ИСЛАМ В АНДАЛУСИИ

- Dozy, Reinhart*, Histoire des Musulmans d'Espagne, Leyde, 1932.
- Erdoes, Richard*, 1000 AD, Berkeley, 1998.
- Fierro Bello, Mª Isabel*, La Heterodoxia en al-Andalus durante el periodo omeya, Madrid, 1987.
- Guichard, Pierre*, De la conquête arabe à la Reconquête: grandeur et fragilité d'al-Andalus, Grenade, 2003.
- Ibn Sâ'id al-Andalusî*, Kitâb tabakât al-umam (Livre des catégories des nations), Paris, 1935.
- Lévi-Provençal, Évariste*, Histoire de l'Espagne musulmane, Paris, 1950.
- Martinez Gros, Gabriel*, L'Idéologie omeyyade: la construction de la légitimité du califat de Cordoue: X^e-XIe siècles, Madrid, 1992.
- Polastron, Lucien X.*, Le Papier, 2000 ans d'histoire et de savoir-faire, Paris, 1999.
- Ribera Tarrago, Julián*, Bibliófilos y bibliotecas en la España musulmana, Saragosse, 1896.

Sibai, *Mohammad Makki*, *Masque Libraries: a Historical Study*, Londres, 1987.

Viguera Molins, *María Jesús*, «*Imágenes de Almanzor*» in *Codex Aquilarensis n° 14. La Peninsula ibérica y el Mediterráneo entre los siglos XI y XII, actas II, Palencia, 1999.*

Wasserstein, *David J.*, «*The library of al-Hakam al-Mustansir and the culture of Islamic Spain*» in *Manuscripts of the Middle-East, 1990—1991, vol. 5, Leyde, 1993.*

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ИСЛАМСКИЙ ВОСТОК

Balty-Guesdon, *Marie-Geneviève*, «*Le Bayt el-hikma de Bagdad*», *Arabica n° 39, p. 131—150, Leyde, 1992.*

Benjelloun-Laroui, *Latifa*, *Les Bibliothèques au Maroc, Paris, 1990.*

Bartol, *Vladimir*, *Alamut, Paris, 1988.*

Bergé, *Marc*, *Pour un humanisme vécu: Abû Hayyân al-Tawhîdî, Damas, 1979.*

Berkey, *Jonathan P.*, *The Transmission of Knowledge in Medieval Cairo: A Social History of Islamic Education, Princeton, 1992.*

Bulliet, *Richard W.*, *The Camel and the Wheel, Cambridge, 1975.*

Chauvin, *Victor*, *Le Livre dans le monde arabe, Bruxelles, 1911.*

Eche, *Youssef*, *Bibliothèques arabes publiques et semi-publiques en Mésopotamie, en Syrie et en Égypte au Moyen Âge, Damas, 1967.*

Fu'ad Sayyid, *Ayman*, «*Que reste-t-il de la bibliothèque des Fatimides?*», *Des Alexandries II. Les métamorphoses du lecteur, Paris, 2003.*

Halm, *Heinz*, *The Fatimids and Their Tradition of Learning, Londres, 1997.*

Hitti, *Philip K.*, *The Arabs, Londres, 1948.*

Ibn Khaldun, *Discours sur l'Histoire universelle (al-Muqaddima), Beyrouth, 1967—1968.*

Juvaini, *'Ala ad-Din 'Ata-Malik*, *Genghis Khan. The History of the World-Conqueror, Manchester, 1997.*

Kohlberg, *Etan*, *A Medieval Muslim Scholar at Work: Inb Tâwûs and His Library, Leyde, 1992.*

Khoury R.G., «*Une description fantastique des fonds de la Bibliothèque royale khizanat al-kutub au Caire, sous le régime du calife fatimide al'Aziz bi-llah*», *Proceedings of the Ninth Congress of the Union européenne des arabisants et islamisants, Amsterdam, 1st to 7th, 1978, Leyde, 1981.*

Lewis, *Bernard*, *Les Assassins. Terrorisme et politique dans l'Islam médiéval, Paris, 1982.*

Mutahhari, Murtadha, The Burning of Libraries in Iran and Alexandria, Téhéran, 1983.

Raymond, André, Le Caire, Paris, 1993.

Ringel, Joseph, Césarée de Palestine, étude historique et archéologique, Paris, 1975.

Roxburgh, David, The Persian Album, 1400—1600: from Dispersae to Collection, New Haven, 2004.

Trésors fatimides du Caire, catalogue de l'exposition présentée à l'Institut du monde arabe, Paris, 1998.

Wiet, Gaston, «Recherches sur les bibliothèques égyptiennes au Xe et au XIe siècle», Cahiers de civilisation médiévale, n° 6, Poitiers, 1963.

ИУДЕЙСКИЙ МИР

Dahan, Gilbert (éd.), Le Brûlement du Talmud à Paris, 1242—1244, Paris, 1999.

Grendler, Paul, «The destruction of Hebrew books in Venice, 1568», Proceedings of the American Academy for Jewish Research, vol. 45, Jérusalem, 1978.

Haddad, Gérard, Les Biblioclastes: le Messie et l'autodafé, Paris, 1990. Nouvelle édition: Les Folies millénaristes biblioclastes, Paris, 2002.

Kahle, Paul E., The Cairo Geniza, Londres, 1947.

Lea, Henri-Charles, Histoire de l'Inquisition au Moyen Âge, Paris, 1901, Grenoble, 1990.

Roth, Cecil, Histoire des marranes, Paris, 1990.

Reuchlin, Johannes, Recommendation Whether to Conflscate, Destroy, and Burn ail Jewish Books: a Classic Treatise Against Antisemitism, translated, edited and with a foreword by Peter Wortsman ; critical introduction by Elisheva Carlebach, New York, 2000.

КИТАЙ ДО 1911 г.

Allen, Roland, The Siege of the Peking Légations, Londres, 1901.

Alleton, Viviane, L'Écriture chinoise, Paris, 1970.

Billeter, Jean-François, Li Zhi philosophe maudit (1527—1602), Genève, 1979.

Bodde, Derk, Chinas First Unifier, a study of the Ch'in Dynasty as Seen in the Life of Li Ssù... (280?—208 B. C), Leyde, 1938, Hong Kong, 1967.

Bourgerie, Raymond, et Lesouef, Pierre, Palikao (1860). Le sac du palais d'Été et la prise de Pékin, Paris, 1995.

Chavannes, Édouard, Les Livres chinois avant l'invention du papier, Paris, 1905.

- Chavannes, Édouard*, La Divination par l'écaille de tortue dans la haute Antiquité chinoise (d'après un livre de M. Lo Tchen-Yu), Paris, 1911.
- Chen Dengyuan (Ch'en Teng-yüan)*, Gujindianjijusankao (Considérations sur le fait de collectionner et de détruire des livres dans l'histoire chinoise), Shanghai, 1936.
- Cheng, Anne*, Histoire de la pensée chinoise, Paris, 1997.
- Cheng Huanwen*, «The destruction of Chinese books in the Peking siege of 1900», Proceedings of the 62nd IFLA General Conference (25—31 août 1996).
- Cheng Huanwen*, «The destruction of a great library: China's loss belongs to the world», American Libraries Magazine, vol. 28, 1997.
- Demiéville, Paul*, «Littérature», Dictionnaire de la civilisation chinoise, Paris, 1998.
- Drège, Jean-Pierre*, Les Bibliothèques en Chine au temps des manuscrits: jusqu'au Xe siècle, Paris, 1991.
- Dudbridge, Glen*, Lost Books in Medieval China, Londres, 2000.
- Edgren, Sören*, «Cangshu: the tradition of collecting books in China», Biblis, The Georg Svensson Lectures Yearbook, 1995—96, Stockholm, 1996.
- Fleming, Peter*, The Siege at Peking, Hong Kong, 1983.
- Giles, Lancelot*, The Siege of the Peking Legations. A Diary, Nedlands, W. Australia, 1970.
- Goodrich, Luther Carrington*, The Literary Inquisition of Ch'ien-lung, Baltimore, 1935.
- Granet, Marcel*, La Pensée chinoise, Paris, 1990.
- Guy, R. Kent*, The Emperor's Four Treasuries: Scholars and the State in the Late Ch'ien-lung Era, Cambridge, 1987.
- Hérisson, comte d'(Irisson ou d'Irisson, Maurice)*, Journal d'un interprète en Chine, Paris, 1886.
- Huang Weilian (Wong, V.L.)*, «Libraries and book-collecting in China from the Epoch of the Five Dynasties to the end of Ch'ing», T'ien hsia monthly, vol. VIII/4, Shanghai, avril 1939.
- Hugo, Victor*. «Au capitaine Butler», Actes et Paroles II, Paris, 1875, et dans Œuvres complètes. Politique, Paris, 1985.
- Jiang Fucong (Chiang Fu-Ts'ung)*, «A historical sketch of Chinese libraries, Philobiblon» vol. II, n° 2, Shanghai, mars 1948.
- Keightley, David N.*, Sources of Shang History: The Oracle-bone Chinese Inscriptions of Bronze Age China, Los Angeles, 1978.
- Leys, Simon*, L'Humeur, l'honneur, l'horreur. Essais sur la culture et la politique chinoises, Paris, 1991.
- Li Xueqin*, Eastern Zhou and Qin civilisations, New Haven, 1985.

- Loewe, Michael et al, «*The classical philosophical writings*», The Cambridge History of Ancient China, Cambridge, 1999.
- Moore, Oliver, Reading the Past: Chinese, Londres, 2000.
- Rawson, Jessica (éd.), Mysteries of Ancient China, Londres, 1996.
- Ren Jinyu, Zhongguo cangshulou (Les Collections de livres en Chine), Shenyang, 2001.
- Schiffer, Kristofer, «Xunzi» et «Yang Zhu», Dictionnaire de la civilisation chinoise, Paris, 1998.
- Sima Qian, Les Mémoires historiques (Shiji), traduction partielle d'Édouard Chavannes, Paris, 1969.
- Sima Qian, Records of the Grand Historian: Qin Dynasty, trad. Burton Watson, New York, 1995.
- Swann, Nancy Lee, «Seven intimate library owners», Harvard Journal of Asiatic Studies, vol. 1, n° 3—4, p. 363—390, Baltimore, novembre 1936.
- Tan Zhuoyuan (Tan Cho-yüan, également Taam Cheuk-woon), The Development of Chinese Libraries under the Ch'ing Dyn. 1644-1911, Shanghai, 1935.
- Qian Cunxun (Tsien Tsuen-hsuein), Written on Bamboo and Silk: The Beginnings of Chinese Books and Inscriptions, Chicago, 1962.
- Twitchett, Denis, Printing and Publishing in Medieval China, Londres, 1983.
- Twitchett, Denis et Fairbank, John K., The Cambridge History of China, Cambridge, 1986.
- Watson, Burton, Early Chinese Literature, New York, 1962.
- Wilkinson, Endymion, Chinese History. A Manual, Cambridge, 2000.
- Wu Guangqing (Wu Kuang-ts'ing), «Libraries and book-collecting in China before the invention of printing», T'ien hsia Monthly, vol. V/3, Shanghai, octobre 1937.
- Yates, Robin D.S., Five Lost Classics: Tao, Huang-Lao, and YinYang in Han China, New York, 1997.
- Yu Qiuyu, «The vicissitudes of Tianyi Pavilion», Chinese Literature, automne 1998.

ИНДИЯ

- Coppieters, Jean-Christian, «Xuanzang», Dictionnaire du bouddhisme, Encyclopaedia universalis, Paris, 1999.
- Keay, F.E., Ancient Indian Education, an Inquiry into its Origin, Development and Ideals, Londres, 1918.
- Marshall, John, A Guide to Taxila, Cambridge, 1960.
- Mukerji, Radha Kumud, Ancient Indian Education, Brahmanical and Buddhist, Londres, 1947.

Prakash, Buddha, Aspects of Indian History and Civilization, *Agra*, 1965.

Régnier, Rita, «*Nalanda*», Dictionnaire du bouddhisme, *Encyclopaedia universalis*, Paris, 1999.

ЯПОНИЯ

Ichikawa Hiroshi, «*Pensée, grands traits de la —*», Dictionnaire de la civilisation japonaise, Paris, 1994.

Keene, Donald, Les Journaux intimes au Japon (à paraître en 2004, Institut des hautes études japonaises du Collège de France).

Kitagawa, Joseph M., Religions in Japanese History, *New York*, 1966.

ИНКВИЗИЦИЯ, КАТОЛИЧЕСКАЯ ИСПАНИЯ

Bennassar, Bartolomé, L'Inquisition espagnole, XV*—XVe siècles, Paris, 1979.

Chaide, Malón de, La Conversión de la Magdalena, *s.l.*, 1588.

Desfourneaux, Marcellin, L'Inquisition espagnole et les livres français au XVIIIe siècle, Paris, 1963.

Justel Calabozo, Braulio, La Real Biblioteca de El Escorial y sus Manuscritos arabes, Madrid, 1987.

Kamen, Henry, Histoire de l'Inquisition espagnole, Paris, 1966.

Lea, Henri-Charles, Histoire de l'Inquisition au Moyen Âge, Paris, 1901, et Grenoble, 1990.

Liebman, Seymour B., The Inquisitors and the Jews in the New World, Miami, 1974.

Montoiche (ou Montoche), Guillaume de, «*Voyage et expédition de Charles Quint au pays de Tunis, de 1535*», Gachard et Piot (éd.), Collection des voyages des souverains des Pays-Bas, Bruxelles, 1881.

Olmos, Francisco, Cervantes en su época, Madrid, 1968.

Pardo Tomás, José, Ciencia y censura. La Inquisición española y los libros científicos en los siglos XVI y XVII, Madrid, 1991.

Ribera Tarrago, Julián, Bibliófilos y bibliotecas en la España musulmana, Saragosse, 1896.

Santos, Francisco de los, Descripción del real monasterio de S. Lorenzo del Escorial, única maravilla del mundo..., Madrid, 1681.

Sigüenza, José de, Historia primitiva y exacta del monasterio del Escorial, escrita en el siglo XVI, Madrid, 1881.

Zarco Cuevas, Julián, Catálogo de manuscrites castellanos de la Real Biblioteca de El Escorial, vol. 3, San Lorenzo de El Escorial, 1929.

НОВЫЙ СВЕТ

- Acosta, José de*, Historia natural y moral de las Indias. (Histoire naturelle et morale des Indes occidentales, *version française établie par Jacques Rémy-Zéphir*, Paris, 1979.)
- Baudin, Louis*, L'Empire socialiste des Inka, Paris, 1928.
- Bollaert, William*, Sur les signes graphiques des anciens Péruviens, s.l, 1874.
- Blom, Frans*, Conquest of Yucatan, New York, 1936.
- Diaz del Castillo, Bernai*, The True Story of the Conquest of Mexico, New York, 1927.
- Fernández de Oviedo y Valdés, Gonzalo*, Historia général y natural de las Indias, 1529. (Trad. française: Singularités du Nicaragua, Paris, 2002.)
- Grover, Mark L.* (1993), «The book and the conquest: jesuit libraries in colonial Brazil», Libraries and Culture, vol. 28, n° 3, Austin, été 1993.
- Hallewell, Laurence*, «Rare books in Latin American libraries», IFLA Journal, vol. 21, n° 1, 1995, www.ifla.org
- Landa, Diego de*, Relation des choses de Yucatan, Paris, 1928.
- Las Casas, Barthelemy (Bartolomé) de*, Tyrannies et cruautéz des Espagnols commises es Indes occidentales, qu'on dit le Nouveau Monde, Rouen, 1630.
- Las Casas, Bartolomé de*, La Destruction des Indes, Paris, 2000.
- Lea, Henri-Charles*, Histoire de l'Inquisition au Moyen Âge, Paris, 1901, Grenoble, 1990.
- Montaigne, Michel de*, Essais, tome III, Paris, 1998.
- Moraes, Rubens Borba de*, Livras e Bibliotecas no Brasil Colonial, Rio de Janeiro, 1979.
- Popol-Vuh*. Les Dieux, les héros et les hommes de l'ancien Guatemala d'après le «Livre du Conseil», traduit du quechua et présenté par *Georges Raynaud*, Paris, 1975 (1925 fac-similé).
- Prescott, William Hickling*, History of the Conquest of Mexico, New York, 1843.
- Histoire de la conquête du Mexique, Paris, 1846.
- Sarmiento de Gamboa, Pedro*, History of the Incas, Cambridge, 1907.
- Tozzer, Alfred M.* (éd.), Landa's Relación de las cosas de Yucatan, Cambridge, 1941.
- Von Hagen, Victor Wolfgang*, The Aztec and Maya Papermakers, New York, 1944.

СРЕДНИЕ ВЕКА, ВОЗРОЖДЕНИЕ

- Barret, Pierre, et Gurgand, Jean-Noël*, Le Roi des derniers jours, Bruxelles, 1985.

- Brisac, Catherine*, «Les grandes bibles romanes dans la France du sud», *Les Dossiers de l'archéologie* n° 14, *Dijon*, 1976.
- Chartier, L'Ordre des livres: lecteurs, auteurs, bibliothèques en Europe entre XIVe et XVIIIe siècle*, *Aix-en-Provence*, 1992.
- Cohn, Norman*, *Les Fanatiques de l'apocalypse*, *Paris*, 1983.
- Csapodi, Csaba*, *Bibliotheca corviniana*, *Budapest*, 1967. (Trad. française, *Budapest*, 1982.)
- Edwards, Edward*, *Libraries and Founders of Libraries*, *Amsterdam*, 1968.
- Franklin, Alfred*, *Les Anciennes Bibliothèques de Paris*, *Paris*, 1873.
- Gillett, Charles Ripley*, *Burned Books. Neglected Chapters in British History and Literature*, *New York*, 1932.
- Johnson, Elmer D., et Harris, Michael H.*, *History of Libraries in the Western World*, *Metuchen*, 1976.
- Merryweather, F. Somner*, *Bibliomania in the Middle Ages*, *Londres*, 1849.
- Pellegrin, Élisabeth*, *Bibliothèques retrouvées: manuscrits, bibliothèques et bibliophiles du Moyen Âge et de la Renaissance*, *Paris*, IRHS, 1988.
- Perrens, François-Tommy*, *Jérôme Savonarole, sa vie, ses prédications, ses écrits...*, *Paris*, 1853.
- Réau, Louis*, *Histoire du vandalisme*, *Paris*, 1994.
- Reynolds, Leighton D., et Wilson, Nigel G.*, *D'Homère à Érasme: la transmission des classiques grecs et latins*, *Paris*, 1991. (Traduction par C. Bertrand de *Scribes and Scholars, a Guide to the Transmission of Greek and Latin Literature*, *Oxford*, 1968, et *New York*, 1991.)
- Rodocanachi, Emmanuel-Pierre*, *Histoire de Rome, le pontificat de Léon X*, *Paris*, 1931.
- Scaife, Walter Bell*, *Florentine Life During the Renaissance*, *Baltimore*, 1893.
- Schertlin, Sebastian*, *Leben und Thaten des... Herm Sebastian Schertlin von Burtenbach, durch ihn selbst deutsch beschrieben,... herausgegeben von Ottmar F. H. Schönhuth,..* *Munster*, 1858.
- Thompson, James W.*, *The Medieval Library*, *New York*, 1957.
- Wilson, Richard Middlewood*, *The Lost Literature of Medieval England*, *Londres*, 1952.
- Young, George F.*, *Les Médicis*, *Paris*, 1969.
- Zeller, Jules-Sylvain*, *Italie et Renaissance*, *Paris*, 1883.
- Zorzi, Marino*, «*Le Biblioteche a Venezia nell'età di Galileo*», *Galileo Galilei e la cultura veneziana*, *Venise*, 1995.

- Bacha, Myriam, et Hottin, Christian (éd.)*, Les Bibliothèques parisiennes. Architecture et décor, *Paris*, 2002.
- Baudrillart, Henri*, Rapport sur les pertes éprouvées par les bibliothèques publiques de Paris en 1870—1871, adressé à M. le ministre de l'Instruction publique, *Paris*, 1871.
- Bell, Georges*, Paris incendié. Histoire de la Commune de 1871, *Paris*, 1872.
- Constitution d'un patrimoine parisien: la Bibliothèque historique depuis l'incendie de 1871, *catalogue de l'exposition, hôtel de Lamoignon, Paris, 12 juin—31 juillet 1980*.
- Deloche, Bernard, et Leniaud, Jean-Michel*, La Culture des sans-culottes, *Paris, Montpellier*, 1989.
- Dummer, E[dwin] Heyse*, «*Johann Christoph von Aretin: A Reevaluation*», *Library Quarterly*, vol. 16, n° 2, p. 108—121, *Chicago*, avril 1946.
- Fejtö, François*, *Joseph II, Paris*, 1953.
- Garrett, Jeffrey (Northwestern University)*, The Fate of Monastic Libraries in Central Europe, 1780—1810, *Presentation at a conference in Hungary, 3 octobre 1997*, <http://www.library.northwestern.edu/collections/garrett/kloster/>
- Heine, Heinrich*, Lutèce: lettres sur la vie politique, artistique et sociale de la France, *Paris*, 1855, *Genève*, 1979.
- Hugo, Victor*, «*À qui la faute?*», *L'Année terrible, Paris*, 1872.
- Labiche, Jean-Baptiste*, Notice sur les dépôts littéraires et la révolution bibliographique de la fin du siècle dernier, *Paris*, 1880.
- Lacroix, Abbé E.*, La Semaine sanglante, *Abbeville, s.d.*
- Lebendiges Büchererbe. Sakularisation, Mediatisierung und die Bayerische Staatsbibliothek, *Munich*, 2003.
- Le Roy Ladurie, Emmanuel (préf.)*, 7789 Le Patrimoine libéré (*catalogue*), *Paris*, 1989.
- Lidsky, Paul*, Les Écrivains contre la Commune, *Pans*, 1999.
- Lissagaray, Prosper-Olivier*, Histoire de la Commune de 1871, *Paris*, 1896.
- Mech, Paul*, «*Les bibliothèques jésuites*», Histoire des bibliothèques françaises. Les bibliothèques sous l'Ancien Régime: 1530—1789, *sous la dir. de Claude Jolly, Paris*, 1988.
- Mercier, Louis Sébastien*, Tableau de Paris, *Hambourg*, 1781.
- Paris, Louis*, Les Manuscrits de la bibliothèque du Louvre brûlés dans la nuit du 23 au 24 mai 1871, *Paris*, 1872.
- Polastron, Lucien X.*, Le Papier, 2000 ans d'histoire et de savoir-faire, *Paris*, 1999.
- Réau, Louis*, Histoire du vandalisme, *Paris*, 1994.

- Reclus, Élie*, La Commune de Paris au jour le jour, 19 mars — 28 mai 1871, Paris, 2000.
- Riberette, Pierre*, Les Bibliothèques françaises pendant la Révolution (1789—1795), recherches sur un essai de catalogue collectif, Paris, 1970.
- Rocquain, Félix*, L'Esprit révolutionnaire avant la Révolution, 1715—1789, Paris, 1878, Genève, 1971.
- Sade, Donatien A.F. de*, «Français, encore un effort si vous voulez être républicains», La Philosophie dans le boudoir, Londres, 1795.
- Salin, Patrice*, Un coin du tableau, mai 1871. Catalogue raisonné d'une collection d'ouvrages rares et curieux, anciens et modernes, détruite au palais du Conseil d'État du 23 au 24 mai 1871, Paris, 1872.
- Varry, Dominique*, «Le livre, otage de la révolution: conséquences bibliographiques des saisies politiques», Le Livre voyageur. Actes du colloque international organisé par l'ENSSIB et le CERL les 23—24 mai 1997, Paris, 2000.

МИРОВЫЕ ВОЙНЫ

- Bibliothèque de l'Université catholique de Louvain*, Les Crimes de guerre commis lors de l'invasion du territoire national, mai 1940: la destruction de la bibliothèque de l'université de Louvain, Liège, 1946.
- Fischbach, Gustave*, Guerre de 1870. Le siège et le bombardement de Strasbourg, Strasbourg, 1871.
- Guibal, Georges*, Le Siège et le bombardement de Strasbourg, conférence faite à Castres et à Montauban, le 15 et le 22 octobre 1870, Toulouse, 1870.
- Jünger, Ernst*, Jardins et routes, *Journal I*, 1939—1940, Paris, 1979.
- Jünger, Ernst*, Second journal parisien, *Journal III*, 1943—1945, Paris, 1980.
- Lamy, Étienne*. La Bibliothèque de Louvain, séance commémorative du 4e anniversaire de l'incendie, Paris, 1919.
- Mehring, Walter*, Die verlorene Bibliothek: Autobiographie einer Kultur, Hambourg, 1952. (La Bibliothèque perdue, Paris, 1958.)
- Sebald, Winfried Georg*, Luftkrieg und Literatur: mit einem Essay zu Alfred Andersch, München, 1999. (Traduction: On the Natural History of Destruction: with Essays on Alfred Andersch, Jean Améry, and Peter Weiss, New York, 2003.)
- Simon, Claude*, La Route des Flandres, Paris, 1960.
- Stubbings, Hilda Urén*, Blitzkrieg and Books. British and European Libraries as Casualties of World War II, Bloomington, 1993.

Ungerer, Tomi, *À la guerre comme à la guerre; dessins et souvenirs d'enfance, Paris, 2002.*

Welch, Theodore F., *Libraries and Librarianship in Japon, Westport, 1997.*

НАЦИЗМ, ХОЛОКОСТ

Badia, Gilbert et al., *Les Bannis de Hitler: accueil et lutte des exilés allemands en France, 1933—1939, Paris, 1984.*

Benjamin, Walter, *Je déballe ma bibliothèque, Paris, 2000.*

Bienkowska, Barbara, *Books in Poland: Past and Present, Wiesbaden, 1990.*

Bienkowska, Barbara, «*Report on the losses of Polish libraries in the Second World War*», *Polish Libraries Today*, 3, p. 25—33, Varsovie, 1995.

Borin, Jacqueline, «*Embers of the soul: the destruction of Jewish books and libraries in Poland during World War II*», *Libraries and Culture*, vol. 28, n° 4, Austin, automne 1993.

Cassou, Jean (éd.), *Le Pillage par les Allemands des œuvres d'art et des bibliothèques appartenant à des Juifs en France, Paris, 1947.*

Chevreuse, Irène, «*Quels furent les livres brûlés à Berlin?*», *L'Illustration*, 1er juillet 1933, n° 4713, p. 344.

Collins, Donald E., et Rothfeder, Herbert P., «*The Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg and the looting of Jewish and Masonic libraries during World War II*», *The Journal of Library History*, vol. 18, n° 1, p. 21, Austin, hiver 1983.

Corti, José, *Souvenirs désordonnés, Paris, 1983.*

Debenedetti, Giacomo, 16 octobre 1943, *Paris, 2001.*

Feliciano, Hector, *Le Musée disparu. Enquête sur le pillage des œuvres d'art en France par les nazis, Paris, 1995.*

Friedmann, Philip, «*The fate of the Jewish book during the Nazi era*», *Jewish Book Annual*, vol. 15, 1957—1958, New York, 1957.

Grimsted, Patricia Kennedy, «*The odyssey of the Petliura library and the records of the Ukrainian National Republic during World War II*», *Harvard Ukrainian Studies*, 22 (1999).

Grimsted, Patricia Kennedy, *Trophies of War and Empire: The Archival Heritage of Ukraine, World War II, and the International Politics of Restitution, Cambridge, 2001.*

Grimsted, Patricia Kennedy, «*Twice plundered, but still not home from the war: the fate of three Slavic libraries confiscated by the nazis from Paris*», *Solanus*, n° 16, Londres, 2002.

Hacken, Richard, *The Jewish Community Library in Vienna: From Dispersion and Destruction to Partial Restoration*, <http://www.lib.virginia.edu/wess/LBI47—10-Hacken.pdf>

- Jacob-Delmas, Jacqueline, et Steinberg, Lucien, «Austerlitz-Lévitan-Bassano. Trois camps annexes de Drancy. Trois camps oubliés», Le Monde juif, n° 146, p. 34, Paris, 1er mars 1993.*
- Krockow, Christian, Graf von, Scheiterhaufen: Grösse und Elend des deutschen Geistes, Reinbek bei Hamburg, 1993.*
- L'Illustration, n° 4707 du 20 mai 1933, p. 83.*
- «Library pillaging by nazis surveyed», The New York Times, 4 avril 1945, p. 12, col. 1.*
- Reymes, Nicolas, «Les livres dans la tourmente. Le pillage des bibliothèques appartenant à des juifs pendant l'Occupation», Revue d'histoire de la Shoah-Le Monde juif, n° 168, p. 31, Paris, janvier—avril 2000.*
- Richard, Lionel, Le Nazisme et la culture, Bruxelles, 1988.*
- Rose, Jonathan (éd.), The Holocaust and the Book, Amherst, 2001.*
- Roth, Joseph, «L'Auto-da-fé de l'Esprit», L'Apport des Juifs d'Allemagne à la civilisation allemande, tome II, Cahiers juifs, Paris, Alexandrie, 1933.*
- Ryback, Timothy W., «Hitler's forgotten library», The Atlantic Monthly, Boston, 2003. En ligne: <http://www.theatlantic.com/issues/2003/05/ryback.htm>*
- Sebald, Winfried Georg, Austerlitz, Arles, 2002.*
- Stieg, Margaret F., Public Libraries in Nazi Germany, Tuscaloosa, 1992.*
- «Tentative list of Jewish cultural treasures in Axis-occupied countries», Jewish Social Studies, vol. VIII, n° S 1, New York, 1946.*
- Tribunal militaire international, Procès des grands criminels de guerre devant le tribunal militaire international, tome VIII, Nuremberg, 1947—1949.*
- Waite, Robert G., «Returning Jewish cultural property: the handling of books looted by the Nazis in the American zone of occupation, 1945 to 1952», Libraries and Culture, vol. 37, n° 3, Austin, été 2002.*

KOHEIĬ BEKA

- Ba Jin (Pa Kin), Pour un musée de la Révolution culturelle (sélection de chroniques publiées sous le titre sui xiang lu, «Au fil de la plume»), Paris, 1996.*
- Bahrani, Zainab, «Conjuring Mesopotamia: imaginative geography and a world past», Archeology Under Fire, Lynn Meskell, éd., Londres, 1998.*
- Bakarsic, Kemal, The Libraries of Sarajevo and the Book that Saved our Lives. <http://www.540.com/bosnia/briefings/article.html>*

- Barclay, John*, The Seventy-year Ebb and Flow of Chinese Library and Information Services. May 4, 1919 to the Late 1980s, *Netuchen*, 1995.
- Barnouin, Barbara, et Yu Changgen*, Ten Years of Turbulence: the Chinese Cultural Revolution, *Londres*, 1993.
- Barry, Ellen*, How the Vijecnica Was Lost, <http://www.metropolis-mag.com/html/content5F0699/ju99/howt.htm>
- Blazina, Vesna*, «Mémoricide ou la purification culturelle: la guerre contre les bibliothèques de Croatie et de Bosnie-Herzégovine», <http://www.kakarigi.net/manu/blazina.htm>
- Blium, Arien Viktorovich*, «“The Jewish question” and censorship in the USSR», *The Holocaust and the Book*, *Amherst*, 2001.
- Canazzi, Catherine*, «Orange, la bibliothèque pervertie», <http://www.enssib.fr/bbf/bbf-97-4/04-canazzi.pdf>
- Ding Lixia Xu (Lee-hsia Hsu Ting)*, «Libraries services in the people's Republic of China: a historical overview», *Library Quarterly*, vol. 53, n° 2, 1983.
- Flandrin, Philippe*, Le Trésor perdu des rois d'Afghanistan, *Paris*, 2001.
- Gautier, François*, Un autre regard sur l'Inde, *Genève*, 1999.
- Hamel, Bernard*, De sang et de larmes. La grande déportation du Cambodge, *Paris*, 1977.
- Hu Daojing*, Shanghai tushuguan shi (*Histoire de la bibliothèque de Shanghai*), *Shanghai*, 1935.
- Issak, Assia*, «Public libraries in Africa: a report and annotated bibliography», *Oxford*, 2000. Disponible sur <http://www.inasp.org.uk/lsp/libraries/PublicLibrariesInAfrica.pdf>
- Jiang Fucong (Chiang Fu-Ts'ung)*, «Habent sua fata libelli», *Philobiblon*, vol. I, n° 2, *Shanghai*, septembre 1946.
- Ken Ling*, La Vengeance du ciel: un jeune Chinois dans la Révolution culturelle, *Paris*, 1981.
- King, Gail*, The Xujiahui (Zikawei) Library of Shanghai, <http://www.gslis.utexas.edu/landc/fulltext/LandC-32-4-FKing.pdf>
- Koul, Mohan Lal*, Kashmir, Wail of a Valley, *Delhi*, 1999.
- Lacroix, Gilles*, «Censure et bibliothèques», Fatwa pour Schéhérazade et autres récits de la censure ordinaire, *Saint-Julien-Molin-Molette*, 1997.
- Li Zhensheng*, Le Petit Livre rouge d'un photographe chinois, *Paris*, 2003.
- Liechtenhan, Francine-Dominique*, Le Grand Pillage: du butin des nazis aux trophées des Soviétiques, *Rennes*, 1998
- Pedram, Latif*, Afghanistan. La Mémoire assassinée, *Paris*. 2001.
- Pedram, Latif*, «Afghanistan: la bibliothèque est en feu», *Autodafé*, n° 1, *Paris*, 2001.

- Pélissier, Roger*, *Les Bibliothèques en Chine pendant la première moitié du XXe siècle*, Paris, 1971.
- Riedlmayer, Andras*, *Libraries and Archives in Kosovo: a Postwar Report*, <http://www.bosnia.org.uk/bosrep/decfeb00/libraries.htm>
- Santantonios, Laurence*, «*Bibliothèques: 7 ans avec l'extrême droite*», *Livres Hebdo*, n° 483, 27 septembre 2002.
- Stipcevic, Aleksandar*, «*The Oriental books and libraries in Bosnia during the war, 1992—1994*», *Libraries and Culture*, vol. 33, n° 3, Austin, été 1998.
- The New York Times, 24 août 1950: «*Chinese communist leader burns the books*», *Library Journal*, 75: 1609 (octobre 1950).
- Thurston, Anne F.*, *Enemies of the People: The Ordeal of the Intellectuals in China*, Cambridge, 1988.
- Wang Youmei, et Rogers, A.R.*, «*Thirty years of library development in the People's Republic of China*», *International Library Review*, vol. 14, n° 4, Londres, octobre 1982.
- Weber, Olivier*, *Le Faucon afghan, un voyage au pays des taliban*, Paris, 2001.
- Yan Jiaqi, Gao Gao*, *Turbulent decade: a history of the Cultural Revolution*, Hawaii, 1996.
- Zhongguo tushuguan shiye jishi (Chronologie des bibliothèques de Chine, p. 103)*, Pékin, s.d.
- Zhou Yuan et Elliker, Calvin*, «*From the people of the United States of America: the books for China programs during World War II*», *Libraries and Culture*, vol. 32, n° 2, Austin, printemps 1997.

ПОТЕРИ В МИРНОЕ ВРЕМЯ

- Basbanes, Nicholas A.*, *A Gentle Madness*, New York, 1995.
- Bekker-Nielsen, Hans, et Widding, Ole, Ame Magnusson*, the Manuscripts Collector, Odense, 1972.
- Benjamin, Walter*, *Je déballe ma bibliothèque*, Paris, 2000.
- Bergé, Marc*, *Pour un humanisme vécu. Abu Hayyan al-Tawhidi*, Damas, 1979.
- Bourgin, Georges*, «*L'incendie de la Bibliothèque nationale et universitaire de Turin*», *Bibliothèque de l'École des chartes*, année 1904, Nogent-le-Rotrou, 1904.
- Burgess, Dean*, «*The library has blown up!*», *Library Journal* (1er octobre 1989), 59—61.
- Burrows, John, et Cooper, Diane*, *Theft and Loss from UK Libraries: A National Survey*, *Police Research Group, Crime Prevention Unit Series: Paper n° 37*, Londres, 1992.

- Butler, Randall, «*The Los Angeles central library fire*», Conservation Administration News (1986), 1—2, 23, 27.
- Dorez, Léon, L'Incendie de la Bibliothèque nationale de Turin, Paris, 1904.
- Goetz, Arthur H., «*A history of horrid catastrophes*», Wilson Library Bulletin, janvier 1973.
- Gorrini, Giovanni, L'Incendie de la Bibliothèque nationale de Turin, édition bilingue avec photos, Turin-Gênes, 1904.
- Gracq, Julien, Liberté grande, Paris, 1946.
- Hamlin, Arthur T., «*Libraries in Florence*», Encyclopedia of Library and Information Science, vol. 8, New York, 1968.
- Harvey, Miles, The Island of Lost Maps: A True Story of Cartographic Crime, New York, 2000.
- «*Leningrad library fire*», Abbey Newsletter, vol. 12, n° 4, juin 1988.
- Morrow, Lance, «*A holocaust of words*», Time Magazine, mai 2002, 1988.
- Munn, Ralph, «*The problems of theft and mutilation*», Library Journal, 60, août 1935.
- Otness, Harold M., «*Passenger ship libraries*», The Journal of Library History, vol. 14, n° 4, automne 1979.
- Settis, Salvatore. «*Warburg continuatus. Description d'une bibliothèque*», Le Pouvoir des bibliothèques, Paris, 1996.
- Shehu, Bashkim, «*La bibliothèque du dictateur*», Autodafé, n° 2, Paris, automne 2001.
- Skallerup, Harry R., Books Afloat and Ashore, Hamden, 1974.
- «*Special report: fire at the USSR Academy of sciences library*», Library Journal (15 juin 1988).
- Walford, Cornelius, «*The destruction of libraries by fire considered practically and historically*», Transactions and Proceedings of the Second Annual Meeting of the Library Association of the United Kingdom Held at Manchester, september 23, 24 and 25, 1879, Londres, 1880.
- Warburg, Aby, Le Rituel du serpent. Art et anthropologie, Paris, 2003.
- Watson, Tom, «*Out of the ashes: the Los Angeles public library*», Wilson Library Bulletin (décembre 1989).
- Welch, Theodore F., Libraries and Librarianship in Japon, Westport, 1997.
- Winter, Calvin, «*The libraries on the Trans-Atlantic Liners*», The Bookman, n° 33, juin 1911.

СОВРЕМЕННЫЕ ТРУДНОСТИ

- Burton, Margaret, Famous Libraries of the World, Londres, 1937.
- Chandler, George, Libraries in the East, an International and Comparative Study, Londres, 1971.

- Coser, Lewis A., Kadushin, C., Powell, W.W.*, Books: The Culture and Commerce of Publishing, *New York, 1982.*
- Eco, Umberto*, De bibliotheca. *Conférence prononcée le 10 mars 1981 pour célébrer le 25e anniversaire de l'installation de la bibliothèque communale de Milan dans le palais Sormani, Caen, 1986.*
- Esdaile, Arundell*, National Libraries of the World, their History, Administration and Public Services, *Londres, 1957.*
- Kühlmann, Marie*, Censure et bibliothèques au XXe siècle, *Paris, 1989.*
- Mandosio, Jean-Marc*, L'Effondrement de la très grande bibliothèque nationale de France. Ses causes, ses conséquences, *Paris, 1999.*
- Mercier, Louis Sébastien*, Tableau de Paris, *tome 1, Hambourg, 1781, Genève, 1979.*
- Stasse, François*, La Véritable Histoire de la grande bibliothèque, *Paris, 2002.*

ОГНЕСТОЙКОЕ ЗНАНИЕ

- Baker, Nicholson*, Double Fold: Libraries and the Assault on Paper, *New York, 2001.*
- Basbanes, Nicholas A.*, Patience and Fortitude, *New York, 2001.*
- Gaspardone, Émile*, «Bibliographie annamite», Bulletin de l'EFEO, n° 34, 1934, *Hanoi, 1935.*
- Pächt, Otto*, L'Enluminure médiévale, *Paris, 1997.*
- Renoult, Daniel*, «Les bibliothèques numériques», Des Alexandries 1. Du livre au texte, *Paris, 2001.*
- Text-e: le texte à l'heure de l'Internet, *sous la dir. de Gloria Origgi et Noga Arikha, Paris, 2003.*

ВОЗВРАЩЕНИЕ В АЛЕКСАНДРИЮ

- Al-Ahnaf, Mustapha (éd.)*, *Cedej Égypte/Monde arabe*, La Censure ou comment la contourner, *Bruxelles, 2001.*
- Pataut, Fabrice (éd.)*, La Nouvelle Bibliothèque d'Alexandrie, *Paris, 2003.*

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

- Auster, Paul*, Le Voyage d'Anna Blume, *Arles, 1989.*
- Bachelard, Gaston*, *Lautréamont, Paris, 1939.*
- Biraben, Jean-Claude*, Le Pique-feu, n° 8, juillet 2003, *Toulouse.*
- Borges, Jorge Luis*, «Le congrès», in *Le Livre de sable, Paris, 1978.*
- Bradbury, Ray*, Fahrenheit 451, *Paris, 1995.*
- Canetti, Elias*, Auto-da-fé, *Paris, 1968.*
- Cervantès, Miguel de*, L'Ingénieux Hidalgo Don Qhichotte de la Manche, *Paris, 1988.*

- Chaintreau, Anne-Marie, et Lemaître, Renée*, Drôles de bibliothèques: le thème de la bibliothèque dans la littérature et le cinéma, *Paris*, 1993.
- Cortázar, Julio*, Fantômas contre les vampires des multinationales, *Paris*, 1991.
- Daeninckx, Didier*, Éthique en toc, *Paris*, 2000.
- Eco, Umberto*, Le Nom de la rose, *Paris*, 1982.
- Hrabal, Bohumil*, Une trop bruyante solitude, *Paris*, 1983.
- Hugo, Victor*, Quatrevingt-Treize, *Paris*, 2001.
- Huxley, Aldous*, Le Meilleur des mondes, *Paris*, 1977.
- Mercier, Louis Sébastien*, L'An 2440, rêve s'il en fut jamais, *Paris*, 1999.
- Mirbeau, Octave*, L'Abbé Jules, *Paris*, 1949.
- Orwell, George*, 1984, *Paris*, 1950.
- Roudaut, Jean*, Les Dents de Bérénice: essai sur la représentation et l'évocation de la bibliothèque, *Cahors*, 1996.
- Rousseau, Jean-Jacques*, Discours sur les sciences et les arts, *Paris*, 1996.
- Shaw, Bernard*, Caesar and Cleopatra, a History, *Londres*, 1906. César et Cléopâtre, histoire (traduction A. et H. Hamon, *Paris*, 1949).
- Shehu, Bashkim*, «La bibliothèque du dictateur», *Autodafé* n° 2, automne 2001. www.autodafe.org
- Thiem, Jon*, «Myths of the universal library: from Alexandria to the Postmodern Age», *The Sériais Librarian*, vol. 26, n° 1, p. 63—75, *New York*, 1995.
- Ward, J.O.*, «Alexandria and its medieval legacy: the book, the monk and the rose», *The Library of Alexandria*, *Londres*, 2000.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

- Arans, David*, «A note on the lost library of the Moscow tsars», *The Journal of Library History*, vol. 18, n° 3, p. 304, *Austin*, été 1983.
- Blades, William*, The Enemies of Books, *Londres*, 1880, 2e éd.
- Brunet, Pierre-Gustave*, Livres perdus. Essai bibliographique sur les livres devenus introuvables, par Philomneste junior, *Bruxelles*, 1882.
- Drujon, Fernand*, Essai bibliographique sur la destruction volontaire des livres ou bibliolytie, *Paris*, 1889.
- Lacroix, Paul (le bibliophile Jacob)*, Recherches bibliographiques sur des livres rares et curieux, *Paris*, 1880.
- Queneau, Raymond*, Aux confins des ténèbres. Les fous littéraires français du XIXe siècle, *Paris*, 2002.

СОДЕРЖАНИЕ

1. ПРЕДИСЛОВИЕ	9
2. У КОЛЫБЕЛИ БИБЛИОТЕК	14
КОГДА ГЛИНА МОГЛА ГОВОРИТЬ	14
3. ЭРА ПАПИРУСА	20
ЕГИПЕТ	20
Постройки Александрии	24
Разрушения Александрии	31
АФИНЫ	38
РИМ	42
КОНСТАНТИНОПОЛЬ	55
4. У ИСТОКОВ ИСЛАМА	60
АНДАЛУСИЯ	67
СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ИСЛАМСКИЙ ВОСТОК	74
5. НАРОД КНИГИ	94
6. АЗИЯ ДО XX В.	102
БУМАГА ГОРИТ ЛУЧШЕ, ЧЕМ БАМБУК	102
ИНДИЯ У ИСТОКОВ ЗНАНИЯ	129
МЕЧ И КИСТЬ	134
7. ХРИСТИАНСКИЙ ЗАПАД	137
ИНКВИЗИЦИЯ	137
КАТОЛИЧЕСКАЯ ИСПАНИЯ	138
НОВЫЙ СВЕТ	148
ОТ СРЕДНИХ ВЕКОВ ДО РЕВОЛЮЦИЙ	156
Средние века и как из них выйти	156
Пляски смерти в эпоху Возрождения	162
Революции и эволюции	175

8. НОВЫЕ БИБЛИОКЛАСТЫ	199
КНИГИ В ВОЙНАХ	200
НАЦИЗМ, ХОЛОКОСТ	209
ВОКРУГ СВЕТА В КОНЦЕ ВЕКА	234
СССР	234
Китай	240
Камбоджа	249
Шри-Ланка	251
Кашмир	251
Куба	253
Франция	254
Африка	256
Босния, Балканы	258
Афганистан	262
Ирак	265
9. ПОТЕРИ В МИРНОЕ ВРЕМЯ	273
СТИХИИ	276
БИБЛИОТЕКА В МОРЕ	290
ВОРОВСТВО	294
СМЕРТЬ	302
10. СОВРЕМЕННЫЕ ТРУДНОСТИ	310
11. ОГНЕСТОЙКОЕ ЗНАНИЕ	329
12. ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ:	
ВОЗВРАЩЕНИЕ В АЛЕКСАНДРИЮ	338
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Великие писатели единокорны:	
<i>delenda est bibliotheca!</i>	346
Поджигатели	346
Иерофанты	349
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Краткая история	
описи утраченных книг с легендой напоследок	362
СПРЯТАННАЯ БИБЛИОТЕКА	366
ВЫБОРОЧНАЯ ХРОНОЛОГИЯ	369
БИБЛИОГРАФИЯ	374

Поластрон Л.

П49 Книги в огне / Люсьен Поластрон; Пер. с фр. — М.: Текст, 2007. — 397,[3] с.

ISBN 978-5-7516-0653-1

Книга французского историка Люсьена Поластро́на посвящена уничтожению книг и библиотек на протяжении мировой истории от Античности до наших дней. Основываясь на обширном материале, выстроенном в хронологическом порядке, автор рассматривает это явление с исторической, философской, религиозной, психологической, общественно-политической и других точек зрения. Книга представляет большой интерес как для специалистов, так и для широкого читателя.

УДК 02(091)

ББК 78.33

Люсьен Поластрон
КНИГИ В ОГНЕ
История
бесконечного уничтожения
библиотек

Редактор *Н. О. Хотинская*

Художник *А. В. Хохлова*

Подписано в печать 14.09.07. Формат 84 x 108/32.
Усл. печ. л. 21,0. Уч.-изд. л. 22,0.
Тираж 2000 экз. Изд. № 754.
Заказ № 1724.

Издательство «Текст»
127299 Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 7/1
Тел./факс: (495) 150-04-82
E-mail: textpubl@yandex.ru
<http://www.textpubl.ru>

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200 г. Можайск, ул. Мира, 93

Гибель библиотек — примета смут
и общественных потрясений, дожившая
до наших дней. Тираны уничтожали книги,
видя в них угрозу своей власти. Победившие
революции сжигали печатные свидетельства
ненавистного прошлого. Одна из первых
в истории библиотек, Александрийская, была
сожжена в пламени войны. Совсем недавно
бомбардировки превратили в руины
богатейшую библиотеку в Сараеве.
Во все века книги были в центре конфликтов.
А в наши дни им грозит новая, не менее серьезная
опасность: попытка оцифровать сокровища
человеческого разума, чтобы уберечь их
от небытия, может обернуться кошмаром
в духе Олдоса Хаксли и Рея Брэдбери.
Можно ли противостоять бесконечному
уничтожению культуры? Экскурс в историю,
предпринятый французским исследователем
Люсьеном Поластроном, оставляет нам надежду.

